

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2019 Том 19 № 3

В номере: Международное энергетическое сотрудничество

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

А.В. Шабазга,

доктор философских наук,
профессор, РУДН, Россия
ir@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Д.А. Дегтерев,

кандидат экономических наук,
доцент, РУДН, Россия
degterevev-da@rudn.ru

Заместитель главного редактора

К.П. Курьлев,

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Россия
kurylev-kp@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.С. Чикризова,

кандидат исторических наук
старший преподаватель,
РУДН, Россия
chikrizova-os@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор Департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока», г. Москва, Российская Федерация

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, г. Москва, Российская Федерация

Адилханулы Нурлан Адилханович, кандидат политических наук, проректор Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, г. Алматы, Республика Казахстан

Агрян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой факультета международных отношений Ереванского государственного университета, г. Ереван, Армения

Ван Гуанчжэнь, доктор исторических наук, профессор Школы истории и культуры Шаньдунского университета, г. Цзинань, Китайская Народная Республика

Гутьеррес Дель Сид Ана Тереза, профессор международных отношений Столичного автономного университета, г. Мехико, Мексика

Кёхлер Ханс, профессор философии Университета Инсбрука, г. Инсбрук, Австрия

Моргунова Оксана, доктор философии, Центр по изучению России, Центральной и Восточной Европы Университета Глазго, г. Глазго, Великобритания

Такахаси Мотоки, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, г. Кобе, Япония

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 07.00.15 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 08.00.14 — Мировая экономика (экономические науки), 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами «Глобального Юга» (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «История международных отношений», «Прикладной анализ», «Политический портрет», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2020 гг. следующий:

№ 1 2020	Деколонизация, неокOLONиализм и реколонизация: к 60-летию «Года Африки»	До 15 января 2020 г.
№ 2 2020	Региональное измерение в международных отношениях	До 1 марта 2020 г.
№ 3 2020	Внешняя политика России в XXI веке: итоги двадцатилетия	До 15 мая 2020 г.
№ 4 2020	Международное миротворчество в XXI веке: новые вызовы, новые акторы, новые форматы	До 15 августа 2020 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

**Редактор И.Л. Панкратова
Компьютерная верстка Е.П. Довголевская**

Адрес редакции

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 25.09.2019. Выход в свет 30.09.2019.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 1096. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2019

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2019 VOLUME 19 No. 3

In this issue: International Energy Cooperation

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Andrey Shabaga
RUDN University, Russia
ir@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

PhD Denis Degterev
RUDN University, Russia
degterev-da@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Doctor Konstantin Kurylev
RUDN University, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Chikrizova
RUDN University, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Bazhanov Eugene Petrovich, Doctor, Director of Institute of Contemporary International Studies, Diplomatic Academy, MFA of Russia, Moscow, Russian Federation

Larionova Marina Vladimirovna, Doctor, Head of the Center for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor of the Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics of the HSE, Moscow, Russian Federation

Mosyakov Dmitry Valentinovich, Doctor, Head of Department of Southeast Asia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Portyakov Vladimir Yakovlevich, Doctor, Editor-in-chief of Far Eastern Affairs Journal (Russia), Moscow, Russian Federation

Sapronova Marina Anatolievna, Doctor, Professor of the Department of Oriental Studies of MGIMO University, MFA of Russia, Moscow, Russian Federation

Heifetz Victor Lazarevich, Doctor, Professor of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Fituni Leonid Leonidovich, Doctor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Global and International Studies, Moscow, Russian Federation

Adilhanuly Nurlan Adilkanovich, PhD, Prorector of the Kazakh University of International Relations and World Languages named Abylaikhan, Almaty, Republic of Kazakhstan

Aglyan Vahagn Robertovich, PhD, Head of the Department of International Relations of Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Wang Guangzhen, Doctor, Professor of the School of History and Culture in Shandong University, Jinan, China

Gutierrez Del Cid Ana Teresa, Professor of International Relations at Metropolitan Autonomous University, Mexico, Mexico

Kochler Hans, Professor of Philosophy at the University of Innsbruck, Innsbruck, Austria

Morgunova Oksana, PhD, Centre for Russian, Central and East European Studies, University of Glasgow, Glasgow, UK

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Accessible at Academia.Edu and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow to elaborate a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "History of International Relations", "Applied Analysis", "Political Portrait", "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Research Schools".

Upcoming issues of the Vestnik RUDN for 2020 will deal with the following issues:

# 1 2020	Decolonization, Neocolonialism and Recolonization: 60th Anniversary of the Year of Africa	By January 15, 2020
# 2 2020	Regional Dimension in International Relations	By March 1, 2020
# 3 2020	Russian Foreign Policy in the 21st Century: Results of the Last 20 Years	By May 15, 2020
# 4 2020	International Peace-Keeping in the 21st Century: New Challenges, New Actors, New Formats	By August 15, 2020

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Bulletin and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Editor I.L. Pankratova

Computer design E.P. Dovgolevskaya

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

Международное энергетическое сотрудничество

- Боровский Ю.В.** Международное измерение современной энергетической политики США: вызовы России и миру 341
- Хейфец В.Л., Правдюк Д.А.** Влияние энергетического фактора на систему международных отношений в Латинской Америке в XXI веке 354
- Аникеев В.В., Базавлук С.В.** Строительство АЭС в странах Ближнего Востока при участии российских компаний в контексте повышения энергобезопасности региона 368
- Любарская М.А., Меркушева В.С., Зиновьева О.С.** Участие России в международном сотрудничестве в сфере сокращения выбросов парниковых газов энергетическими компаниями 377
- Никулин М.А.** Великодержавная конкуренция в Арктике: геополитическое соперничество в новом политическом пространстве 392

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

- Degterev D.A.** Multipolar World Order: Old Myths and New Realities (**Дегтерев Д.А.** Многополярный миропорядок: старые мифы и новые реалии) 404
- Khudaykulova A.V.** China as an Emerging Actor in Conflict Management: from Non-Interference in Internal Affairs to “Constructive” Engagement (**Худайкулова А.В.** Китай в урегулировании конфликтов: от невмешательства во внутренние дела к «конструктивному» вовлечению) 420

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Gardachew B.D., Kefale G.M., Antigegn G.K.** Assessing the Obstacles of Regional Integration in the Horn of Africa: the Case of IGAD (**Гардачев Б.Д., Кефале Г.М., Антигегн Г.К.** Оценка препятствий региональной интеграции на Африканском Роге: пример ИГАД) 432

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Гронский А.Д.** Отношения Белоруссии с Азербайджаном (2005—2018 гг.): между экономикой и поиском политической опоры 439
- Сибарани Д.М.Н.** Экономическая политика Индонезии и перспективы российско-индонезийского торгово-экономического сотрудничества 450

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

- Айбазова М.М.** Политико-психологический профиль Дональда Трампа 463

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

- Энергетическая дипломатия в современном мире: меньше экономики, больше геополитики. Интервью со **СТАНИСЛАВОМ ЗАХАРОВИЧЕМ ЖИЗНИНЫМ**, российским дипломатом, доктором экономических наук, профессором МГИМО, президентом Центра энергетической дипломатии и геополитики 472

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- Дегтерев А.Х.** Создание экспериментального термоядерного реактора ИТЭР как пример международного научно-технического сотрудничества в сфере энергетики 480
- Апанович М.Ю.** Оценка привлекательности американского рынка труда для высококвалифицированных специалистов в области медицины 490
- Иманкулова Н.Б., Мошляк Г.А.** Международная академическая мобильность студентов в контексте интернационализации высшего образования (опыт РУДН) 499

РЕЦЕНЗИИ

- Ильичева Ю.А.** Жизнин С.З., Дакалов М.В. Возобновляемые источники энергии в мире и в России: учебное пособие. — М.: МГИМО-Университет, 2019. — 209 с. 509
- Шириязданова И.Ф.** Черненко Е.Ф. Энергетическая дипломатия: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. — М.: Издательство «Юрайт», 2018. — 139 с. 512
- Корнилов А.А.** The Water, Energy, and Food Security Nexus in the Arab Region / Ed. by K. Amer, Z. Adeel, B. Böer, W. Saleh. Springer International Publishing AG, 2017. 239 p. 515
- Ежов В.В.** Bo Kong. Modernization through Globalization. Why China Finances Foreign Energy Projects Worldwide. L.: Palgrave Macmillan, 2019. 103 p. 518
- Борзова А.Ю.** Yanran Xu. China's Strategic Partnerships in Latin America. Case Studies of China's Oil Diplomacy in Argentina, Brazil, Mexico, and Venezuela, 1991—2015. Lexington Books, 2017. 157 p. 520

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER:

International Energy Cooperation

- Borovsky Yu.V.** International Dimension of Contemporary U.S. Energy Policy: Challenges for Russia and the World 341
- Jeifets V.L., Pravdiuk D.A.** Influence of Energy Factor on International Relations System of Latin America in the 21st century 354
- Anikeev V.V., Bazavluk S.V.** Construction of Nuclear Power Plants in the Middle East with the Participation of Russian Companies in the Context of Improving the Region's Energy Security 368
- Liubarskaia M.A., Merkusheva V.S., Zinovieva O.S.** Participation of Russia in the International Cooperation for Reducing Greenhouse Gas Emissions by Energy Companies 377
- Nikulin M.A.** Great Powers' Competition in the Arctic: Geopolitical Rivalry in the New Political Space 392

PEACE AND SECURITY

- Degterev D.A.** Multipolar World Order: Old Myths and New Realities 404
- Khudaykulova A.V.** China as an Emerging Actor in Conflict Management: from Non-Interference in Internal Affairs to "Constructive" Engagement 420

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Gardachew B.D., Kefale G.M., Antigejn G.K.** Assessing the Obstacles of Regional Integration in the Horn of Africa: the Case of IGAD 432

BILATERAL RELATIONS

- Gronsky A.D.** Belarus — Azerbaijan Relations (2005—2018): between Economy and Search for Political Support 439
- Sibarani D.M.N.** Economic Policy in Indonesia and Prospects of Russian-Indonesian Trade and Economic Cooperation 450

POLITICAL PORTRAIT

- Aybazova M.M.** Donald Trump's Political and Psychological Profile 463

SCIENTIFIC SCHOOLS

- Energy Diplomacy in Contemporary World: Less Economy, More Geopolitics. Interview with **STANISLAV ZHIZNIN**, Russian diplomat, PhD in Economics, Dr. of Science (Economics), Professor of MGIMO-University, President of the Center of Energy Diplomacy and Geopolitics 472

INTERNATIONAL ACADEMIC COOPERATION

- Degterev A.Kh.** Creation of Thermonuclear Experimental Reactor ITER as an Example of International Scientific and Technical Cooperation in Energy Sector 480
- Apanovich M.Yu.** Attractiveness Assessment of the American Labour Market for the High Qualified Specialists: A Case of Doctors 490
- Imankulova N.B., Moshlyak G.A.** Students' International Academic Mobility in the Context of Internationalization of Higher Education (RUDN University Case) 499

BOOK REVIEWS

- Ilicheva Y.A.** Zhiznin, S.Z. & Dakalov, M.V. (2019). Renewable Energy Sources in the World and in Russia. Moscow: MGIMO-University publ., 209 p. (In Russian) 509
- Shiriazdanova I.F.** Chernenko, E.F. (2018). Energy Diplomacy. Moscow: Urait publ., 139 p. (In Russian) 512
- Kornilov A.A.** Amer, K., Adeel, Z., Böer, B. & Saleh, W. (Eds.). (2017). The Water, Energy, and Food Security Nexus in the Arab Region. Springer International Publishing AG, 239 p. 515
- Ezhov V.V.** Bo Kong. (2019). Modernization through Globalization. Why China Finances Foreign Energy Projects Worldwide. L.: Palgrave Macmillan, 103 p. 518
- Borzova A.Yu.** Yanran Xu. (2017). China's Strategic Partnerships in Latin America. Case Studies of China's Oil Diplomacy in Argentina, Brazil, Mexico, and Venezuela, 1991—2015. Lexington Books, 157 p. 520

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Международное энергетическое сотрудничество THEMATIC DOSSIER: International Energy Cooperation

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-341-353

Научная статья

Международное измерение современной энергетической политики США: вызовы России и миру

Ю.В. БоровскийМосковский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, Москва, Российская Федерация*Research article*

International Dimension of Contemporary U.S. Energy Policy: Challenges for Russia and the World

Yu.V. Borovsky Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

За последние полтора десятилетия в американской энергетике произошли глубокие изменения. Совершив так называемую «сланцевую революцию», а также добившись впечатляющих результатов в сфере энергоэффективности и внедрения возобновляемых источников энергии, Соединенные Штаты Америки не только радикально снизили свою зависимость от импортных углеводородов, но и стали наращивать их экспорт. Учитывая экономический вес США, такие изменения заметно трансформировали глобальный энергетический рынок, потребовав от ведущих нефтегазовых экспортеров (включая Россию) нестандартных шагов (к примеру, сделка «ОПЕК+»). Они также создали серьезные предпосылки для пересмотра Вашингтоном своей традиционной энергетической политики на международной арене.

Автор приходит к выводу, что США пока не вышли из той парадигмы нетто-импортера нефти, которая сформировалась после первого мирового нефтяного кризиса 1973—1974 гг. Это означает, что они все еще сохраняют приверженность традиционным принципам своей внешней энергетической политики: диверсификация источников нефтегазового импорта; продвижение свободной торговли в мировой энергетике; особые отношения с нефтеэкспортерами Персидского залива и стратегический статус Ближнего Востока; ставка на поставщиков энергоносителей из Западного полушария и т. д. Однако, кардинально сократив импорт углеводородов и получив возможность их экспортировать, США не могли не привести что-то новое в свою энергетическую политику. Продолжая ставить во главу угла безопасность энергоснабжения страны, Вашингтон при Б. Обаме заговорил об энергетической независимости, а при Д. Трампе — о глобальном энергетическом доминировании США. В последнем случае речь идет об агрессивном продвижении интересов американских энергетических экспортеров, а также намерении Вашингтона превратить США в технологического лидера и ключевого «регулятора» глобальной энергетики. Более того, США стали более свободными в вопросе санкционного и иного давления на крупных нефтегазовых экспортеров, руководствуясь своими геополитическими и экономическими интересами.

© Боровский Ю.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

В силу роста нефтегазоэкспортного потенциала США, противостояние Москвы и Вашингтона в энергетической сфере, начавшееся еще в годы холодной войны, отныне приобрело дополнительное экономическое измерение. Ранее США уже пытались сдерживать развитие советского, а впоследствии российского топливно-энергетического комплекса, но действовали они сугубо в логике политического соперничества, а не экономической конкуренции. В этой связи можно допускать, что в обозримой перспективе США вряд ли откажутся от попыток дискредитировать Россию, представляя ее как ненадежного, политически мотивированного поставщика энергоносителей в Европу и другие регионы мира.

Ключевые слова: США, Россия, энергетическая политика, энергетическая независимость, энергетическое доминирование, соперничество, конкуренция, нефть, газ, Д. Трамп, Б. Обама, Дж. Буш-младший

Для цитирования: Боровский Ю.В. Международное измерение современной энергетической политики США: вызовы России и миру // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 341—353. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-341-353

Abstract. Since the mid-2000s, the American energy industry has undergone profound changes. Having made the so-called shale revolution and achieved impressive results in the field of energy efficiency and renewable energy, the United States of America has not only radically reduced its dependence on imported hydrocarbons, but has begun to increase exports of these commodities. Given the economic weight of the U.S., such changes have significantly transformed the global energy market, requiring leading oil and gas exporters (including Russia) to take non-standard steps (for example, the OPEC+ deal). They also created serious prerequisites for Washington's revision of its traditional energy policy in the international arena.

The author makes a conclusion that the United States has not yet come out of the paradigm of net oil importer, which was formed after the first world oil crisis of 1973—1974. This means that Washington is still committed to the traditional principles of its foreign energy policy: diversification of oil import sources; promotion of free trade in world energy; special relations with oil exporters in the Persian Gulf and the strategic importance of the Middle East; reliance on energy suppliers from the Western hemisphere, etc. However, having radically reduced oil and gas imports and having got the opportunity to export them, the United States could not help but bring something new to its energy policy. While still prioritizing security of energy supply, the U.S. under B. Obama has started talking about the American energy independence, and D. Trump has proclaimed the global energy dominance as a new key American goal. The author assumes that global energy dominance implies Washington's aggressive promotion of the American energy exporters, as well as its intention to turn the U.S. into a technological leader and a key regulator in the global energy market. Moreover, the U.S. has become freer in the matter of sanctions and other pressure on major oil and gas exporters, guided by its geopolitical and economic interests.

Due to the growth of the American oil and gas export potential, the confrontation between Moscow and Washington in the energy sector, which began during the Cold war, has now acquired an additional economic dimension. Previously, the United States has tried to restrain the development of the Soviet, later Russian energy industry, but acted purely in the logic of political rivalry, not economic competition. Thus, in the foreseeable future the United States is unlikely to abandon its attempts to politicize and discredit Russia as an energy supplier to Europe and other regions of the world.

Key words: USA, Russia, energy policy, energy, independence, dominance, rivalry, competition, oil, gas, D. Trump, B. Obama, J. Bush-Jr.

For citations: Borovsky, Yu.V. (2019). International Dimension of Contemporary U.S. Energy Policy: Challenges for Russia and the World. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 341—353. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-341-353

Благодаря «сланцевой революции», а также энергоэффективности и внедрению возобновляемых источников энергии (ВИЭ) Соединенные Штаты Америки смогли не только радикально снизить импорт углеводородов, но и начать экспортировать их в значительных объемах. Учитывая экономический вес США, такие изменения не могли не сказаться на глобальной энергетике, прежде всего мировой торговле нефтью и газом. Они также создали предпосылки для пересмотра Вашингтоном своей энергетической политики на международной арене. Действительно, Д. Трамп провозгласил курс США на энергетическое доми-

нирование (energy dominance) в мире. Все его предшественники со времен первого мирового нефтяного кризиса (1973—1974 гг.), включая Дж. Буша-мл. и Б. Обаму, ставили менее амбициозные задачи. Они пытались как минимум обеспечить безопасность энергоснабжения (security of energy supply) страны, а как максимум — добиться ее энергетической независимости (energy independence). В первом случае речь шла о гарантированном, достаточном по объему и приемлемом по цене снабжении США импортными углеводородами, во втором — о достижении энергетической самодостаточности США за счет внут-

ренных резервов и новых технологий. Д. Трамп пошел еще дальше, по сути объявив США не «защищающейся», а доминирующей, «наступающей» страной в глобальной энергетике.

В связи с вышесказанным возникает ряд важных исследовательских вопросов: насколько глубоки изменения в американской энергетике за последние полтора десятилетия? Как они сказываются на внешней энергетической политике США? Трансформируется ли глобальный энергетический ландшафт из-за перемен в американской энергетике и политике? Какие дополнительные вызовы встают перед Россией и другими экспортерами углеводородов в контексте стремления США к энергетической независимости и энергетическому доминированию? Исследования с подобным охватом пока не проводились ни в России, ни за рубежом.

Цель настоящей статьи — комплексно рассмотреть современную внешнюю энергетическую политику США, выявив ее природу и внутреннюю мотивацию, а также вызовы, которые она несет международному сообществу и России.

В работе применялись как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия), так и методы исторического и политологического исследования, прежде всего сравнительный и системный.

Насколько глубоки изменения в энергетике США?

Во второй половине 2000-х гг. американская нефтегазовая промышленность вступила в эпоху ренессанса, чему во многом поспособствовали «сланцевая революция» и серьезные меры господдержки. Так, в период с сентября 2005 г. по сентябрь 2018 г. добыча нефти выросла в 2,7 раза (более чем на 7 млн баррелей в сутки, далее б/с)¹ в США, а добыча природного газа — в 2 раза². Такие рекордные показатели вкуче с ростом энер-

гоэффективности и возобновляемой энергетики практически нивелировали зависимость Соединенных Штатов от импортных углеводородов. Действительно, в 2017 г. США впервые с 1957 г. стали нетто-экспортерами природного газа³, а их чистый импорт нефти и нефтепродуктов в среднем не превысил 3,7 млн б/с, хотя в 2005 г. он достигал 12,6 млн б/с⁴. Если взять все первичные источники энергии (нефть, газ, уголь, атомная энергетика, гидроэнергетика, ВИЭ), то в 2017 г. США обеспечивали себя за счет собственных ресурсов и мощностей на 92 %, в 2005 г. — только на 69 %. Примечательно, например, что в 2005—2017 гг. американская возобновляемая энергетика выросла в 4,5 раза, или до 4 % в национальном энергетическом балансе⁵.

Столь впечатляющие достижения США в области энергетики — результат работы сразу трех президентов США: Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа. Первый добился принятия законов, которые, во-первых, создали исключительно благоприятные условия для американской нефтегазовой индустрии (налоговые льготы, субсидии, увеличение доступа к месторождениям на федеральных землях). Во-вторых, они поддержали развитие возобновляемой энергетики страны и подняли ее стандарты в области энергоэффективности на гораздо более высокий уровень (Закон об энергетической политике (Energy Policy Act), 2005 г., Закон об энергетической независимости и безопасности (Energy Independence and Security Act), 2007 г.) [Боровский 2011; Корнеев 2016].

Как представитель Демократической партии Б. Обама изначально обещал бороться за сокращение потребления ископаемого топлива в США, используя для этого возобновляемую энергетику и энергоэффективные технологии. Однако со временем он не только переключился в активного сторонника природного (в особенности сланцевого) газа, но и с определенными оговорками стал поддерживать нефтедобычу в стране, ссылаясь на то, что она уменьшала ее зависи-

¹ С 4,2 млн б/с в сентябре 2005 г. до 11,5 млн б/с в августе 2018 г. См.: U.S. Energy Information Administration. URL: https://www.eia.gov/dnav/pet/pet_crd_crpdn_adc_mbbldpd_m.htm (accessed: 10.01.2019).

² С 46,7 млрд куб. футов в сутки в сентябре 2005 г. до 93,0 млрд куб. футов в сутки в сентябре 2018 г. См.: U.S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/dnav/ng/hist/n9050us2M.htm> (accessed: 10.01.2019).

³ См.: U.S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/naturalgas/data.php#imports> (accessed: 10.11.2019).

⁴ Ibid.

⁵ См.: BP Statistical Review of World Energy 2018. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf> (accessed: 12.01.2019).

мость от энергетического импорта. Фактически Б. Обама прекратил добиваться отмены преференций, созданных для нефтегазовых компаний администрацией Дж. Буша-мл., хотя раньше обещал это сделать. Более того, он не стал мешать развитию нефтедобычи на шельфе Мексиканского залива и на Аляске, которые относятся к зоне федеральной ответственности; препятствовать активизации производства углеводородов на землях штатов (Техас, Пенсильвания, Северная Дакота, Монтана, др.); поддерживать призывы экологов, требовавших запрета технологии гидравлического разрыва пласта (ГРП), применяемой в низкопроницаемых породах (включая сланец), а также бурения на глубоководном шельфе [Корнеев 2016; Бирюкова 2017]. И первое, и второе сопряжено с серьезными экологическими рисками.

Конечно, Б. Обаме не удалось провести через Сенат Закон об американской чистой энергетике и безопасности (*American Clean Energy and Security Act*). Помимо прочего он предусматривал запуск национальной системы торговли разрешениями на выбросы парниковых газов, а также существенное увеличение господдержки ВИЭ и энергоэффективности. Тем не менее, 44-й президент США немало сделал для национальной энергетике в рамках Закона о восстановлении и реинвестировании американской экономики (*American Recovery and Reinvestment Act*), принятого в феврале 2009 г. в ответ на мировой финансовый и экономический кризис. Через этот закон, рассчитанный на период до 2019 г., Б. Обама финансировал национальные проекты, связанные с повышением энергоэффективности, созданием умных сетей (*smart grids*), внедрением ВИЭ, разработкой новейших аккумуляторов [Боровский 2011; Захаров 2015]. Важно отметить, что президент Обама, ставший свидетелем позитивных изменений в американской энергетике, заговорил об энергетической независимости США как о вполне достижимой, а не иллюзорной цели [Бирюкова 2017].

Дональд Трамп пошел еще дальше, провозгласив курс на американское энергетическое доминирование в мире. Он стал прилагать дополнительные усилия по поддержке и развитию национальной энергетике, что выразилось в устранении административных барьеров, затрудняющих и замедляющих реализацию новых энерге-

тических проектов на территории США (добыча, транспортировка и экспорт нефти, газа, угля; производство ВИЭ, строительство АЭС и др.), а также в дополнительном снижении налогового бремени для компаний, работающих на американском энергетическом рынке. Признавая проблему глобального потепления, Д. Трамп, тем не менее, добился выхода США из Парижского соглашения по климату, одобренного всеми странами ООН в 2015 г., а также аннулировал План по чистой генерации электричества (*The Clean Power Plan*), введенный Б. Обамой в 2015 г. Делая такие шаги, 45-й президент США снял многие экологические барьеры на пути развития угольной и иной традиционной энергетики страны. Отдельное внимание администрация Д. Трампа стала уделять вопросам технологического превосходства США в вопросах энергоснабжения, оказывая поддержку инновационным решениям и проектам. На международной арене она начала агрессивно продвигать интересы американских экспортеров сниженного природного газа (СПГ), нефти, угля, ядерного топлива, иных энергетических товаров и услуг [Бирюкова 2017].

Отказываются ли США от традиционных принципов их внешней энергетической политики?

Со времени первого мирового нефтяного кризиса (1973—1974 гг.), в ходе которого арабские страны ОПЕК секьюритизировали глобальное энергоснабжение, американское руководство делает все возможное для того, чтобы США имели гарантированные, достаточные по объему и приемлемые по цене поставки импортных углеводородов, прежде всего нефти. С начала 1970-х гг. доля жидких углеводородов в американском энергобалансе колеблется в диапазоне 40—50 %, что ставит ее в центр энергетической политики США последних десятилетий. Бесспорно, наряду с безопасностью энергоснабжения, каждый президент Соединенных Штатов, начиная с Р. Никсона, пытался добиться энергетической независимости страны, однако вплоть до второй половины 2000-х гг., когда произошла «сланцевая революция», эта задача носила во многом иллюзорный характер.

С 1973 г. энергетическая политика США на международной арене подчиняется вполне

понятной логике или исходит из определенного набора традиционных принципов.

Во-первых, американский нефтяной импорт подлежит глубокой *диверсификации*⁶. Неудивительно, что в 2017 г. жидкие углеводороды поступали на рынок США почти из сорока стран, расположенных в самых разных регионах мира.

Во-вторых, Соединенные Штаты ставят во главу угла *свободную торговлю* (free trade) и борются с разными проявлениями «ресурсного национализма», мешающими энергетическим ТНК надлежаще осваивать нефтегазовые залежи Земли.

В-третьих, они готовы при необходимости *стимулировать мировое предложение нефти* во избежание дефицита, от которого могут серьезно пострадать американские потребители, причем не только физически, но и в ценовом плане. Например, Великобритания, Норвегия и Мексика в 1970—1980-х гг. превратились в ведущих экспортеров нефти не без финансовой, технологической и прочей помощи США. Известно также, что в 1970-х гг. Вашингтон, несмотря на серьезное политическое соперничество с Москвой, призывал ее к наращиванию поставок нефти на мировой рынок, желая тем самым несколько девальвировать значимость стран ОПЕК [Ергин 2018].

В-четвертых, США делают ставку на *негласные, особые отношения с арабскими нефтеэкспортирующими монархиями, прежде всего Саудовской Аравией*, а также считают Ближний Восток регионом стратегической значимости, поскольку он располагает крупнейшими, причем наиболее доступными запасами углеводородов в мире. В обмен на американскую защиту от внешних угроз (например, в лице Ирана, находящегося в острых геополитических и религиозных противоречиях с Саудовской Аравией) Эр-Рияд обязуется использовать свой мощный добывающий и экспортный потенциал не только для бесперебойного снабжения США, но и стабилизации мирового рынка нефти в американских интересах [Bronson 2008]. Кроме того, арабские монархии уже много лет обеспечивают привязку доллара к нефти, а также выступают в роли ведущих покупателей американских ценных бумаг и ору-

жия. Например, Саудовская Аравия входит в десятку крупнейших держателей американских казначейских облигаций (167 млрд долл. США по состоянию на октябрь 2018 г.⁷), а в мае 2017 г. Эр-Рияд заключил с Вашингтоном оружейную сделку на 110 млрд долл. США⁸.

В январе 1980 г. президент США Джимми Картер, выступая с ежегодным посланием «О положении страны», недвусмысленно заявил, что «попытка каких-либо внешних сил получить контроль над регионом Персидского залива будут рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы Соединенных Штатов Америки, и такое нападение будет отражено любыми необходимыми средствами, в том числе военной силой»⁹. С тех пор американское военное присутствие на Ближнем Востоке и в непосредственной близости от него достигло впечатляющих масштабов. Так, в 2018 г. США располагали военными формированиями и объектами (воздушными, морскими или иными) в Бахрейне, Джибути, Египте, Израиле, Иордании, Ираке, Катаре, Кувейте, Ливане, Омане, ОАЭ, Саудовской Аравии, Сирии и Турции. В перечисленных странах было расквартировано свыше 54 тыс. американских военнослужащих [Zenko 2018; Wallin 2018]. Как отмечено в руководстве ВМС США за 2017 г., передовые американские военно-морские силы, развернутые по всему Ближнему Востоку, призваны помогать партнерам в поддержании мира, управлении переменами, сдерживании агрессии и обеспечении стабильности в этом ключевом с точки зрения энергоснабжения регионе мира¹⁰.

⁷ См.: La Monica P.R. Saudi Arabia owns (at least) \$166.8 billion in US debt // CNN Business. 2018, 15 October. URL: <https://edition.cnn.com/2018/10/15/investing/saudi-arabia-us-debt-jamal-khashoggi/index.html> (accessed: 13.01.2019).

⁸ См.: США и Саудовская Аравия заключили оружейную сделку на \$110 млрд // BBC. 20 мая 2017. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-39987095> (дата обращения: 11.01.2019).

⁹ Foreign Relations of the United States, 1977—1980. Vol. XVIII, Middle East Region; Arabian Peninsula / Ed. by K.M. McFarland, A.M. Howard. Washington: United States Government Publishing Office, 2015. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v18/d45> (accessed: 10.01.2019).

¹⁰ U.S. Navy Program Guide 2017 (Department of the Navy, Washington D.C.). URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=805203> (accessed: 13.01.2019).

⁶ National Energy Policy: Report of the National Energy Policy Development Group, May 2001. URL: <https://www.wtrg.com/EnergyReport/National-Energy-Policy.pdf> (accessed: 15.01.2019).

В-пятых, США отдают *приоритет экспортерам Западного полушария*. Речь идет о так называемой «политике соседства» (*neighborhood policy*), когда поставщики нефти из Северной и Южной Америки считаются Вашингтоном наиболее надежными и экономически целесообразными, даже вопреки возникающим политическим разногласиям. Поэтому не случайно, что в 2017 г. 62 % американского импорта нефти и нефтепродуктов обеспечили страны Западного полушария, а в четверку крупнейших поставщиков нефти и нефтепродуктов на американский рынок вошли (наряду с Саудовской Аравией) Канада, Мексика и Венесуэла (совокупная доля «четверки» в американском импорте в 2017 г. — 63 %) ¹¹.

Существенный рост американской добычи углеводородов создал серьезные предпосылки для пересмотра Вашингтоном своей энергетической политики на международной арене. Действительно, став нетто-экспортером природного газа в 2017 г. и приблизившись к аналогичному статусу в нефтяной сфере, США со временем могут отказаться от ряда традиционных правил их поведения на мировом энергетическом рынке. Например, для Вашингтона рано или поздно могут потерять былую актуальность усилия по диверсификации источников нефтегазового импорта (в том числе за счет стран Западного полушария); обеспечению свободной торговли углеводородами в мире и стимулированию нефтегазовой добычи в других странах. Не случайно Сара Лэдислоу, отвечающая за энергетические исследования в вашингтонском Центре стратегических и международных исследований (*Center for Strategic and International Studies*), призывает нынешнее американское руководство, несмотря ни на что, сохранять ставку на продвижение свободной торговли в глобальной энергетике и не скатываться к простому меркантилизму [Ladislaw 2018].

Под вопросом также оказались «особые отношения» США с аравийскими нефтегазодобывающими монархиями и американское военное присутствие на Ближнем Востоке. К примеру, в октябре 2018 г. Д. Трамп почти ультимативно потребовал от Саудовской Аравии заплатить за присутствие войск США на Ближнем Востоке.

¹¹ U.S. Energy Information Administration. URL: https://www.eia.gov/dnav/pet/pet_move_impcus_a2_nus_ep00_im0_mbb1_a.htm (accessed: 14.01.2019).

По мнению президента США, без поддержки Пентагона король Саудовской Аравии не продержался бы и недели ¹². Подобные высказывания, указывающие на образовавшийся дисбаланс в американо-саудовских «особых отношениях», кажутся немыслимыми в бытность президентства Дж. Буша-мл., когда две трети потребляемой США нефти имело импортное происхождение. Тем не менее, с точки зрения стратегического планирования Вашингтон вряд ли пойдет на радикальное изменение сложившихся отношений с Эр-Риядом, поскольку последний может сильно пригодиться в контексте усиливающегося американо-китайского противостояния. Более того, США нуждаются в Саудовской Аравии как крупнейшем покупателе американского оружия.

Еще в 2005 г. на страницах *New York Times* Джон Дейч призвал администрацию Дж. Буша-мл. к скорейшему выводу американских войск из Ирака. Бывший директор ЦРУ тогда полагал, что масштабное военное присутствие США в Ираке не только не позволило Вашингтону достичь поставленных целей в отдельно взятой стране, но и сделать весь ближневосточный регион более мирным и стабильным [Zenko 2018]. С тех пор споры в американском обществе относительно вовлеченности Соединенных Штатов в дела Ближнего Востока не только не угли, а усилились. Одна из причин — радикальное сокращение зависимости США от импорта нефти и газа, в том числе из стран Персидского залива.

Немалая часть американского истеблишмента, к которой принадлежит сам Дж. Дейч, считает, что чрезмерное военное присутствие США на Ближнем Востоке контрпродуктивно.

Во-первых, оно провоцирует враждебные действия в отношении Соединенных Штатов не только в регионе, но и по всему миру.

Во-вторых, некоторые страны Ближнего Востока попадают в зависимость от американских гарантий безопасности и пытаются ими злоупотреблять в своих интересах. Поэтому Вашингтону необходимо умерить свой вклад в управление Ближним Востоком, одновременно усилив пози-

¹² См.: Шимаев Р., Чурсина М. «Платить ничего не будем»: Саудовская Аравия ответила на требование Трампа увеличить расходы на оборону // RT. 6 октября 2018. URL: <https://russian.rt.com/world/article/561529-saudovskaya-araviya-ssha-oruzhie-oplata> (дата обращения: 14.01.2019).

ции в других стратегических регионах мира, прежде всего в Восточной Азии.

Другая часть политической и интеллектуальной элиты США убеждена в обратном. Она полагает, что широкомасштабное развертывание американских войск на Ближнем Востоке отвечает жизненно важным интересам США. Только оно может обеспечить стабильные и предсказуемые поставки ближневосточных углеводородов в США и другие страны; сохранить нынешний режим в Саудовской Аравии; пресечь перекрытие важнейшего для мирового рынка нефти Ормузского пролива и появление регионального гегемона, контролирующего огромные нефтегазовые запасы [Zenko 2018].

Например, С. Лэдислоу считает, что США, существенно увеличив добычу углеводородов, стали менее озабоченными собственной энергетической безопасностью. Однако они отнюдь не утратили интерес к Ближнему Востоку, имеющему стратегическую значимость с точки зрения глобального энергоснабжения. Тот факт, что Вашингтону потребовалась поддержка аравийских монархий при введении запрета на импорт иранской нефти в 2018 г., говорит о по-прежнему ключевом месте некоторых ближневосточных поставщиков углеводородов во внешней политике США [Ladislav 2018].

Придя в Белый дом в январе 2009 г., Барак Обама уже к декабрю 2011 г. вывел из Ирака весь контингент американских войск, выполнив тем самым свое предвыборное обещание. Важно напомнить, что в 2007 г. численность американских военных в Ираке достигла пика в 170 тыс. человек. Тем не менее, с лета 2014 г. и до истечения своих полномочий в 2017 г. тот же Обама под предлогом борьбы с ИГИЛ¹³ нарастил присутствие американских войск в Ираке и других странах Ближнего Востока примерно на 20 тыс. человек [Zenko 2018]. Преемник Б. Обамы Дональд Трамп неоднократно и настойчиво заявлял о необходимости радикального сокращения американского военного присутствия в ближневосточном регионе. Поступая таким образом, он исходил не столько из неких геополитических соображений (как, например, тот же Дж. Дейч), сколько из простого желания сократить расходы

Пентагона. В частности, Д. Трамп не раз указывал на то, что США якобы ничего не получали от богатых аравийских монархий, тратя на их безопасность огромные средства (7 трлн долл. США за 18 лет¹⁴). Тем не менее, ультиматумы и угрозы 45-го президента США не материализовались в радикальные решения. Более того, в 2017—2018 гг. военное присутствие США в регионе Ближнего Востока продолжало увеличиваться. Например, в указанные годы в Ираке число американских военнослужащих превысило 9 тыс. человек, в соседней Сирии — 1,7 тыс. человек [Zenko 2018]. Примечательно также, что ни в Стратегии национальной безопасности (декабрь 2017 г.), ни в Стратегии национальной обороны (февраль 2018 г.) ничего не было сказано о новой политике США на Ближнем Востоке. И хотя в декабре 2018 г. Д. Трамп неожиданно заявил о выводе американских войск из Сирии, это никак не изменило традиционную политику США в регионе и сложившийся там статус-кво. Более того, некоторые эксперты назвали подобный шаг Д. Трампа тактическим маневром, а другие даже усомнились в том, что Пентагон претворит в жизнь намеченное.

Таким образом, можно полагать, что Б. Обама и Д. Трамп не изменили традиционного подхода США к ближневосточному региону, поскольку в американском истеблишменте, вероятно, такие планы не получают подавляющей поддержки. Тем не менее, опрос общественного мнения, проведенный в мае 2016 г., показал, что свыше 60 % американцев объясняют присутствие войск США на Ближнем Востоке необходимостью победить ИГИЛ, около 18 % — обязательствами перед Израилем и лишь 9 % — важностью ближневосточной нефти [Zenko 2018].

Каково влияние США на глобальную энергетику?

Учитывая экономический вес США, глубокие перемены в американской энергетике, произошедшие с середины 2000-х гг., не могли не сказаться на глобальном энергетическом рынке, особенно нефтегазовой торговле. Действительно, благодаря

¹³ Организация запрещена в РФ.

¹⁴ Трамп завершил операцию на семь триллионов долларов. Ему не хотят платить // РИА «Новости». 28 декабря 2018. URL: <https://ria.ru/20181228/1548830460.html> (дата обращения: 21.01.2019).

тому, что с 2005 г. США существенно нарастили добычу нефти (плюс 7 млн б/с с сентября 2005 г. по сентябрь 2018 г.) и одновременно сократили ее потребление (минус 2 млн б/с в тот же период), в распоряжении международного сообщества оказались фактически лишние 9 млн баррелей в сутки (примерно 9—10 % глобального спроса). Появление таких объемов буквально переломило ситуацию на мировом нефтяном рынке, который с начала 2000-х гг. находился под угрозой дефицита нефти в силу роста спроса на нее в КНР, Индии и других развивающихся странах, а с середины 2014 г., напротив, перешел в состояние относительного изобилия. Более того, американская сланцевая нефть (tight oil) приобрела важную роль балансира, поскольку для организации ее коммерческой добычи с нуля требуются месяцы, а не годы, как в случае с традиционными жидкими углеводородами. Иными словами, при адекватной цене и надлежащих инвестиционных условиях в США мировой рынок отныне может рассчитывать на довольно быстрое увеличение предложения, чего не было ранее. И это происходит тогда, когда альтернативные нефти и газу источники энергии, прежде всего ВИЭ, растут быстрыми темпами и год от года становятся более дешевыми и конкурентоспособными. В результате конкуренция между производителями традиционной и новой энергии выходит на новый уровень, а потребители получают больший выбор и лучшие условия.

Более того, сланцевая революция вкупе с энергоэффективностью и ВИЭ превратила США в дополнительный источник нефти и газа для импортеров по всему миру, прежде всего в Европе и АТР. Это позволило им не только диверсифицировать поставки углеводородов, но и улучшить их условия. К примеру, страны ЕС не стали меньше зависеть от недорогого российского газа, однако появление американского СПГ усилило их позиции на переговорах с «Газпромом». В итоге больше российского газа стало торговаться на европейском спотовом рынке, а условия его поставок в рамках долгосрочных контрактов «Газпрома» были заметно скорректированы в пользу потребителей [Ladislaw 2018].

В ответ на обозначенные перемены ведущие экспортеры нефти, к каковым, прежде всего, относятся Россия и Саудовская Аравия, были вынуждены несколько пересмотреть свои эконо-

мические и геополитические стратегии. В результате в декабре 2016 г. была заключена, по сути, историческая сделка, получившая название «ОПЕК+». В ней приняли участие страны ОПЕК и одиннадцать независимых поставщиков нефти, включая Россию, которые договорились коллективно сократить добычу и тем самым сбалансировать мировой нефтяной рынок, в значительной степени дестабилизированный США. Причем центральным элементом этой сделки стало сотрудничество Москвы и Эр-Рияда, на протяжении последних десятилетий выступавших в роли не только главных конкурентов на мировом рынке нефти, но и бескомпромиссных геополитических соперников в ближневосточном регионе. Иными словами, новые реалии, диктуемые США в энергетической сфере, заставили перестроиться двух ведущих экспортеров нефти, которые к тому же вступили в конструктивный диалог по сирийскому вопросу и другим проблемам Ближнего Востока, а также стали активно обсуждать совместные инвестиционные проекты.

Кроме того, стремление США к энергетическому доминированию, чреватое продолжительной эпохой низких цен на нефть и газ, подтолкнуло страны, испытывающие критическую зависимость от углеводородного экспорта, гораздо серьезнее посмотреть на проблему диверсификации своей экономики. Один из наглядных примеров — опять-таки Саудовская Аравия, которая в 2016 г. обнародовала план экономических и социальных реформ, названный Saudi Vision 2030. С его помощью Эр-Рияд рассчитывает добиться успеха в развитии отраслей национальной экономики, не связанных с нефтью. Похожие меры предпринимаются другими странами со сходными проблемами. Среди них, в частности, Венесуэла, которая решила встать на путь глубоких экономических преобразований, задействовав даже интеллектуальный потенциал российских экономистов. Например, в феврале 2018 г. для стабилизации валютной системы страны и создания условий для экономического роста венесуэльское правительство ввело в оборот криптовалюту петро, обеспеченную нефтью. Таким образом, Венесуэла стала первой страной с собственной криптовалютой.

Еще один немаловажный нюанс, привнесенный ростом американской добычи углеводородов, заключается в том, что с середины 2010-х гг.

Вашингтон стал более свободным, а значит, агрессивным в вопросе санкционного давления на крупных нефтегазовых экспортеров, не опасаясь серьезных последствий для энергетической безопасности и экономики США. Так, в период с 2014 г. под жесткие американские санкции попали сразу три ведущих поставщика нефти на мировой рынок: Россия, Венесуэла и Иран. Отчасти это было продиктовано геополитическими соображениями, однако налицо было желание Вашингтона потеснить конкурентов на мировом нефтегазовом рынке, а также сократить за их счет глобальное предложение углеводородов.

Так, политический кризис на Украине, начавшийся в феврале 2014 г., дал повод США для введения серьезных антироссийских санкций. Если вначале санкционные меры касались отдельных граждан России, то впоследствии они затронули целые отрасли российской экономики, включая топливно-энергетический комплекс (ТЭК). Так, в апреле 2014 г. Министерство энергетики США заявило о приостановке сотрудничества с «Росатомом». В том же месяце в американский санкционный список попала компания «Черноморнефтегаз», работавшая в Крыму. В июле — сентябре 2014 г. США пошли еще дальше и ввели так называемые секторальные санкции в отношении ведущих финансовых, оборонных и энергетических предприятий России. В «энергетический санкционный список» попали «Роснефть», «Газпром», «Газпром нефть», «НОВАТЭК», «ЛУКОЙЛ», «Сургутнефтегаз», «Транснефть». Перечисленные компании были лишены доступа к долгосрочному финансированию в западных банках, а на торговлю их ценными бумагами сроком обращения свыше 30 дней накладывались ограничения. Вводился также запрет на экспорт в Россию оборудования, технологий и услуг, связанных с добычей углеводородов на глубоководных морских участках, арктическом шельфе и в сланцевых породах. В июле 2015 г. США распространили уже действующий санкционный режим на дочерние структуры «Роснефти», а в августе — на Южно-Кириновское газоконденсатное месторождение «Газпрома» в Охотском море [Сидорова 2016].

В августе 2017 г. Д. Трамп подписал закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA), одобренный

обеими палатами Конгресса США. Он наделял президента страны полномочиями вводить санкции в отношении лиц и компаний, инвестирующих значительные средства в строительство российских экспортных нефте- и газопроводов или предоставляющих материалы, информацию и услуги для их сооружения. В законе прямым текстом говорилось, что Соединенные Штаты и «впредь будут препятствовать сооружению газопровода „Северный поток — 2“, учитывая его вредоносное влияние на энергетическую безопасность ЕС, развитие газового рынка Центральной и Восточной Европы, энергетические реформы на Украине»¹⁵. Впоследствии администрация американского президента неоднократно грозила ввести санкции как против самого проекта «Северный поток — 2», так и непосредственно против компаний и лиц, участвующих в его реализации и финансировании, ссылаясь на CAATSA.

После прихода Д. Трампа в Белый дом США встали на путь бескомпромиссно-жесткого давления на иранский политический режим. Действительно, в июле 2015 г. шестерке стран-посредников (пять постоянных членов Совета Безопасности ООН плюс Германия) и Ирану с большим трудом удалось согласовать и подписать Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), касающийся ограничения ядерных разработок Тегерана [Арбатов 2016]. Однако уже в мае 2018 г. Вашингтон не только вышел из СВПД, но и ввел запрет на импорт иранской нефти с ноября 2018 г., коснувшийся не только компаний США, но и других стран. Также Д. Трамп в августе 2017 г. подписал указ о введении жестких финансовых санкций в отношении Венесуэлы. Под запрет, помимо прочего, попали торговые операции с акциями и долговыми ценными бумагами правительства Венесуэлы и государственной нефтегазовой компании PDVSA. В конце января 2019 г. США, реагируя на массовые протесты против действующего президента Н. Мадуро, ввели дополнительные, гораздо более суровые санкции против PDVSA, желая тем самым нане-

¹⁵ H.R. 3364 — Countering America's Adversaries through Sanctions Act, Signed into law by President Donald Trump on August 2, 2017. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ44/PLAW-115publ44.pdf> (accessed: 05.03.2019).

сти сокрушительный удар по нефтяному экспорту Венесуэлы и окончательно подорвать позиции местной власти. Это выразилось в блокировке активов PDVSA на территории США на сумму 7 млрд долл. США, а также во включении Министерством финансов США венесуэльской госкомпании в список юридических лиц, с которыми американским гражданам запрещено поддерживать деловые отношения, включая заключение сделок по импорту венесуэльской нефти и продаже специальных американских разбавителей, добавляемых в сверхтяжелую венесуэльскую нефть бассейна р. Ориноко. Потенциальные потери PDVSA от новых запретов Белый дом оценил в 11 млрд долл. США в годовом исчислении¹⁶.

Современная энергетическая политика США и новые вызовы России

Благодаря «сланцевой революции», энергоэффективности и возобновляемой энергетике Соединенные Штаты Америки получили возможность экспортировать значительные объемы углеводородов и, значит, превратились в конкурента России на европейском, азиатском и прочих нефтегазовых рынках. Таким образом, в 2010-х гг. противостояние Москвы и Вашингтона в энергетической сфере, начавшееся еще в эпоху холодной войны, приобрело экономическое измерение. Ранее США уже пытались сдерживать развитие советского, и впоследствии российского топливно-энергетического комплекса, но действовали они сугубо в логике политического соперничества. Например, Вашингтон предпринимал шаги, нацеленные на срыв строительства газопроводов «Уренгой — Помары — Ужгород» в 1980-х гг. или «Северный поток» в 2000-х гг., но он делал это не для продвижения интересов американских экспортеров, а для геополитического ослабления СССР и России, в частности недопущения укрепления их экономических связей с Европой. При Б. Обаме и тем более при Д. Трампе экономическая конкуренция стала важным дополнительным

фактором при планировании и реализации американской политики в отношении России и ее ТЭК [Боровский 2018b].

Термины конкуренция (competition) и соперничество (rivalry) присутствуют в теории международных отношений. Конкуренция означает состязание государств, компаний и иных участников международных отношений с целью получения материальных или нематериальных благ, преимущественно экономических. Соперничество — иное явление в международных отношениях. В него вовлечены исключительно государства или их группы, которые борются не столько за некие экономические и другие блага, сколько друг против друга, воспринимая международные отношения главным образом в логике «игры с нулевой суммой», а мировую экономику и ее участников (включая национальные компании) в качестве инструментов для усиления собственной мощи или ослабления противника. В рамках такого подхода экономика и энергетика ассоциируются исключительно с политическим рычагом (political leverage) государств или их экономическим оружием (economic warfare) [Боровский 2018a; Diehl, Goertz 2001].

Таким образом, противодействие США реализации проекта «Северный поток — 2», а также их активные усилия по политизации и срыву поставок российского газа в Европу, наблюдаемые в 2010-х гг., вполне можно увязывать с продвижением Вашингтоном интересов американских экспортеров голубого топлива. Не случайно, например, что в упомянутом законе «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA), принятом в 2017 г., перед правительством США была поставлена задача не только препятствовать сооружению «Северного потока — 2» и иных нефтегазоэкспортных проектов с участием России, но и усиленно продвигать экспорт американских энергоресурсов в целях увеличения занятости в США, укрепления энергетической безопасности американских союзников, а также усиления внешней политики США¹⁷.

В обозримой перспективе Соединенные Штаты Америки, обозначившие курс на глобальное

¹⁶ См.: Davis T., Blas J. U.S. Sanctions on PDVSA Look Like a De Facto Oil Import Ban // Bloomberg. 2019, January 29. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-28/u-s-sanctions-on-pdvs-a-look-like-a-de-facto-oil-import-ban> (accessed: 02.02.2019).

¹⁷ Ibid.

энергетическое доминирование, вероятно, не только не откажутся от политизации энергетики в своих национальных интересах, но и выведут ее на более высокий уровень, включая очередные попытки дискредитировать Россию как поставщика энергоносителей. Учитывая строящиеся и заявленные для строительства американские заводы СПГ¹⁸, к 2025 г. США смогут экспортировать до 200—300 млрд куб. метров сжиженного природного газа в год (около 29 млрд куб. метров в 2018 г.)¹⁹. Однако с учетом прогнозируемого спроса на газ страны Европы и АТР, являющиеся главными импортерами СПГ в мире, вряд ли купят такие большие объемы американского газа при наличии альтернативных, более выгодных поставок из России и других стран, например, Катара. Подобные реалии таят в себе источник серьезного конфликта между Москвой и Вашингтоном, а также допускают эскалацию политической напряженности на Ближнем Востоке.

В аналогичном ключе можно говорить и о нефти. Согласно базовым прогнозам²⁰, в краткосрочной и среднесрочной перспективе США продолжают наращивать добычу нефти, а в начале 2020-х гг. они даже станут нетто-экспортерами жидких углеводородов. Если другие производители также увеличат или, по крайней мере, сохранят нынешние уровни добычи, мировой рынок нефти, наверняка, будет ждать эра существенного перенасыщения, а цена на «черное золото» закрепится на минимальных отметках. В этой связи вполне можно допускать, что те санкции, которые США ввели в отношении России, Венесуэлы и Ирана и непосредственно их ТЭК в 2014—2018 гг., призваны сбалансировать мировой рынок нефти в американских интересах в среднесрочной перспективе.

Более того, нельзя исключать, что Вашингтон отныне хочет выступать в роли ключевого «ре-

гулятора» глобальной энергетики, а именно — определять ценообразование и ключевые тренды, пользуясь своим исключительным весом в мировом производстве и потреблении энергии. В таком контексте от России и других энергетических экспортеров требуются дополнительные усилия для отстаивания своих интересов. Фактически историческая сделка «ОПЕК+» является одним из первых ответов на подобные вызовы.

Отвечая на поставленные исследовательские вопросы, можно сделать следующие выводы.

С середины 2000-х гг. в американской энергетике произошли и продолжают происходить действительно глубокие изменения. Пока США остаются в парадигме нетто-импортера нефти, сформировавшейся после первого мирового нефтяного кризиса 1973—1974 гг. Это выражается в сохранении традиционных принципов американской внешней энергетической политики. Однако, радикально сократив импорт углеводородов и получив возможность их экспортировать, США не могли не привнести что-то новое в свою энергетическую политику. Продолжая ставить во главу угла безопасность энергоснабжения страны, Вашингтон при Б. Обаме заговорил об энергетической независимости, а при Д. Трампе — о глобальном энергетическом доминировании США. В последнем случае речь идет об агрессивном продвижении интересов американских энергетических экспортеров, а также о вероятном намерении Вашингтона превратить США в технологического лидера и ключевого «регулятора» глобальной энергетики в своих интересах. Более того, США стали более свободными в вопросе санкционного и иного давления на крупных нефтегазовых экспортеров, руководствуясь своими геополитическими и экономическими интересами и не опасаясь за свою энергетическую безопасность и экономику. Все указанные обстоятельства создают новые вызовы для энергетических экспортеров и, соответственно, требуют от них нестандартных ответов на них (например, сделка «ОПЕК+»).

В силу роста нефтегазоэкспортного потенциала США противостояние Москвы и Вашингтона в энергетической сфере, начавшееся еще в годы холодной войны, отныне приобрело эко-

¹⁸ См.: IGU 2018 World Gas LNG Report. 27th World Gas Conference Edition. URL: https://www.igu.org/sites/default/files/node-document-field_file/IGU_LNG_2018_0.pdf (accessed: 15.12.2018).

¹⁹ См.: U.S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/dnav/ng/hist/n9050us2M.htm> (accessed: 12.01.2019).

²⁰ См.: IEA World Energy Outlook 2018. URL: <https://www.iea.org/weo2018/> (accessed: 15.01.2019).

номическое измерение. Ранее США уже пытались сдерживать развитие советского, впоследствии российского топливно-энергетического комплекса, но действовали они сугубо в логике политического соперничества, а не экономической конкуренции.

В этой связи можно допускать, что США вряд ли откажутся от попыток дискредитировать Россию, представляя ее как ненадежного, политически мотивированного поставщика энергоносителей в Европу и другие регионы мира.

Поступила в редакцию / Received: 19.03.2019

Принята к публикации / Accepted: 11.06.2019

Библиографический список

- Арбатов А.Г. Ядерное соглашение с Ираном: феномен или прецедент? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. № 3. С. 5—15.
- Бирюкова Н.А. От «независимости» к «доминированию»: сравнительный анализ энергетической политики Администраций Б. Обамы и Д. Трампа // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2017. Т. 9. № 4. С. 144—176.
- Боровский Ю.В. Международное соперничество: теоретические и лингвистические аспекты // *Международные отношения*. 2018а. № 3. С. 65—72.
- Боровский Ю.В. Препятствия на пути экспорта российских энергоносителей: конкуренция или соперничество // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2018b. № 2. С. 148—158.
- Боровский Ю.В. *Современные проблемы мировой энергетики*. М.: Навона, 2011.
- Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина Паблишер, 2018.
- Захаров П.В. Энергетическая политика США на современном этапе // *Проблемы национальной стратегии*. 2015. № 4. С. 180—200.
- Корнеев А.В. Новые тенденции развития топливно-энергетического комплекса США // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2016. № 3. С. 35—56.
- Сидорова Е. Энергетика России под санкциями Запада // *Международные процессы*. 2016. № 1. С. 143—155.
- Bronson R. *Thicker Than Oil: America's Uneasy Partnership with Saudi Arabia*. Oxford University Press, 2008.
- Diehl P., Goertz G. *War and Peace in International Rivalry*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001.
- Ladislav S. *Geopolitics of U.S. Oil and Gas Competitiveness: Statement before the House Foreign Affairs Subcommittee on Terrorism, Nonproliferation, and Trade*. May 22, 2018. URL: <https://docs.house.gov/meetings/FA/FA18/20180522/108347/HHRG-115-FA18-Wstate-LadislavS-20180522.pdf> (accessed: 10.01.2019).
- Wallin M. *U.S. Military Bases and Facilities in the Middle East*. Washington: American Security Project, 2018. URL: <https://www.americansecurityproject.org/wp-content/uploads/2018/06/Ref-0213-US-Military-Bases-and-Facilities-Middle-East.pdf> (accessed: 10.01.2019).
- Zenko M. *US Military Policy in the Middle East. An Appraisal (Research paper)* // *US and Americas Programme*. 2018. October.

References

- Arbatov, A.G. (2016). Nuclear Agreement with Iran: Phenomenon or Precedent? *World Economy and International Relations*, 3, 5—15. (In Russian).
- Biryukova, N.A. (2017). From 'Independence' to 'Dominance': A Comparative Analysis of the Obama and Trump Administrations' Energy Policy. *Moscow State University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics*, 4, 144—176. (In Russian).
- Borovsky, Y.V. (2011). *Contemporary Problems of the World Energy Industry*. Moscow: Navona. (In Russian).
- Borovsky, Y.V. (2018b). Hurdles Hampering Russia's Oil and Natural Gas Exports: Competition or Rivalry. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World*, 2, 148—158. (In Russian).
- Borovsky, Y.V. (2018a). International Rivalry: Theoretical and Linguistic Aspects. *International Relations*, 3, 65—72. (In Russian).
- Bronson, R. (2008). *Thicker Than Oil: America's Uneasy Partnership with Saudi Arabia*. Oxford University Press.
- Diehl, P. & Goertz, G. (2001). *War and Peace in International Rivalry*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Korneev, A.V. (2016). New Trends in the Development of U.S. Energy Industry. *USA and Canada: Economy, Politics and Culture*, 3, 35—56. (In Russian).
- Ladislav, S. (2018). *Geopolitics of U.S. Oil and Gas Competitiveness: Statement before the House Foreign Affairs Subcommittee on Terrorism, nonproliferation, and Trade*. May 22. URL: <https://docs.house.gov/meetings/FA/FA18/20180522/108347/HHRG-115-FA18-Wstate-LadislavS-20180522.pdf> (accessed: 10.01.2019).

- Sidorova, E. (2016). Russian Energy Industry under the Western sanctions. *International trends*, 1, 143—155. (In Russian).
- Wallin, M. (2018). U.S. Military Bases and Facilities in the Middle East. Washington: American Security Project. URL: <https://www.americansecurityproject.org/wp-content/uploads/2018/06/Ref-0213-US-Military-Bases-and-Facilities-Middle-East.pdf> (accessed: 10.01.2019).
- Yergin, D. (2018). *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian).
- Zakharov, P.V. (2015) The United States' Current Energy Policy. *Problems of National Strategy*, 4, 180—200. (In Russian).
- Zenko, M. (2018). US Military Policy in the Middle East. An Appraisal (Research paper). *US and Americas Programme*, October.

Сведения об авторе: *Боровский Юрий Викторович* — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: yuribor@mail.ru).

About the author: *Borovsky Yury Viktorovich* — PhD in History, Associate Professor, the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (University) (e-mail: yuribor@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-354-367

Научная статья

Влияние энергетического фактора на систему международных отношений в Латинской Америке в XXI веке

В.Л. Хейфец, Д.А. Правдюк

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Research article

Influence of Energy Factor on International Relations System of Latin America in the 21st century

V.L. JEIFETS, D.A. PRAVDIUK

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Взаимосвязи между торговлей нефтью и политическими режимами, изменением климата и проблемами управления природными ресурсами, технологиями добычи полезных ископаемых и борьбой с коррупцией и др. составляют феномен многокомпонентной энергетической политики, изучение которой находится на стыке естественных и социальных наук. Латиноамериканский регион обладает большими запасами углеводородов, огромным гидроэнергетическим потенциалом, а также значительными возможностями для выработки энергии ветра и Солнца. Исторически Латинская Америка занимает небольшую долю в мировом производстве энергии — около 5 %, где Венесуэла, Мексика и Бразилия долгое время являлись единственными игроками глобального уровня. Тем не менее, в XXI в. такие факторы, как открытие месторождений подсолевого нефти в Бразилии, многообещающие прогнозы разработки альтернативных источников газа в Аргентине и открытие нефтяной отрасли в Мексике для иностранных компаний после более чем 70 лет монополии государственной компании Pemex придали дополнительный импульс развитию нефтегазовой отрасли региона.

Тесная взаимосвязь энергетической отрасли и политического контекста ряда латиноамериканских стран делает энергетический рынок региона менее предсказуемым, так как происходящие изменения не могут быть спрогнозированы с помощью стандартных инструментов анализа отрасли. В данной статье проанализированы наиболее характерные эпизоды вмешательства политики — внешней или внутренней — в энергетическую отрасль в XXI в., а также влияние, которое оказали на региональную политику события и решения в отрасли. Авторы оценивают характерные примеры взаимосвязи этих сфер, от сырьевой дипломатии Венесуэлы до решительных действий А.М. Лопеса Обрадора в мексиканской энергетике в первые месяцы его президентства, и проводят параллели между цепочками событий в политике и энергетике. Как показывают приведенные в статье кейсы Бразилии, Мексики, Боливии и Венесуэлы, цена ошибки становится чрезвычайно высокой, когда ее последствия способны дестабилизировать оба сектора ввиду их тесного переплетения.

Ключевые слова: Латинская Америка, энергетика, сырьевая дипломатия, энергетическая политика

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Место Латинской Америки в новом миропо-
рядке: перспективы и вызовы» (№ 19-014-00042).

Для цитирования: Хейфец В.Л., Правдюк Д.А. Влияние энергетического фактора на систему международных отношений в Латинской Америке в XXI веке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 354—367. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-354-367

© Хейфец В.Л., Правдюк Д.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract. Relation between oil trade and political regimes, climate change and problems of managing natural resources, mining technologies and fighting corruption and many others constitute the phenomenon of a multicomponent energy policy, the study of which is located at the intersection of natural and social sciences. Latin American region has large hydrocarbon reserves, huge hydropower potential, as well as significant opportunities to generate wind and solar energy. Historically, Latin America has occupied a small share of world energy production — about 5 %, where Venezuela, Mexico and Brazil have long been the only players of a global level. However, in the 21st century, factors such as the discovery of pre-salt oil deposits in Brazil, promising forecasts for the development of alternative gas sources in Argentina and the opening of Mexican oil industry for foreign companies after more than seventy years of the monopoly of Pemex, gave an additional impetus to the development of oil and gas industries of the region.

The close relationship between energy industry and political context of a number of Latin American countries makes the region's energy market less predictable, as changes cannot be predicted using standard industry analysis tools. This article analyzes the most significant episodes of political intervention — external or internal — to the energy industry in the 21st century, as well as the impact that events and decisions in this industry had on the regional policy. The authors analyze distinctive examples of the interconnectedness of these areas, from the “resource diplomacy” of Venezuela to the decisive actions of A.M. Lopez Obrador in Mexican energy in the first months of his presidency, and draw parallels between the chains of events in politics and energy. As the cases of Brazil, Mexico, Bolivia, and Venezuela, cited in the article, show, the cost of error becomes extremely high when its consequences can destabilize both sectors due to their close interweaving.

Key words: Latin America, energy, resource diplomacy, energy policy

Acknowledgments: This article was prepared with the support of the RFBR grant “The Place of Latin America in the New World Order: Prospects and Challenges” (No. 19-014-00042).

For citations: Jeifets, V.L. & Pravdiuk, D.A. (2019). Influence of Energy Factor on International Relations System of Latin America in the 21st century. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 354—367. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-354-367

Первые исследования энергетической политики были мотивированы последствиями ресурсной зависимости для национальной безопасности [Brunner 1930]. Реалистическая традиция наиболее заметно утверждала центральную роль интересов национальной безопасности в энергетической политике. Основатель теории политического реализма Г. Моргентхау [Morgenthau 1963: 115] определял контроль над природными ресурсами как центральный элемент национальной власти как в войне, так и в мирное время, а американский политолог Р. Гилпин утверждал, что конкуренция за ресурсы является важной движущей силой поведения государства [Gilpin 1981: 96]. Профессор международных отношений Стэнфордского университета, бывший директор по политическому планированию Государственного департамента США С. Краснер предлагал государствам формировать независимые от политических мотивов предпочтения на рынках сырья [Krasner 1978: 203]. Общая теоретическая модель указывает на правительство как наиболее важный действующий субъект энергетической политики и предполагает, что государственные стратегии определяются послед-

ствиями импортозависимости для национальной безопасности.

Экономика региона Латинской и Карибской Америки (ЛКА) значительно зависит от колебаний цен на сырьевые товары, что, в свою очередь, сильно влияет на национальные бюджеты и поток иностранных инвестиций. Крупнейшие объемы добычи нефти и газа в регионе показывают Бразилия, Аргентина, Венесуэла, Мексика и Колумбия; в связи с крупными объемами месторождений газа отдельного упоминания заслуживает Боливия. Каждая из них проводит собственную энергетическую политику, продиктованную внутренним спросом и внешней конъюнктурой. В основном эта отрасль деполитизирована, но зачастую решения, которые принимаются в этой стратегической отрасли, обусловлены политическими или идеологическими мотивами. В свете усиливающейся взаимосвязи трансграничных энергетических потоков и международных отношений вопрос, какой из компонентов чаще является субъектом, а какой — объектом влияния, представляется достаточно сложной исследовательской задачей.

Сырьевая дипломатия Венесуэлы и ее перспективы

Первой страной, ассоциируемой с взаимосвязью энергетики и политико-идеологических мотивов, является Венесуэла. Будучи одной из стран — основательниц ОПЕК, по итогам 2018 г. она обладает крупнейшими доказанными запасами нефти в мире, большинство из которых находятся в поясе Ориноко¹. Главными импортерами венесуэльской нефти на протяжении многих лет являлись США, Китай и Индия: до прекращения торговых отношений между государственной компанией PDVSA и американскими покупателями в США шли поставки по 500 тыс. барр. в день, в то время как в Индию и Китай — более 300 тыс. барр. в день в каждую².

Избыточность запасов «черного золота» позволяла использовать энергоносители в качестве политического инструмента: одной из ключевых составляющих так называемой «энергетической дипломатии» Каракаса стало соглашение Petrocaribe. Соглашение об энергетическом сотрудничестве, инициированное венесуэльцами с целью предоставления льготного механизма оплаты нефти и нефтепродуктов 14 странам ЛКА, было подписано 29 июня 2005 г. в ходе Первого энергетического саммита глав правительств стран Карибского бассейна, состоявшегося в г. Пуэрто-Ла-Крус (Венесуэла) [Халитов 2007: 30]. В настоящее время эта инициатива охватывает 18 стран.

С самого возникновения Petrocaribe рассматривался не просто как преференциальный экономический проект, а как акт солидарности и единства, попытка преодоления негативного эффекта неравномерного распределения природных ресурсов, рука помощи карибским странам от процветающего социалистического гиганта. Сторонники президента Уго Чавеса говорили о создании нового центра силы и интеграции в Западном полушарии, противники — о намерении Каракаса «купить» поддержку карибских стран дешевой

нефтью, но в целом все сходились на том, что значение этого соглашения выходило за рамки экономики и Венесуэла преуспела в создании некой буферной зоны между собой и США. По словам самого У. Чавеса, организация была создана «в качестве механизма для освобождения региона от империализма и капитализма»³, а интернет-портал организации характеризует эту инициативу как часть геополитической стратегии Венесуэлы по развитию многополярного мира.

Чтобы ответить на вопрос, насколько сильно соглашение Petrocaribe повлияло на консолидацию провенесуэльской позиции карибских стран, ряд исследователей проанализировали голосование в Генеральной Ассамблее ООН (ГА ООН) до и после подписания документа. Несмотря на положительную динамику совпадения мнений Венесуэлы и стран Petrocaribe по широкому кругу вопросов, результаты анализа нельзя считать бесспорными: многие вопросы, выносимые на голосование, не затрагивали интересы стран ЛКА напрямую, а единодушные по более чувствительным проблемам могло быть продиктовано близостью идеологических позиций, а не только зависимостью от венесуэльской нефти⁴.

Отдельного упоминания в контексте взаимосвязи энергетики и политики заслуживают отношения Венесуэлы и Кубы: в рамках бартерного соглашения «остров Свободы» получает нефть в обмен на услуги кубинских врачей, учителей, спортивных инструкторов и военных и разведывательных советников [Борейко 2016: 63]. Феномен соглашения заключается в том, что в паре «экспортер — импортер» именно последний приобретает в результате определенное имплицитное политическое влияние на своего партнера, а не наоборот, как это зачастую происходит в нефтяных сделках. Политическая оппозиция в Венесуэле много лет критиковала тесную дружбу Фиделя Кастро и Уго Чавеса, заявляя, что Ф. Кастро якобы захватил их страну, и обвиняя разведыва-

¹ BP Statistics Review 2018 // BP. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf> (accessed: 28.04.2019).

² Explainer: U.S. Sanctions and Venezuela's Exports and Imports // Reuters. May 3, 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-venezuela-politics-crude-exports-expl/explainer-u-s-sanctions-and-venezuelas-exports-and-imports-idUSKCN1S82BI> (accessed: 28.04.2019).

³ Intervención de Hugo Chávez en la Inauguración de Petrocaribe // CubaDebate. 22.12.2007. URL: <http://www.cubadebate.cu/especiales/2007/12/22/intervencion-de-hugo-chavez-en-la-inauguracion-de-petrocaribe/#.XL71SDAzaUk> (accessed: 30.04.2019).

⁴ Petrocaribe: el Petróleo Como Herramienta Geopolítica. URL: <http://virtual.iesa.edu.ve/servicios/wordpress/wp-content/uploads/2016/04/2014-jul-petrocaribe.pdf> (accessed: 29.04.2019).

тельные службы Кубы в контроле над венесуэльской армией через военных специалистов. Лозунг “Desenchufalos!” («Отсоедините их!»), намекающий на кубинцев, стал объединяющим призывом венесуэльской оппозиции⁵.

Теперь, когда политические беспорядки угрожают правительству Н. Мадуро в Каракасе, они также помещают в зону риска энергообеспечение «острова Свободы». Председатель Национальной ассамблеи Венесуэлы Хуан Гуайдо, провозгласивший себя в январе 2019 г. временным президентом, неоднократно обещал покончить с кубинским влиянием в Венесуэле, и возможная смена политического курса ставит под угрозу особые отношения между двумя странами. И хотя правительство Н. Мадуро сохраняет контроль над страной, объем поставок из Венесуэлы уже сократился. Часть экспертов полагают, что это вызвано санкциями США против судов, транспортирующих нефть на Кубу; другие указывают, что причина кроется в общем падении добычи «черного золота» в Венесуэле. Венесуэльский МИД заявляет, что эти меры не помешают стране исполнять свои обязательства по отношению к Кубе⁶, но Гавана спешит увеличить объем нефтехранилищ для резервных запасов на случай экстренных перебоев.

Petrocaribe также связан с инициативой развития внутрирегиональных связей социалистических правительств (известной как Боливарианский альянс для народов нашей Америки (ALBA)): на VII саммите Petrocaribe Н. Мадуро провозгласил курс на углубление интеграции между странами соглашения и странами АЛБА [Muhg 2010: 40]. Во многом именно для вовлечения стран АЛБА в «нефтяную орбиту» Венесуэлы был создан самостоятельный проект Petroamérica, наряду с озвученными в том же 2005 г. проектами Petroandina и Petrosur, однако Petrocaribe был и остается ключевым политико-энергетическим активом Каракаса [Весновская, Борзова 2015: 106].

⁵ The History That Chains Cuba to Venezuela’s Crisis // CNN. February 3, 2019. URL: <https://edition.cnn.com/2019/02/02/americas/venezuela-cuba-history-oil/index.html> (accessed: 30.04.2019).

⁶ Venezuela Pledges to Honor Oil Commitments to Cuba Despite Sanctions // Reuters. April 9, 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-venezuela-politics-cuba/venezuela-pledges-to-honor-oil-commitments-to-cuba-despite-sanctions-idUSKCN1RK2HZ> (accessed: 30.04.2019).

Даже в состоянии глубокого экономического кризиса Н. Мадуро по-прежнему заявляет о приверженности соглашению, хотя PDVSA не один раз находилась на грани дефолта по платежам, а неминуемую катастрофу могло отсрочить лишь привлечение любых дополнительных финансовых потоков. В то же самое время некоторые получатели венесуэльской нефти на льготных условиях не чувствуют себя связанными политическими обязательствами: так, Ямайка, долговые обязательства которой были рефинансированы в 2015 г. (что привело к фактическому списанию 1,7 млрд долл. США), 4 июня 2018 г. присоединилась к американской резолюции по Венесуэле, выдвинутой в ходе 48-й сессии ОАГ⁷, а в январе 2019 г. поддержала заявления группы Лимы о нелегитимности второго президентского срока Н. Мадуро.

Современное положение дел в венесуэльском энергетическом секторе также всецело зависит от политической конъюнктуры: с 2015 г. на Венесуэлу был наложен ряд санкций, главным образом американских. В августе 2017 г. сфера действия санкций США была расширена, чтобы повлиять на деятельность PDVSA. В 2018 г. США расширили санкции ввиду углубления политического и гуманитарного кризиса в стране и предпринятых Н. Мадуро попыток задействовать криптовалюты для обхода существующих ограничений.

В январе 2019 г. США не только признали Х. Гуайдо в качестве законного лидера Венесуэлы, но и нанесли еще один удар по венесуэльской энергетике: Д. Трамп запретил проводить операции с новыми долговыми обязательствами и государственными ценными бумагами Венесуэлы, призванными в том числе не допустить полного паралича нефтяной отрасли, а чуть позже последовал полный запрет на торговые сделки с PDVSA. Каракас был вынужден в ускоренном темпе переориентировать поставки, ранее предназначенные США, на Индию, Китай и Россию⁸.

⁷ См.: A Resolution on Venezuela Finally Passes at the OAS // Global Americans. June 6, 2018. URL: <https://theglobalamericans.org/2018/06/11819/> (accessed: 01.05.2019).

⁸ См.: U.S. Oil Sanctions On Venezuela Could Be An Energy Windfall For India And China // Forbes. January 31, 2019. URL: <https://www.forbes.com/sites/ronakdesai/2019/01/31/u-s-oil-sanctions-on-venezuela-could-be-an-energy-windfall-for-india-and-china/#10402e451a49> (accessed: 01.05.2019).

Тесная взаимосвязь политики и энергетики в Венесуэле долгое время была залогом внешнеполитического успеха для венесуэльского истеблишмента, однако в современных условиях это переплетение рычагов влияния и слабых мест обеих сфер способно сыграть с правительством Н. Мадуро злую шутку. Власть, десятилетиями использовавшая энергетическую отрасль для воздействия на страны полушария, находится под реальной угрозой фатального влияния северного соседа через ту же отрасль, и последствия этого поворота пока предугадать, увы, невозможно. Кризис в Венесуэле серьезно дестабилизировал региональную политику, вызвав поляризацию отнюдь не только венесуэльского общества: отсутствие единства среди стран Латинской Америки в сочетании со столкновением приоритетных интересов США и России в венесуэльском вопросе дают основание экспертам называть противостояние лагерей государств — сторонников и противников Н. Мадуро новой холодной войной⁹. В этом контексте энергетическая дипломатия Венесуэлы неуклонно становится вторичной по отношению к действиям более влиятельных акторов.

Мексиканский энергетический сектор как один из основных приоритетов А.М. Лопеса Обрадора

Нефть всегда была чувствительным национальным вопросом для мексиканцев: в стране по сей день отмечается 18 марта — годовщина экспроприации нефтяной отрасли президентом Лазаро Карденасом в 1938 г. В XXI в. энергетический сектор страны пережил период глубоких изменений благодаря реформам 2013 г., коренным образом перестроившим структуру отрасли: прекратив монополию *Petróleos Mexicanos* (Pemex), власти рассчитывали привлечь в энергетику новых игроков для обеспечения эффективных инвестиций в традиционные и низкоуглеродистые источники электроэнергии [Мексика... 2014; Охеда Кальюни, Чадаева 2018: 614]. Изменения соот-

ветствовали представлениям правительства Э. Пеньи Ньето о модернизации мексиканской экономики, однако не решали проблему коррупции в Pemex, и, по мнению экспертов, лишь усугубили стагнацию компании [Школяр 2016: 42].

Предвыборная кампания действующего президента Мексики Андреса Мануэля Лопеса Обрадора (2018 — наст. вр.) была сконцентрирована на необходимости бескомпромиссной борьбы с коррупцией, в том числе и в энергетическом секторе. Придя к власти с большим отрывом от оппонентов и парламентским большинством, А.М. Лопес Обрадор (или АМЛЮ, как в прессе сокращают его полное имя) получил карт-бланш на воплощение своего видения реформ, и первые сто дней его президентства были отмечены рядом громких решений.

Глава государства не намерен выпускать энергетику из своего поля зрения. На шестой день его президентства было объявлено о решении на три года остановить нефтяные аукционы Pemex: все действующие контракты на разведку и добычу будут пересмотрены, а торги отложены. «Мы не желаем инвестиций, которые используются только для спекуляций. Мы хотим, чтобы они производили, и мы нуждаемся в них, поскольку [мексиканское] производство падает»¹⁰, — заявил президент.

Объявленная коррупции и хищениям война затронула энергетический сектор: согласно приблизительным подсчетам, хищение нефти организованными преступными группами обходится стране в 1 млрд долл. США ежегодно¹¹. Президент объявил об ужесточении ответственности за кражу топлива (*huachicoleo*), а одной из первых мер стала смена способа транспортировки топлива с трубопроводов на танкеры и цистерны. Уже к 9 января 2019 г. по всей стране у заправок выстраивались очереди, вызванные слухами о предстоящих перебоях в поставках топлива, что, в свою очередь, действительно вызвало дефицит из-за резкого скачка спроса [Perdoza 2019]. Тем

¹⁰ Reforma Energética va: AMLO // El Heraldo. 07.12.2018. URL: <https://heraldodemexico.com.mx/pais/reforma-energetica-va-amlo/> (accessed: 01.05.2019).

¹¹ Mexico's Drug Cartels, Now Hooked on Fuel, Cripple the Country's Refineries // Reuters. January 24, 2018. URL: <https://www.reuters.com/investigates/special-report/mexico-violence-oil/> (accessed: 01.05.2019).

⁹ Venezuela se convierte en el último frente de la nueva guerra fría entre EEUU y Rusia // El Periódico. 02.05.2019. URL: <https://www.elperiodico.com/es/internacional/20190502/venezuela-frente-guerra-fria-ee-uu-rusia-7435943> (accessed: 01.05.2019).

не менее, согласно опросу мексиканской El Financiero, мексиканцы понимают, что дефицит вызван борьбой А.М. Лопеса Обрадора с хищениями: уровень поддержки президента вырос, а винить в дефиците опрошенные склонны или предыдущее правительство (42 %), или сами кражи (31 %) ¹².

В феврале 2019 г. внимание президента было обращено на национальную комиссию по электричеству Мексики, известную как CFE. «Мы собираемся остановить план уничтожения CFE, чтобы частные компании не смогли захватить рынок электроэнергии», — заявил президент. Еще один энергетический вопрос президент решил вынести на суд общественности: 23—24 февраля 2019 г. состоялся референдум, посвященный строительству ТЭС в штате Морелос, и около 60 % респондентов поддержали проект А.М. Лопеса Обрадора. Тот факт, что президент предпочел положиться на мнение населения, а не на оценки экспертов и экологов, еще раз говорит о возросшем влиянии политических мотивов на мексиканскую энергетическую отрасль.

Перемены в энергетике Мексики, тесно взаимосвязанные с целым рядом других внутривнутриполитических сюжетов, в свою очередь влияют на региональную конъюнктуру, добавляя неопределенности энергетическому рынку и оставляя открытым вопрос о месте Мексике в полушарном балансе сил. Мексика — второй по объему поставок экспортер нефти в США, на этом рынке Мексика десятилетиями конкурировала с Венесуэлой. В связи с высокой интегрированностью мексиканской и американской экономик нельзя не упомянуть основную черту энергетической политики Д. Трампа, аккумулирующей в себе потенциал для значительного воздействия на глобальные рынки, особенно в привязке к вопросам защиты окружающей среды. При администрации Б. Обамы исполнительная власть часто строго ограничивала энергетические проекты по экологическим соображениям, в то время как администрация Д. Трампа заняла противоположную позицию, предпринимая шаги по ускорению согласований трубопроводов и экспортных терминалов СПГ, включая проекты, ориентированные на экспорт природного газа в Мексику и Азию.

В свете продолжающейся конфронтации с администрацией Д. Трампа по социальным вопросам дальнейший импорт американского газа и привлечение инвестиций в энергетический сектор может помочь улучшить как имидж Мексики, так и политическую репутацию А.М. Лопеса Обрадора в стране и за рубежом. Потенциальные выгоды для Мексики заключаются как в поощрении взаимовыгодной двусторонней торговли с США, так и в возможности уменьшить зависимость от США путем укрепления дипломатических и экономических отношений с другими государствами, твердо придерживаясь внутренних обязательств по социально-ответственному управлению [Gantz 2019]. В свете неопределенной роли Бразилии в Латинской Америке Мексика может претендовать на более заметное место в региональной политике.

Решительные действия А.М. Лопеса Обрадора, противоположные духу открытого регионализма, вызывают серьезную обеспокоенность со стороны мексиканских и международных экспертов. Многие предприниматели и аналитики прогнозируют негативные последствия для мексиканской экономики и мировых энергетических рынков, ссылаясь на другие примеры резкого популистского вмешательства государства в энергетику [Balderas Zavala, Tapia Ornelas 2019]. Но некоторые наблюдатели предупреждают, что предсказания тяжелых последствий преждевременны и что есть признаки готовности правительства реализовать более умеренный и прагматичный подход.

Более того, учитывая неуклонное снижение добычи нефти и газа компанией Pemex (табл. 1), нехватку внутренних специалистов и капитала, необходимых для оживления энергетической инфраструктуры страны, многие аналитики полагают, что единственная прагматичная политическая реакция, доступная администрации А.М. Лопеса Обрадора, заключается в обеспечении непрерывности энергетических реформ 2013 г. ¹³

¹² Mexico Fuel Theft Polls. URL: <https://infogram.com/fuel-theft-polls-1h0r6rg7j7372ek> (accessed: 01.05.2019).

¹³ См.: Burton S.P., Rodríguez D., Thurber M.J. US-Mexico Energy & Environmental Policy Transition: Opportunity Amidst Uncertainty? March 21, 2019. URL: <https://www.huntonnickelreportblog.com/2019/03/us-mexico-energy-environmental-policy-transition-opportunity-amidst-uncertainty/> (accessed: 01.05.2019).

Таблица 1 / Table 1

**Объемы добычи нефти компанией Pemex /
Crude of Pemex oil production**

Месяц / Month	Всего (тыс. барр. в д.) / Total (thousand barrels per day)	Сорт сырой нефти / Type of crude oil		
		Тяжелая / Heavy	Легкая / Light	Сверхлегкая / Extralight
Январь 2018 / January 2018	1 909	1 068	612	229
Февраль 2018 / February 2018	1 876	1 088	571	217
Март 2018 / March 2018	1 846	1 069	562	215
Апрель 2018 / April 2018	1 868	1 087	570	211
Май 2018 / May 2018	1 850	1 079	564	207
Июнь 2018 / June 2018	1 828	1 068	551	210
Июль 2018 / July 2018	1 823	1 066	549	208
Август 2018 / August 2018	1 798	1 057	614	127
Сентябрь 2018 / September 2018	1 808	1 093	502	213
Октябрь 2018 / October 2018	1 747	1 073	522	152
Ноябрь 2018 / November 2018	1 697	1 054	508	135
Декабрь 2018 / December 2018	1 710	1 073	505	132
Январь 2019 / January 2019	1 623	997	495	132
Февраль 2019 / February 2019	1 701	1 076	484	142
Март 2019 / March 2019	1 691	1 069	480	142
Апрель 2019 / April 2019	1 675	1 058	476	142

Источник / Source: Monthly Petroleum Statistics // PEMEX. April 2019. URL: http://www.pemex.com/en/investors/publications/Indicadores%20Petroleros%20Archivos/indicador_ingles.pdf (accessed: 01.05.2019).

Международное энергетическое сообщество очень восприимчиво к националистической риторике и имеет «долгую память» на рискованные ходы правительств. В целом новому мексиканскому правительству не чужд прагматизм, и со временем у президентской команды есть все шансы и инструменты разработать и беспрепятственно воплотить в жизнь взвешенный курс, учитывающий как интересы народа, так и требования рынка, предоставляя Мексике возможность использовать свой энергетический потенциал для укрепления своих позиций на международной арене. Однако прослеживающийся на сегодняшний день курс на усиление роли государства в энергетике говорит скорее о ставке А.М. Лопеса Обрадора на поддержку электората, а не на привлекательность в глазах инвесторов, что невольно вызывает ассоциации с позицией боливийского президента Эво Моралеса (2006 — наст. вр.), которая хоть и снискала ему любовь народа и три президентских срока, не создала условий для качественного рывка вперед боливийской газовой отрасли.

**Боливия: политические промахи
как сдерживающий фактор
для энергетической отрасли**

Боливия эпохи президентства Эво Моралеса является характерным примером страны «социализма XXI века»: в своем стремлении улучшить жизнь основной массы населения и получить их поддержку Э. Моралес разработал левопопулистскую программу, обещавшую, кроме всего прочего, добиться международной легализации выращивания коки и национализировать боливийскую газовую отрасль, и с некоторыми поправками придерживался ее все свое президентство. К моменту его прихода к власти газовый вопрос стоял крайне остро: в обществе еще были слышны отголоски «газовой войны» 2003 г., поводом к которой стало намерение президента Гонсало Санчеса де Лосады экспортировать природный газ в США и Мексику через порты Чили, которое боливийцы считали враждебным государством, поскольку оно лишило Боливию выхода к Тихому океану. Тогда оппозиция призывала к национализации и индустриализации газа Боли-

вии. Протесты включали в себя всеобщую забастовку, марши шахтеров и крестьян к месту пребывания правительства и бессрочную остановку работы в г. Эль-Альто [Berrios, Marak 2010: 682].

Боливия обладает крупными месторождениями природного газа, однако ее доля добычи невелика даже в региональном масштабе, во многом из-за низкого потока инвестиций в страну, отсутствия современной технологической базы, негативных последствий вмешательства государства в энергетический сектор [Velez-Ocampo, Govindan, Gonzalez-Perez, Herrera-Cano 2017: 327]. Сегодня Боливия продает излишки природного газа соседям — главным образом Бразилии и Аргентине по трубопроводу. Обращает на себя внимание отсутствие прямой трубопроводной связи между Боливией и Чили: чилийско-боливийское взаимодействие в газовой отрасли, равно как и во многих других областях, сдерживается неразрешимым до настоящего времени территориальным спором [Хейфец, Правдюк 2019: 63].

Долгое время Чили импортировало газ из Боливии, однако в начале XXI в. имела место неосторожная попытка использовать поставки газа как инструмент политического давления. Боливийский президент Карлос Меса (2003—2005) поставил перед своим народом беспрецедентный вопрос — стоит ли продолжать продавать главное богатство боливийской земли стране, проявляющей подобную неуступчивость в вопросе национальной важности — возвращении Боливии выхода к морю? Речь шла, в первую очередь, о поставках газа в Чили и о проекте транзита газа через бывшую боливийскую, а ныне чилийскую провинцию Антофагаста для продажи США и Мексике. К. Меса принял решение о всенародном референдуме, на котором было сформулировано пять вопросов, включая вопрос № 4: «Согласны ли Вы, что следует использовать боливийский газ для возвращения суверенного доступа к Тихому океану?», за который проголосовало 55 % боливийцев [Arraras, Deheza 2005: 163].

Таким образом, 18 июля 2004 г. формула «газ в обмен на море» была одобрена, и на следующий день после референдума К. Меса направил свое предложение в Сантьяго, где оно было встречено недоумением чилийских властей. Сдвинуть спор с мертвой точки этот шаг не помог, а Чили взяло курс на диверсификацию импорта энергоресурсов.

Тот факт, что в структуре чилийского импорта газа в 2018 г. Аргентины не было, а в 2019 г. она заняла почти половину рынка, говорит как о растущем экспортном потенциале сланцевого месторождения Vaca Muerta, так и о гибкости и прагматизме чилийского рынка. Что касается Боливии, то между ней, Аргентиной и Чили существует некая взаимосвязь в области продажи электроэнергии и газа, однако она неуклонно слабеет.

С конца 2018 г. Аргентина начала экспортировать в Чили свой собственный природный газ из Vaca Muerta, а не тот, который она покупает в Боливии. В апреле 2018 г. Чили и Аргентина подписали Соглашение о протоколе по экспорту, импорту, коммерциализации и транспортировке электроэнергии и природного газа, устраняя бюрократию, барьеры и регуляторные ограничения, которые существовали более десятилетия. Аргентина будет поставлять в Чили около 1,3 млн куб. м газа (транспортируемого по газопроводу «Gas Andes» длиной 463 км) по прерывным и сезонным контрактам (октябрь/апрель). Чили будет использовать аргентинский газ для производства электроэнергии и производства метанола.

Экс-министр углеводородов Боливии Карлос Миранда не мог не отметить «неблагоприятную перспективу» для продажи боливийского газа в связи с падением аргентинского спроса¹⁴. Учитывая, что экспорт ориентирован только на два рынка — Бразилию и Аргентину, Боливии есть о чем беспокоиться: контракт на поставки Бразилии истекает в 2019 г., Аргентина движется в сторону «энергетической независимости», начало которой было положено национализацией компании YPF в 2012 г. [Яковлева, Яковлев 2012: 27]. Сейчас Боливия продает Аргентине около 12 млн кубометров в день, тогда как согласованный минимум составлял 17 млн кубометров в день. Бразилия же потребляет 30 млн кубометров боливийского газа в день. Вероятно, в среднесрочной перспективе 3—5 лет ни Бразилия, ни Аргентина не прекратят покупать боливийский газ, но соот-

¹⁴ См.: Exministro de Hidrocarburos Carlos Miranda: Se Avecina Panorama Adverso para el Gas Boliviano // Santa Cruz Económico. 02.11.2018. URL: <http://www.sceconomico.com.bo/exministro-de-hidrocarburos-carlos-miranda-se-avecina-panorama-adverso-para-el-gas-boliviano/> (accessed: 02.05.2019).

ношение цен, объемов и форм поставок могут быть изменены в менее выгодную для Боливии сторону¹⁵.

Экономический либерализм и рыночное видение энергетики привели Аргентину к лучшим вариантам производства энергии при меньших затратах, а также возможности удовлетворить спрос внутреннего рынка и экспортировать излишки. Грамотная стратегия диверсификации импорта позволила Чили снизить до минимума риск любой формы зависимости от какой-то из стран — импортеров энергоресурсов, а гибкая система контрактов позволила быстро переориентировать потребление на аргентинский газ в 2019 г. Боливия же по-прежнему привязана к одномерному популистскому подходу, подразумевающему видение газа как «государственного инструмента» [Fontaine, Narvaez, Velasco 2017]. Более того, сам факт национализации, а также низкий уровень защиты иностранных инвестиций и прецедент манипулирования поставками в 2003—2004 гг. привели к тому, что Боливия менее привлекательна как торговый партнер и как объект для инвестирования по сравнению практически со всеми странами региона¹⁶. Это обуславливает крайне медленные темпы развития отрасли и неудачи попыток выйти на новые рынки или оптимизировать собственное производство: такие проекты, как, например, сооружение газификационного терминала СПГ на перуанском побережье или газопровода к одному из чилийских портов, увы, не вызывают заметного энтузиазма у соседей.

Бразилия на пути к выходу из кризиса: энергетические реформы и новый внешнеполитический курс

Бразилия обладает крупными месторождениями нефти и газа, но государственная нефтяная компания Petrobras долго не могла достичь поставленной планки по объемам добычи, а инве-

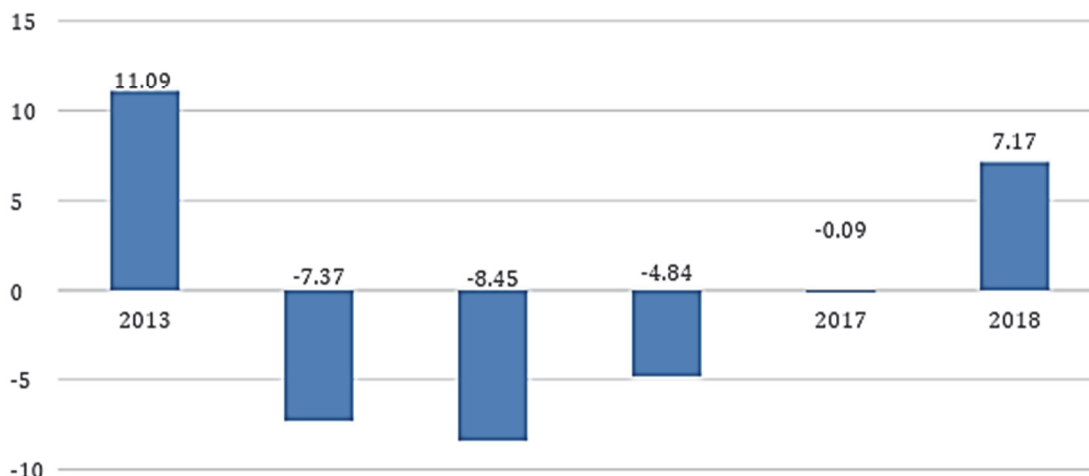
стиции международных компаний были ограничены националистической нефтяной политикой, инициированной в 2010 г. при президенте Луисе Игнасио Лула да Силве (2003—2011) [Ramirez-Cendrero, Jose Paz 2016]. Открытие залежей так называемой подсолевой нефти (pre-salt oil) привели к изменению регулирования добычи, увеличив роль национальной нефтяной компании Petrobras в стратегической отрасли. В последние годы добыча на глубоководных подсолевых месторождениях в бассейне Сантоса получила значительный импульс, компенсируя снижение добычи на зрелых месторождениях в других местах. Благодаря такому успешному развитию глубоководной добычи Бразилия превратилась в нетто-экспортера нефти в 2017 г.

С 2014 г. в отрасли прослеживаются признаки рецессии. Медленные темпы разведки подсолевой нефти связаны частично с требованием участия Petrobras как минимум в 30 % всех работ в качестве оператора, даже несмотря на то, что компания сталкивается с большими финансовыми и институциональными трудностями. Кроме общего снижения темпов экономического развития по-прежнему дают о себе знать последствия расследования коррупции в отношении членов правительства и топ-менеджеров крупнейших бразильских компаний. Коррупционный скандал, начавшийся в 2014 г., привел к обвинению и заключению под стражу десятков бизнесменов и политиков высокого уровня в рамках многоуровневого расследования, установившего, что десятки миллионов долларов США были переданы чиновникам руководством Petrobras, связанной с членами Партии трудящихся. Фигурантами скандала оказались более десятка других корпораций и многочисленные иностранные лидеры (включая бывших президентов Колумбии и Перу Хуана Мануэля Сантоса и Педро Пабло Кучински).

Энергетическая отрасль Бразилии понесла значительный урон — многомиллионные штрафы пошатнули и без того погружавшуюся в кризис Petrobras, а кадровые чистки на время парализовали управление корпорацией [Bastos, Rosa, Pimenta 2016: 54]. План по спасению Petrobras был по сути противоположным мексиканскому плану поддержки Pemex: вместо протекционистских мер правительство М. Темера (2016—2019)

¹⁵ См.: Chile Recibe Gas Argentino // El Nacional. 05.11.2018. URL: http://www.el-nacional.com/noticias/columnista/chile-recibe-gas-argentino_258316 (accessed: 02.05.2019).

¹⁶ См.: Vaca M. Bolivia, ¿Sin Mercados para Su Gas? // BBC. 12.01.2010. URL: https://www.bbc.com/mundo/america_latina/2010/01/100111_0344_bolivia_gas_jaw (accessed: 03.05.2019).

Рис. 1. Годовая прибыль Petrobras (млрд долл. США) /
Fig. 1. Annual revenue of Petrobras (USD)

Источник / Source: Petrobras. URL: www.petrobras.com.br
(accessed: 21.05.2019)

прикладывало немало усилий для повышения привлекательности отрасли с точки зрения иностранных инвесторов, к примеру, ослабляя требования к производству оборудования для нефтяной промышленности¹⁷.

Открытость энергетического сектора была одним из пунктов повестки на президентских выборах Бразилии в 2018 г. В прошлом Ж. Болсонару как депутат Конгресса неоднократно голосовал за сохранение монополии Petrobras на добычу нефти и газа, однако никогда по-настоящему не фокусировался на экономике. Очевидное равнодушие к экономике и делегирование всех экономических вопросов Пауло Гуэдесу поставили вопрос о том, какая школа повлияет на энергетический сектор Бразилии: прорыночные взгляды министра Гуэдеса или националистическая склонность военных, выступающих за государственный контроль над стратегическими активами в национальных интересах.

В начале президентства Ж. Болсонару налицо сохранение статуса-кво в отношении открытости рынка энергии, заложенной действиями предыдущей администрации. Это политика укрепления Petrobras путем сокращения издержек и сосредоточения внимания на его основной силе — разведке и добыче подсолевой нефти, а также достижения поставленных целей путем партнерств и привлечения иностранных инвестиций [Ряза-

нова 2016: 50]. Плоды этого подхода не заставили себя ждать: после четырех лет огромных потерь, списаний и финансовых убытков Petrobras в 2018 г. получила прибыль в размере 6,9 млрд долл. США, компания также значительно сократила свои долги (рис. 1). Чистый долг, до недавнего времени являвшийся самым высоким показателем среди нефтяных компаний, уменьшился на 18 % с 2017 г. — до 69,4 млрд долл. США¹⁸.

Дело Java Lata имело куда более серьезные последствия, чем отстранение от должностей политиков и бизнесменов: фактически оно бросило тень на многие достижения Бразилии времен Л.И. Лула да Силвы и Д. Руссефф. Новое бразильское правительство стремится дистанцироваться от дискредитированного наследия своих предшественников, во многом отказываясь от уникального места в регионе, которое Бразилии удалось занять в XXI в. Выход страны из интеграционного объединения УНАСУР, которое могло бы стать платформой для консолидации латиноамериканских государств вокруг Бразилии в условиях ослабления Венесуэлы, показывает, что правительство Ж. Болсонару не нацелено на «оживление» и развитие заложенных предшественниками интеграционных инициатив и предпочитает начинать

¹⁷ Brazil to Ease Local Content Rules in Oil Industry // Reuters. October 18, 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-brazil-oil-idUSKBN12H2N4> (accessed: 03.05.2019).

¹⁸ См.: Mendoza N. Viewpoint: Brazil's Petrobras Is Getting Back in the Black // Americas Society / Council of the Americas. March 05, 2019. URL: <https://www.as-coa.org/articles/viewpoint-brazils-petrobras-getting-back-black> (accessed: 03.05.2019).

«с чистого листа», в частности поддержав новый проект зоны свободной торговли PROSUR¹⁹. Ж. Болсонару размышляет о перспективах получения статуса глобального партнера НАТО вслед за Колумбией²⁰. Идя на сближение с Западом, Бразилия улучшает свою репутацию и приобретает поддержку G7, которая по-прежнему является важнейшим политико-экономическим активом в стремительно трансформирующемся многополярном мире. Выбирая «господствующий» политический лагерь вместо претендующего на мировое лидерство, Ж. Болсонару делает ставку на роль младшего партнера западных держав, а не на позицию лидера развивающихся стран Латинско-американского континента.

Состояние энергетической интеграции региона как отражение политических тенденций

Для региональной политики многих латиноамериканских стран были характерны значительные усилия для повышения степени энергетической интеграции в регионе и оптимизации использования потенциала каждой страны. Однако на практике наблюдалась успешная реализация лишь немногих из этих проектов, в том числе газопроводов Бразилия — Боливия и Боливия — Аргентина, а также гидроэлектростанции Итайпу для совместного использования Бразилией и Парагваем. Несмотря на то, что все перечисленные страны входят в МЕРКОСУР, эти достижения не носили системного характера, а осуществлялись путем отдельных двусторонних инициатив.

Что касается централизованных решений МЕРКОСУР, то о необходимости расширять энергетическое сотрудничество было заявлено в 2005 г.; речь шла о проектах «Gasoducto Sudamericano» и «Anillo Energético» («Энергетическое кольцо»), нацеленных на гарантию самодостаточ-

ности Южной Америки в области газа и электричества²¹. Проект энергетического кольца (экспорт газа из Перу, Боливии и Венесуэлы в Чили, Аргентину, Бразилию, Парагвай и Уругвай) оказался нежизнеспособным, во многом потому, что технологическая сложность и высокая стоимость реализации проекта завела в тупик вопрос об источниках финансирования. Свою деструктивную роль сыграл чилийско-боливийский территориальный спор: никто не мог быть уверен в готовности Боливии поставлять газ в Чили, а без боливийских резервов у проекта не хватило бы экспортной мощности на всех потребителей.

Амбициозная идея «Gran Gasoducto del Sur» — попытка соединить газопроводом протяженностью более 8000 км Венесуэлу, Бразилию и Аргентину общей стоимостью 23 млрд долл. США — из-за ряда технических, правовых и финансовых препятствий так и не была реализована²², а лидеры, подкрепившие первичную инициативу собственной политической волей, вскоре начали покидать политическую арену. Кроме того, проект вызвал недовольство «младших партнеров по МЕРКОСУР» — Уругвая и Парагвая, не включенных в него и обеспокоенных влиянием на функционирование МЕРКОСУР императивов политической оси Бразилия — Аргентина²³. Таким образом, за исключением нескольких конкретных примеров, уровень энергетической интеграции в Латинской Америке недостаточен и в основном сводится к двустороннему и субрегиональному уровням [Еремин 2018: 35].

По сравнению с другими регионами страны Латинской Америки находятся в благоприятном положении с точки зрения энергетической безопасности: они относительно самодостаточны в отношении своей потребности в нефти. Однако в случае природного газа ситуация иная: его им-

¹⁹ Gonçalves C. Bolsonaro Flies to Chile to Meet South American Leaders // Agencia Brasil. 20.03.2019. URL: <http://agenciabrasil.ebc.com.br/en/politica/noticia/2019-03/bolsonaro-flies-chile-meet-south-american-leaders> (accessed: 05.05.2019).

²⁰ NATO Chief Says Brazil, Other Latin American Countries Could Become 'Partners' // Reuters. April 4, 201. URL: <https://www.reuters.com/article/us-nato-brazil-latam-interview/nato-chief-says-brazil-other-latin-american-countries-could-become-partners-idUSKCN1RF2TT> (accessed: 05.05.2019).

²¹ См.: La Problemática Energética en el MERCOSUR: ¿Camino Hacia la Integración Sectorial? URL: <https://revistas.unlp.edu.ar/aportes/article/download/3350/3217/> (accessed: 05.05.2019).

²² См.: El Gran Gasoducto del Sur, un Proyecto Que Se Adelantó a Su Tiempo // Aporrea. 18.06.2018. URL: <https://www.aporrea.org/energia/a265092.html> (accessed: 05.05.2019).

²³ Integración Energética en el Mercosur Ampliado. URL: http://www.iri.edu.ar/publicaciones_iri/IRI%20COMPLETO%20-%20Publicaciones-V05/boletines/cd%20censud/14/DOC_DOS_ENER_BID_MSA.pdf (accessed: 05.05.2019).

порт представляет значительные объемы общих внутренних поставок в таких странах, как Мексика, Бразилия и Чили, что создает дополнительный риск внешней зависимости. В этом контексте торговля СПГ представляется оптимальной альтернативой как для производителей, так и для потребителей газа: наличие мощностей по сжижению и регазификации обеспечивает включенность региона в рынки трансокеанской торговли СПГ. Использование СПГ позволяет использовать газ в качестве альтернативной энергии, в частности для снабжения электроэнергетического сектора, представляя альтернативу строительству дорогих и сложных трубопроводов. Для Латинской Америки внезапное появление большого количества американского СПГ дало возможность диверсифицировать энергетическую матрицу региона, повысить энергетическую безопасность и, в некоторых странах, сократить выбросы парниковых газов в энергетическом секторе. Многие государства, особенно небольшие страны с низким энергопотреблением в Карибском бассейне и Центральной Америке, долгое время полагались на поставки мазута и дизельного топлива из Венесуэлы по сниженным ценам для экс-

плуатации тепловых электростанций, а сейчас охотно переориентируются на поставки СПГ из США из-за гибких условий контрактов и возможности импортировать газ в малых объемах²⁴.

В случае энергетической интеграции налицо недостаток политической воли для реализации тех или иных мегапроектов. Взаимосвязь отдельных аспектов региональной политики и энергетической отрасли остается двояким фактором: политическая стабильность в сочетании с энергетической безопасностью является безусловным преимуществом, в то время как дестабилизация хотя бы одного из двух компонентов способна вызвать непредсказуемую по масштабам турбулентность, которая неизбежно затронет многие государства. В условиях хрупкого внутрирегионального баланса сил и поиска места региона на мировой арене риски энергетической отрасли являются еще одним поводом к большей политической консолидации Латинской Америки, путь к которой, увы, пока не намечен.

²⁴ См.: LNG in the Americas. URL: <https://www.thedialogue.org/wp-content/uploads/2018/04/LNG-in-the-Americas.pdf> (accessed: 05.05.2019).

Поступила в редакцию / Received: 27.07.2019
Принята к публикации / Accepted: 06.09.2019

Библиографический список

- Борейко А.В.* Куба и Венесуэла: взаимовыгодное сотрудничество в социально-экономической сфере // Латинская Америка. 2016. № 6. С. 61—71.
- Весновская Е.И., Борзова А.Ю.* Подходы Венесуэлы к обеспечению энергетической безопасности стран Латинской Америки // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 4. С. 103—110.
- Еремин С.В.* Проблемы и перспективы интеграции рынков природного газа стран Южной Америки // Латинская Америка. 2018. № 4. С. 23—36.
- Мексика: реформа энергетического сектора* / отв. ред. В.М. Давыдов, П.П. Яковлев. М.: ИЛА РАН, 2014.
- Охеда Кальюни Э., Чадаева Э.А.* Энергетическая реформа в Мексике: опыт и уроки для преобразования энергетического сектора стран Южной Америки // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 4. С. 609—619. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-4-609-619
- Рязанова М.О.* Экономические аспекты энергетической безопасности Бразилии // Латинская Америка. 2016. № 7. С. 43—56.
- Халитов Б.Н.* Энергетическая дипломатия боливийского правительства Венесуэлы // Латинская Америка. 2007. № 10. С. 28—35.
- Хейфец Л.С., Правдиук Д.А.* Решение Гаагского суда по делу Боливии против Чили: содержание и значение // Латинская Америка. 2019. № 2. С. 54—64. DOI: 10.31857/S0044748X0003712-2
- Школяр Н.А.* Проблемы реформирования нефтяной промышленности Мексики // Латинская Америка. 2016. № 11. С. 35—42.
- Яковлева Н.М., Яковлев П.П.* Большая нефтяная игра. Причины и последствия национализации компании YPF // Латинская Америка. 2012. № 12. С. 27—42.
- Arraras A., Deheza G.* Referéndum del Gas en Bolivia 2004: Mucho Más Que un Referéndum // Revista de Ciencia Política. 2005. Vol. 25. No. 2. P. 161—172.

- Balderas Zavala R., Tapia Ornelas M. Algunos de los Rasgos Populistas de AMLO // *El Cotidiano*. 2019. Vol. 34. No. 213. P. 28—36.
- Bastos E.S., Rosa M.P., Pimenta M.M. Os Impactos da Operação Lava Jato e da Crise Internacional do Petróleo nos Retorno Anormais e Indicadores Contábeis da Petrobras 2012—2015 // *Pensar Contábil*. 2016. Vol. 18. No. 67. P. 49—56.
- Berrios R., Marak A. Explaining Hydrocarbon Nationalization in Latin America: Economics and Political Ideology // *Review of International Political Economy*. 2010. Vol. 18. No. 5. P. 673—697. DOI: 10.1080/09692290.2010.493733
- Brunner C.T. *The Problem of Oil*. London: Benn Ltd, 1930.
- Fontaine G., Narvaez I., Velasco S. Explaining a Policy Paradigm Shift: A Comparison of Resource Nationalism in Bolivia and Peru // *Journal of Comparative Policy Analysis Research and Practice*. 2017. Vol. 20. No. 2. P. 142—157. DOI: 10.1080/13876988.2016.1272234
- Gantz D. The U.S.-Mexico Trade Relationship under AMLO: Challenges and Opportunities // *Arizona Legal Studies Discussion Paper*. 2019. No. 19-06. URL: <https://ssrn.com/abstract=3377591> (accessed: 12.05.2019).
- Gilpin R. *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Krasner S.D. *Defending the National Interest: Raw Materials Investments and U.S. Foreign Policy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978.
- Morgenthau H.J. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf, 1963.
- Muhr T. Counter-Hegemonic Regionalism and Higher Education for All: Venezuela and the ALBA // *Globalisation, Societies and Education*. 2010. Vol. 8. No. 1. P. 39—57. DOI: 10.1080/14767720903574041
- Perdoza L. AMLO's First 100 Days: Mixed Signals // *GIGA Working Paper*. 2019. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-61810-3> (accessed: 13.05.2019).
- Ramirez-Cendrero J.M., Jose Paz M. Oil Fiscal Regimes and National Oil Companies: A Comparison between Pemex and Petrobras // *Energy Policy*. 2016. Vol. 101. P. 473—483. DOI: 10.1016/j.enpol.2016.11.009
- Velez-Ocampo J., Govindan K., Gonzalez-Perez M., Herrera-Cano C. Nationalisation and Privatisation in State-Owned Oil Multinationals // *International Journal of Business and Emerging Markets*. 2017. Vol. 9. No. 3. P. 302—328. DOI: 10.1504/IJBEM.2017.10007669

References

- Arraras, A. & Deheza, G. (2005). Referéndum del Gas en Bolivia 2004: Mucho Más Que un Referéndum. *Revista de Ciencia Política*, 25 (2), 161—172.
- Balderas Zavala, R. & Tapia Ornelas, M. (2019). Algunos de los Rasgos Populistas de AMLO. *El Cotidiano*, 34 (213), 28—36.
- Bastos, E.S., Rosa, M.P. & Pimenta, M.M. (2016). Os Impactos da Operação Lava Jato e da Crise Internacional do Petróleo nos Retorno Anormais e Indicadores Contábeis da Petrobras 2012—2015. *Pensar Contábil*, 18 (67), 49—56.
- Berrios, R. & Marak, A. (2010). Explaining Hydrocarbon Nationalization in Latin America: Economics and Political Ideology. *Review of International Political Economy*, 18 (5), 673—697. DOI: 10.1080/09692290.2010.493733
- Boreiko, A.V. (2016). Cuba and Venezuela: Mutually Beneficial Cooperation in the Socio-Economic Sphere. *Latin America*, 6, 61—71. (In Russian).
- Brunner, C.T. (1930). *The Problem of Oil*. London: Benn Ltd.
- Davydov, V.M. & Yakovlev, P.P. (Eds.). (2014). *Mexico: Energy Sector Reform*. Moscow: ILA RAS publ. (In Russian).
- Eremin, S.V. (2018). Problems and Prospects for the Integration of Natural Gas Markets in South America. *Latin America*, 4, 23—36. (In Russian).
- Fontaine, G., Narvaez, I. & Velasco, S. (2017). Explaining a Policy Paradigm Shift: A Comparison of Resource Nationalism in Bolivia and Peru. *Journal of Comparative Policy Analysis Research and Practice*, 20 (2), 142—157. DOI: 10.1080/13876988.2016.1272234
- Gantz, D. (2019). The U.S.-Mexico Trade Relationship under AMLO: Challenges and Opportunities. *Arizona Legal Studies Discussion Paper*, 19-06. URL: <https://ssrn.com/abstract=3377591> (accessed: 12.05.2019).
- Gilpin, R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Khalitov, B.N. (2007). Energy Diplomacy of the Bolivarian Government of Venezuela. *Latin America*, 10, 28—35. (In Russian).
- Kheifets, L.S. & Pravdiuk, D.A. (2019). The Decision of the Hague Court in the Case of Bolivia vs. Chile: Content and Significance. *Latin America*, 2, 54—64. (In Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0003712-2
- Krasner, S.D. (1978). *Defending the National Interest: Raw Materials Investments and U.S. Foreign Policy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Morgenthau, H.J. (1963). *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf.
- Muhr, T. (2010). Counter-Hegemonic Regionalism and Higher Education for All: Venezuela and the ALBA. *Globalisation, Societies and Education*, 8 (1), 39—57. DOI: 10.1080/14767720903574041

- Ojeda Kalluni, E. & Chadaeva, E.A. (2018). Energy Reform in Mexico: Experience and Lessons for Transforming South America's Energy Sector. *RUDN Journal of Economics*, 26 (4), 609—619. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-4-609-619
- Perdoza, L. (2019). AMLO's First 100 Days: Mixed Signals. *GIGA Working Paper*. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-61810-3> (accessed: 13.05.2019).
- Ramirez-Cendrero, J.M. & Jose Paz, M. (2016). Oil Fiscal Regimes and National Oil Companies: A Comparison between Pemex and Petrobra. *Energy Policy*, 101, 473—483. DOI: 10.1016/j.enpol.2016.11.009
- Ryazanova, M.O. (2016). Economic Aspects of Brazil's Energy Security. *Latin America*, 7, 43—56. (In Russian).
- Shkolyar, N.A. (2016). Problems of Reforming the Petroleum Industry in Mexico. *Latin America*, 11, 35—42. (In Russian).
- Velez-Ocampo, J., Govindan, K., Gonzalez-Perez, M. & Herrera-Cano, C. (2017). Nationalisation and Privatisation in State-Owned Oil Multinationals. *International Journal of Business and Emerging Markets*, 9 (3), 302—328. DOI: 10.1504/IJBEM.2017.10007669
- Vesnovskaya, E.I. & Borzova, A.Yu. (2015). Venezuela's Approaches to Ensuring the Energy Security of Latin America. *Vestnik RUDN. International Relations*, 15 (4), 103—110. (In Russian).
- Yakovleva, N.M. & Yakovlev, P.P. (2012). Big Oil Game. Reasons and Consequences of YPF Company Nationalization. *Latin America*, 12, 27—42. (In Russian).

Сведения об авторах: *Хейфец Виктор Лазаревич* — доктор исторических наук, профессор РАН, директор Центра ибероамериканских исследований СПбГУ (e-mail: jeifets@gmail.com).

Правдюк Дарья Антоновна — аспирант факультета международных отношений СПбГУ (e-mail: dariaprvdiuk@gmail.com).

About the authors: *Jeifets Viktor Lazarevich* — PhD, Dr. of Science (History), Professor of the RAS, Director of Center for Ibero-American Studies, Saint-Petersburg State University (e-mail: jeifets@gmail.com).

Pravdiuk Daria Antonovna — postgraduate student, School of International Relations, Saint-Petersburg State University (e-mail: dariaprvdiuk@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-368-376

Научная статья

Строительство АЭС в странах Ближнего Востока при участии российских компаний в контексте повышения энергобезопасности региона

В.В. Аникеев¹, С.В. Базавлук²

¹Российское энергетическое агентство Министерства энергетики Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Research article

Construction of Nuclear Power Plants in the Middle East with the Participation of Russian Companies in the Context of Improving the Region's Energy Security

V.V. Anikeev¹, S.V. Bazavluk²

¹Russian Energy Agency, Ministry of Energy of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

Настоящая статья рассматривает текущее состояние атомной энергетики в государствах Ближнего Востока. Строительство АЭС тесно связано с вопросами обеспечения энергетической безопасности в регионе. Проанализированы необходимость и предпосылки диверсификации энергетического баланса в странах региона, а также потребность в надежном источнике электроэнергии, который позволит полностью решить проблему растущего спроса.

Авторы анализируют роль Российской Федерации в вопросах развития атомной энергетики в странах Ближнего Востока и оценивают перспективы на рынке оказания услуг в данном секторе, рассматривают сотрудничество в атомной сфере со всеми государствами региона, преимущества и перспективы возможного участия России в реализации проектов строительства АЭС в странах Ближнего Востока.

Самым перспективным направлением развития атомной энергетики на сегодняшний день является использование технологии на быстрых нейтронах и замкнутого цикла, позволяющего осуществлять переработку отработанного ядерного топлива. Обладание такими технологиями имеет существенный потенциал для экспорта и международного сотрудничества и является значительным технологическим преимуществом России.

ГК «Росатом» обладает конкурентными преимуществами на рынке атомных технологий, в том числе на Ближнем Востоке, поскольку обладает компетенциями сразу во всех звеньях производственно-технологической цепочки атомной энергетики.

Российская Федерация участвует во многих проектах, связанных со строительством АЭС и сопутствующей инфраструктуры, и играет значительную роль в развитии атомной энергетики в странах Ближнего Востока. Москва взаимодействует со всеми странами региона, перспективными для сотрудничества в данном направлении, имея межправительственные соглашения, которыми в том числе предусматривается строительство АЭС с такими государствами, как Египет, Иордания, Иран, ОАЭ, Турция, Саудовская Аравия, и меморандумы о сотрудничестве с Бахрейном, Катаром, Кувейтом, Оманом.

Ключевые слова: Ближний Восток, АЭС, энергетическая безопасность, рост потребления энергетических ресурсов, роль и перспективы России, «Росатом»

Для цитирования: Аникеев В.В., Базавлук С.В. Строительство АЭС в странах Ближнего Востока при участии российских компаний в контексте повышения энергобезопасности региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 368—376. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-368-376

© Аникеев В.В., Базавлук С.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract. This article examines the current state of nuclear power in the Middle East. The construction of nuclear power plants is closely related to the issues of energy security in the region. The necessity and prerequisites for diversification of the energy balance in the countries of the region, as well as the need for a reliable source of electricity, which will completely solve the problem of growing demand, are analyzed.

The authors analyze the role of the Russian Federation in the development of nuclear energy in the Middle East and assess the prospects in the market of services in this sector, consider cooperation in the nuclear sector with all states of the region, identify the advantages and prospects of Russia's possible participation in the implementation of nuclear power plant construction projects in the Middle East.

The most promising direction for the development of nuclear energy today is the use of fast neutron technology and a closed cycle that allows the processing of spent nuclear fuel. The possession of such technologies has a significant potential for export and international cooperation and is a significant technological advantage of Russia.

Rosatom group has competitive advantages in the market of nuclear technologies, including in the Middle East, as it has competencies in all parts of the production and technological chain of nuclear energy.

The Russian Federation participates in many projects related to the construction of nuclear power plants and related infrastructure and plays a significant role in the development of nuclear energy in the Middle East, cooperates with all countries in the region that are promising for cooperation in this direction, having intergovernmental agreements, which include the construction of nuclear power plants with such States as Egypt, Jordan, Iran, UAE, Turkey, Saudi Arabia, and memorandums of cooperation with Bahrain, Qatar, Kuwait, Oman.

Key words: Middle East, nuclear power plants, energy security, growth of energy resources consumption, role and prospects of Russia, Rosatom

For citations: Anikeev, V.V. & Bazavluk, S.V. (2019). Construction of Nuclear Power Plants in the Middle East with the Participation of Russian Companies in the Context of Improving the Region's Energy Security. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 368—376. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-368-376

В течение долгого времени залогом энергетической безопасности государств Ближнего Востока являлись собственные энергетические ресурсы. В связи с этим развитие ядерных программ и создание научно-технической базы в сфере ядерных технологий не считалось целесообразным в большинстве стран региона. Рост интереса к атомной генерации в регионе вызван осознанием необходимости обеспечения устойчивого экономического развития в будущем.

За последние 12 лет в части развития атомной составляющей Ближнего Востока произошли существенные изменения. В настоящее время страны региона демонстрируют растущий интерес к атомной энергетике.

Увеличение доли атомной энергии в общем объеме генерации на Ближнем Востоке было затронуто ранее в различных публикациях российскими [Баклицкий 2013; Борисова 2018; Коптелов 2012; Косач, Мелкумян 2016; Spassky 2013] и зарубежными авторами [Альбади 2012; Шакер, Шихаб-Эльдин 2015; Asculai 2012; Drollette 2016; Crane, Myers, Elas 2016; Lorenz, Kidd 2010; Sukin 2015]. Тем не менее, ряд вопросов, связанных с энергетической безопасностью стран Ближнего Востока, не был освещен и требует более детального рассмотрения.

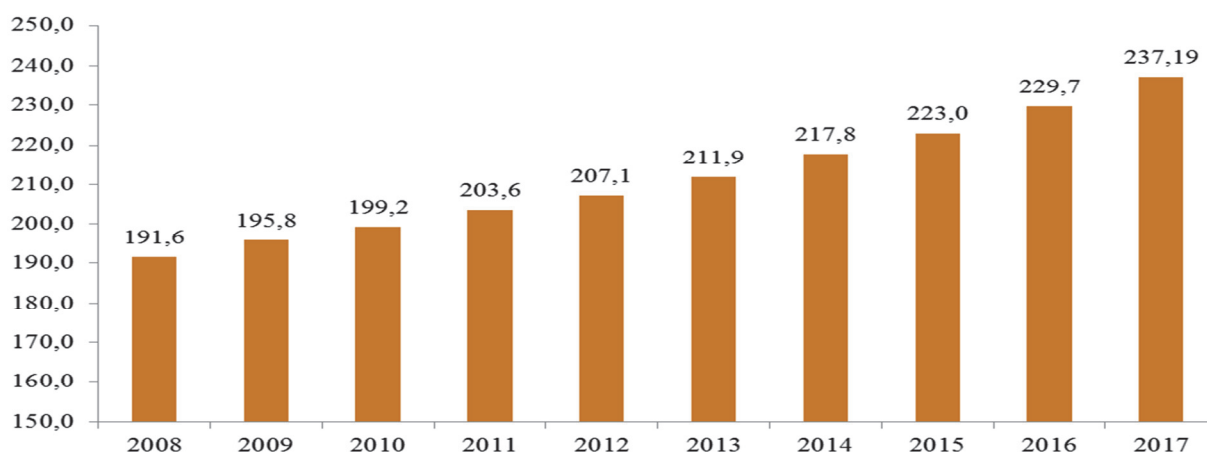
Энергобаланс Ближнего Востока

Ближний Восток — это регион, который в целом богат энергетическими ресурсами. Однако такие государства, как Турция, Иордания и Египет, не имеют на своей территории таких больших запасов энергетических ресурсов, как страны Персидского залива или Иран, поэтому их поворот к атомной энергетике является логичным решением. Сегодня у этих стран существует газовая электрогенерация, а также теплоэлектростанции, работающие на угле и мазуте, но этого уже становится недостаточно в современных условиях.

Кроме того, большинство отраслей промышленности, в которых ряд стран Ближнего Востока добились значительного присутствия, являются энергоемкими.

В нефтедобывающих странах наиболее экономически эффективным применением атомной энергии является повышение коэффициента нефтеотдачи и снижение выбросов в атмосферу.

Одной из технологий, направленных на повышение коэффициента нефтеотдачи, является закачка в скважину высокотемпературного пара. Получение такого пара в больших объемах — энергоемкий процесс. Использование при этом в качестве источника энергии непосредственно добываемой нефти является дорогим и сопровож-

Рис. 1. Численность населения Ближнего Востока в 2008—2017 гг., млн чел. (без учета Сирии) / **Fig. 1.** Population of the Middle East in 2008—2017, millions of people (excluding Syria)

Источник / Source: Международный Валютный Фонд. 2018 г.
 URL: <https://www.imf.org> (дата обращения: 21.03.2019)

дается выбросами углекислого газа. Использование при этом атомной энергии может существенно уменьшить энергозатраты.

Кроме добычи нефти ближневосточные государства занимают лидирующие позиции в мире в области нефтепереработки.

Переработка нефти — энергоемкий процесс, сопровождающийся выбросами вредных веществ в атмосферу. Применение атомной энергии будет способствовать сокращению выбросов в атмосферу, поскольку позволит отказаться от применения нефти и газа в качестве источников энергии при переработке нефти.

Снижение нерационального использования углеводородов с сокращением вредных выбросов является важной задачей в рамках Парижского соглашения по климату 2015 г.¹

Кроме нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслей в регионе наблюдается рост производства различных строительных материалов, активно развивается черная и цветная металлургия, для которых необходимо наличие резервов электрических мощностей.

Еще одной ключевой причиной необходимости развития альтернативной генерации является

необходимость удовлетворения спроса на электроэнергию, который с каждым годом увеличивается вслед за ростом экономики и населения стран региона. Так, по прогнозам Бюро энергетической информации США, потребление электроэнергии в регионе к 2028 г. вырастет на 30 %. Рост населения на Ближнем Востоке (рис. 1) достаточно высок. Резкое увеличение численности населения — как естественным путем, так и за счет иммиграции — ведет к росту потребления электроэнергии.

Страна с наибольшим количеством населения среди государств рассматриваемого региона, по состоянию на 2018 г., — Иран (81,8 млн чел.), при этом за последние 10 лет данный показатель увеличился на 12,6 %. За Ираном следуют Ирак (38,4 млн чел.) и Саудовская Аравия (33,7 млн чел.)².

Другой проблемой государств Ближнего Востока является нехватка пресной воды. Наиболее экономически развитые страны региона частично решают этот вопрос путем опреснения морской воды, которое является энергозатратным процессом [Баклицкий 2013; Бочарова 2017], и поэтому для менее развитых стран это представляет как экономически, так и технологически трудновыполнимую задачу. Комбинация АЭС и опреснительных установок представляется наиболее удачным выходом в данном случае.

¹ Adoption of the Paris Agreement // United Nations Framework Convention on Climate Change. Paris, November 30 — December 11, 2015. URL: <https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/eng/l09r01.pdf> (accessed: 07.02.2019).

² 2019 World Population. URL: <http://worldpopulationreview.com> (accessed: 07.02.2019).

Прогнозные показатели развития энергетики региона

Проблему удовлетворения возрастающего спроса на электроэнергию в определенной мере можно решить за счет возобновляемых источников. Ближний Восток обладает большим потенциалом с точки зрения использования солнечной энергии. Однако, несмотря на существенный прогресс в части применения таких технологий, использовать возобновляемые источники в качестве базовой генерации по ряду технологических и экономических причин не представляется возможным. С технической точки зрения эта проблема решается путем применения накопительных систем, однако до настоящего времени большинство подобных систем, даже в развитых странах, имеющих большой опыт в использовании возобновляемых источников энергии, являются дотационными, поскольку требуют значительных эксплуатационных затрат.

Потребность государств Ближнего Востока в надежном источнике электроэнергии становится очевидной. Вместе с тем использование в качестве топлива традиционных углеводородов не позволит полностью решить проблему и удовлетворить растущий спрос.

На роль такого источника энергии подходит АЭС. Согласно прогнозам Управления энергетической информации США, атомные генерирующие мощности Ближнего Востока к 2028 г. увеличатся на 292 % и составят 14,1 ГВт (3,6 ГВт в 2018 г.)³. Такой прогноз был произведен на основании оценки перспектив уже начатых проектов сооружения новых блоков АЭС, а также с учетом планируемых к реализации проектов. По состоянию на 2017 г., порядка 97 % электрогенерации на Ближнем Востоке приходилось на ископаемые виды топлива и лишь 3 % — на атомную и гидроэнергию, а также возобновляемые источники энергии.

В прогнозе также отмечается, что значительный вклад в увеличение данного показателя внесут ОАЭ, чьи генерирующие мощности к 2020 г. будут составлять 5,4 ГВт. При этом подчеркива-

ется, что планы по развитию атомных мощностей на Ближнем Востоке связаны с целями по снижению зависимости от ископаемых видов топлива и повышению энергобезопасности стран региона [Борисов 2016].

С экономической точки зрения атомная энергетика позволит наиболее эффективно решить задачу повышения энергобезопасности Ближнего Востока. Необходимость первоначальных капитальных вложений компенсируется повышением доступности электроэнергии и приемлемой стоимостью топлива.

В долгосрочной перспективе страны Персидского залива предполагают довести долю атомной энергии до 30 % от общего объема генерации [Борисов 2016].

Увеличение доли атомной энергетики в топливно-энергетическом балансе региона позволит частично решить проблемы роста спроса на электроэнергию, а также водоснабжения в регионе [Spassky 2013].

Формула российского энергетического сотрудничества

Авария на японской АЭС «Фукусима» и такие факторы, как внедрение энергосберегающих технологий, развитие возобновляемых источников энергии, падение цен на энергоресурсы, вызвали ослабление интереса к развитию атомной энергетики [Коптелов 2012].

Сегодня наиболее перспективным направлением развития атомной энергетики является использование технологии на быстрых нейтронах и замкнутого цикла, позволяющей осуществлять переработку отработанного ядерного топлива [Жизнин, Тимохов 2015]. Обладание такими технологиями имеет существенный потенциал для экспорта и международного сотрудничества и является значительным технологическим преимуществом России [Черненко 2012].

Поскольку ни в одной стране проблема хранения ядерных отходов в полной мере не решена, важным преимуществом РФ является то, что, в отличие от многих других участников рынка предоставления услуг в сфере атомной энергетики (за исключением Франции), Россия забирает у потребителя отработанное ядерное топливо.

Другим важным фактором являются условия финансирования проектов по строительству АЭС,

³ Middle East Countries Plan to Add Nuclear to Their Generation Mix // US Energy Information Agency. March 5, 2018. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=35192> (accessed: 07.02.2019).

особенно для стран региона, не добывающих и не экспортирующих углеводороды в значительных объемах. Вместе с тем именно эти государства, как правило, испытывают необходимость в развитии атомной энергетики.

Для таких стран ГК «Росатом» предлагает схему «Строительство — владение — управление» (Build — Own — Operate, BOO), при которой инвестор получает АЭС в собственность и возвращает вложения путем продаж электроэнергии.

Помимо этого ГК «Росатом» предлагает схему «Строительство — владение — управление — передача» (Build — Own — Operate — Transfer, BOOT), при которой по прошествии оговоренного в контракте срока предприятие передается или продается в государственную собственность.

Успешные проекты сотрудничества

С рядом стран Ближнего Востока РФ существенно продвинулась в развитии атомной энергетики. В первую очередь, речь идет об Иране, Турции и Египте.

Иран и Российская Федерация в настоящее время осуществляют активное взаимодействие в атомной сфере, основой для которого служит Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии и Соглашение о сооружении АЭС «Бушер» [Баклицкий 2013]. АЭС «Бушер» — первая АЭС как в Иране, так и на всем Ближнем Востоке. В 2011 г. состоялось первое подключение к сети, а в 2013 г. Россия передала первый энергоблок АЭС иранской стороне. В 2014 г. ГК «Росатом» и Nuclear Power Production and Development Company of Iran (NPDD) подписали контракт на строительство второй очереди АЭС «Бушер». Стоимость проекта составит порядка 10 млрд долл. США, а его реализация займет около 10 лет.

Следует отметить, что ввод в эксплуатацию первого ядерного энергоблока позволил стране ежегодно экономить 11 млн барр. нефти. Два новых блока увеличат этот показатель в три раза. В свою очередь выбросы CO₂ после сдачи первого блока АЭС «Бушер» снизились на 7 млн тонн.

В мае 2018 г. на строительной площадке АЭС «Бушер — 2» стартовали работы по укреплению грунтов реакторного здания второго энергоблока.

В 2015 г. переговоры по ядерной программе Ирана достигли исторического прогресса, в результате чего с Ирана был снят ряд ограничений, наложенных ранее США и странами ЕС. Россией, Китаем, Великобританией, Францией, Ираном, США и Германией подписан Совместный всеобъемлющий план действий, который предусматривает отказ Ирана от собственной ядерной программы с дальнейшим снятием санкций с этой страны. В частности, Тегеран оставил только один объект по обогащению урана — уранообогажительный завод в г. Натанз. При этом общее число центрифуг, способных обогащать уран, будет сокращено с 20 тыс. до 6 тыс.

Иран обязуется перепрофилировать установку по обогащению ядерного топлива в исследовательский центр для производства стабильных изотопов в медицинских и промышленных целях и перестроить реактор на тяжелой воде в Араке для проведения мирных ядерных исследований, а также производства изотопов для промышленных и медицинских нужд [Юртаев 2017].

В мае 2018 г. США объявили о выходе из Совместного всеобъемлющего плана действий по урегулированию вопроса о ядерной программе Ирана. Со своей стороны Иран выразил намерение сохранить соглашение, несмотря на выход США, а также заявил о готовности при необходимости продолжить реализацию ядерной программы.

Взаимодействие между **Турцией** и Россией осуществляется в рамках Межправительственного соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии и подписанного в 2010 г. Соглашения о сотрудничестве в сфере строительства и эксплуатации атомной электростанции на площадке Аккую [Баклицкий 2013]. АО «Атомстройэкспорт» — дочернее предприятие ГК «Росатом» — реализует проект по созданию первой в стране АЭС «Аккую» в провинции Мерсин. Проектом предусмотрено строительство четырех блоков мощностью по 1,2 ГВт.

Для возведения первой АЭС «Аккую» выбран г. Мерсин на побережье Средиземного моря, для второй — провинция Синоп на берегу Черного моря. По третьей станции детальная информация пока отсутствует, так как проект находится на самой ранней стадии. 9 февраля 2017 г. Турецкое

агентство по атомной энергии согласовало параметры площадки АЭС «Аккую», после чего 3 марта для получения лицензии на реализацию проекта в Агентство направлена заявка.

19 ноября 2015 г. **Египет** и Российская Федерация подписали Межправительственное соглашение, согласно которому Россия построит и профинансирует строительство первой египетской АЭС «Эль Дабаа»⁴. Всего запланировано построить 4 энергоблока с реакторами ВВЭР-1200. Пуск первого блока АЭС запланирован на 2026 г. [Жерлицына 2015].

Перспективы двустороннего взаимодействия

С рядом стран Ближнего Востока в настоящее время только идут переговоры о сотрудничестве в сфере использования атомной энергии, в ряде случаев — подписаны рамочные соглашения, которые в перспективе могут привести к полномасштабному сотрудничеству по аналогии с тремя вышеупомянутыми странами.

В июне 2015 г. Россия и **Саудовская Аравия** заключили межправительственное соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях, определяющее основные критерии возможного взаимодействия, не ограничивающегося исключительно строительством объектов генерации, а включающее и такие направления, как медицина и промышленность⁵.

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Арабской Республики Египет о сотрудничестве в сооружении и эксплуатации атомной электростанции на территории Арабской Республики Египет // МИД России. 19.11.2015. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-1/43757?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%95%D0%93%D0%98%D0%9F%D0%95%D0%A2&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 07.02.2019).

⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Саудовская Аравия о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях // МИД России. 18.06.2015. URL: [http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-1/43869?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=](http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-1/43869?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=)

В декабре 2017 г. между российской и саудовской сторонами была подписана Дорожная карта по сотрудничеству в области использования мирного атома. В рамках документа стороны намерены сотрудничать при сооружении реакторов малой и средней мощности, которые используются для выработки энергии, а также опреснения морской воды.

Саудовская Аравия планирует начать работы по сооружению первой АЭС мощностью 2,8 ГВт в 2021 г. В настоящее время страна находится в поиске иностранных партнеров для участия в проекте. Интерес к проекту проявляют Россия, США, Южная Корея, Франция и Китай.

Иордания также рассматривает Российскую Федерацию в качестве важного партнера в атомной сфере. В 2016 г. вступило в силу Межправительственное соглашение между Россией и Иорданией от 24 марта 2015 г. о строительстве первой в стране АЭС⁶. В 2014 г. «Русатом Оверсиз», дочерняя компания ГК «Росатом», подписала с Комиссией по атомной энергии Иордании соответствующее соглашение о развитии данного проекта. Согласно его условиям предполагалось, что российская сторона построит два атомных блока общей мощностью около 2 ГВт, запланированный объем инвестиций составит порядка 10 млрд долл. США, а ввод в эксплуатацию первого и второго блоков запланирован на 2024 г. и 2026 г. соответственно. Основными конкурентами российской компании были SNC-Lavalin In-

[false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D1%81%D0%B0%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%8F&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1](http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-1/43757?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D1%81%D0%B0%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%8F&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1) (дата обращения: 07.02.2019).

⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Иорданского Хашимитского Королевства о сотрудничестве в сооружении и эксплуатации атомной электростанции на территории Иорданского Хашимитского Королевства // МИД России. 24.03.2015. URL: <http://www.mid.ru/documents/10180/2303598/Соглашение+между+Правительством+Российской+Федерации+и+Правительством+Иорданского+Хашимитского+Королевства+о+сотрудничестве+в+сооружении+и+эксплуатации+атомной+электростанции+на+территории+Иорданского+Хашимитского+Кор.pdf> (дата обращения: 07.02.2019).

ternational Inc. (Канада) и консорциум компаний Areva (Франция) и Mitsubishi Heavy Industries (Япония).

В мае 2018 г. Иордания объявила о выходе из проекта строительства АЭС из-за финансовых соображений. В настоящее время между ГК «Росатом» и иорданской стороной проводятся работы по изучению возможности строительства реакторов малой мощности на территории Иордании.

ОАЭ в ближайшее время намерены нарастить объемы атомной энергии в энергобалансе страны. Согласно Стратегии энергетического развития страны (Dubai Integrated Energy Strategy 2030), доля атомной энергии к 2020 г. должна составлять до 25 % от общей генерации. В 2009 г. консорциум во главе с корейской компанией КЕРСО выиграл конкурс на строительство АЭС «Барака» стоимостью 20,4 млрд долл. США. Согласно плану, на АЭС будут использоваться четыре корейских реактора APR-1400 общей мощностью 5,6 ГВт. В сентябре 2015 г. на площадке началось возведение четвертого блока. Таким образом, впервые в истории в рамках одного проекта ведется одновременное строительство сразу четырех энергоблоков. Строительство первого блока было завершено в 2018 г., сооружение остальных трех блоков планируется завершить к 2020 г. В настоящее время между Российской Федерацией и ОАЭ действует соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях⁷.

В последнее время отмечается заинтересованность правительства **Катара** в развитии атомной энергетики, как следствие затяжного падения цен на нефть. 2 ноября 2010 г. ГК «Росатом» и Мини-

стерством окружающей среды Катара подписан меморандум о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях.

Бахрейн и **Оман** также имеют подписанные меморандумы о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии с Российской Федерацией [Баклицкий 2013]. Однако до настоящего момента сотрудничество с этими странами в сфере атомной энергетики не получило продолжения в основном из-за доступности и низкой стоимости традиционной генерации. Тем не менее, эти страны осознают необходимость создания в ближайшем будущем объектов альтернативной генерации, которыми с высокой долей вероятности будут являться АЭС.

Кувейт до недавнего времени также планировал развивать атомную энергетику. В 2010 г. глава Национального комитета по атомной энергии Кувейта (KNNEC) А. Бишара заявил, что до 2022 г. в стране будет возведено четыре энергоблока мощностью 1000 МВт каждый. Однако в 2016 г. Министерство энергетики и водных ресурсов Кувейта сообщило, что государство на данном этапе отказывается от строительства АЭС на его территории. Основной причиной отказа называлась высокая стоимость проекта. Тем не менее, власти Кувейта проявляют интерес к изучению российского опыта создания атомных электростанций, а также рассматривают возможности строительства первой атомной электростанции на территории страны партнерами из России. В настоящее время сотрудничество между Кувейтом и Российской Федерацией осуществляется на основе меморандума о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях [Баклицкий 2013].

Взаимодействие в сфере атомной энергетики между Российской Федерацией и **Израилем** в ближайшее время представляется маловероятным, во многом по политическим мотивам. Кроме того, Израиль не является государством, активно интересующимся развитием атомной энергетики, обладая при этом ядерными реакторами «Димоне» и «Нахаль-Сорек».

В 2011 г. появилась информация о том, что руководство Израиля изучает варианты строительства Израильской электрической компанией современной АЭС на юге страны общей мощностью 1200 МВт. Планировалось, что АЭС сможет обес-

⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Объединенных Арабских эмиратов о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях // МИД России. 17.12.2012. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-1/44484?storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5+%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B1%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5+%D1%8D%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%8B&storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 07.02.2019).

печить примерно 10 % производимой в стране электроэнергии. Однако до настоящего времени реализация проекта не началась, в первую очередь, из-за вопросов обеспечения безопасного функционирования.

***

В данной статье показана заинтересованность большинства стран ближневосточного региона

в развитии атомной энергетики. РФ взаимодействует со всеми странами региона, перспективными для сотрудничества на данном направлении, имея межправительственные соглашения или меморандумы о сотрудничестве в данной сфере. В Иране, Турции и Египте уже ведется строительство АЭС с участием компании «Росатом», сотрудничество с другими странами находится на более ранних этапах.

Поступила в редакцию / Received: 17.04.2019
Принята к публикации / Accepted: 04.07.2019

Библиографический список

- Альбади А. Атомная энергетика в арабских странах Персидского залива // Индекс безопасности. 2012. Т. 18. № 1. С. 125—132.
- Баклицкий А.А. Атомная энергетика на Ближнем Востоке: интересы и место России // Индекс безопасности. 2013. № 2. С. 25—38. DOI: 10.1080/19934270.2013.814942
- Борисов М.Г. Прогноз развития энергетики Востока до 2050 года // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. № 2. С. 150—160.
- Борисова Е.А. Развитие ядерной программы Саудовской Аравии: причины и следствия // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2018. № 4. С. 123—130. DOI: 10.31857/s086919080000426-5
- Бочарова Л.С. Арабские страны в мировом тренде развития атомной энергетики // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2017. № 4. С. 49—55.
- Жерлицына Н.А. Россия и Египет: цель — стратегическое сотрудничество // Азия и Африка сегодня. 2015. № 7. С. 4—8.
- Жизнин С.З., Тимохов В.М. Экономические аспекты некоторых ядерных технологий за рубежом и в России // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4. С. 64—73.
- Коптелов М.В. Перспективы развития мирового рынка строительства АЭС // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. С. 1—8.
- Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Возможности для стратегических отношений России и Саудовской Аравии // Российский совет по международным делам. Аналитическая записка. 31.08.2016. URL: <https://russiancouncil.ru/upload/Russia-SaudiArabia-policy-brief-6-ru.pdf> (дата обращения: 07.02.2019).
- Черненко Е.Ф. Энергетическая составляющая политики России в зеркале геоэкономики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2012. № 4. С. 57—69.
- Шакер М., Шихаб-Эльдин А. Ближневосточный ядерный цикл: возможна ли регионализация? // Индекс безопасности. 2015. Т. 21. № 1. С. 105—114.
- Юртаев В.И. Иран в ситуации трансформации санкционного режима // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 2. С. 66—80. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-66-80
- Asculai E. Nuclear Power in the Middle East: Risks and Opportunities for Regional Security // *The Nonproliferation Review*. 2012. Vol. 19. No. 3. P. 391—400. DOI: 10.1080/10736700.2012.734187
- Drollette D. View from the Inside: Prince Turki al-Faisal on Saudi Arabia, Nuclear Energy and Weapons, and Middle East Politics // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2016. Vol. 72. No. 1. P. 16—24. DOI: 10.1080/00963402.2016.1124655
- Krane J., Myers A., Elas J. Nuclear Energy in the Middle East: Chimera or Solution? // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2016. Vol. 72. No. 1. P. 44—51. DOI: 10.1080/00963402.2016.1124662
- Lorenz T., Kidd J. Turkey and Multilateral Nuclear Approaches in the Middle East // *The Nonproliferation Review*. 2010. Vol. 17. No. 3. P. 513—530. DOI: 10.1080/10736700.2010.516999
- Spassky N. Nuclear Energy as a Tool to Promote Peace and Security in the Middle East // *Security Index: A Russian Journal on International Security*. 2013. Vol. 19. No. 2. P. 5—8. DOI: 10.1080/19934270.2013.779441
- Sukin L. Beyond Iran: Containing Nuclear Development in the Middle East // *The Nonproliferation Review*. 2015. Vol. 22. No. 3—4. P. 379—400. DOI: 10.1080/10736700.2016.1152010

References

- Albadi, A. (2012). Nuclear Energy in the Gulf Cooperation Council States. *Security Index*, 18 (1), 125—132. (In Russian).
- Asculai, E. (2012). Nuclear Power in the Middle East: Risks and Opportunities for Regional Security. *The Nonproliferation Review*, 19 (3), 391—400. DOI: 10.1080/10736700.2012.734187

- Baklitsky, A.A. (2013). Nuclear Energy in the Middle East: Russia's Interests and Role. *Security Index*, 2, 25—38. DOI: 10.1080/19934270.2013.814942. (In Russian).
- Bocharova, L.S. (2017). Arab Countries within the World Nuclear Energy Development Trend. *Vestnik of Moscow University. Series 13: Oriental Studies*, 13 (4), 49—55. (In Russian).
- Borisov, M.G. (2016). Energy Development Forecast for the Asian and African Nations to 2050. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost (Vostok (Oriens))*, 2, 150—160. (In Russian).
- Borisova, E.A. (2018). Development of Saudi Arabia's Nuclear Program: Causes and Consequences. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost (Vostok (Oriens))*, 4, 123—130. DOI: 10.31857/s086919080000426-5 (In Russian).
- Chernenko, E.F. (2012). Power Component of Russian Policy in the Mirror of Geoeconomics. *Vestnik RUDN. International Relations*, 4, 57—69. (In Russian).
- Drollette, D. (2016). View from the Inside: Prince Turki al-Faisal on Saudi Arabia, Nuclear Energy and Weapons, and Middle East Politics. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 72 (1), 16—24. DOI: 10.1080/00963402.2016.1124655
- Koptelov, M.V. (2012). World Construction NPP Market Progress Outlook. *Modern Problems of Science and Education*, 4, 1—8. (In Russian).
- Kosach, G.G. & Melkumyan, E.S. (2016). *Opportunities for Strategic Relations between Russia and Saudi Arabia*. Russian Council on international Affairs. Working paper. URL: <https://russiancouncil.ru/upload/Russia-SaudiArabia-policy-brief-6-ru.pdf> (accessed: 07.02.2019). (In Russian).
- Krane, J., Myers, A., & Elas, J. (2016). Nuclear Energy in the Middle East: Chimera or solution? *Bulletin of the Atomic Scientists*, 72 (1), 44—51. DOI: 10.1080/00963402.2016.1124662
- Lorenz, T. & Kidd, J. (2010). Turkey and Multilateral Nuclear Approaches in the Middle East. *The Nonproliferation Review*, 17 (3), 513—530. DOI: 10.1080/10736700.2010.516999
- Shaker, M. & Shihab-Eldin, A. (2015). Middle East Nuclear Cycle: Is Regionalization Possible? *Security Index*, 21 (1), 105—114.
- Spassky, N. (2013). Nuclear Energy as a Tool to Promote Peace and Security in the Middle East. *Security Index*, 19 (2), 5—8. DOI: 10.1080/19934270.2013.779441
- Sukin, L. (2015). Beyond Iran: Containing Nuclear Development in the Middle East. *The Nonproliferation Review*, 22 (3), 379—400. DOI: 10.1080/10736700.2016.1152010
- Yurtaev, V.I. (2017). Iran in Situation of the Sanction Regime Transformation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 10 (2), 66—80. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-66-80 (In Russian).
- Zherlitsyna, N.A. (2015). Russia and Egypt: The Goal Is Strategic Cooperation. *Asia and Africa Today*, 7, 4—8. (In Russian).
- Zhiznin, S.Z. & Timokhov, V.M. (2015). Economic Aspects of the Development of Some Perspective Nuclear Technologies Abroad and in Russia. *Vestnik MGIMO University*, 4, 64—73. (In Russian).

Сведения об авторах: Аникеев Виктор Владимирович — кандидат технических наук, начальник отдела информационного обеспечения и специальных программ, Российское энергетическое агентство Министерства энергетики Российской Федерации (e-mail: anikeev@rosenergo.gov.ru).

Базавлук Сергей Викторович — проректор по работе со студентами, Российский университет дружбы народов (e-mail: bazavluk-sv@rudn.ru).

About the authors: Anikeev Viktor Vladimirovich — PhD in Technical Sciences, Head of Section of Information Support and Special Programs, Russian Energy Agency, Ministry of the Energy of the Russian Federation (e-mail: anikeev@rosenergo.gov.ru).

Bazavluk Sergey Viktorovich — Vice Rector for Student Affairs, RUDN University (e-mail: bazavluk-sv@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-377-391

Научная статья

Участие России в международном сотрудничестве в сфере сокращения выбросов парниковых газов энергетическими компаниями

М.А. Любарская¹, В.С. Меркушева², О.С. Зиновьева¹

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Петербургский государственный университет путей сообщения,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Research article

Participation of Russia in the International Cooperation for Reducing Greenhouse Gas Emissions by Energy Companies

M.A. Liubarskaia¹, V.S. Merkusheva², O.S. Zinovieva¹

¹St. Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation

²Petersburg State University of Railroad Transportation,
Saint-Petersburg, Russian Federation

В статье анализируется участие России в международном сотрудничестве по предотвращению изменений климата. Глобальные климатические изменения с точки зрения их влияния на мировую экономику представлены в виде катализатора разнонаправленных сдвигов во многих отраслях хозяйственной деятельности. В качестве важных шагов в решении вопросов, связанных с изменением климата, рассматривается принятие таких международных документов, как Рамочная конвенция об изменении климата (1992), Киотский протокол (1997), Парижское соглашение (2015), Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (2015).

Исследуя положения Климатической доктрины Российской Федерации до 2020 г. (2009), авторы называют основными факторами, влияющими на российскую климатическую политику, стремление к международной политической и хозяйственной интеграции и экономическую заинтересованность в модернизации. Одним из механизмов реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности является принятие мер государственного регулирования выбросов парниковых газов и учет данных мер при разработке долгосрочных стратегий социально-экономического развития. Авторы отмечают, что следует создавать также региональные стратегии по борьбе с изменением климата с корректировкой и адаптацией под определенный регион или субъект Федерации.

В ходе представления результатов исследования раскрыто понятие «потенциал глобального потепления» и роль управления данным потенциалом в достижении целей устойчивого развития. Авторы приводят аргументы в пользу того, что существенный вклад в увеличение выбросов парниковых газов вносит производственная деятельность энергетического сектора. На основе данных по наиболее крупным международным компаниям (Chevron, ExxonMobil, ConocoPhillips, BP, PetroChina, Shell, Газпром, ЛУКОЙЛ, Роснефть) определены направления снижения их негативного воздействия на окружающую среду, в том числе проведена классификация инструментов сокращения выбросов парниковых газов. Исследование международной практики позволило выявить наиболее перспективные в современных условиях инструменты сокращения выбросов парниковых газов российскими нефтегазовыми компаниями.

Ключевые слова: международное сотрудничество, устойчивое развитие, Рамочная конвенция, энергетический сектор, нефтегазовые компании, изменение климата, парниковые газы

© Любарская М.А., Меркушева В.С., Зиновьева О.С., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Любарская М.А., Меркушева В.С., Зиновьева О.С. Участие России в международном сотрудничестве в сфере сокращения выбросов парниковых газов энергетическими компаниями // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019. Т. 19. № 3. С. 377—391. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-377-391

Abstract. The article analyzes the participation of the Russian Federation in international cooperation on the climate change prevention. Global climate change in terms of its impact on world economy is presented as a catalyst for multidirectional shifts in many sectors of economy. The adoption of international documents such as the United Nations Framework Convention on Climate Change (1992), the Kyoto Protocol (1997), the Paris Agreement (2015), and the 2030 Agenda for Sustainable Development (2015) are viewed as vital steps for regulating international cooperation in this sphere.

Analyzing the provisions of the 2020 Climate Doctrine of the Russian Federation (2009), the authors emphasize the aspiration for international political and economic integration and deep economic interest in modernization as main factors, affecting Russian climate policy strategy. One of the mechanisms of implementing state policy in the field of environmental safety is the adoption of state regulation of greenhouse gas emissions and the consideration of these measures in the development of long-term strategies for socio-economic development. The authors urge for creating regional strategies for climate change prevention with necessary adjustment and adaptation to a specific region or constituent entity of the Russian Federation.

In presenting the research results, the concept of “global warming potential” and the role of managing this potential in achieving sustainable development goals are disclosed. The authors argue that a significant contribution to the increase in greenhouse gas emissions is made by the production activities of the energy sector. Based on the data of the largest international companies (Chevron, ExxonMobil, ConocoPhillips, BP, PetroChina, Shell, Gazprom, LUKOIL, Rosneft), directions for reducing their negative environmental impact were determined, including the classification of tools for reducing greenhouse gas emissions. International practice analysis forms the necessary ground to elaborate the most promising modern tools for reducing greenhouse gas emissions by Russian oil and gas companies.

Key words: international cooperation, sustainable development, Framework Convention on Climate Change, energy sector, oil and gas companies, climate change, greenhouse gases

For citation: Liubarskaia, M.A., Merkusheva, V.S. & Zinovieva, O.S. (2019). Participation of Russia in the International Cooperation for Reducing Greenhouse Gas Emissions by Energy Companies. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 377—391. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-377-391

В современном мире важно признание Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата основой международной межправительственной деятельности по согласованию мер глобального реагирования на изменение климата. Факт изменения климата до сих пор имеет основу для дискуссий в научных кругах. Угрозы, которые несет изменение климата, имеют глобальный характер и сказываются на всех уровнях национальных систем, поэтому их решение возможно только совместными усилиями стран, которые действуют в рамках международных программных документов, конвенций, соглашений и принятых в соответствии с ними обязательств каждого государства.

Объединение усилий стран в решении проблемы изменения климата

Организация Объединенных Наций давно обеспокоена изменениями климата на планете, поэтому в 1988 г. Всемирной метеорологической организацией и Программой ООН по окружающей среде в целях предоставления объективных

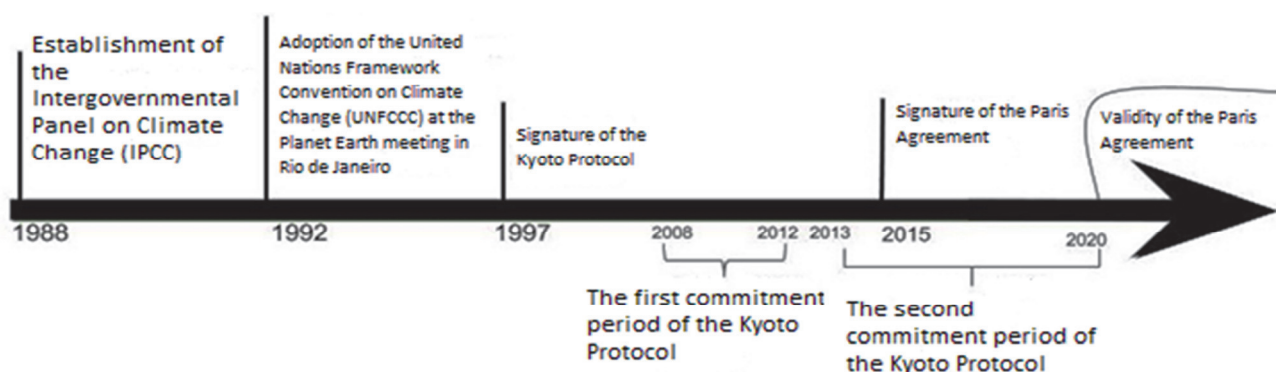
научных данных была создана Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК). В 2013 г. МГЭИК выпустила 5-й оценочный доклад, в котором с научной точки зрения рассматривается проблема изменения климата. Основным выводом доклада заключается в утверждении, что изменение климата реально и человеческая деятельность является основной его причиной, так как способствует увеличению объемов выбросов парниковых газов в атмосферу.

Изменение климата с точки зрения его влияния на мировую экономику не только представляет собой масштабную природную опасность, но и является катализатором разнонаправленных изменений во многих отраслях хозяйственной деятельности. Связанное с нехваткой пресной воды, продовольственной проблемой, стихийными бедствиями, миграциями, а также перспективами развития целого ряда ключевых отраслей (энергетики, транспорта, строительства, сельского хозяйства) изменение климата тесно вплелось в клубок глобальных экономических процессов. Экономическая составляющая глобального изменения

Рис. 1. Основные шаги Организации Объединенных Наций по глобальному решению проблемы изменения климата

Источник: составлено авторами.

Fig. 1. United Nations Key Steps towards a Global Climate Change Solution

Source: prepared by the authors.

климата заключается в растущем ущербе для мировой экономики, а также в увеличении издержек адаптации. Таким образом, необходимо создание и совершенствование экономической политики, касающейся смягчения последствий изменения климата. Данная экономическая политика включает разработку экономических стратегий, стимулирующих сокращение выбросов парниковых газов. При выработке экономической политики необходимо учитывать особенности современной системы международных отношений [Макаров 2013]. Следует отметить, что в докладе Н. Стерна «Экономика изменения климата», опубликованном в 2016 г., дается модель, согласно которой при повышении температуры на 5—6 °С падение мирового ВВП будет составлять 14—15 % [Кокорин, Кураев, Юлкин 2009].

С конца 1980-х гг. в мире начала нарастать обеспокоенность происходящими климатическими изменениями. С середины 2010-х гг. научные исследования подтверждают, что 90 % климати-

ческих изменений происходит вследствие антропогенных факторов, среди которых энергетический сектор занимает важное место [Щуплова, Рыбин 2018].

Первым глобальным шагом в решении вопросов, связанных с изменением климата, стала Рамочная конвенция об изменении климата (РКИК)¹, которая была принята в 1992 г. в ходе конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (рис. 1). Базой РКИК служат положения по поддержанию концепции устойчивого развития, включая просвещение по вопросам изменения климата и внедрение в практику технологий, сберегающих окружающую среду [Кокорин, Липка, Суляндзига 2015]. Конвенция возлагает большую долю ответственности и расходов в борьбе с изменением климата

¹ United Nations Framework Convention on Climate Change. URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/conveng.pdf> (accessed: 26.02.2019).

на развитые страны. Конвенцию ратифицировали 197 государств. Главная цель Конвенции — не допустить «опасного антропогенного воздействия на климатическую систему». Россия ратифицировала РКИК в 1994 г. Внутри РКИК были также приняты Киотский протокол и вступившее в силу после Киотского протокола Парижское соглашение.

Киотский протокол² — дополнительный документ к Рамочной конвенции ООН об изменении климата (1992). Подписан в Киото (Япония) в декабре 1997 г. Документ обязывает развитые страны — участницы Протокола сокращать выбросы парниковых газов. Первый период выполнения обязательств начался в 2008 г. и закончился в 2012 г. Второй период начался в 2013 г. и закончится в 2020 г. [Буквич, Петрович 2017].

Участниками Киотского протокола являются 192 государства. Президент Российской Федерации подписал Федеральный закон о ратификации Киотского протокола в ноябре 2004 г.

Страны, подписавшие протокол, определили для себя количественные обязательства по ограничению либо сокращению выбросов на период с 1 января 2008 г. по 31 декабря 2012 г. Развитые страны обязались по отдельности или совместно сократить антропогенные выбросы парниковых газов по меньшей мере на 5 % по сравнению с уровнем 1990 г. в первый период действия обязательств. Цель ограничений — снизить в этот период совокупный средний уровень выбросов парниковых газов на 5,2 % по сравнению с уровнем 1990 г.

Основные обязательства взяли на себя индустриальные страны: Евросоюз должен сократить выбросы на 8 %; США — на 7 %; Япония и Канада — на 6 %; страны Восточной Европы и Прибалтики — в среднем на 8 %; Россия и Украина — сохранить среднегодовые выбросы в 2008—2012 гг. на уровне 1990 г. [Боклан 2007].

Обязательства в рамках второго периода Киотского протокола приняли ЕС, Австралия, Казахстан, Украина, Белоруссия, Норвегия, Швейцария, Исландия, Лихтенштейн и Монако. О своем отказе участвовать в нем заявили Россия, Япония, Новая Зеландия и Канада. Россия, от-

казавшись от участия во втором периоде обязательств по Киотскому протоколу, в сентябре 2013 г. утвердила национальную цель по сокращению выбросов парниковых газов к 2020 г. до уровня 75 % от эмиссии 1990 г.

Парижское соглашение³, подписанное 12 декабря 2015 г., призвано регулировать меры по снижению содержания углекислого газа в атмосфере с 2020 г. и удержанию прироста глобальной средней температуры ниже 1,5 градусов в 2100 г. по сравнению с 1900 г. [Макаров, Степанов 2018]. Документ подписали 175 стран, в том числе Россия. Прогнозируется, что Россия ратифицирует Парижское соглашение к тому времени, когда оно должно вступить в силу.

Россия установила для себя цель по снижению выбросов парниковых газов до уровня 70—75 % выбросов 1990 г. к 2030 г. при условии максимально возможного учета поглощающей способности лесов. Сокращение выбросов парниковых газов в указанных масштабах будет также способствовать выходу страны на траекторию низкоуглеродного развития [Бурима 2018].

Важно отметить, что в Парижском соглашении не прописаны конкретные количественные обязательства по снижению или ограничению выбросов парниковых газов, а также механизм контроля или меры принуждения по исполнению документа. Предполагается, что каждое государство будет самостоятельно определять свою политику в этой сфере, а за неспособность выполнить поставленные задачи не предусмотрено никаких последствий. Документ лишь предоставляет комиссии международных экспертов право проверять информацию, предоставляемую странами об их достижениях по сокращению выбросов CO₂.

В сентябре 2015 г. государства — члены ООН приняли Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.⁴ В Повестке были обозначены основные Цели в области устойчивого развития (ЦУР) и их показатели достижения. Цель № 13 относится к борьбе с изменением климата. Ни один показатель для анализа ЦУР № 13 пока не рассчитывается в России.

³ The Paris Agreement. URL: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement/the-paris-agreement> (accessed: 26.02.2019).

⁴ Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?menu=2361> (accessed: 26.02.2019).

² Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change. URL: <https://unfccc.int/resource/docs/convkp/kpeng.pdf> (accessed: 26.02.2019).

На Климатическую политику России влияют в основном внутривластные и экономические факторы. Основными факторами влияния на внешнеполитические инициативы по климатической политике можно назвать стремление к международной политической и хозяйственной интеграции и экономическую заинтересованность в модернизации.

Еще после ратификации Киотского протокола в декабре 2009 г. Распоряжением Президента РФ была утверждена Климатическая доктрина Российской Федерации до 2020 г., в которой сформулирована государственная политика в области борьбы с изменением климата. Климатическая доктрина стала ключевым этапом в формировании общей национальной климатической политики.

Стратегической целью политики в области климата, указанной в Климатической доктрине, является обеспечение безопасного и устойчивого развития Российской Федерации, включая институциональный, экономический, экологический и социальный, в том числе демографический, аспекты развития в условиях изменяющегося климата и возникновения соответствующих угроз. Основные задачи, обозначенные в доктрине, касаются развития информационной и научной основы политики в области климата, адаптации к изменению климата, смягчения антропогенного воздействия на климат и участия в инициативах международного сообщества в решении вопросов, связанных с изменениями климата [Тетушкин 2017].

К мерам по борьбе с выбросами парниковых газов антропогенного характера в Климатической доктрине относят:

- повышение энергетической эффективности во всех секторах;
- развитие использования альтернативных источников энергии;
- реализацию мер финансовой и налоговой политики, стимулирующих снижение антропогенных выбросов парниковых газов;
- защиту и повышение качества поглотителей и накопителей парниковых газов, включая рациональное ведение лесного хозяйства, облесение и лесовозобновление на устойчивой основе⁵.

⁵ Распоряжение Президента Российской Федерации от 17.12.2009 г. № 861-рп «О Климатической доктрине Российской Федерации». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/30311> (дата обращения: 23.02.2019).

Следовательно, в Климатической доктрине признается факт глобального потепления в результате антропогенной деятельности человека, а также акцентируется внимание на необходимости государственной поддержки научных исследований в оценке климатических изменений на территории Российской Федерации и мира в целом, показана готовность России к использованию мер по снижению выбросов парниковых газов.

Согласно Климатической доктрине, международные экологические стандарты в области борьбы с изменением климата являются приоритетными для России. Анализ Климатической доктрины показывает, что стремление к решению глобальных климатических проблем вписано в контекст национально-государственных интересов России с учетом географического и геополитического положения, задач обеспечения безопасности, социально-экономической модернизации и устойчивого развития страны [Русаква 2015].

Только в апреле 2011 г. Климатическая доктрина получила развитие в виде Комплексного плана реализации Климатической доктрины Российской Федерации на период до 2020 г. Данный факт показывает начало конкретных действий по борьбе с источником изменения климата — антропогенными выбросами парниковых газов. Принятие мер по борьбе с изменением климата параллельно является драйвером динамической технологической модернизации всей экономики страны, так как включает повышение энергоэффективности и переход к низкоуглеродной энергетике.

Со стратегической целью климатической политики России тесно связана стратегия национальной безопасности и стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. При обновлении стратегии национальной безопасности в 2015 г. был признан факт глобального потепления климата как угрозы национальной и экологической безопасности страны. Одним из первых обозначенных основных механизмов реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности являются принятие мер государственного регулирования выбросов парниковых газов, разработка долгосрочных стратегий социально-экономического развития, предусматривающих низкий уровень выбросов парниковых газов и устойчивость экономики к изменению климата. Данная страте-

гия углубляет и расширяет меры и механизмы климатической политики, которые представлены в Климатической доктрине.

В Парижском соглашении обращается внимание на необходимость создания национальных стратегий по снижению выбросов парниковых газов и борьбе с изменением климата, при этом обоснована их роль в достижении целей устойчивого развития. В данный момент в России нет четко сформулированной национальной стратегии по борьбе с изменением климата, в которую включались бы определения основных понятий, объяснение причин изменения климата, принимаемые меры по предотвращению и смягчению последствий изменения климата [Бабков-Эстеркин 2011].

Стоит отметить, что единой стратегии, распространяющейся на всю территорию страны, будет недостаточно. Следует также создавать региональные стратегии по борьбе с изменением климата с корректировкой и адаптацией под определенный регион или субъект Федерации. Основные меры и аспекты, касающиеся борьбы с изменением климата, можно найти в различных государственных нормативных документах, в частности в Методических рекомендациях по разработке показателей сокращения объема выбросов парниковых газов по секторам экономики, Концепции формирования системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов в Российской Федерации и Энергетической стратегии России на период до 2030 г.

Доля энергетического сектора в мировой структуре выбросов парниковых газов

Современные исследователи выделяют целый ряд факторов, оказывающих влияние на увеличение выбросов парниковых газов в различных странах, среди которых следует отметить рост потребности в продовольствии и рост потребности в энергетических ресурсах [Himics et al. 2018; Sandstrom et al. 2018; Pendrill et al. 2019]. Рост указанных потребностей приводит к увеличению активности функционирования энергетического сектора, который является одним из крупнейших генераторов парниковых газов в мировом масштабе (рис. 2). Для выполнения обязательств в рамках Парижского соглашения странам необходимо формировать эффективные модели государственного регулирования сокращения выбросов парниковых газов, прежде всего энергетическим сектором, с целью балансировки экономических и экологических приоритетов [Guan, An 2019; Nabernegg et al. 2019]. Поэтапное создание эффективных моделей государственного регулирования выбросов парниковых газов создает дополнительный рост валового внутреннего продукта за счет стимулирования хозяйственных субъектов использовать инновационные и энергосберегающие технологии в производстве.

В табл. 1 представлена структура выбросов парниковых газов, их потенциал глобального потепления и антропогенные источники появления по видам газов в России в 2016 г.

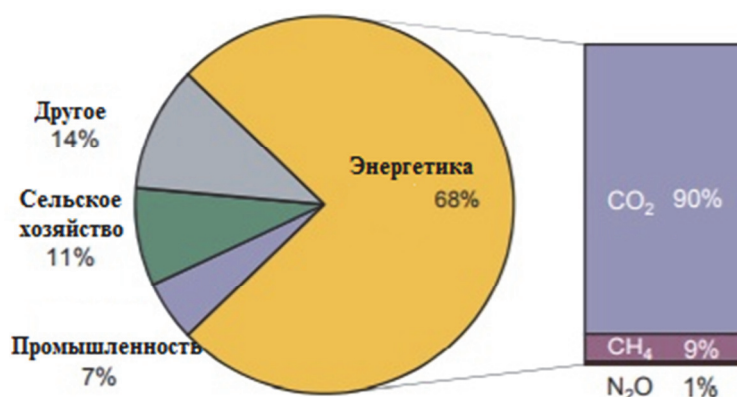
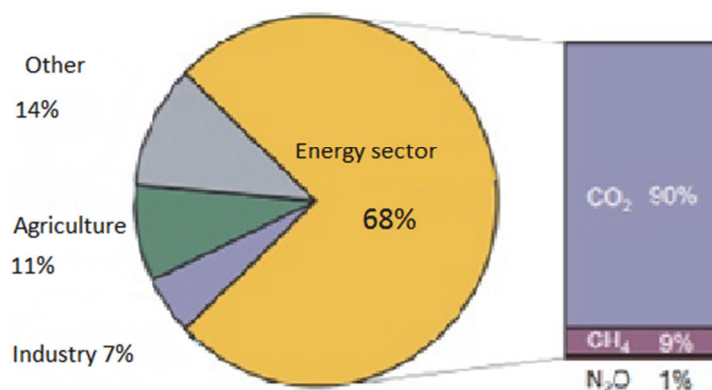

Рис. 2. Мировая структура выбросов ПГ по секторам экономики

Источник: Международное Энергетическое Агентство, Выбросы CO₂ при сжигании топлива, 2017 г. // Global Carbon Atlas. URL: <http://www.globalcarbonatlas.org/en/CO2-emissions> (accessed: 28.02.2019).

Fig. 2. Global greenhouse gases (GHG) emissions by economy sectors

Source: International Energy Agency, CO₂ emissions from fuel combustion, 2017 // Global Carbon Atlas.
 URL: <http://www.globalcarbonatlas.org/en/CO2-emissions> (accessed: 28.02.2019).

Таблица 1

Виды парниковых газов, их источников, потенциал глобального потепления и структура парниковых газов в России

Вид парникового газа	Антропогенный источник появления	ПГП (потенциал глобального потепления)	Доля выбросов видов парникового газа в атмосферу в России в 2016 г.
CO ₂ (двуокись углерода)	1. Энергетика (сжигание угля, нефти, газа) 2. Промышленность (производство цемента и другие процессы) 3. Транспорт (сжигание ископаемого топлива) 4. Уничтожение лесов и изменение способов землепользования	1	63 %
Метан (CH ₄)	1. Энергетика (добыча угля и нефти, утечка газа при добыче) 2. Промышленность (отходы производства) 3. Сельское хозяйство (скотоводство, рисовые плантации, горение биомассы)	21	32 %
N ₂ O (оксид азота (I))	1. Энергетика (сжигание угля, нефти и газа) 2. Сельское хозяйство (применение удобрений, горение биомассы) 3. Уничтожение лесов и изменение способов землепользования	300—310	3 %
ГФУ (гидрофтор-углероды)	Промышленность (холодильное и другое оборудование)	140—11 700	1 %
ПФУ (перфтор-углероды)	Промышленность (производство алюминия, электроники и растворителей)	6 500, 9 200	
SF ₆ (гексафторид серы)	Промышленность (работа ряда электронных систем и термоизолирующего оборудования)	23 900	

Источник: составлено авторами на основе информации Федеральной службы государственной статистики РФ (Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://gks.ru/folder/11194> (accessed: 26.02.2019)).

Table 1

Types of GHG, their sources, GWP and the structure of GHG in Russia

Type of GHG (greenhouse gases)	Anthropogenic generation source	GWP (global warming potential)	The share of GHG emissions into the atmosphere in Russia in 2016
CO ₂ (Carbon dioxide)	1. Energy sector (burning coal, oil, gas) 2. Industry (cement production and other processes) 3. Transport (burning fossil fuels) 4. Forest destruction and land usage change	1	63 %
CH ₄ (Methane)	1. Energy sector (coal and oil production, gas leakage during production) 2. Industry (industrial waste) 3. Agriculture (cattle breeding, rice plantations, biomass burning)	21	32 %
N ₂ O (Nitrogen oxide (I))	1. Energy sector (burning coal, oil and gas) 2. Agriculture (fertilizer use, biomass burning) 3. Forest destruction and land usage change	300—310	3 %
HFC (Hydrofluorocarbons)	Industry (refrigeration and other equipment)	140—11 700	1 %
PFC (Perfluorocarbons)	Industry (production of aluminum, electronics and solvents)	6 500, 9 200	
SF ₆ (Sulfur hexafluoride)	Industry (the work of a number of electronic systems and thermal insulation equipment)	23 900	

Source: compiled by the authors based on information from the Federal State Statistics Service of the Russian Federation.

Таким образом, большую долю, а именно 63 %, составляют выбросы CO₂, которые связаны с деятельностью энергетического сектора, транспортного сектора и промышленности. Метан выбрасывается в атмосферу в процессе функционирования предприятий энергетического сектора, промышленности, сельского хозяйства и составляет 32 % от общих выбросов парниковых газов. Оксид азота составляет 3 % от выбросов всех парниковых газов и также связан с деятельностью энергетического сектора и сельского хозяйства. Следовательно, энергетика является одним из основных антропогенных источников выбросов парниковых газов.

Наибольшие объемы CO₂ выбрасываются в атмосферу из Китая (9,297 мегатонн в год). Затем по показателям идут США с выбросами в пределах 5,073 мегатонн CO₂ в год. Индия выбрасывает в атмосферу 2,234 мегатонн CO₂. Россия занимает 4-е место по объему выбросов парниковых газов со значением в 1,697 мегатонн. За период с 2016 по 2017 г. объем выбросов CO₂

по России вырос на 4,6 %. Последней страной из пяти по максимальному объему выбросов является Япония, объем выбросов CO₂ которой составляет 1,118 мегатонн. С 1990-х гг. наблюдается тенденция роста объемов выбросов CO₂ в азиатских странах и странах Ближнего Востока, тогда как незначительное сокращение выбросов CO₂ происходит в странах Европейского региона и в Северной Америке. Данные тенденции можно проследить на рис. 3.

Если рассматривать мировую структуру источников выбросов CO₂, то сжигание угля как топлива обеспечивает 45 % выбросов CO₂ в атмосферу в мире, от нефтепродуктов — 33 %, а от природного газа — 22 %. Наблюдается снижение темпов глобального сокращения интенсивности сокращения выбросов CO₂ (–1,3 %) до его исторической тенденции (–1,5 % в год по сравнению с 1990—2017 гг.). Интенсивность выбросов CO₂ в России была на 80 % выше среднего показателя в мире в 2017 г.

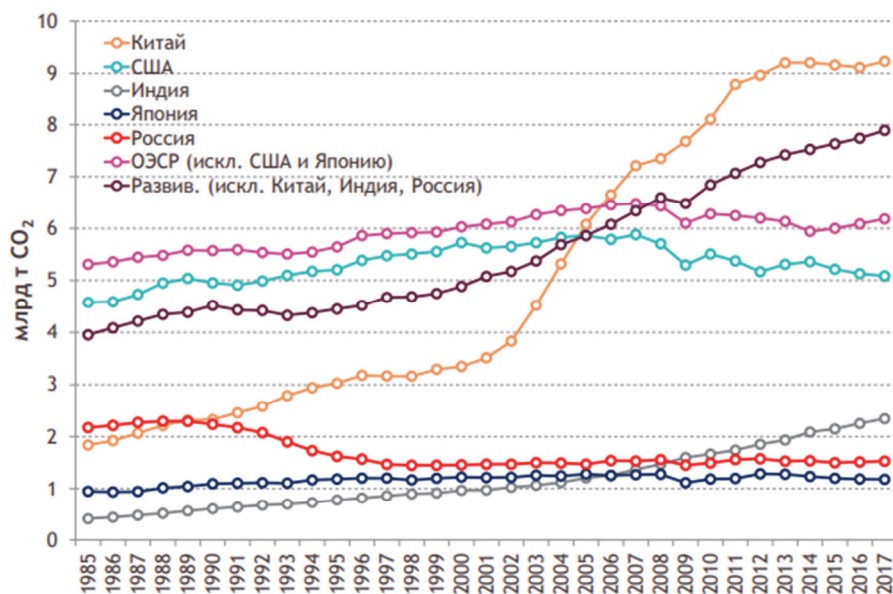

Рис. 3. Выбросы CO₂ по ведущим странам и регионам мира, млрд т CO₂, 1985—2017 гг.

Источник: Доклад аналитического центра при Правительстве Российской Федерации.
 URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/15600.pdf> (дата обращения: 26.02.2019).

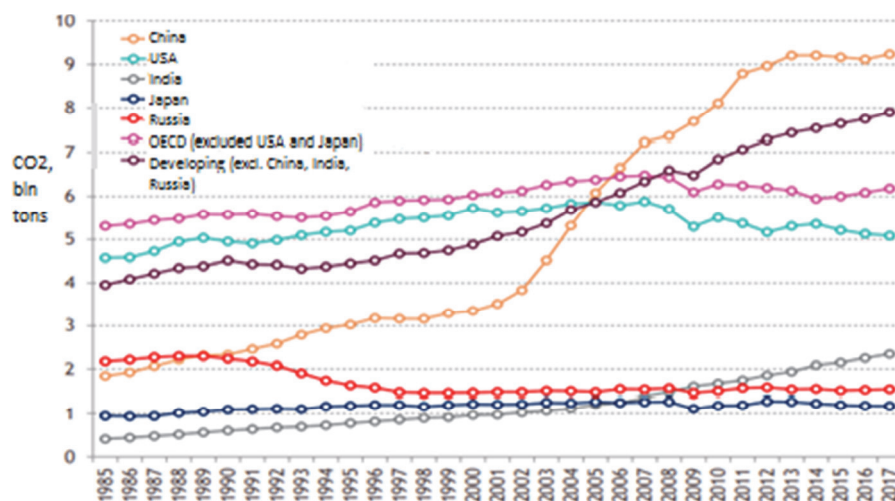

Fig. 3. CO₂ emissions by leading countries and regions of the world, billion tons of CO₂, 1985—2017

Source: Report of the analytical center under the Government of the Russian Federation.
 URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/15600.pdf> (accessed: 26.02.2019).

Таким образом, для решения проблемы изменения климата страны должны сфокусировать усилия на регулировании деятельности энергетических компаний и стимулировании сокращения выбросов парниковых газов. В данный момент стейкхолдеры и инвесторы начинают обращать внимание на действия энергетических компаний в области устойчивого развития, в том числе действия по борьбе с изменением климата (цель устойчивого развития № 13) для анализа инвестиционной привлекательности компании [Menichini, Rosati 2014; Kulkarni 2014; Kaуа 2016].

Использование инструментов национальных систем снижения выбросов парниковых газов в отношении энергетического сектора

Для осуществления Парижского соглашения страны создают национальные системы снижения выбросов парниковых газов и принимают конкретные меры для внесения индивидуального вклада в достижение глобальных целей устойчивого развития [Angelstam et al. 2019; Hickmen 2017; Plummer et al. 2018]. За последние 14 лет для отслеживания результативности функционирования

национальных систем снижения выбросов парниковых газов используется Индекс эффективности изменения климата (Climate Change Performance Index, ССРІ). ССРІ является независимым инструментом мониторинга показателей национальных систем по борьбе с изменением климата, включая снижение выбросов парниковых газов. Он направлен на повышение прозрачности в международной климатической политике и обеспечивает сопоставимость усилий по защите климата и прогресса, достигнутого отдельными странами. Основываясь на стандартизированных критериях, индекс оценивает и сравнивает показатели по защите климата в 56 странах мира, которые вместе несут ответственность за более чем 90 % глобальных выбросов парниковых газов⁶.

В рамках национальных систем снижения выбросов парниковых газов деятельность стран представлена тремя направлениями: административное регулирование (государственные стандарты, запреты, лицензии), система экономических механизмов (налог на выбросы парниковых газов) и формирование рыночных отношений (торговля квотами на загрязнение). В Киотском протоколе был обозначен новый путь в виде гибких рыночных механизмов, позволяющих сокращать выбросы парниковых газов на национальном уровне для стран — участниц Киотского протокола. В рамках этих механизмов стороны могут передавать друг другу часть национальной квоты или приобретать их через совместные проекты. К данным рыночным механизмам относятся:

1. Торговля квотами (International Emissions Trading, IET), при которой государства или отдельные хозяйствующие субъекты на их территории могут продавать или покупать квоты на выбросы парниковых газов на национальном, региональном или международном рынках. Механизм предусматривает продажу части лимита на выбросы одной Стороной Приложения I другой Стороне Приложения I РКИК.

Страны Приложения I РКИК включают государства — члены ОЭСР и страны с переходной экономикой, принявшие на себя особые обязательства по ограничению выбросов (Австралия, Канада, Словения, Австрия, Латвия, Великобритания, Беларусь, Литва, Соединенные Штаты

Америки, Бельгия, Лихтенштейн, Турция, Болгария, Люксембург, Украина, Венгрия, Монако, Финляндия, Германия, Нидерланды, Франция, Греция, Новая Зеландия, Хорватия, Дания, Норвегия, Чешская Республика, Европейское сообщество, Польша, Швейцария, Ирландия Португалия, Швеция, Исландия, Российская Федерация, Эстония, Испания, Румыния, Япония, Италия, Словакия).

Одним из крупнейших рынков углеводорода в мире является EU ETS (European Union Emissions Trading Scheme), начавшая свою деятельность в 2005 г. Аналогичные схемы реализуются в странах, не ратифицировавших Киотский протокол. Например, в США в 10 северо-восточных и среднеатлантических штатах действует Региональная инициатива по парниковым газам (RGGI), а в 2003 г. была открыта Чикагская климатическая биржа.

2. Проекты совместного осуществления (Joint Implementation, JI) являются проектами по сокращению выбросов парниковых газов, выполняемыми на территории одной из стран Приложения I РКИК полностью или частично за счет инвестиций другой страны Приложения I РКИК. Например, в 2010 г. «Газпром нефть», согласно проекту совместного осуществления, передала крупнейшему сырьевому трейдеру Японии Mitsubishi Corp. 290 тыс. единиц сокращений выбросов (ЕВС), общая стоимость которых оценивается в 3,3 млн евро.

3. Механизмы чистого развития (МЧР, The Clean Development Mechanism, CDM) представляют собой проекты по сокращению выбросов парниковых газов, выполняемые на территории одной из стран РКИК (обычно развивающейся), не входящей в Приложение I, полностью или частично за счет инвестиций страны Приложения I РКИК.

По данным Всемирного банка, на середину 2017 г. в мире работают более 40 национальных и 25 субнациональных (региональных) систем регулирования выбросов парниковых газов (в виде налога или системы квотирования и торговли выбросами). Нефтегазовые компании являются участниками систем торговли квотами, проектов совместного осуществления и механизмов чистого развития [Sapinski 2015; Sakai, Barrett 2016; Hasanov et al. 2018; Jiborn et al. 2018; Pan et al. 2019].

⁶ The Climate Change Performance Index 2019. URL: <https://www.climate-change-performance-index.org/the-climate-change-performance-index-2019> (accessed: 04.05.2019).

В настоящее время в России в рамках подготовки к ратификации Парижского соглашения Министерством экономического развития России представлены результаты оценки социально-экономических последствий этого процесса и проект национальной модели государственного регулирования выбросов парниковых газов. Элементом модели является проект соответствующего федерального закона, предполагающий, что до 2025 г. в России будет создана система мониторинга выбросов, запущен механизм реализации углеродных проектов на добровольной основе, а затем — механизм установления целевых значений по выбросам для определенных хозяйствующих субъектов и сбор за их превышение⁷.

Исследование крупнейших загрязнителей климата выбросами CO₂ и метана в мире за последние 260 лет, подготовленное Р. Хеде из американского исследовательского центра Climate Mitigation Service, утверждает, что с 1751 по 2010 г. эмиссия промышленных парниковых газов главным образом исходила от крупнейших нефтегазовых компаний мира: Chevron (3,52 % от совокупных выбросов), ExxonMobil (3,22 %), ConocoPhillips (1,16 %), британская BP (2,47 %), китайская PetroChina (0,73 %), голландская Royal Dutch — Shell (2,12 %), а также компании из Саудовской Аравии Saudi Aramco (3,17 %). Российский «Газпром» ответствен за 2,22 % совокупных выбросов, ЛУКОЙЛ — за 0,27 %, «Роснефть» — за 0,19 %⁸. Следовательно, представляется целесообразным проанализировать инструменты, которые используют в настоящее время представленные компании для минимизации выбросов парниковых газов от производственной деятельности (табл. 2).

Компания ExxonMobil придерживается консервативных взглядов по отношению к возобновляемой энергетике и сосредоточивает внимание на биотопливе, ведет исследования в области биоэнергетики и поддерживает новые технологии для сокращения выбросов двуокиси углерода

⁷ Детализация климатической политики в мире и России // Энергетический бюллетень. 2018. № 67. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20218.pdf> (дата обращения: 04.05.2019).

⁸ Давыдова А. 90 компаний изменили климат. Подсчитан вклад государств и корпораций в загрязнение атмосферы // Коммерсант. 28.11.2013. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2354799> (дата обращения: 20.02.2019).

(CCS). У компании Conoco Phillips в портфеле нет проектов по развитию возобновляемой энергетики. Компания инвестирует в создание инновационных технологий по улавливанию и утилизации углерода, минимизации углеродного следа от своей деятельности, активно занимается климатической политикой, продвигает свое видение по вопросу изменения климата и рассматривает климатическую стратегию как часть корпоративной.

Chevron, BP и Petro China используют почти все инструменты для снижения выбросов парниковых газов, включая финансирование проектов развития разных видов возобновляемой энергетики. Зарубежные компании принимают участие в Oil and Gas Climate Initiative (OGCI).

Газпром, ЛУКОЙЛ раскрывают информацию по выбросам ПГ и их минимизации в рамках Carbon Disclosure Project (CDP). Shell — единственная из представленных компаний, которая занимается разработкой энергии из водорода. Газпром отличается от зарубежных компаний тем, что включает переход на газомоторное топливо как инструмент снижения выбросов парниковых газов в стране, а также использует возобновляемые источники энергии (ВИЭ) в основном для нужд собственного производства (избыток продается сторонним потребителям). Роснефть не диверсифицирует свой бизнес по средствам производства энергии из возобновляемых источников энергии.

При сравнении инструментов и практик, используемых зарубежными и российскими нефтегазовыми компаниями, было выявлено, что российские нефтегазовые компании не занимаются развитием технологий улавливания и хранения углерода и получением энергии из водорода. Управление выбросами метана как особый вид менеджмента существует только у компании Газпром, в то время как у зарубежных компаний *methane management* является неотъемлемой частью управления в рамках устойчивого развития.

Зарубежные нефтегазовые компании активно инвестируют в проекты ВИЭ в рамках перехода на низкоуглеродный путь развития энергетики, когда российские нефтегазовые компании стараются сократить выбросы парниковых газов за счет рационального использования попутного нефтяного газа и программ по энергетической эффективности и энергосбережению.

Таблица 2 / Table 2

**Инструменты сокращения выбросов ПГ крупнейшими нефтегазовыми компаниями мира /
GHG emission reduction tools by the largest oil and gas companies in the world**

Инструменты / Tools		Компании / Companies							
		Chevron	Exxon Mobil	Conoco Phillips	BP	Petro China	Shell	Газпром / Gazprom	ЛУ-КОЙЛ / Lukoil
Рациональное использование попутного нефтяного газа / Rational use of associated petroleum gas		+	+	+	+	+	+	+	+
Повышение энергетической эффективности / Increase energy efficiency		+	+	+	+	+	+	+	+
Развитие технологий по улавливанию CO ₂ (CCS) / Development of CO ₂ (CCS) capture technology		+	+		+	+	+		
Развитие возобновляемых источников энергии / Renewable Energy Development	Ветроэнергетика / Wind power	+			+		+	+	
	Солнечная энергетика / Solar power	+			+	+	+	+	
	Приливная, геотермальная и гидроэнергетика / Tidal, geothermal and hydropower	+				+		+	
	Биомасса и биотопливо / Biomass and Biofuels	+	+	+	+	+	+		
	Энергия водорода / Hydrogen energy						+		
Управление выбросами метана / Methane management		+	+	+	+	+	+	+	
Учет рисков изменения глобального потепления / Addressing the risks of global warming		+	+	+	+	+	+	+	+
Инвестиции в совместные низкоуглеродные проекты / Investments in joint low-carbon projects		+	+	+	+	+	+	+	+
Внутренняя стратегия по борьбе с изменением климата / Internal climate change strategy		+	+	+	+	+	+		+

Источник / Source: составлено авторами на основе данных отчетов компаний по устойчивому развитию: Chevron⁽¹⁾, ExxonMobil⁽²⁾, ConocoPhillips⁽³⁾, BP⁽⁴⁾, PetroChina⁽⁵⁾, Shell⁽⁶⁾, Газпром⁽⁷⁾, ЛУКОЙЛ⁽⁸⁾, Роснефть⁽⁹⁾.

⁽¹⁾2018 Annual Report. 140 Years of Human Progress // Chevron. URL: <https://www.chevron.com/annual-report> (accessed: 26.02.2019).

⁽²⁾2018 Summary Annual Report // ExxonMobil. URL: <https://www.chevron.com/annual-report> (accessed: 01.03.2019). ⁽³⁾Public Policy Engagement // ConocoPhillips. URL: <http://www.conocophillips.com/environment/climate-change/public-policy-engagement/> (accessed: 05.03.2019). ⁽⁴⁾BP Sustainability Report 2017 // BP. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/sustainability/group-reports/bp-sustainability-report-2017.pdf> (accessed: 12.03.2019). ⁽⁵⁾2017 Sustainability Report // PetroChina. URL: <http://www.petrochina.com.cn/petrochina/xhtml/images/shyhj/2017kcxzfzbgcn.pdf> (accessed: 18.03.2019). ⁽⁶⁾The 2017 Sustainability Report // Shell. URL: <https://reports.shell.com/sustainability-report/2017/introduction.html> (accessed: 23.03.2019). ⁽⁷⁾Отчет группы Газпром о деятельности в области устойчивого развития 2017 // Газпром. URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/57/287721/sustainability-report-rus-2017.pdf> (дата обращения: 28.03.2019). ⁽⁸⁾Отчет о деятельности в области устойчивого развития группы «ЛУКОЙЛ» за 2017 год // ЛУКОЙЛ. URL: <http://www.lukoil.ru/FileSystem/9/228275.pdf> (дата обращения: 02.04.2019). ⁽⁹⁾Отчет в области устойчивого развития 2017 // Роснефть. URL: https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/RN_SR2018_rus_web_1.pdf (дата обращения: 06.04.2019).

Все компании разделяют мнение по эффективности вложения финансовых средств в инновационные технологии и низкоуглеродные проекты, которые способствуют сокращению выбросов парниковых газов при их использовании. Большинство компаний выводят отдельную стратегию по борьбе с изменением климата, включающую сокращение выбросов парниковых газов и продвижение определенных положений климатической политики.

Заключение

Энергетика является одним из основных источников выбросов парниковых газов в мире. Таким образом, крупнейшие нефтегазовые компании становятся основными экономическими субъектами, на которые направлены как государственные меры и инструменты снижения выбросов парниковых газов, так и взгляды стейкхолдеров и общественности. Основные рыночные механизмы национального и регионального уровня по борьбе с выбросами парниковых газов были представлены в Киотском протоколе и до сих пор активно используются. Нефтегазовые компании также сами разрабатывают внутренние стратегии

по борьбе с изменением климата, используют совокупность инструментов для сокращения выбросов парниковых газов, идентифицируют риски, связанные с изменением климата. Среди инструментов, которые используют нефтегазовые компании для сокращения выбросов парниковых газов и борьбе с изменением климата, можно выделить:

- рациональное использование попутного нефтяного газа;
- повышение энергетической эффективности и энергосбережения;
- развитие технологий по улавливанию и хранению CO₂;
- развитие возобновляемых источников энергии;
- управление выбросами метана;
- учет рисков изменения глобального потепления;
- инвестиции в инновационные технологии / проекты и совместные низкоуглеродные проекты;
- участие в вопросах климатической политики и/или наличие внутренней стратегии по борьбе с изменением климата.

Поступила в редакцию / Received: 05.05.2019

Принята к публикации / Accepted: 19.09.2019

Библиографический список

- Бабков-Эстеркин А.С.* Международный опыт сокращения выбросов парниковых газов и его применение в России // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2011. № 10. С. 131—135.
- Боклан Д.С.* Киотский протокол — регулятивный компонент международной торговой системы // Российский внешнеэкономический вестник. 2007. № 12. С. 62—69.
- Буквич Р.М., Петрович Д.Р.* Парниковый эффект и рыночные механизмы Киотского протокола // Вестник Нижегородского государственного инженерно-экономического института. 2017. № 1 (68). С. 139—158.
- Бурима Л.Я.* Экологическая безопасность энергетического сектора как необходимое условие устойчивого развития // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 1 (79). С. 72—83.
- Кокорин А.О., Липка О.Н., Суляндзига Р.В.* Изменение климата. Глоссарий терминов, используемых в работе РККИ ООН. М.: WWF России, 2015.
- Кокорин А.О., Кураев С.Н., Юлкин М.А.* Обзор доклада Николаса Стерна «Экономика изменения климата». М.: WWF России, 2009.
- Макаров И.А.* Глобальное изменение климата как вызов мировой экономике и экономической науке // Экономический журнал ВШЭ. 2013. Т. 17. № 3. С. 479—496.
- Макаров И.А., Степанов И.А.* Парижское соглашение по климату: Влияние на мировую энергетику и вызовы для России // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 1. С. 77—100.
- Русакова Ю.А.* Климатическая политика Российской Федерации и решение проблем изменения глобального климата // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 1. С. 66—72.
- Тетушкин В.А.* Анализ трендов климатической политики как элемента экономической безопасности Российской Федерации: международный аспект // Региональная экономика: Теория и практика. 2017. Т. 15. № 6. С. 1173—1186. DOI: 10.24891/re.15.6.1173
- Щуплова И.С., Рыбин Д.В.* Глобальное изменение климата как вызов энергетической политике и обеспечению энергетической безопасности // European Science. 2018. № 6 (38). С. 14—18.
- Angelstam P., Elbakidze M., Axelsson R., Khoroshev A., Pedrolì B., Tysiachniouk M. et al.* Model Forests in Russia as Landscape Approach: Demonstration Projects or Initiatives for Learning towards Sustainable Forest Management? // Forest Policy and Economics. 2019. Vol. 101. P. 96—110. DOI: 10.1016/j.forpol.2019.01.005

- Guan Q., An H. Functional Trade Patterns in the International Photovoltaic Trade // *Energy Procedia*. 2019. No. 158. P. 3670—3675.
- Hasanov F.J., Liddle B., Mihaylov J.I. The Impact of International Trade on CO₂ Emissions in Oil Exporting Countries: Territory vs Consumption Emissions Accounting // *Energy Economics*. 2018. Vol. 74. P. 343—350. DOI: 10.1016/j.eneco.2018.06.004
- Hickmen T. Voluntary Global Business Initiatives and the International Climate Negotiations: A Case Study of the Greenhouse Gas Protocol // *Journal of Cleaner Production*. 2017. Vol. 169. P. 94—104. DOI: 10.1016/j.jclepro.2017.06.183
- Himics M., Fellmann T., Barreiro-Hurl J., Witzke P.-H., Domingues I.P., Jansson T. et al. Does the Current Trade Liberalization Agenda Contribute to Greenhouse Gas Emission Mitigation in Agriculture? // *Food Policy*. 2018. Vol. 76. P. 120—129. DOI: 10.1016/j.foodpol.2018.01.011
- Jiborn M., Kander A., Kulionis V., Neilsen H., Moran D.D. Decoupling or Delusion? Measuring Emissions Displacement in Foreign Trade // *Global Environmental Change*. 2018. Vol. 49. P. 27—34. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2017.12.006
- Kaya I. The Mandatory Social and Environmental Reporting: Evidence from France // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2016. Vol. 129. P. 206—213. DOI: 10.1016/j.sbspro.2016.07.130
- Kulkarni A.L. A Review of Concept and Reporting of Non-Financial Initiatives of Business Organizations // *Procedia Economic and Finance*. 2014. Vol. 11. P. 33—41. DOI: 10.1016/S2212-5671(14)00173-7
- Menichini T., Rosati F. A Fuzzy Approach to Improve CSR Reporting: An Application to the Global Reporting Initiative Indicators // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 109. P. 355—359. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.12.471
- Nabernegg S., Bernar-Friedl B., Munoz P., Titz M., Vogel J. National Policies for Global Emission Reductions: Effectiveness of Carbon Emission Reductions in International Supply Chains // *Ecological Economics*. 2019. Vol. 158. P. 27—34. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2018.12.006
- Pan Y., Zhang X., Wang W., Yan J., Zhou S., Li G. et al. Application of Blockchain in Carbon Trading // *Energy Procedia*. 2019. Vol. 158. P. 4286—4291. DOI: 10.1016/j.egypro.2019.01.509
- Pendrill F., Persson U.M., Godar J., Kastner T., Moran D., Schmidt S. et al. Agricultural and Forestry Trade Drives Large Share of Tropical Deforestation Emissions // *Global Environmental Change*. 2019. Vol. 56. P. 1—10. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2019.03.002
- Plummer S., Lecomte P., Doherty M. The ESA Climate Change Initiative (CCI): A European Contribution to the Generation of the Global Climate // *Remote Sensing of Environment*. 2017. Vol. 203. P. 2—8. DOI: 10.1016/j.rse.2017.07.014
- Sakai M., Barrett J. Border Carbon Adjustments: Addressing Emissions Embodied in Trade // *Energy Policy*. 2016. Vol. 92. P. 102—110. DOI: 10.1016/j.enpol.2016.01.038
- Sandstrom V., Valin H., Krisztin T., Havlik P., Herrero M., Kastner T. The Role of Trade in the Greenhouse Gas Footprints of EU Diets // *Global Food Security*. 2018. Vol. 19. P. 48—55. DOI: 10.1016/j.gfs.2018.08.007
- Sapinski J.P. Climate Capitalism and the Global Corporate Elite Network // *Environmental Sociology*. 2015. Vol. 1. No. 4. P. 268—279. DOI: 10.1080/23251042.2015.1111490

References

- Angelstam, P., Elbakidze, M., Axelsson, R., Khoroshev, A., Pedrolí, B., Tysiachniouk, M., et al. (2019). Model Forests in Russia as Landscape Approach: Demonstration Projects or Initiatives for Learning towards Sustainable Forest Management? *Forest Policy and Economics*, 101, 96—110. DOI: 10.1016/j.forpol.2019.01.005
- Babkov-Esterkin, A.S. (2011). International Experience in Reducing Greenhouse Gas Emissions and its Use in Russia. *Gorny Analytical Bulletin*, 10, 131—135. (In Russian).
- Boklan, D.S. (2007). The Kyoto Protocol — the Regulatory Component of the International Trading System. *Russian Foreign Economic Journal*, 12, 62—69. (In Russian).
- Bukvich, R.M. & Petrovich, D.R. (2017). Greenhouse Effect and Market Mechanisms of the Kyoto Protocol. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Engineering and Economic Institute*, 1 (68), 139—158. (In Russian).
- Burima, L.Ya. (2018). Ecological Safety of the Energy Sector as a Necessary Condition for Sustainable Development. *Vestnik of Prikamsky social institute*, 1 (79), 72—83. (In Russian).
- Guan, Q. & An, H. (2019). Functional Trade Patterns in the International Photovoltaic Trade. *Energy Procedia*, 158, 3670—3675.
- Hasanov, F.J., Liddle, B. & Mihaylov, J.I. (2018). The Impact of International Trade on CO₂ Emissions in Oil Exporting Countries: Territory vs Consumption Emissions Accounting. *Energy Economics*, 74, 343—350. DOI: 10.1016/j.eneco.2018.06.004
- Hickmen, T. (2017). Voluntary Global Business Initiatives and the International Climate Negotiations: A Case Study of the Greenhouse Gas Protocol. *Journal of Cleaner Production*, 169, 94—104. DOI: 10.1016/j.jclepro.2017.06.183
- Himics, M., Fellmann, T., Barreiro-Hurl, J., Witzke, P.-H., Domingues, I.P., Jansson, T., et al. (2018). Does the Current Trade Liberalization Agenda Contribute to Greenhouse Gas Emission Mitigation in Agriculture? *Food Policy*, 76, 120—129. DOI: 10.1016/j.foodpol.2018.01.011

- Jiborn, M., Kander, A., Kulionis, V., Neilsen, H. & Moran, D.D. (2018). Decoupling or Delusion? Measuring Emissions Displacement in Foreign Trade. *Global Environmental Change*, 49, 27—34. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2017.12.006
- Kaya, I. (2016). The Mandatory Social and Environmental Reporting: Evidence from France. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 129, 206—213. DOI: 10.1016/j.sbspro.2016.07.130
- Kokorin, A.O., Kuraev, S.N. & Yulkin, M.A. (2009). Review of Nicholas Stern’s Report “The Economics of Climate Change”. Moscow: WWF Russia. (In Russian).
- Kokorin, A.O., Lipka, O.N. & Sulyandziga, R.V. (2015). Changing of the Climate. Glossary of Terms Used in the Work of the UNFCCC. Moscow: WWF Russia. (In Russian).
- Kulkarni, A.L. (2014). A Review of Concept and Reporting of Non-Financial Initiatives of Business Organizations. *Procedia Economic and Finance*, 11, 33—41. DOI: 10.1016/S2212-5671(14)00173-7
- Makarov, I.A. (2013). Global Climate Change as a Challenge to the World Economy and Economics. *Economic Journal of the HSE*, 17 (3), 479—496. (In Russian).
- Makarov, I.A. & Stepanov, I.A. (2018). The Paris Climate Agreement: Impact on the World Energy Sector and Challenges for Russia. *Actual Problems of Europe*, 1, 77—100. (In Russian).
- Menichini, T. & Rosati, F. (2014). A Fuzzy Approach to Improve CSR Reporting: An Application to the Global Reporting Initiative Indicators. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 109, 355—359. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.12.471
- Nabernegg, S., Bernar-Friedl, B., Munoz, P., Titz, M. & Vogel, J. (2019). National Policies for Global Emission Reductions: Effectiveness of Carbon Emission Reductions in International Supply Chains. *Ecological Economics*, 158, 27—34. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2018.12.006
- Pan, Y., Zhang, X., Wang, W., Yan, J., Zhou, S., Li, G., et al. (2019). Application of Blockchain in Carbon Trading. *Energy Procedia*, 158, 4286—4291. DOI: 10.1016/j.egypro.2019.01.509
- Pendrill, F., Persson, U.M., Godar, J., Kastner, T., Moran, D., Schmidt, S., et al. (2019). Agricultural and Forestry Trade Drives Large Share of Tropical Deforestation Emissions. *Global Environmental Change*, 56, 1—10. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2019.03.002
- Plummer, S., Lecomte, P. & Doherty, M. (2017). The ESA Climate Change Initiative (CCI): A European Contribution to the Generation of the Global Climate. *Remote Sensing of Environment*, 203, 2—8. DOI: 10.1016/j.rse.2017.07.014
- Rusakova, Yu.A. (2015). Climate Policy of the Russian Federation and Solving Problems of Global Climate Change. *Bulletin of MGIMO-University*, 1, 66—72. (In Russian).
- Sakai, M. & Barrett, J. (2016). Border Carbon Adjustments: Addressing Emissions Embodied in Trade. *Energy Policy*, 92, 102—110. DOI: 10.1016/j.enpol.2016.01.038
- Sandstrom, V., Valin, H., Krisztin, T., Havlik, P., Herrero, M. & Kastner, T. (2018). The Role of Trade in the Greenhouse Gas Footprints of EU Diets. *Global Food Security*, 19, 48—55. DOI: 10.1016/j.gfs.2018.08.007
- Sapinski, J.P. (2015). Climate Capitalism and the Global Corporate Elite Network. *Environmental Sociology*, 1 (4), 268—279. DOI: 10.1080/23251042.2015.1111490
- Shchuplova, I.S. & Rybin, D.V. (2018). Global Climate Change as a Challenge to Energy Policy and Energy Security. *European Science*, 6 (38), 14—18. (In Russian).
- Tetushkin, V.A. (2017). Analysis of Climate Policy Trends as an Element of the Economic Security of the Russian Federation: An International Aspect. *Regional Economy: Theory and Practice*, 15 (6), 1173—1186. DOI: 10.24891/re.15.6.1173. (In Russian).

Сведения об авторах: Любарская Мария Александровна — доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета (e-mail: liubarskaya@mail.ru).

Меркушева Виктория Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры инженерной геодезии Петербургского государственного университета путей сообщения (e-mail: vika.merkusheva@bk.ru).

Зиновьева Ольга Сергеевна — магистрант Санкт-Петербургского государственного экономического университета (e-mail: zinovyeva.olya@yandex.ru).

About the authors: Liubarskaia Maria Aleksandrovna — PhD in Economics, Dr. of Sc. (Economics), Professor, the Department of State and Territorial Management, Saint-Petersburg State University of Economics (e-mail: liubarskaya@mail.ru).

Merkusheva Viktoria Sergeevna — PhD in Economics, Associate Professor, the Department of Engineering Geodesy, St. Petersburg State Transport University (e-mail: vika.merkusheva@bk.ru).

Zinovieva Olga Sergeevna — master student, St. Petersburg State University of Economics (e-mail: zinovyeva.olya@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-392-403

Научная статья

Великодержавная конкуренция в Арктике: геополитическое соперничество в новом политическом пространстве

М.А. Никулин

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Research article

Great Powers' Competition in the Arctic: Geopolitical Rivalry in the New Political Space

M.A. Nikulin

RUDN University, Moscow, Russian Federation

За последние несколько десятилетий в Северном Ледовитом океане произошло быстрое сокращение как протяженности, так и количества морского льда. Эти события, вызванные глобальным ростом температуры, открыли новые морские судоходные пути и сделали возможной добычу природных ископаемых из месторождений, ранее недоступных. Такие изменения повлекли за собой рост активности государств как относящихся к Арктическому региону, так и находящихся вне его, что привело к постепенному нарастанию соперничества между ключевыми державами за освоение ресурсов в Арктике и за контроль над судоходными путями.

Автор показывает, что в Арктике, в отличие от других регионов мира, сложилась уникальная обстановка, которая обусловлена взаимозависимостью всех акторов, что связано с особой экологической ситуацией в регионе и общностью как экономических, так и общественных интересов.

Автор анализирует, каким образом взаимодействие между великими державами сказывается на Арктическом регионе. На примере российско-американских отношений, которые являются ключевыми в рамках Арктики, автор показывает, что, несмотря на растущее соперничество между двумя государствами, имеющаяся в регионе институциональная база сотрудничества оказывает смягчающее влияние. На этом фоне растет и интерес другой великой державы к этому региону — КНР. В отличие от РФ и США, Китай придерживается неконфронтационного пути в своей деятельности в Арктическом регионе, выступая за сохранение мира и стабильности в нем, что связано с природно-ресурсным потенциалом Арктики и возможностями использования Северного морского пути. В результате соперничество государств в северных широтах можно назвать подобием холодной войны в региональном масштабе.

Ключевые слова: Арктика, США, Китай, Россия, безопасность, геополитика

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31681 на тему «Основные тенденции формирования многополярного мира».

Для цитирования: Никулин М.А. Великодержавная конкуренция в Арктике: геополитическое соперничество в новом политическом пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 392—403. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-392-403

Abstract. For the past few decades, the Arctic Ocean has experienced a rapid reduction in both the extent and amount of sea ice. These events, caused by global temperature increase, opened previously inaccessible sea shipping lanes and made possible the extraction of natural resources from deposits previously inaccessible. Such changes entailed an increase in the activity of states both belonging to the Arctic region and those outside it — this led to a gradual increase in rivalry between the leading powers for the development of resources in the Arctic and for the control of shipping routes.

© Никулин М.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The author points out that in the Arctic, unlike other regions, a unique situation has developed due to the interdependence of all actors, which is associated with the special environmental conditions and the commonality of both economic and public interests.

The author analyzes the way how the great powers interaction affects the Arctic region. Using the example of the growing Russian-American rivalry being key for the Arctic, the author stresses a softening effect of the institutional regional base. Against this background, the level of interest of another leading power in this region — the PRC — is also growing. Unlike the Russian Federation and the USA, China adheres to the non-confrontational path in the Arctic region, advocating peace and stability strategy, which is associated mainly with the natural resource potential of the Arctic and the possibilities of using the Northern Sea Route. As a result, the rivalry of states in the northern latitudes can be described in terms of the Cold War competition on a regional scale.

Key words: Arctic, USA, China, Russia, security, geopolitics

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 19-011-31681 «Main trends in the formation of a multipolar world».

For citations: Nikulin, M.A. (2019). Great Powers' Competition in the Arctic: Geopolitical Rivalry in the New Political Space. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 392—403. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-392-403

Окончание биполярного противостояния в мире и последовавшая за этим трансформация системы международных отношений оказали существенное влияние на Арктический регион. Акватория Северного Ледовитого океана, десятилетия разделяющая две сверхдержавы — СССР и США, превратилась в пространство для взаимодействия и сотрудничества. Помимо арктических держав, в этих процессах участвовали и приарктические государства, а также внерегиональные страны.

Однако растущая борьба за обладание природными ресурсами, рост противоречий между ведущими государствами мира, а также низкий уровень доверия на международной арене поставили под вопрос установившийся статус-кво в Арктическом регионе.

Особенности Арктики как региона мировой политики

К началу XXI в. Арктика представляла собой регион, в котором произошел переход от конфронтационной модели взаимоотношений между двумя сверхдержавами к системе многополярного сотрудничества как региональных, так и внерегиональных стран с целью достижения регионального мира и стабильности. Помимо общей региональной структуры Арктического региона изменилось и его наполнение — произошел переход от рассмотрения вопросов классического обеспечения государственной безопасности к решению глобальных международных проблем, сконцентрированных на экологической проблематике и вопросах, связанных с добычей природных ресур-

сов. В рамках межгосударственного сотрудничества значимая роль принадлежала научной дипломатии: так, например, в 2010 г. в Лондоне состоялся диалог по вопросам экологической безопасности в Северном Ледовитом океане между РФ и НАТО, прошедший в аполитичном формате, а благодаря работе трех целевых групп, во главе которых находились представители от РФ и США, удалось разработать и принять ряд важных соглашений¹. Однако на фоне событий на Украине и последовавшего за ними роста противоречий между Россией и ее западными партнерами подобное положение дел начало постепенно меняться [Wezeman 2016: 21].

Другие особенности региона связаны с его географическим положением, так как Арктика находится в сложных природно-климатических условиях, что и определяет необходимость сотрудничества в рамках поиска и добычи природных ресурсов, потому что высокую стоимость их освоения и необходимые технологии не может в одиночку обеспечить ни одна страна. В Арктике расположено до 22 % мировых запасов нефти и газа, т.е. где-то около 90 млрд баррелей², а также большие запасы пресной воды и редкоземельных металлов. Через арктические воды проходит крат-

¹ Berkman P.A. Could Science Diplomacy Be the Key to Stabilizing International Relations? URL: <https://theconversation.com/could-science-diplomacy-be-the-key-to-stabilizing-international-relations-87836> (accessed: 01.07.2019).

² Strategic Importance of the Arctic in U.S. Policy. URL: https://fas.org/irp/congress/2009_hr/arctic.pdf (accessed: 01.07.2019).

чайший путь для нанесения ракетно-ядерного удара бывших противников биполярного противостояния — США и РФ: время полета баллистических ракет составляет около 15 минут. Здесь же проходит один из морских транспортных маршрутов — Северный морской путь, который сокращает время доставки грузов из Восточной Азии в Европу, в отличие от маршрутов через Суэцкий или Панамский каналы.

Еще одной особенностью является правовой режим Арктического региона. По мнению Р. Вольфрума, этот уникальный регион может «оказаться лабораторией для нового международно-правового режима» [Wolfrum 2010: 537]. После окончания холодной войны регион стал площадкой для развития многостороннего сотрудничества, в котором принимали и принимают участие региональные и нерегиональные державы, а также организации разного уровня (на региональном уровне — Арктический совет, на субрегиональном уровне — Совет Баренцева / Евроарктического региона, различные межгосударственные организации стран Северной Европы, и др.), НПО (форум «Полярный круг», научные структуры и др.) и представители коренных народов. Так, в рамках ключевой региональной организации — Арктического совета — был подписан ряд важных соглашений: Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике (2011 г.)³, Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике (2013 г.)⁴, Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества (2017 г.)⁵. Отдельно можно выделить и инициативы отдельных стран, например, России и Норвегии, по урегулированию спорных вопросов в деле разграни-

чения границ морского пространства в регионе [Зиланов 2017: 36].

Вместе с тем, если обратиться к тексту подписанной по итогам I Конференции по Северному Ледовитому океану 28 мая 2008 г. Илулисатской декларации, можно обнаружить пункт о том, что необходимость разработки нового всеобъемлющего международно-правового режима для управления Северным Ледовитым океаном отсутствует⁶. Также отмечалось, что все спорные вопросы должны решаться исходя из принятых норм ООН, однако в самом тексте документа не упоминалась Конвенция по морскому праву 1982 г.⁷, что являлось следствием принципиальной позиции американского правительства, не подписавшего данную Конвенцию. При этом сама декларация была подписана без участия трех членов Арктического совета — Исландии, Швеции и Финляндии, которые не являются прибрежными арктическими государствами, а также без участия представителей коренных народов.

По мнению российских исследователей В.Н. Коньшева и А.А. Сергунина, на сегодняшний день среди региональных игроков сложилось молчаливое согласие относительно того, что система арктического управления может иметь многомерную, многоуровневую и необязательно строго формализованную структуру [Коньшев, Сергунин 2018].

В качестве еще одной особенности Арктики как региона мировой политики можно отметить его незначительную чувствительность к конъюнктурным изменениям международно-политической обстановки. Так, например, общее ухудшение отношений между Россией и западными странами, в то же время являющихся арктическими, кардинально не повлияло ни на развитие арктического сотрудничества с РФ, ни на планы военного строительства в регионе [Загорский 2018: 103].

³ Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике. URL: <https://mddoc.mid.ru/api/ia/download/?uuid=110ea6aa-4422-416e-8873-ea9c70a5fa37> (дата обращения: 01.07.2019).

⁴ Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499065181> (дата обращения: 01.07.2019).

⁵ Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества. URL: <http://docs.cntd.ru/document/542624227> (дата обращения: 01.07.2019).

⁶ Ilulissat Declaration, Arctic Ocean Conference. Greenland, May 27—29, 2008. URL: https://www.arctictoday.com/wp-content/uploads/2018/05/Ilulissat_Declaration.pdf (accessed: 01.07.2019).

⁷ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 01.07.2019).

Более того, подобная позиция, по сути, является признанием важной роли Российской Федерации в рамках деятельности и освоения ресурсов в Арктическом регионе — как было справедливо отмечено еще в советское время экспертами ИМЭМО по вопросу об особых правах и интересах приарктических государств: «...Основу особых прав составляет исторически сложившееся положение, берущее начало в исследовательской и хозяйственной деятельности русских ученых и предпринимателей в Арктике»⁸.

В итоге мы можем сделать вывод, что сегодня Арктика представляет собой регион, в котором произошел переход от конфронтационной модели взаимоотношений между двумя сверхдержавами к системе многополярного сотрудничества как региональных, так и внерегиональных стран с целью достижения регионального мира и стабильности. Помимо общей региональной структуры Арктического региона изменилось и его наполнение — произошел переход от рассмотрения вопросов классического обеспечения государственной безопасности к решению вопросов, связанных с новыми вызовами и угрозами международной безопасности и сконцентрированных на решении экологических проблем, а также вопросов, касающихся добычи природных ресурсов.

Особенности мирополитического регулирования в Арктике

Тем не менее, в сложившейся ситуации есть ряд минусов: отсутствие как правовой основы, так и правоприменительной практики и взаимных обязательств накладывает ограничения на эффективность действующей системы многостороннего сотрудничества в Арктическом регионе [Wegge 2011: 166]. С точки зрения неореалистического подхода в теории международных отношений (ТМО), существование подобного режима взаимодействия в Арктике определяется стремлением великих держав обеспечить свои национальные интересы, что подталкивает их к такому компромиссному разделению полномочий и обязанностей в регионе. В данном случае проблематично ис-

пользовать подходы либеральных школ ТМО, так как, несмотря на наличие межгосударственного сотрудничества, большого количества институтов разного уровня и характера, как уже было отмечено выше, в регионе отсутствует четкая правовая база взаимодействия между ключевыми акторами [Pawluszko 2012: 120].

В этой связи можно обратить внимание на одну из ключевых организаций в Арктическом регионе, на которой базируется современный механизм регионального управления — Арктический совет. Данная организация была создана в 1996 г. как логический итог первых шагов построения новой постбиполярной реальности в Арктике, начатой с подписания Декларации по стратегии защиты окружающей среды Арктики в 1991 г. Арктический совет по факту представляет собой форум, лишенный взаимных правовых обязательств. Более того, являясь ключевым механизмом в рамках современного межгосударственного взаимодействия в Арктическом регионе, Совет ответствен только за сферы экономического развития (транспорт, логистика, инфраструктура и т. д.), защиту окружающей среды и сотрудничество в таких сферах, как пограничный контроль, предотвращение радиоактивного загрязнения, усилия по оказанию помощи в преодолении последствий стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций, и др. Вопросы, касающиеся военно-технического и военно-политического характера, находятся вне его юрисдикции, и ряд экспертов считают, что Арктическому совету необходимо адаптироваться под меняющуюся обстановку [Kankaanpää, Young 2012: 12]. Поэтому, с одной стороны, по словам адмирала ВМС Норвегии Х.Б. Ханссена, Арктика является, вероятно, самой стабильной областью в мире [McKellar 2018], а с другой — нельзя отрицать развитие в регионе военной инфраструктуры и экспедиционных возможностей отдельных арктических стран [Gramer 2017].

Влияние российско-американских отношений на Арктический регион

Ряд исследователей полагают, что существующее положение дел в Арктическом регионе регулируется и основывается на иных критериях, не связанных ни с военно-стратегическим потен-

⁸ Международное положение в Арктике и интересы СССР // Совмин СССР, Госкомиссия по делам Арктики. Архив ИМЭМО, 1988. С. 2.

циалом арктических стран, ни с системой многостороннего сотрудничества, установившейся в Арктике с конца XX в. По мнению китайского исследователя Д. Бэйси, в некотором смысле существующий международный режим в Арктике и его повестка дня могут рассматриваться как продукт развития американо-российских

отношений после холодной войны [Beixi 2016: 210]. В его основе — колеблющиеся от сотрудничества к конфронтации двусторонние российско-американские отношения, а также конкуренция между РФ и США в вопросах безопасности и отсутствие доверия между сторонами (табл. 1).

Таблица 1

Влияние российско-американских отношений на Арктический регион

Период	Состояние двусторонних отношений	Влияние на Арктический регион	Дополнительные факторы
1867—1890 гг.	Сотрудничество	Россия продает Аляску США	Великобритания — общий соперник
1890—1921 гг.	Конфронтация	Высадка американских войск в Архангельске — военное вмешательство США в Гражданскую войну в России	Борьба с большевиками
1921—1945 гг.	Сотрудничество	Перевозка военных и гуманитарных грузов по Северному морскому пути для поддержки СССР в борьбе с нацистской Германией и ее союзниками	Союзники в рамках Второй мировой войны
1945—1987 гг.	Конфронтация	Арктика как стратегический рубеж для развертывания объектов ядерного сдерживания	Соперничество в рамках холодной войны
1987—2014 гг.	Сотрудничество	Сотрудничество в Арктике в неполитических сферах, так как обе стороны не смогли избавиться от наследия холодной войны	Потепление в отношениях
С 2014 г.	Конфронтация	Восприятие деятельности РФ в Арктике как деятельности КНР в Южно-Китайском море, обвинения в односторонней милитаризации региона	Рост противоречий в Арктическом регионе

Источник: подготовлено автором на основе данных из статьи: Beixi D. Arctic Geopolitics. The Impact of U.S.-Russian Relations on Chinese-Russian Cooperation in the Arctic // Russia in Global Affairs. 2016. Vol. 14. No. 2. P. 206—220.

Table 1

The Impact of Russian-American Relations on the Arctic Region

Years	State of bilateral relations	Impact on the Arctic region	Factors for tension
1867—1890	Cooperation	Russia sells Alaska to the U.S.	Great Britain is a mutual opponent
1890—1921	Confrontation	Landing of American troops in Arkhangelsk — US military intervention in the Civil War in Russia	Resistance to the rising communist regime
1921—1945	Cooperation	Shipment of military and humanitarian cargoes by the Northern Sea Route to support the Soviet Union in fighting Germany and his allies	Allies in World War II
1945—1987	Confrontation	The Arctic as a strategic frontier for deployment of army units and nuclear deterrence facilities	Rivalry for world hegemony during the Cold War
1987—2014	Cooperation	Cooperation in the Arctic beyond the big politics sphere; parties have failed to get rid of Cold War legacy	A thaw in relations
Since 2014	Confrontation	Perception of the activities of the Russian Federation in the Arctic as the activities of China in the South China Sea, accusations of unilateral militarization of the region	Growth of contradictions in the Arctic Region

Source: prepared by the author based on the data from the article: Beixi D. Arctic Geopolitics. The Impact of U.S.-Russian Relations on Chinese-Russian Cooperation in the Arctic // Russia in Global Affairs. 2016. Vol. 14. No. 2. P. 206—220.

Здесь также следует отметить, что, несмотря на растущую важность Арктического региона в международных отношениях, сам по себе он оказывает ограниченное влияние на взаимоотношения между государствами на глобальном уровне, а также подвержен влиянию извне. В этом ключе можно выделить упомянутые выше события на Украине в 2014 г. По мере роста российско-американских противоречий на международной арене в связи с ними начало сказываться и их побочное влияние на Арктический регион, что отразилось, в первую очередь, на таких видах сотрудничества, как совместная разработка месторождений полезных ископаемых, проведение научно-исследовательских и поисково-спасательных работ.

В частности, США отменили совместные поисково-спасательные учения Береговой охраны и Пограничной службы ФСБ РФ [Веіхі 2016: 212]. В обновленном списке санкций США и ЕС против России упоминается экономически значимый энергетический сектор, поскольку западные страны отказались передавать России технологии глубоководного бурения, разведки нефтяных месторождений в Арктике и добычи сланцевой нефти. Они также накладывают ограничения на инвестиции и финансирование российских нефтегазовых проектов.

Межгосударственные отношения в Арктике в определенной степени отражают американо-российские отношения на мировой арене. Однако институциональные механизмы сотрудничества в Арктике, созданные после окончания холодной войны, постепенно стали функционировать в качестве «буфера» или «системы безопасности» для Арктики, защищая ее от влияния внешних факторов. Эти механизмы включают в себя Арктический совет, единственный многосторонний режим регионального управления, охватывающий все арктические государства, а также субрегиональные группы, такие как Совет Баренцева / Евроарктического региона, Скандинавский совет, Северный форум и Северное измерение. Кроме того, существует несколько двусторонних или многосторонних договоров и соглашений, которые предусматривают практическую деятельность в Арктике: в поисково-спасательных операциях, регулировании рыболовства и др.

Эти механизмы способны, прежде всего, сгладить влияние американо-российской напряженно-

сти на сотрудничество в Арктике и служат напоминанием двум странам о том, что они должны участвовать в урегулировании насущных проблем только в качестве региональных игроков. Ряд соглашений о создании механизмов решения проблем Арктики способствует диалогу по вопросам безопасности. Они также помогают достичь консенсуса о том, что региональный мир и стабильность приносят пользу всем и ограничивают побочные эффекты глобальной геополитической напряженности в Арктическом регионе. Другими словами, Арктика не должна участвовать в большой политике, оставаясь областью сотрудничества, а не полем для конфронтации. Поэтому некоторые эксперты, например российский исследователь А.Г. Савойский, считают: «Весьма полезным в развитии российско-американских, в том числе экономических, отношений может стать стратегическое сотрудничество России и США в освоении природных богатств Российского Севера» [Савойский 2012: 58].

Другая цель этой системы — удержать региональные державы от безрассудных действий и побудить их не участвовать в военных играх в Арктическом регионе. Для США, которые не планируют тратить много денег на оборону и безопасность в Арктике, вмешательство НАТО в вопросы безопасности Арктики во имя территориальной обороны или готовность реализовать планы действий в чрезвычайных ситуациях в случае военных сценариев (например, ответ на украинские события) рассматривается как менее дорогой и выполнимый вариант.

Однако это неизбежно приведет к конфронтации между Востоком и Западом в духе холодной войны. Возможность вступления Швеции или Финляндии в НАТО также нарушит региональный баланс сил. Россия будет вынуждена принять контрмеры, и есть риск, что США не захотят с этим мириться. Что касается вмешательства НАТО в арктические дела, Россия и такой член НАТО, как Канада, не согласны с Североатлантическим альянсом по поводу этой перспективы, причем Канада утверждает, что Арктика может независимо регулироваться арктическими государствами и что ее проблемы должны решаться в рамках Арктического совета и Конвенции ООН по морскому праву без участия НАТО.

Наконец, по мере того как стратегическое значение Арктики в мире возрастает, геополити-

тические изменения за пределами Арктического региона, такие как украинский кризис, продолжают косвенно влиять на регион. Принимая во внимание механизмы регионального управления, согласованный консенсус и сотрудничество, а также растущую независимость и исключительность регионального развития, американо-российские отношения в Арктике больше не являются упрощенным отражением их отношений на мировой арене. Структурный межгосударственный конфликт и внутреннее соперничество ограничивают всестороннее сотрудничество между этими двумя странами в Арктике. На этом фоне свое северное направление внешнеполитической деятельности активизирует КНР.

Интересы Китая в Арктике

Говоря об интересах Китая в Арктическом регионе, мы можем выделить три ключевые составляющие — безопасность, ресурсы и науку. Остановимся подробнее на безопасности, которая включает в себя ряд аспектов, отражающих традиционные проблемы, относящиеся как к восходящим, так и к великим державам. В первую очередь, это обеспечение морских коммуникаций (Sea lines of communication, SLOCs), проецирование силы как морской державы и укрепление обороны. С точки зрения нетрадиционной безопасности, интересы Китая в экономической и стратегической науке в полярных регионах также требуют стабильной и мирной политической обстановки в Арктике, где интересы Китая защищены и могут процветать. Все эти категории являются как отдельными, так и взаимосвязанными и отражают новую геополитику нынешней эпохи, в которой поддержание глобальной связи и сотрудничества столь же ценно, как и доминирование над одним географическим регионом.

В отличие от арктических государств, у Китая нет территориального суверенитета и связанных с ним суверенных прав на добычу ресурсов и рыболовство в Арктике. Столкнувшись с очень ограниченными правами в качестве неарктического государства, Китай стремился разработать стратегии для преодоления растущего разрыва между правовыми и институциональными ограничениями в Арктике и его растущими арктическими интересами. Данные стратегии отражают устойчивый переход Пекина к проектированию

военной мощи во всем мире, один из традиционных индикаторов великой державы.

По мнению зарубежных исследователей, события 2007 г., когда российская экспедиция установила флаг на дне арктического шельфа, повлияли на формирование геополитических интересов Китая в Арктическом регионе [Jakobson, Peng 2012: 5]. Однако нельзя отрицать, что Китай не присутствовал в Арктике до этого периода — основное отличие заключается в том, что на современном этапе в эту активность больше вмешивается государство, хотя раньше это место занимало научное сообщество.

Современный этап деятельности КНР в Арктике начался в 1990 г., когда китайские ученые возобновили свое участие в научных исследованиях Северного полюса [Stensdal 2013: 5]. В 1993 г. китайское правительство приобрело у Украины многоцелевое ледокольно-транспортное судно усиленного ледового класса типа «Витус Беринг», которое было заложено на Херсонском судостроительном заводе, достроило его как ледокол, получивший название «Снежный дракон». Другая группа китайских ученых с журналистами на буксире посетила Арктику в 1995 г. [Stensdal 2013: 6], и в том же году Академия наук Китая создала Комитет по полярным наукам. В 1999 г. китайский ученый Сюэ Лун отправился в первое научное путешествие по Арктике, пройдя маршрутом из Берингова в Чукотское море. В 2004 г. Китай создал новый полярный исследовательский центр — Арктическую станцию Хуанхэ в Нью-Олесунне, центре международных арктических исследований на Шпицбергене [Chen 2012: 360].

В 2006 г. в XI пятилетний план Китая впервые была включена программа развития научных исследований в полярных областях. Для КНР Арктика представляет собой потенциальный источник ресурсов для растущей национальной экономики, место для ведения научно-исследовательской деятельности, а также новый судоходный маршрут, который способен сократить время, необходимое для грузов, идущих в Европу, а также позволяющий избежать попадания в проблемные воды Ближнего Востока (в частности Аденский залив). В 2007 г. КНР получила статус временного наблюдателя в Арктическом совете, а в 2013 г. — постоянного [Babin, Lasserre 2019:

151]. В 2011 г. заместитель директора Государственного океанологического управления (ГОУ) Чэнь Ляньцзэн заявил, что ключевой задачей пятилетнего плана является увеличение статуса и влияния Китая в полярных делах для лучшей защиты интересов КНР в Арктике и Антарктике⁹.

В 2009 г. в рамках Министерства иностранных дел Китая был создан Департамент по пограничным и океанским вопросам, в задачи которого входит формулирование идей для внешнеполитического курса КНР, связанных с сухопутными и морскими границами, а также способствование дипломатической работе на данном направлении. В том же году заместитель директора Государственной океанической администрации КНР (СОА) Чэнь Ляньцзэн объявил, что арктическая стратегия Китая направлена на укрепление мягкой и жесткой силы Китая и что Китай готов стать «великой арктической державой»¹⁰.

Таким образом, в отличие от США и РФ, Китай начал свое проникновение в Арктический регион намного позднее и через активизацию научно-исследовательской деятельности. С ростом его возможностей и потребностей в энергетических ресурсах Пекин начал рассматривать Арктический регион в том числе и с точки зрения его экономического, ресурсного и транзитного потенциала. К началу XXI в. китайцы проделали большую работу по изучению региона и созданию масштабной институциональной базы, которая способствовала повышению активности КНР в регионе.

В 2013 г. Пекин сделал заявление, что целью Китая является стать великой полярной державой в рамках развивающейся морской стратегии Пекина. Затем в своей речи в Хобарте (Австралия), в ноябре 2014 г. Генеральный секретарь Коммунистической партии Китая (КПК) Си Цзиньпин впервые использовал термин «великая полярная

держава»¹¹. Он заявил, что из-за глубоких изменений в международной системе и беспрецедентного уровня экономического развития Китая за последние 20 лет Китай скоро вступит в ряды великих полярных держав. После этой речи пространство Арктики было официально включено в «Новый шелковый путь» Китая. По мнению российских исследователей В.С. Ягья, Н.К. Харлампьевой и М.Л. Лагутиной, именно Северный морской путь (СМП) является ключевой составляющей китайских интересов в регионе в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [Ягья, Харлампьева, Лагутина 2015: 49].

Обретение статуса великой полярной державы сейчас является одним из ключевых компонентов новой морской стратегии Пекина. В связи с этим деятельность Китая в Арктике адаптируется к новым экономическим условиям, однако нельзя отрицать достижения последних нескольких лет. В ближайшие 5 лет в план полярных экспедиций Китая будут внесены следующие изменения: усиление акцента на национальных стратегических приоритетах в полярных исследованиях в области естественных наук и переход от использования полярного оборудования иностранного производства к оборудованию китайского производства¹².

В сентябре 2012 г. китайский ледокол «Снежный дракон» совершил свой пятый визит в воды Арктики, используя маршрут Северного морского пути, пройдя через Тихий океан и вернувшись в Шанхай через Атлантику. Помимо этого в 2012 г. китайский предприниматель Хуан Нубо попытался и не смог купить участок отдаленной исландской сельскохозяйственной земли для строительства роскошного отеля и эко-курорта; в 2014 г. он хотел купить землю на Шпицбергене и ему наконец-то удалось приобрести огромный участок земли в Тромсё (Норвегия). Интересы китайских предпринимателей в покупке участков на территории приарктических стран вызывают

⁹ Wo guo xinjin jidi kexue kaocha pobingchuan lizheng 2013 nian touru shiyong [Our New Polar Expedition Icebreaker Should Be Ready by 2013] // Xinhua June 22, 2011. URL: http://news.xinhuanet.com/tech/2011-06/22/c_121566754.htm (accessed: 01.07.2019).

¹⁰ Zhongguo Nanji kaocha 25 zhounian: Heping liyong nanji yong buguo shi [25 Years of Antarctic Expeditions: Peaceful Use of Antarctica Never Dates] // Xinhua. October 14, 2009. URL: http://news.xinhuanet.com/tech/2009-10/14/content_12232453.htm (accessed: 01.07.2019).

¹¹ China Wants to Be a Polar Power // The Economist. April 14, 2018. URL: <https://www.economist.com/china/2018/04/14/china-wants-to-be-a-polar-power> (accessed: 01.07.2019).

¹² The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China (2016—2020). URL: <http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201612/P020161207645765233498.pdf> (accessed: 01.07.2019).

критику со стороны США, а в отдельных случаях и скандалы в двусторонних отношениях, что произошло в случае с США и Данией, когда Вашингтон предложил приобрести о. Гренландия¹³. Подобная идея была логическим продолжением неоднократных попыток США получить контроль над данным островом, особенно в XX в. [Емельянцева 2014: 105].

В 2013 г. ледокол «Снежный дракон» и два контейнеровоза, которые принадлежали крупнейшему в мире контейнерному оператору китайской кампании COSCO Group, успешно совершили переход по Северному морскому пути, причем торговые суда прошли маршрутом из порта Дальянь в Роттердам. По итогам этого перехода в 2014 г. в Пекине было разработано и выпущено Навигационное руководство для судоходства по Северному морскому пути¹⁴.

Еще одним событием, которое, с одной стороны, стало показателем растущего интереса КНР к Арктике, а с другой — ростом военно-морских возможностей Китая, стало проникновение 5 кораблей ВМФ КНР (3 надводных, 1 десантного, 1 корабля снабжения) в территориальные воды США вблизи Аляски, о чем сообщал Пентагон 2 сентября 2015 г.¹⁵ Это стало первой в истории Китая отправкой военных судов в арктические воды, произошедшей в преддверии крупнейшего военного парада в КНР и визита президента США Б. Обамы на Аляску 31 августа 2015 г., где он планировал анонсировать новую арктическую политику США [Brady 2017: 35]. В августе 2016 г. КНР объявила о планах постройки атомных ледоколов, а 21 октября 2016 г. было официально заявлено, что КНР приступила к постройке второго ледокола — «Снежного дракона — 2», спро-

ектированного при участии финской компании Aker Arctic Technology¹⁶. 11 июля 2019 г., в День моря (праздничная дата введена Госсоветом КНР в 2005 г. в честь 600-летия экспедиций адмирала эпохи династии Мин Чжэн Хэ), «Снежный дракон — 2» был официально спущен со стапелей¹⁷.

К 2018 г. в Пекине сформировались основы его арктической стратегии — 20 июня 2017 г. был выпущен документ «Концепция сотрудничества на море в рамках инициативы Пояса и Пути»¹⁸, в котором были обозначены пути и планы развития Морского Шелкового пути. Среди них указывалась необходимость развития торгово-экономического маршрута, который связывал бы Европу и Тихий океан через Северный Ледовитый океан. При этом отмечалось, что Пекин настроен именно на сотрудничество со странами Арктического региона — это касается как научных исследований, так и освоения природных ресурсов в регионе и коммерческого использования транзитных маршрутов.

В итоге первая Белая книга об арктической политике Китая¹⁹ была выпущена 26 января 2018 г. В ней делался акцент на том, что Пекин также имеет право на освоение Арктики, ссылаясь на заслуги китайских ученых в его изучении. Китай впервые признает, что его арктические интересы больше не ограничиваются научными исследованиями, но распространяются на различные виды коммерческой деятельности, которые включены в новую инициативу сотрудничества, возглавляемую Китаем. Целью данной инициативы является создание «Полярного шелкового пути» (Ice Silk Road), который соединил бы Китай с Европой через Арктику.

¹³ Changes in the Arctic: Background and Issues for Congress // Congressional Research Service Report. August 2, 2019. P. 64.

¹⁴ См.: Yining P. China Charting a New Course // China Daily. April 20, 2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2016-04/20/content_24679000.htm (accessed: 01.07.2019).

¹⁵ См.: Chen A. Chinese Navy Sends Washington a Message by Patrolling near Largest US State Alaska // South China Morning Post. September 4, 2015. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/1855448/chinese-navy-sends-america-message-patrolling-near> (accessed: 01.07.2019).

¹⁶ См.: Nan Z. Deal to Advance Launch of Nuclear Icebreakers. China Starts Construction of 1st Polar Research Icebreaker // China Daily. December 20, 2016. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2016-12/20/content_27726586.htm (accessed: 01.07.2019).

¹⁷ См.: Icebreaker Xuelong 2 Joins Service on China National Maritime Day // Global Times. July 11, 2019. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1157529.shtml> (accessed: 01.08.2019).

¹⁸ Vision for Maritime Cooperation under the Belt and Road Initiative. URL: http://news.xinhuanet.com/tech/2009-10/14/content_12232453.htm (accessed: 01.07.2019).

¹⁹ White Paper China's Arctic Policy 2019. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 01.07.2019).

В Белой книге подчеркивается приверженность Китая делу поддержки институциональной и правовой основы управления Арктикой и уважения суверенных прав арктических государств. Вместе с тем в документе утверждается, что Китай является «околоарктическим государством» (Near-Arctic State), т.е. одним из континентальных государств, наиболее близко расположенных к Арктическому региону. Арктическая политика Китая подразумевает сильное желание интернационализировать региональную систему управления Арктикой.

В отличие от других направлений своей морской деятельности, например в Тихом или Индийском океане, в Арктике китайское правительство действует с позиций неолиберального институционализма, т.е. в первую очередь делает ставку на международное сотрудничество и совместное освоение Арктического региона, его ресурсов и использование транзитных маршрутов. С одной стороны, это связано с концентрацией военноморских интересов Пекина на более южных водах и преимущественным участием в научно-исследовательской деятельности в Арктике, с другой — со сложностью деятельности в арктических водах (как известно, в 2019 г. у Пекина было только два ледохода). Помимо этого в структуре ВМС НОАК отсутствует отдельный флот, в сферу деятельности которого входила бы арктическая зона — самым близким к ней является Северный флот, входящий в Северную зону боевого командования, куда входят Бохайский залив и Желтое море. Северный флот составляют 33 надводных корабля (7 эскадренных миноносцев, 11 фрегатов, 7 корветов, 5 атомных подводных лодок (АПЛ), около 35 дизель-электрических подводных лодок, 5 десантных кораблей, 3 судна снабжения и 40 подводных лодок) [Cole 2001: 82]. Таким образом, с учетом наличия лишь двух ледоколов и устаревших моделей подводных лодок (4 АПЛ проекта «Хань» и одна АПЛ проекта «Ся» были разработаны еще в 1960—1970-е гг.) военноморские силы КНР играют второстепенную роль в деле продвижения китайских интересов в Арктическом регионе. Как уже говорилось выше, основная ставка Пекина делается на сотрудничество со странами региона, а не на одностороннее

отстаивание своей позиции, что он делает в рамках Южно-Китайского моря.

По мнению российских исследователей В.Н. Коньшева и М.А. Кобзевой, усиление активности КНР в Арктическом регионе может играть как положительную, так и отрицательную роль [Коньшев, Кобзева 2017: 3]. В первом случае это может стать одной из причин дальнейшего укрепления сотрудничества между КНР и РФ в рамках добычи ресурсов и развития региональной инфраструктуры. Во втором случае Пекин выступит за дальнейшее развитие прав именно неарктических стран, т.е. за продвижение международного режима управления СМП и применение норм концепции «общего наследия человечества» к Арктике [Brady 2017: 64].

Китайский исследователь Д. Бэйси, напротив, считает, что КНР не стремится к пересмотру существующего арктического порядка и не проецирует свою военную мощь на Арктику [WeiXi 2016: 219]. КНР меньше всего заинтересована в наращивании своего военного потенциала в Арктике, но не только из-за логики взаимного ядерного сдерживания, с которой Китай всегда считался, так как стабильная и мирная Арктика сегодня отвечает интересам Китая, поскольку именно в таких условиях будет сохраняться возможность мирного и стабильного использования СМП. Также необходимо отметить, что сотрудничество между Китаем и Россией в Арктике не предполагает наращивания военной мощи в регионе: так, например, проведение совместных военноморских учений РФ и КНР неподалеку от территориальных вод США в Аляске являлось скорее следствием деятельности США в Южно-Китайском море и не отражало стратегические или военнополитические амбиции Китая в Арктике.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что Арктика представляет собой сложный регион, в котором отсутствует формализованная система управления, опирающаяся на нормативно-правовую базу, как, например, в случае с другой полярной территорией — Антарктидой. Вместо этого положение дел в Арктике обусловлено двумя факторами — существующими механизмами

управления регионом, в первую очередь базирующимися на деятельности Арктического совета, и развитием российско-американских отношений в целом, в рамках которых стоит учитывать как позицию, так и деятельность Китая.

Поступила в редакцию / Received: 01.08.2019
Принята к публикации / Accepted: 24.09.2019

Библиографический список

- Емельянцева М.О. Гренландский вопрос в датско-американских отношениях в 40-е годы XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 1. С. 104—111.
- Загорский А.В. Военная безопасность в Арктике // Безопасность и контроль над вооружениями 2017—2018: Преодоление разбалансировки международной стабильности / отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН, Политическая энциклопедия, 2018. С. 101—112.
- Зиранов В.К. Арктическое разграничение России и Норвегии: новые вызовы и сотрудничество // Арктика и Север. 2017. № 29. С. 28—56.
- Коньшев В.Н., Кобзева М.А. Политика Китая в Арктике: традиции и современность // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 77—92. DOI: <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-77-92>
- Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Арктика — 2018: жив ли дух Илулиссатской декларации? // Российский совет по международным делам. 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arktika-2018-zhiv-li-dukh-ilulissatskoj-deklaratsii/> (дата обращения: 01.07.2019).
- Савойский А.Г. Совместное освоение Арктики как возможность улучшения экономических отношений между Россией и США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2012. № 2. С. 51—59.
- Ягья В.С., Харлампьева Н.К., Лагутина М.Л. Арктика — новый регион внешней политики Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 43—52.
- Babin J., Lasserre F. Asian States at the Arctic Council: Perceptions in Western States // *Polar Geography*. 2019. Vol. 42. Iss. 3. P. 145—159. DOI: <https://doi.org/10.1080/1088937X.2019.1578290>
- Beixi D. Arctic Geopolitics. The Impact of U.S.-Russian Relations on Chinese-Russian Cooperation in the Arctic // *Russia in Global Affairs*. 2016. Vol. 14. No. 2. P. 206—220.
- Brady A.-M. *China as a Polar Great Power*. Cambridge University Press, 2017.
- Chen G. China's Emerging Arctic Strategy // *The Polar Journal*. 2012. Vol. 2. Iss. 2. P. 358—371. DOI: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2012.735039>
- Cole B.D. *The Great Wall at Sea: China's Navy Enters the Twenty-First Century*. Annapolis: Naval Institute Press, 2001.
- Gramer R. Here's What Russia's Military Build-Up in the Arctic Looks Like // *Foreign Policy*. January 25, 2017. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/01/25/heres-what-russias-military-build-up-in-the-arctic-looks-like-trump-oil-military-high-north-infographic-map/> (accessed: 01.07.19).
- Jakobson L., Peng J. China's Arctic Aspirations // SIPRI Policy Paper. 2012. No. 34.
- Kankaanpää P., Young O.R. The Effectiveness of the Arctic Council // *Polar Research*. 2012. Vol. 31. Iss. 1. P. 1—14. DOI: <https://doi.org/10.3402/polar.v31i0.17176>
- McKellar S. Freezing Hot: Escalating Tensions in the Arctic // *Chicago Journal of Foreign Policy*. 2018. Vol. 2. Iss. 2. P. 358—371. DOI: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2012.735039>
- Pawlusko T. Theory of International Relations in Search of the Arctic Situation's Definition. Towards the Perspective of International Regimes // *The Northern Spaces — Contemporary Issues* / Ed. by R.M. Czarny, R. Kubicki, A. Janowska, R.S. Czarny. Warszawa: Kielce, 2012. P. 117—128.
- Stensdal I. Asian Arctic Research 2005—2012: Harder, Better, Faster, Stronger // FNI Report. 2013. No. 3.
- Wegge N. The Political Order in the Arctic: Power Structures, Regimes and Influence // *Polar Record*. 2011. Vol. 47. Iss. 2. P. 165—176. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0032247410000331>
- Wezeman T.S. Military Capabilities in the Arctic. A New Cold War in the High North // SIPRI Background Paper. 2016.
- Wolftrum R. The Arctic in the Context of International Law // *New Chances and New Responsibilities in the Arctic Region* / Ed. by G. Witschel, I. Winkelmann, K. Tiroch, R. Wolftrum. Berlin, 2010.

References

- Babin, J. & Lasserre, F. (2019). Asian States at the Arctic Council: Perceptions in Western States. *Polar Geography*, 42 (3), 145—159. DOI: <https://doi.org/10.1080/1088937X.2019.1578290>
- Beixi, D. (2016). Arctic Geopolitics. The Impact of U.S.-Russian Relations on Chinese-Russian Cooperation in the Arctic. *Russia in Global Affairs*, 14 (2), 206—220.

- Brady, A.-M. (2017). *China as a Polar Great Power*. Cambridge University Press.
- Chen, G. (2012). China's Emerging Arctic Strategy. *The Polar Journal*, 2 (2), 358—371. DOI: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2012.735039>
- Cole, B.D. (2001). *The Great Wall at Sea: China's Navy Enters the Twenty-First Century*. Annapolis: Naval Institute Press.
- Emelyantseva, M.O. (2014). The Greenland Question in Danish-American Relations in the 1940s. *Vestnik RUDN. International Relations*, 1, 104—111. (In Russian).
- Gramer, R. (2017). Here's What Russia's Military Build-Up in the Arctic Looks Like. *Foreign Policy*, January 25, 2017. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/01/25/heres-what-russias-military-build-up-in-the-arctic-looks-like-trump-oil-military-high-north-infographic-map/> (accessed: 01.07.19).
- Jakobson, L. & Peng, J. (2012). China's Arctic Aspirations. *SIPRI Policy Paper*, 34.
- Kankaanpää, P. & Young, O.R. (2012). The Effectiveness of the Arctic Council. *Polar Research*, 31 (1), 1—14. DOI: <https://doi.org/10.3402/polar.v31i0.17176>
- Konyshev, V.N. & Kobzeva, M.A. (2017). Politics of China in the Arctic: Traditions and Modernity. *Comparative Politics*, 8 (1), 77—92. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-77-92>
- Konyshev, V.N. & Sergunin, A.A. (2018). Arctic 2018: Is the Spirit of the Ilulissat Declaration Alive? *Russian International Affairs Council*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arktika-2018-zhiv-li-dukhlulissatskoy-deklaratsii/> (accessed: 02.07.2019). (In Russian).
- McKellar, S. (2018). Freezing Hot: Escalating Tensions in the Arctic. *Chicago Journal of Foreign Policy*, 2 (2), 358—371. DOI: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2012.735039>
- Pawluszko, T. (2012). Theory of International Relations in Search of the Arctic Situation's Definition. Towards the Perspective of International Regimes. In: Czarny, R.M., Kubicki, R., Janowska, A. & Czarny, R.S. *The Northern Spaces — Contemporary Issues*. Warszawa: Kielce. P. 117—128.
- Savoiskii, A.G. (2012). Joint Development of the Arctic as an Opportunity to Improve Economic Relations between Russia and the USA. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2, 51—59. (In Russian).
- Stensdal, I. (2013). Asian Arctic Research 2005—2012: Harder, Better, Faster, Stronger. *FNI Report*, 3.
- Wegge, N. (2011). The Political Order in the Arctic: Power Structures, Regimes and Influence. *Polar Record*, 47 (2), 165—176. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0032247410000331>
- Wezeman, T.S. (2016). Military capabilities in the Arctic. A new Cold War in the High North. *SIPRI Background Paper*.
- Wolfrum, R. (2010). The Arctic in the Context of International Law. In: Witschel, G., Winkelmann, I., Tiroch, K. & Wolfrum, R. *New Chances and New Responsibilities in the Arctic Region*. Berlin. P. 533—543.
- Yag'ya, V.S., Kharlamp'eva, N.K. & Lagutina, M.L. (2015). The Arctic — A New Region of China's Foreign Policy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 1, 43—52. (In Russian).
- Zagorsky, A.V. (2018). Military Security in the Arctic. In: Arbatov, A.G. & Bubnov, N.I. (Eds.). *Security and Arms Control 2017—2018: Overcoming the Imbalance of International Stability*. Moscow: IMEMO RAS, Politicheskaya entsiklopedia publ. P. 101—112. (In Russian).
- Zilanov, V.K. (2017). The Arctic Demarcation of Russia and Norway: New Challenges and Cooperation. *Arctic and North*, 29, 28—56. (In Russian).

Сведения об авторе: *Никulin Максим Андреевич* — ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: nikulin-ma@rudn.ru).

About the author: *Nikulin Maksim Andreevich* — Research Assistant, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: nikulin-ma@rudn.ru).

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ PEACE AND SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419

Research article

Multipolar World Order: Old Myths and New Realities

D.A. Degterev

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Научная статья

Многополярный миропорядок: старые мифы и новые реалии

Д.А. Дегтерев

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Abstract. The concept of multipolarity has come a long way from its categorical rejection by Western politicians and scholars to the strong necessity of taking into account the realities of a multipolar world even by US closest allies. The article is devoted to the analysis of the official discourse, normative and positive concepts of the study of polarity, including system models of international relations, an empirical assessment of the current distribution of power in the world, as well as forecasting the further development of world dynamics.

An analysis of the political discourse on polarity over the past 25 years is made and the most significant political figures are highlighted — defenders of multipolarity (BRICS and EU countries) as well as adherents of the unipolar world (NATO countries). The basic theories (mainly of a normative nature) that conceptualize both unipolar discourse (hegemonic stability theory) and multipolar one (theory of multipolar world) are shown. The intellectual segregation between two main approaches to the study of international systems is provided — abstract verbal models of systems vs empirical (quantitative) system research.

Particular attention is paid to the analysis of the real distribution of power in the international arena. The main approaches and related methodological challenges are considered. Analysis of the relative shares of USA, Russia (USSR) and China in world power based on Composite Index of National Capability (CINC) is provided. The assessment of material potential is complemented by a multifactor (more than 30 parameters) comprehensive study of both “hard” and “soft” power of three countries.

The main theoretical approaches to the concept of multipolarity are clarified. The empirical analysis revealed the formation of a “new bipolarity” (USA and China) while maintaining the leading role of the Russian Federation in the field of high politics and global security. It is predicted that China is gradually “trying on” the role of a new hegemon and is already less interested in a radical revision of the current world order. The strategic adaptation of the closest US allies to the realities of a multipolar world is shown.

Key words: multipolarity, unipolarity, “new bipolarity”, balance of power, hegemonism, national potential, soft power, distribution of power, world system, China, USA, Russia

Acknowledgments: The research was funded by RFBR and EISR according to the scientific project № 19-011-31681 “Main trends in the formation of a multipolar world”.

For citations: Degterev, D.A. (2019). Multipolar World Order: Old Myths and New Realities. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 404—419. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419

© Degterev D.A., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

За последние годы концепт многополярности прошел долгий путь от его категорического отрицания западными политиками и исследователями до необходимости учета реалий многополярного мира даже ближайшими союзниками США. Статья посвящена анализу официального дискурса, нормативных и позитивных концепций исследования полярности в международно-политической науке, в том числе в контексте системного моделирования международных отношений, эмпирической оценки нынешнего соотношения сил в мире, а также прогнозированию дальнейшего развития ситуации.

Проведен анализ политического дискурса по проблематике многополярности за последние 25 лет и выделены наиболее знаковые политические фигуры — сторонники многополярности (в странах БРИКС и ЕС) и приверженцы однополярного мира (страны НАТО), показана эволюция данного дискурса. Исследованы основные теории (преимущественно нормативного характера), которые концептуализируют как однополярный дискурс (теория гегемонистской стабильности), так и многополярный (теория многополярного мира). Показана интеллектуальная сегрегация между двумя основными подходами в исследовании системы международных отношений — абстрактными вербальными моделями систем и эмпирическими системными исследованиями с применением количественных методов.

Особое внимание в работе уделено выявлению реального соотношения сил на международной арене. Рассмотрены основные подходы к оценке совокупного потенциала и связанные с этим методологические вызовы. На основе Сводного индекса национального потенциала (CINC) проанализирована динамика доли США, РФ (СССР) и КНР от мировой мощи. Анализ материального потенциала дополнен многофакторным (более 30 параметров) комплексным исследованием как «жесткой», так и «мягкой» силы трех стран.

По итогам исследования уточнены основные теоретические подходы к концепту многополярности. Проведенный эмпирический анализ выявил формирование «новой биполярности» (США и КНР) при сохранении лидирующей роли РФ в сфере международной политики и безопасности. Прогнозируется, что КНР постепенно «примеряет» на себя роль нового гегемона и уже менее заинтересована в кардинальном пересмотре сложившегося миропорядка. Показана стратегическая адаптация ближайших союзников США к реалиям многополярного мира.

Ключевые слова: многополярность, однополярность, «новая биполярность», баланс сил, гегемонизм, национальный потенциал, мягкая сила, соотношение сил, система международных отношений, КНР, США, РФ

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31681 «Основные тенденции формирования многополярного мира».

Для цитирования: Degtarev D.A. Multipolar World Order: Old Myths and New Realities // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 404—419. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419

The history of international relations reflects the sequence of different world order models with different types of hierarchy and balance of power. Westphalian order of young European nation-states (1648—1815) was mostly hegemonic (with France as dominating power), post-Napoleonic Vienna system (1815—1918), also referred as “Concert of Great Powers”, and Versailles-Washington (1919—1945) system were based on multipolar principle (when the potentials of great powers were approximately equal), Yalta—Potsdam system (1945—1991) reflected simple bipolarity (with USSR and USA as two super powers balancing each other), USA hegemony and unipolar system (1991—2001) centered on the interests of the only one dominant power, and finally the current world order with some elements of multipolarity. In all the cases, the international relations system witnessed the rise and fall of great powers and new claims for leadership.

Appealing to the past, International Relations (IR) scholars argue about the desired future. As a sphere of professional activity and academic discipline international relations are far from being neutral. Like any other social activities, IR are also

a subject to significant ideological influence. This also applies to basic concepts, including multipolarity.

The article covers the main approaches to multipolarity that have been developed in the political discourse, as well as in the framework of both normative and positive science of international relations, presents an empirical analysis of the actual power concentration and draw conclusions about the current international moment.

Polarity as a Political Discourse and an Ideology: “Normative Radicalism”

One of the most politicized and debated issues in the current international relations agenda is the type of world order — unipolar or multipolar [Keersmaecker 2015]. American scholars in their majority conclude that the world is unipolar and will remain so for a long time, presenting this world order formula as an unconditional good for the whole humanity [Tsygankov, Grachikov 2015: 22]. Expert’s community and political establishment of Russia, China and other BRICS countries, and even a number of EU member-states opt for the establishment of a more balanced multipolar world (see Table 1).

Table 1

Unipolar VS multipolar world in official and academic discourse

Polarity approach	Unipolar world	Multipolar world
Major partisan countries	USA and Euro-Atlantic allies	Russia and other BRICS countries
Major political discourse	M. Albright ⁽¹⁾ , C. Rice ⁽²⁾ , T. Blair ⁽³⁾ , H. Clinton ⁽⁴⁾	E. Primakov ⁽⁵⁾ , J. Chirac ⁽⁶⁾ , V. Putin (“Munich Speech” ⁽⁷⁾), J. Barroso ⁽⁸⁾ , Xi Jinping ⁽⁹⁾ , N. Modi ⁽¹⁰⁾
Documents	—	Joint Declaration of PRC-RF on multi-polar world (1997) ⁽¹¹⁾ ; Foreign policy concepts of RF ⁽¹²⁾
Conceptualization	Hegemonic stability theory — Kindleberger Ch. P. [1973]; Gilpin R. [1981]; Keohane R. [1984]; Goldstein J. [1988]	Theory of multipolar world — A.G. Dugin [2013]

⁽¹⁾ “I think that the reason that we are the superpower in the world is that the other superpower got defeated and fell apart”. Secretary of State Madeleine K. Albright. Remarks at Tennessee State University. Nashville, Tennessee, February 19, 1998. URL: <https://1997-2001.state.gov/statements/1998/980219b.html> (accessed: 24.06.2019).

⁽²⁾ “The reality is that ‘multi-polarity’ was never a unifying idea, or a vision. It was a necessary evil that sustained the absence of war but it did not promote the triumph of peace. Multi-polarity is a theory of rivalry; of competing interests — and at its worst — competing values”. Dr. Condoleezza Rice, Assistant to the President for National Security Affairs. Remarks at the International Institute for Strategic Studies, International Institute for Strategic Studies. London, June 26, 2003. URL: <https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/2003/21989.htm> (accessed: 24.06.2019).

⁽³⁾ U.S./Europe: Blair Warns Against French “Multipolar” Vision. Radio Free Europe, 29 April 2003. URL: <https://www.rferl.org/a/1103074.html> (accessed: 24.06.2019).

⁽⁴⁾ “We will lead by inducing greater cooperation among a greater number of actors and reducing competition, tilting the balance away from a multipolar world and toward a multipartner world”. A Conversation with U.S. Secretary of State Hillary Rodham Clinton. Council of Foreign Relations, 15 July 2009. URL: <https://www.cfr.org/event/conversation-us-secretary-state-hillary-rodham-clinton-1> (accessed: 24.06.2019).

⁽⁵⁾ “A multipolar world structure in itself in the context of globalization does not lead to conflict situations, military clashes, but it does not exclude a very difficult situation in which the transition to such a system is carried out” [Primakov 2011: 159—160].

⁽⁶⁾ “Against the political chaos that would result from the blind play of international rivalries, France is working to build a multipolar world». Discours du Président de la République lors de la présentation des vœux du Corps diplomatique, Palais de l’Élysée, le mardi 7 janvier 2003. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2003/janvier/fi001856.html (accessed: 24.06.2019).

⁽⁷⁾ “I consider that the unipolar model is not only unacceptable but also impossible in today’s world”. Speech of V. Putin and the Following Discussion at the Munich Conference on Security Policy. Munich, 10 February 2007. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (accessed: 24.06.2019).

⁽⁸⁾ “There are, clearly, some virtues in a multipolar international society. It limits ‘hegemonic power’, which can often be a source of instability”. José Manuel Durão Barroso, President of the European Commission. Florence, 18 June 2010. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_10_322 (accessed: 24.06.2019).

⁽⁹⁾ “The trends of global multi-polarity, economic globalization, IT application, and cultural diversity are surging forward; changes in the global governance system and the international order are speeding up; countries are becoming increasingly interconnected and interdependent; relative international forces are becoming more balanced”. Full text of Xi Jinping’s report at 19th CPC National Congress. Beijing, 18 October 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping’s_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf (accessed: 24.06.2019).

⁽¹⁰⁾ “The need of the hour is to strengthen a multi-polar order. Each and every nation is important today. We need to strengthen a multipolar world despite conflicting ideologies”. “Strengthening Multipolar World Need Of The Hour”, Says PM Modi At FII. Republic, 29 October 2019. URL: <https://www.republicworld.com/india-news/general-news/need-of-the-hour-is-to-strengthen-multi-polar-world-pm-modi-at-fii.html> (accessed: 24.06.2019).

⁽¹¹⁾ Joint Statement of the People’s Republic of China and the Russian Federation on A Multi-polar World and the Establishment of A New International Order. 23 April 1997. URL: <http://www.cctv.com/lm/1039/21/88285.html> (accessed: 24.06.2019).

⁽¹²⁾ Including the actual one — Foreign Policy Concept of the Russian Federation. Approved by President V. Putin on November 30, 2016. URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/2542248 (accessed: 24.06.2019).

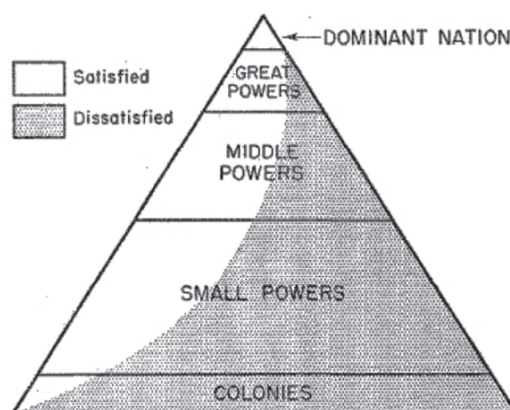

Fig. 1. Hegemonic Control and System Satisfaction [Organski 1958: 331]

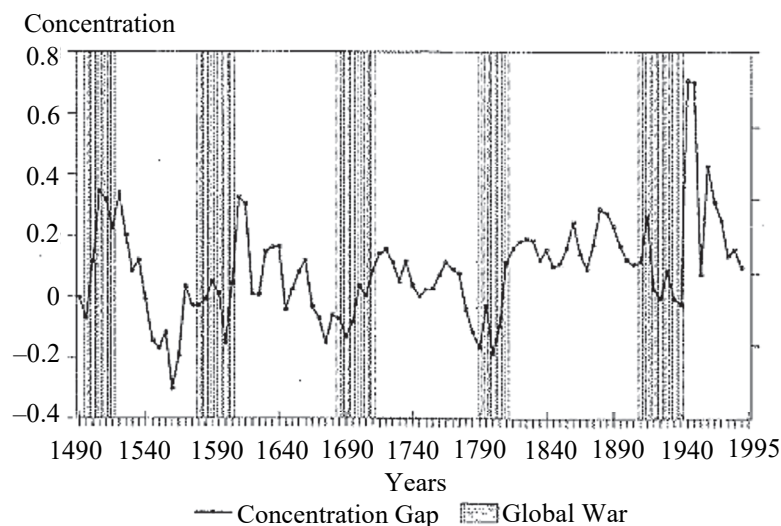
First of all, the political discourse, including speeches of key decision-makers — presidents and foreign ministers of great and emerging powers, is of primer interest for understanding multipolarity. The most distinctive in this regard is the “Munich speech” of V. Putin in 2007, calling for the review of the excesses of the unipolar world. Taking an earlier period, it’s worth noting the declarations made by E.M. Primakov and J. Chirac. Insisting that multipolarity is stable, but recognizing that the transition to multipolarity might be accompanied with conflicts, E.M. Primakov entered somehow into a correspondence dialogue with C. Rice. She blamed multipolarity for being destructive, and strongly insisted on the “unipolar moment” as the best structure for IR, based on the universal for the West values. Leaders of BRICS states traditionally advocate multipolarity, although in recent years N. Modi and Xi Jinping have emphasized the most appealing effect of multipolarity — interdependence and interconnectedness.

The multipolarity formation and multilateralism were the key points of the speech of J. Barroso in 2010, President of the European Commission (2004—2014). He assessed both trends as positive phenomena in world politics. In its dialogue with the EU, the PRC consistently promotes the concept of multipolarity, declaring that the European Union and China “share important strategic consensus on building a multi-polar world”¹, but this rhetoric does not always meet the support of the European side, which mainly prefers the “multilateralism” discourse [Scott 2013].

¹ China’s Policy Paper on the EU: Deepen the China-EU Comprehensive Strategic Partnership for Mutual Benefit and Win-win Cooperation. 2 April 2014. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/wjzcs/t1143406.shtml (accessed: 24.06.2019).

The concept of multipolarity has moved from political discourse to a whole series of official documents. A joint Sino-Russian Declaration of 1997 in this regard is the central document. Its title speaks for itself — Joint Statement of the People’s Republic of China and the Russian Federation on a Multi-Polar World and the Establishment of a New International Order. Russian Foreign policy doctrines and National Security Strategy mention multipolarity or polycentric model as well. The US doctrinal documents, for obvious reasons, do not directly address the unipolar world concept, but use euphemism associated with American global leadership.

International academic community also actively debates about the preferred world order structure [Degterev, Timashev 2019]. The point is to assess which model is more stable and leads to fewer wars. Often the discussion goes into a purely “normative” way, which is strictly speaking far from academic science. Proponents of unipolarity rely primarily on the theory of hegemonic stability, which was originally developed by J. Kindleberger in relation to his desired mechanism of governing world economy during the Great Depression period [Kindleberger 1973] and was further developed in the publications on international political economy of R. Gilpin, R. Keohane, and J. Goldstein. They all argue that the presence of hegemon contributes to stabilizing the international system and in this sense is an absolute good. In their arguments, they make a reference to the power transition theory, which was developed by A. Organski in the 1950s [Organski 1958]. He emphasized the hierarchical nature of the international system, with superpower at the top, followed by several “great powers”, then “middle powers”, finally small countries and colonies (see Fig. 1).

Fig. 2. Global-Regional Concentration Gap and Global War

Source: [Rasler, Thompson 1994: 68]

However, the least satisfied with the status quo states cannot challenge the hegemon, as they must get the approval and support of the “middle” and great powers. In its turn, the hegemon never forgets to “cool the ardor” of the revisionists. The US strategy of maintaining the status quo included the Memorandum 200, drawn up at the initiative of H. Kissinger in 1975, and adopted as the official policy of the United States². He identified 13 states with the fastest growing population (Bangladesh, Brazil, Egypt, India, Indonesia, Colombia, Mexico, Nigeria, Pakistan, Thailand, Turkey, the Philippines, Ethiopia) as posing a special threat to US national security, including the issue of providing the US economy with raw resources (*middle powers pretending to the status of great powers*).

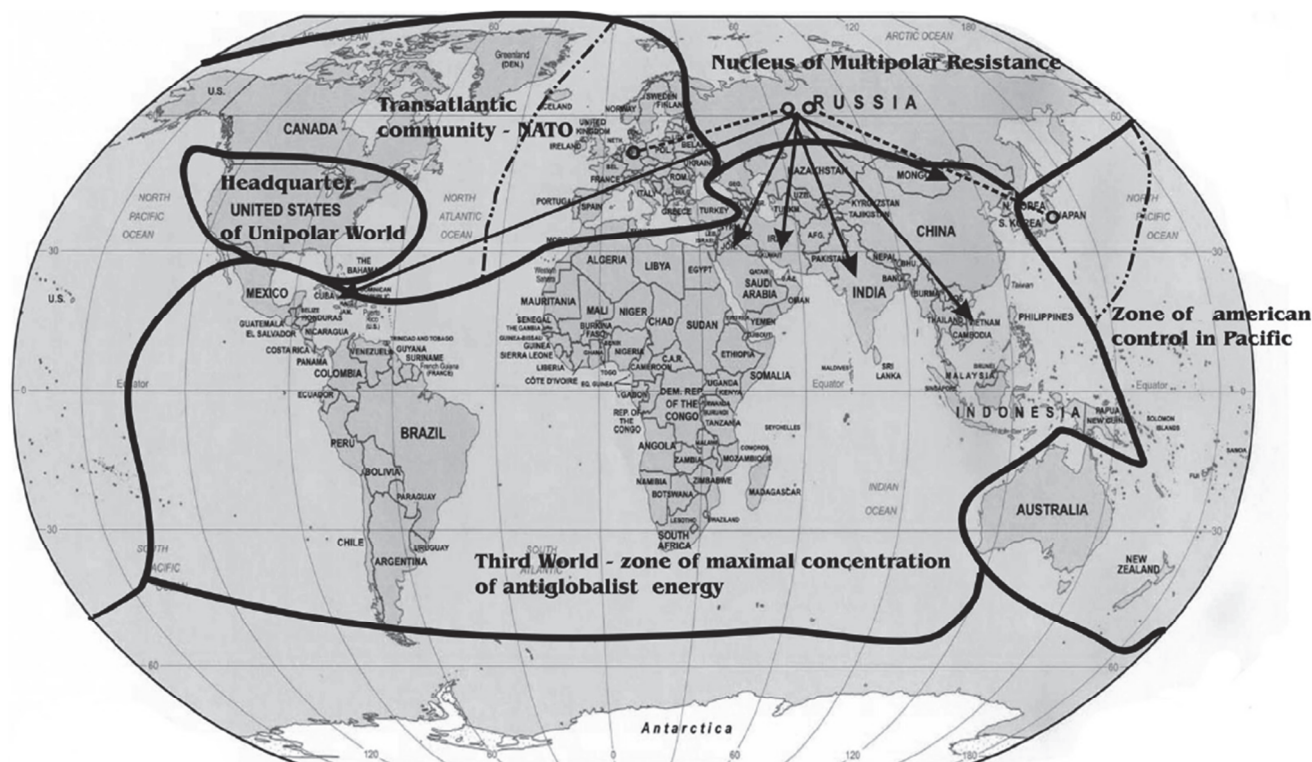
While the global positions of the hegemon are weakening, one of the great powers would challenge it. And in such conditions peaceful transformation of the international system is unlikely [Tsygankov 2019]. Russian expert community in its majority is unfamiliar with the theory of hegemonic stability, mostly referring to the balance of power concept. Since the “bipolar” world order, the prevailing opinion and discourse (rooted and grown up by the spirit of Russian fairy tales, in which good always triumphs over evil) is centered around the conviction

that “forces of good” would emerge and will necessarily punish the “evil hegemon”. In this case, the balance of power will be restored, almost on the metaphysical level. But advancing this type of reflection, one shouldn’t forget that the current potential of the Russian Federation is significantly lower than the potential of the USSR (see below), and in the era of the “European concert” the balance of power was not established automatically, like the physical law of nature. Great Britain was performing the functions of the main balancer of Europe “in manual way”, by pushing together the continental European powers [Davydov 2002: 144—145].

Proponents of unipolarity also rely on empirical studies of the concentration of marine power concept of G. Modelski [1988], and subsequent studies of K. Rasler and W. Thompson [1994]. They demonstrate that the largest wars in world history occurred when the hegemon possessed minimum share of total power (see Fig. 2).

Despite the widespread use of multipolar discourse in political declarations and official documents, the academic discourse in Russia was underrepresented. Surely, in 1990s there were some humble attempts by a number of Russian researchers (in particular S.M. Rogov, K.E. Sorokin) in tune with the official position of Russia under the Minister of Foreign Affairs E.M. Primakov to develop the theoretical basis of multipolar world, clarifying the concepts of polarity *à la russe*. According to A.D. Bogaturov, scholars of this group missed the study of the real situation, in return offering a certain

² National Security Study Memorandum 200: Implications of Worldwide Population Growth for U.S. Security and Overseas Interests. December 10, 1974. URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PCAAB500.pdf (accessed: 24.06.2019).

Fig. 3. Strategy of Building Multipolar World

Source: [Dugin 2013: 210]

image of the “required future” [Bogaturov 2003: 11]. The empirical part of the present article is intended, at least partly, to fill this gap.

It’s not surprising, that in the absence of a firm political will, in the unipolar world conditions of the 1990s, especially in Russia (the pole that was defeated in the Cold War), within the “conventional” academic environment, no “revisionist” concept of polarity could ever appear. It arose beyond the limits of “conventionality” — so called theory of multipolar world of A.G. Dugin, rather political activist of the Eurasian movement, than classical scholar (a short period of 2009—2014 of his academic career in Moscow State University is rule exception).

Despite the fact that A.G. Dugin is widely known in Russia and abroad, one can agree with I.A. Istomin’s statement about the dominance of the normative component in his concept [Istomin 2016: 24]. This approach offers a generally understandable image of the “desired future” for the Russian Federation (see Fig. 3) — Russia as the main “balancer” of multipolar world order, while the “Global South” and the PRC, and perhaps the EU and Japan in future, would break away from the hegemon. But this raises the challenging issue of practical implementation of the concept, taken into account

the significant superiority of cumulative power of the “Global North” (see below), as well as the strong cohesion of the Euro-Atlantic community.

No doubts, that China and India are pivotal states in the “zone of maximum concentration of antiglobalist energy”, but there are practically no other non-western countries that could approach the level of traditional great powers. With the significant economic growth of these Asian giants, they both still need new high technologies, and this sector is led by the United States.

Many scientists are not ready to align with one of the theories described above, preferring more balanced and flexible approaches. Thus, A.D. Bogaturov in the 1990s explained the world order though “pluralistic unipolarity” [Bogaturov 1996]. A. Acharya supports the strengthening of the “Global South” and advances a “multiplex world”, mostly based on the civilizational features [Acharya 2018]. A similar position is taken by F. Petitto [2016].

However according to A.G. Dugin, all of them are qualified as supporting the unipolar model, including advocates of radical American imperialism (“rigid unipolarity”), of “multilateralism” (“soft unipolarity”) and even of alter-globalization, post-modernism and neo-Marxism (“critical unipolarity”)

[Dugin 2013: 207—209]. One of his followers, A. Bovdunov, goes even further and states that most Russian experts in IR just follow the American ideology of unipolarity either in the context of liberal globalism, or in the framework of “peripheral realism in Russian”³. Such radical approaches obviously hamper the whole perception of Dugin’s version of multipolarity.

Two Traditions of Systemic Research and Intellectual Segregation

Moving away from normative approaches to the classical international studies, it is worth noting two traditions (schools) of systematic modeling of IR. A number of representatives of the natural sciences familiar with the general theory of systems tried to identify the isomorphisms between the system of international relations and biological/physical systems, as well as between the individual processes occurring in these systems.

The second approach to system modeling is linked with “System and process in international relations” by M. Kaplan, strong supporter of modernism [Kaplan 2008], “Gulliver’s Troubles: Or, the Setting of American Foreign Policy” by S. Hoffman [1968] and, in particular, the dissertation of K. Waltz “Man, State, and War” [Waltz 2001]. The second approach also includes K. Knorr and S. Verba, Ch. McClelland, R. Rosecrance, R. Keohane [1984], B. Buzan and A. Wendt, who used the conceptual apparatus corresponding with the system approach. At the same time, they operated on non-mathematical concepts, and relied mainly on sociological and historical approaches, including structural and functional analysis of T. Parsons.

K. Waltz and his followers practically do not refer to the first approach of system modeling with wider and typical use of empirical, including quantitative analysis and formal modeling. His book is more related to a structural than a system model, since K. Waltz describes the structure of the system of international relations (as an independent variable), but does not formally define the nature of the relation-

ship between the actions of actors and the system. In fact, some kind of “intellectual segregation” of two traditions of systemic modeling of international relations is emerging [Braumoeller 2013: 15].

M. Kaplan was one of the first to present verbal models of the system of international relations [Kaplan 2008]. He proposed six macro-models of world politics, including two real — “balance of power system” (European concert system) and “loose bipolar system” (Cold War period), and four abstract — “tight bipolar system”, “universal international system” of a federal type, “hierarchical system” with the dominance of one pole, multipolar system with the “veto” among nuclear powers.

Both proponents of the traditional approach (H. Bull) and advocates of general theory of systems (K. Boulding) sharply criticized M. Kaplan’s approach for not being a rigorous scientific theory, but rather a case of “soft system thinking”, close to the tradition of constructing verbal models. International systems are also described by S. Hoffman [1968], who distinguished two ideal types of international systems — moderate and revolutionary, and he referred to the latter as a bipolar system. The moderate system was described by the “balance of power”.

Measuring Power Distribution: Challenges of Empirical Analysis

In order to present a comprehensive analysis of multipolarity key approaches to the empirical analysis should be presented. The formal criteria for measuring the number of poles are the following:

- unipolar system: one state controls 50 % or more of the total world power (potential),
- near-unipolar world (or pluralistic unipolarity): one state controls 45—50 % of the power, while no other state controls more than 25 %,
- bipolar system: each dominant actor controls more than 25 % of the total power.

To assess the level and quality of multipolarity, a special analysis of balance of power is needed, as it is one of the most debated and contradictory concepts in international political science. What do we mean by balance of power: the real balancing, or some ideal situation when the potentials of powers (poles, coalitions) could be described as equal?

³ Bovdunov A. The influence of American ideology on the Russian community of international affairs (In Russian). Katehon, 24.02.2016. URL: <https://katehon.com/ru/article/vliyanie-amerikanskoy-ideologii-na-rossiyskoe-soobshchestvo-mezhdunarodnikov> (accessed: 24.06.2019).

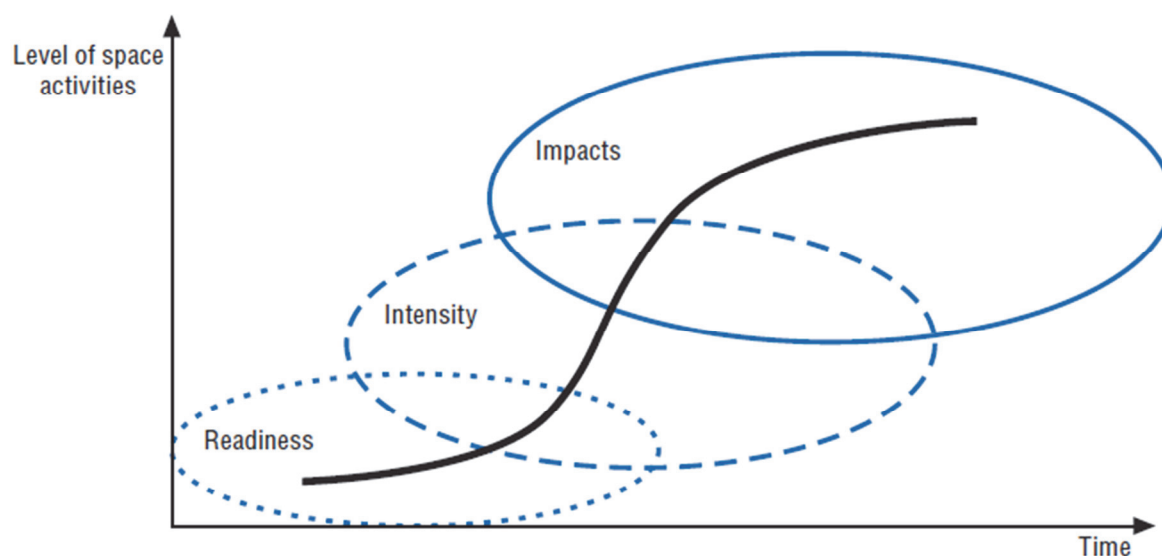

Fig. 4. Capacity Development Performance Indicators

Source: [OECD Handbook 2012: 15].

Balance of power concept is rooted in the term “power”, which encompasses different meanings: resources, potential, strategies, influence, and final outcome. R. Dahl’s formal definition of power is the most cited: “*A* has power over *B* to the extent that it can force *B* to do something that *B* would not otherwise do” [Dahl 1957: 202—203]. According to A. Organsky, wealth, resources, labor and weapons could bring power, but only if they are used to influence the behavior of others. Rather, they are instruments of power, and an instrument that is not used is worthless [Organsky 1958: 98]. Therefore, the highest degree of power manifestation is the ability to control the outcome of events, which obviously depends on other actors. Since interstate interactions are principal, the power is not absolute, but rather relative.

It is quite difficult to clearly operationalize “the ability to force others to do things that they would not otherwise do”. Therefore, there are some methodological problems in the operationalization of the basic concepts related to the balance of power and multipolarity.

The traditional “resource-oriented” or attributive approach to assessing the balance of power reflects the realist view of international politics, and is heavily criticized by the so called “context-oriented” or relativistic approach [Yudin 2015]. According to the latter, it is important to transform the national potential (national power or resource) into a power that could be used in a specific situation of interaction. It is quite difficult to assess the total power for the simple reason — the enemy can impose a type of conflict

that would be favorable mostly to him, and try to maximize the advantages precisely for the preferred weapon (for example, aviation or cyber weapons) or resource.

Criticism of relativists can be overcome by using several analytical approaches.

Firstly, it is necessary to take into account not only indicators characterizing the availability and accumulation of resources, but also readiness and effectiveness of their use. Conventionally, the indicators could be divided into three groups: readiness, intensity, and impact (see Fig. 4).

Thus, evaluating the scientific potential of the state, one can appeal to such readiness indicators as research and development expenditures. The intermediate indicator of the R&D intensity is the number of researchers and engineers, scientific articles and patents. But the most accurate assessment of the effectiveness of the existing (real) scientific potential could be done through using the so called impact indicators, including the country’s share in world high-tech exports, the contribution of R&D to GDP growth, etc.

Indicators of diplomatic readiness can be assessed by the volume of MFA or development cooperation budget. The intensity indicator would be the number of embassies, as well as the membership and number of permanent missions at international organizations. In this case, an indicator of impact could be measured through the coincidence in the voting of allied countries in international organizations on the draft resolutions which are of great importance for the country.

Secondly, multiplicative indices of aggregate potential (for example, R. S. Cline's Perceived Power Index) are primarily based on the indicators of the quality of strategic or public administration, "national will", witnessing the willingness to use the available resource potential in case of crisis situations.

Thirdly, the CINC (see below) and other indices use only relative, not absolute power. The share of individual states from world indicators is in this regard of most interest.

Fourthly, due to the turbulent character of international relations it is highly difficult to foresee the specific threats the state will have to face in the future. However, the presence of minimum (threshold) values for a whole range of indicators will allow to neutralize most of the challenges. In this regard, there should be considered not only the aggregate power potential, but also the dynamics in achieving the threshold level for various types of potential (military, economic, scientific, technical, soft power, etc.). This would be helpful in eliminating "weaknesses" in advance. In this regard, ensuring the international security of the state resembles the introduction of a Balanced Scorecard System in a corporation⁴.

A separate methodological difficulty is associated with finding a balance between the elements of "hard" and "soft" power in assessing the total potential.

The material indicators of political and structural realism (GDP, population, military spending, and others) are being added or even replaced by indicators of social interaction typical for liberalism (volume of mutual trade, joint membership in international organizations, joint signing of economic and military agreements), reflecting the level of interdependence.

Measuring Material Power

Today the most developed and thus used is the additive method of calculating the Composite Index of National Capability (CINC), developed in 1963 by the leading American scholar D. Singer for the Correlates of War project:

$$CINC = \frac{TPR + UPR + ISPR + ECR + MER + MPR}{6}, \quad (1)$$

where *TPR* (*Total Population Rate*) is the share of the population of a given country from the total population

of the earth, *UPR* (*Urban Population Rate*) is the share of the urban population of the country (a city with a population of over 20 thousand people) from the total urban population of the earth, *ISPR* (*Iron and Steel Production Rate*) — the share of pig iron produced by this country (before 1895) and steel (since 1896) from world production, *ECR* (*Energy Consumption Rate*) — the share of primary energy consumed by the country; *MER* (*Military Expenditure Rate*) — the share of national military expenditures from global ones; *MPR* (*Military Personnel ratio*) — the ratio of the national army personnel to all armies personnel.

For more than 50 years, the methodology for calculating the index has not changed, small adjustments were only made to the list of sources used⁵. Table 2 presents the results of the Index for 2012, the last available year after updating the database in 2017.

In contrast to the traditional perception of power with focus on the leading role of the USA trying to consolidate the unipolar model, which still dominates public discourse, the PRC leadership stands out, and the position of Russia is getting quite high, which in recent years has increased even more as its military spending grew.

Power dynamics of the USA, China, and Russia (USSR) in the 20th—21st century (see Fig. 5) demonstrates a sharp increase in the total power of the USA during the First and Second World Wars (up to almost 40 % in the early 1940s), as well as global leadership of the USSR in the 1970—1980s. Since the mid-1990s China's leadership has been growing.

The index is often criticized for over-focusing and over-estimating of the material dimension of potential, which was mainly true for the industrialization period rather than for modern post-industrial societies [Tellis et al. 2010]. Nevertheless, the undoubted advantages of this methodology include the possibility of an objective calculation of all six indicators, as well as comparing the national potential over the past few centuries (since 1816), including a comparison of today's indicators with the data of the XIX century.

⁵ See: Greig M., Enterline A. Correlates of War Project. National Material Capabilities (NMC) Data Documentation. Version 5.0. Department of Political Science, University of North Texas, 2017. — <http://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities/nmc-codebook-v5-1> (accessed: 24.06.2019).

⁴ Balance Scorecard Basics. Balance ScoreCard Institute. URL: <https://balancedscorecard.org/bsc-basics-overview/> (accessed: 24.06.2019).

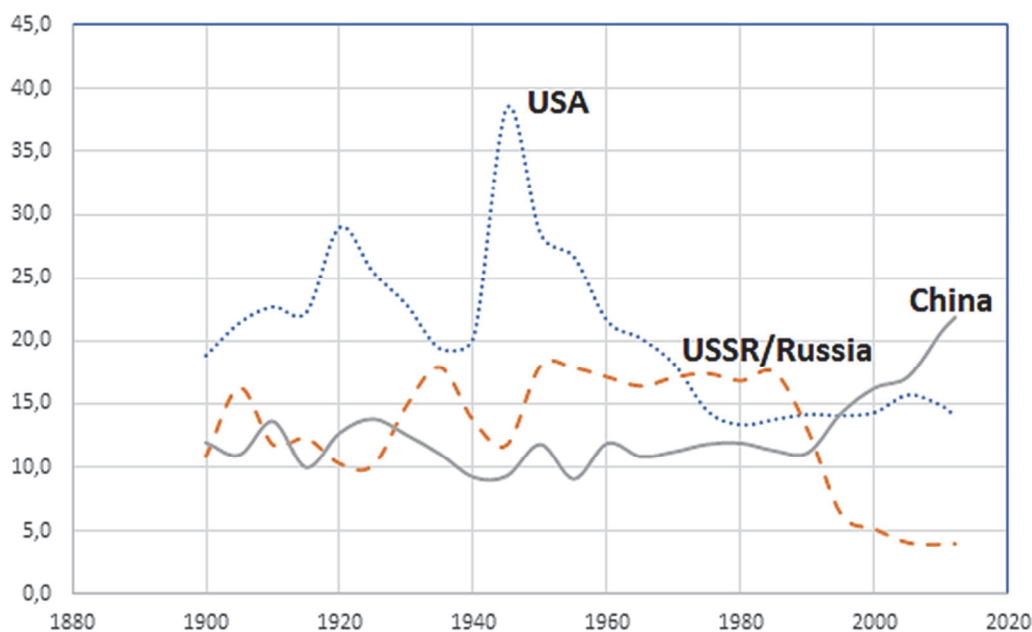

Table 2

Top-10 countries by the Composite Index of National Capability (CINC)

№	Country	Military expenses, in thousand USD	The size of the army, thousand people	Iron and steel smelting, thousand tons	Primary energy consumption, thousand tons of conventional fuel	Population, mln.	Urban population, thousand people	Share of world power, %
1	PRC	102,64	2 285	731 040	5 333 707	1 377	440 254	21,8
2	USA	655,39	1 569	88 695	3 159 873	318	183 712	13,9
3	India	33,40	1 325	77 264	1 385 461	1 237	223 768	8,1
4	Russian Federation	58,77	956	70 209	1 356 742	143	53 585	4,0
5	Japan	59,08	248	107 232	737 482	127	86 437	3,6
6	Brazil	35,27	318	34 524	345 842	199	94 199	2,5
7	Republic of Korea	29,26	655	69 073	444 461	49	32 959	2,3
8	FRG	40,99	251	42 661	468 740	83	15 605	1,8
9	Iran	25,25	523	14 463	397 332	76	28 265	1,6
10	UK	61,27	174	9 579	315 502	63	28 933	1,5

Source: National Material Capabilities (v5.0) // The Correlates of War Project. URL: <http://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities> (accessed: 24.06.2019).

Fig. 5. Dynamics of the national potential of USA, RF (USSR) and PRC (in % of the global potential)

Source: National Material Capabilities (v5.0), The Correlates of War Project. URL: <http://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities> (accessed: 24.06.2019).

Complex Assessment of Great Power's Positions

The material power analysis should be supplemented with a more complete study of several dozens of indicators of both “hard” and “soft” power in dynamics (2010—2018), i.e. during the formation of a multipolar world [Degtarev 2020].

Comparing the individual results of Russia, the US and China for all considered indicators (see Table 3) draws the following assumptions. Absolute leadership is considered to be getting into the top 3 (white indication), the level of “great power” — 4—10 place (grey indication), finally — the darkest indication will point the 11th position and lower place in the world ranking.

Table 3

Positions of Russia, USA and China according to key indicators

Indicator group	Indicator	Russia				USA		China	
		1990	2000	2010	Present	2010	Present	2010	Present
Demographic potential	Population size								
	Human development index*								
Economic potential	GDP by PPP								
	National wealth								
	Accumulated capital								
	Share in world trade								
	Value added in industry								
Financial potential	FDI inflow								
	Outgoing FDI								
	Gold reserves								
Infrastructure potential	Production of primary energy								
	Merchant fleet (ships)								
	Air volume								
	Number of Internet users								
	Share of mobile users								
Scientific and technical potential	R&D expenses by PPP								
	Number of researchers								
	High tech export								
Political and military potential	Defense spending by PPP								
	Number of armed forces								
	Participation in military-political blocs								
	Military bases abroad								
	Participation in peacekeeping operations								
	Financing of the UN peace-keeping operations								
	Participation in military operations abroad								
	Participation in the interstate armed disputes								
Diplomatic potential	Number of diplomatic missions abroad								
	Number of accredited foreign diplomatic missions								
	Development cooperation								
Soft Power Potential	Presence of global media								
	Organization of international events								
	Number of foreign students								

Note: For the 1990s, indicators of the USSR are given. Everywhere except (*) color indicators have the following meanings:

— according to this indicator, the country takes 1—3 place in the world
  — according to this indicator, the country takes 4—10 place in the world
  — according to this indicator in the world the country is not in the top 10

As can be seen from the Table 3, the US leadership is almost absolute. The exception is the volume of gold and foreign exchange reserves (offset by the status of the dollar as a reserve currency), the number of armed forces (offset by their quality and technological equipment), as well as the number of ships and the deadweight of the merchant fleet (other jurisdictions are often used for registration).

The PRC has reached a leading position in almost all the indicators considered, except:

- human development index (currently the country is in the group with high human development, not “very high” as for USA or Russia);

- participation in military-political blocs (only the SCO) and peacekeeping missions (2nd place in the financing of UN peacekeeping operations, but a low place in terms of the number of operations and the number of contingent);

- the availability of global media (despite the presence of a powerful CCTV channel, Baidu search engine, and Tencent’s QQ, WeChat and QZone ICT services);

- organization of international events (the country takes 5th position on the number of events held since 1991, in 2022, China will welcome the Winter Olympic Games);

- the number of foreign students (so far 7th place, despite the fact that about 0.5 million Chinese are sent to study in the USA, UK and Australia every year).

Obviously, eliminating these shortcomings is feasible in the medium term. In this case world order could get again the bipolar dimension, but in a more “soft” manner.

In the Russian political landscape appeals for the restoration of multipolarity, combined with academic and scientific researches, express the fundamental efforts, which have been undertaken since 1996, to restore a greater role for the Russian Federation in global politics. By 2019 the leading role is clearly manifested in almost all security dimensions, corresponding to the great power status: participation in shaping strategic stability, nuclear weapons, second place in overall military strength (according to Global FirePower Index⁶), successful regional conflict management [Khudaykulova 2016], impact on global agenda, etc. Obviously, the economic di-

mension of Russia’s cumulative power differs from its political and security weight, barring the disparity and thus providing the semi-normative character of the multipolarity.

Chinese Quest for Multipolarity: The Hegemon is Dead, Long Live the Hegemon?

Since 1992 multipolarity has been an important element of China’s foreign policy, getting more importance due to the conflict in former Yugoslavia and the death of a Chinese pilot after a collision with an American [Portyakov 2013: 86—87]. A.D. Bogaturov even claims that Russian approaches to multipolarity were largely shaped by the already mentioned 1997 Russian—Chinese joint declaration, drawn up mainly in the spirit of the Chinese tradition [Bogaturov 2003: 11].

However, already in the 2000s, after China joining the WTO and launching the concept of a harmonious peace of Hu Jintao, propaganda of a multipolar world in the PRC was “muffled” and somehow became more “ritual” [Portyakov 2013: 87].

In the context of a “new” bipolarity formation and the emergence of the PRC as prospective hegemonic power, the question arises of whether China is really a “revisionist” power (together with Russia), as it is qualified in American doctrinal documents, for example, in the 2018 US National Defense Strategy⁷.

In 2001—2015, together with the Russian Federation, the PRC played a key role in forming an alternative architecture of global governance, including efforts in strengthening the BRICS (the New Development Bank, Contingent Reserve Arrangement (CRA) of the BRICS countries), as well as the SCO. But since 2013, China launched a very ambitious initiative “One Belt, One Road” [Cheng et al. 2019], mostly on the bilateral (*de facto* unilateral) basis. China established the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), which included not only the majority of Asian countries as regional members, but also 17 out of 29 (!) NATO member-states as non-regional ones. This clearly confirms the undermining of the influence of the traditional hegemon. The

⁶ 2019 Global Strength Ranking. Global FirePower URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp> (accessed: 24.06.2019).

⁷ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military’s Competitive Edge. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed: 24.06.2019).

global promotion of the Chinese concept of the “Community of shared future for mankind” has started [Semenov, Tsvyk 2019].

At the same time, China is gradually moving away from a radical revision of the existing world order and obviously seeks to replace the former hegemon. It seems that it is generally satisfied with the international economic governance architecture, which should be replaced by new financial institutions, though dominated by China, as in the case of AIIB (voting power of China is 26,5 %, share in total subscriptions is 30,8 %⁸). Unsurprisingly, as the strongest world trade power China became the major defender of the “open world economy” — it was the key point of Xi Jinping’s speech at the World Economic Forum in Davos in 2017 (in the absence of just then elected isolationist D. Trump)⁹. In these new international conditions, we are witnessing the radical change of roles — USA becomes a kind of major alter-globalist power while China promotes open markets and free access abroad for its powerful corporations [Bond 2018].

A.V. Vinogradov, one of the leading Russian experts on China, points out that the report of the 19th National Congress of Central Committee of the Communist Party lacks any mentioning of the BRICS and the SCO, in contrast to the previous Congress documents [Borokh et al. 2018: 155]. It seems that today China is making the main bet on its traditional “soft power” — profitable investment and infrastructure projects, and moving away from the confrontational “bloc” rhetoric. For Beijing it is not enough to play a leading role among the SCO members-states, it mostly seeks global leadership. According to A.T. Gabuev, the very fact that Beijing agreed to include India in the SCO, after many years of resistance, indicates that cooperation within the framework of this organization has ceased to be a top priority for the PRC¹⁰.

⁸ Members and Prospective Members of the Bank. Asian Infrastructure Investment Bank. URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html> (accessed: 24.06.2019).

⁹ Full Text of Xi Jinping keynote at the World Economic Forum. Davos, 17 January 2017. URL: <https://america.cgtn.com/2017/01/17/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum> (accessed: 24.06.2019).

¹⁰ Gabuev A. Bigger, Not Better: Russia Makes the SCO a Useless Club. Carnegie Moscow Center, 23 June 2017. URL: <https://carnegie.ru/commentary/71350> (accessed: 09.11.2019).

Multipolarity as a Strategic Concern

For a long time Western countries did not pay enough attention to a multipolar non-western discourse. The stage of “acceptance” of the inevitable started approximately in 2007—2009. Thus, the New York Times editorial called “the New Consensus — a Multipolar World” (2007) describes the emergence of a new reality, with China taking “a parallel place at the table along with other centers of power, like Brussels or Tokyo”¹¹. In November 2008 the US National Intelligence Council issued the Global Trends 2025 report, which stated the advent of a “global multipolar system” as one of the world’s “relative certainties” within two decades¹².

In the past few years, especially against the background of a new approach of Trump administration delegating more authority to allies and the concept of “leading from behind” (proposed by L. Hill)¹³, the US allies consider multipolarity as a very serious strategic challenge, which needs to be addressed. Thus, Australia, balancing between the United States and China, in the context of increasing multipolarity is in favor of abandoning the unconditional alignment to Washington, including the military sphere, and demonstrates softer adherence to international law and institutions [Raymond 2018]. British experts also suggest conducting preparatory activities for a more “soft” adaptation of the UK to multipolar conditions [Blagden 2019].

***

The analysis of multipolarity in the academic and political discourse made it possible to clarify the existing approaches. The empirical analysis, both based on the material power assessment, and through a comprehensive analysis of several dozen indicators of both hard and soft power, allows us to conclude that the world is on the verge of a “new” bipolarity, with the United States and China as leading poles.

¹¹ ViewPoint: The New Consensus — a Multipolar World. NY Times, January 26, 2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/01/26/business/worldbusiness/26iht-wbview27.html?mtref> (accessed: 24.06.2019).

¹² Global Trends 2025: A Transformed World. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/94769/2008_11_Global_Trends_2025.pdf (accessed: 24.06.2019).

¹³ Hill L. Leading from Behind. Harvard Business Review, 05.05.2010. URL: <https://hbr.org/2010/05/leading-from-behind> (accessed: 24.06.2019).

China is gradually trying on the status of a “second superpower”, abandoning the role of “subverter” of the unipolar world foundations. Apparently, Beijing is more focused on replacing the former hegemon.

In this context, a number of closest US allies would start thinking about strategic adaptation to new international realities.

Received / Поступила в редакцию: 01.07.2019

Accepted / Принята к публикации: 17.09.2019

References

- Acharya, A. (2018). Role of Global South in the Multiplex World. Interview with Professor Amitav Acharya, American University, USA. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (3), 701—705. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-701-705
- Blagden, D. (2019). Power, Polarity, and Prudence: The Ambiguities and Implications of UK Discourse on a Multipolar International System. *Defence Studies*. Published online. DOI: 10.1080/14702436.2019.1643243
- Bogaturov, A.D. (1996). Pluralistic Unipolarity and Russia’s Interests. *Svobodnaya mysl’*, 2, 24—36. (In Russian).
- Bogaturov, A.D. (2003). International Order at the Turn of the 21st Century. *International Trends*, 1, 6—23. (In Russian).
- Bond, P. (2018). The BRICS’ Centrifugal Geopolitical Economy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (3), 535—549. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-535-549
- Borokh, O. et al. (2018). 19th National Congress of the Communist Party of China: Internal and External Effects and Prospects of China’s Reforms. *Comparative Politics Russia*, 9 (2), 140—159. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-140-159 (In Russian).
- Braumoeller, B. (2013). *The Great Powers and the International System. Systemic Theory in Empirical Perspective*. N.Y.: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511793967
- Cheng Guo, Chen Lu, Degtarev, D.A. & Zhao Jelin. (2019). Geopolitical Implications of China’s “One Belt One Road” Strategy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 77—88. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88
- Dahl, R. (1957). The Concept of Power. *Behavioral Science*, 2 (03), 201—215. DOI: 10.1002/bs.3830020303
- Davydov, Yu.P. (2002). *Norm Against Power. Problems of World Regulation*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Degtarev, D.A. (2020). *Evaluation of the Current Power Distribution in the International Arena and the Formation of a Multipolar World*. Moscow: RuScience. (In Russian).
- Degtarev, D.A. & Timashev G.V. (2019). Concept of Multipolarity in Western, Russian and Chinese Academic Discourse. *International Relations*, 4, 48—60. DOI: 10.7256/2454-0641.2019.4.31751
- Dugin, A.G. (2013). *The Theory of a Multipolar World*. Moscow: Eurasiyskoe dvizhenie publ. (In Russian).
- Gilpin, R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Goldstein, J. (1988). *Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age*. New Haven: Yale University Press.
- Hoffmann, S. (1968). *Gulliver’s Troubles: Or, the Setting of American Foreign Policy*. N.Y.: McGraw-Hill.
- Istomin, I.A. (2016). Evaluation of the International System in Russian Official Discourse and Academic Analysis. *Vestnik MGIMO*, 5, 20—33. (In Russian).
- Kaplan, M. (2008). *System and Process in International Politics*. Colchester: European Consortium for Political Research Press.
- Keersmaeker, G. (2015). *Multipolar Myths and Unipolar Fantasies*. Security Policy Brief No 60. Brussels, Egmont Royal Institute for International Relations.
- Keohane, R. (1984). *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Khudaykulova, A.V. (2016). Conflict Management in the New Century. Back to Proxy Wars. *International Trends*, 14 (4), 67—79. DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.5 (In Russian).
- Kindleberger, Ch. P. (1973). *The World in Depression, 1929—1939*. London: Allen Lane.
- Modelski, G. (1988). *Seapower in Global Politics, 1494—1993*. Seattle: University of Washington Press.
- OECD Handbook on Measuring the Space Economy. (2012). Paris: OECD. DOI: 10.1787/9789264169166-en
- Organski, A.F.K. (1958). *World Politics*. N.Y.: Knopf.
- Petito, F. (2016). Dialogue of Civilizations in a Multipolar World: Toward a Multicivilizational-Multiplex World Order. *International Studies Review*, 18 (01), 78—91. DOI: 10.1093/isr/viv030
- Portyakov, V.Y. (2013). Vision of Multipolarity in Russia and China and International Challenges. *Comparative Politics Russia*, 4 (1), 86—97. DOI: 10.18611/2221-3279-2013-4-1(11)-86-97 (In Russian).
- Primakov, E.V. (2011). *Thinking Out Loud*. Moscow: Rossiyskaya gazeta publ. (In Russian)
- Rasler, K. & Thompson, W. (1994). *The Great Powers and Global Struggle, 1490—1990*. Lexington: University Press of Kentucky.
- Raymond, G.V. (2018). Advocating the Rules-based Order in an Era of Multipolarity. *Australian Journal of International Affairs*. Published online. DOI: 10.1080/10357718.2018.1520803

- Scott, D. (2013). Multipolarity, Multilateralism and Beyond...? EU—China Understandings of the International System. *International Relations*, 27 (1), 30—51. DOI: 10.1177/0047117812463153
- Semenov, A.V. & Tsvyk, A.V. (2019). The “Community of a Shared Future for Humankind” Concept in China’s Foreign Policy Strategy. *World Economy and International Relations*, 63 (08), 72—81. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81 (In Russian).
- Tellis, A., Bially, J., Layne, Ch., McPherson, M. & Sollinger, J. (2000). *Measuring National Power in the Postindustrial Age. Analyst’s Handbook*. Santa Monica: RAND Corporation.
- Tsygankov, A.P. (2019). Half Day: From the World Order to the Power Transition. *Russia in Global Politics*, 17 (02), 12—31. (In Russian).
- Tsygankov, P.A. & Grachikov, E.N. (2015). A Matter of the World Order in the Chinese and Russian Political Science: General and Particular. *Political Science*, 4, 22—39. (In Russian).
- Waltz, K. (2001). *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis*. N.Y.: Columbia University Press.
- Yudin, N. (2015). A Systemic Approach to “Soft Power”. *International Trends*, 13 (2), 96—105. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.41.7 (In Russian).

Библиографический список

- Ачария А. Роль «Глобального Юга» в мультиплексном мире. Интервью с профессором Амитавам Ачарией, Американский университет, США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 701—705. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-701-705
- Богатуров А.Д. Международный порядок в наступившем веке // Международные процессы. 2003. № 1. С. 6—23.
- Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 24—36.
- Борох О.Н. и др. 19 съезд КПК: внешние и внутренние последствия и перспективы реформ в Китае // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 2. С. 140—158. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-140-159
- Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблемы мирорегулирования. М.: Наука, 2002.
- Дегтерев Д.А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М.: Русайнс, 2020.
- Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2013.
- Истомин И.А. Рефлексия международной системы в официальном дискурсе и научном осмыслении // Вестник МГИМО. 2016. № 5. С. 20—33.
- Портяков В.Я. Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы // Сравнительная политика. 2013. Т. 4. № 1. С. 86—97. DOI: 10.18611/2221-3279-2013-4-1(11)-86-97
- Примаков Е.В. Мысли вслух. М.: Российская газета, 2011.
- Семенов А.В., Цвык А.В. Концепция «общего будущего человечества» во внешнеполитической стратегии Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 8. С. 72—81. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81
- Худайкулова А.В. Новое в управлении международными конфликтами // Международные процессы. 2016. № 4. С. 67—79. DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.5
- Цыганков А.П. Эпоха полураспада: от миропорядка к миропереходу // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17. № 2. С. 20—31.
- Цыганков П.А., Грачиков Е.Н. Проблема мирового порядка в китайской и российской политической науке: общее и особенное // Политическая наука. 2015. № 4. С. 22—39.
- Юдин Н.В. Системное прочтение феномена мягкой силы // Международные процессы. 2015. № 2. С. 96—105. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.41.7
- Blagden D. Power, polarity, and prudence: the ambiguities and implications of UK discourse on a multipolar international system // Defence Studies. 2019. Published online. DOI: 10.1080/14702436.2019.1643243
- Bond P. The BRICS’ Centrifugal Geopolitical Economy // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 535—549. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-535-549
- Braumoeller B. The Great Powers and the International System. Systemic Theory in Empirical Perspective. N.Y.: Cambridge University Press, 2013. DOI: 10.1017/CBO9780511793967
- Cheng Guo, Chen Lu, Degtarev D.A., Zhao Jelin. Geopolitical Implications of China’s “One Belt One Road” Strategy // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 77—88. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88
- Dahl R. The Concept of Power // Behavioral Science. 1957. Vol. 2 No. 3. P. 201—215. DOI: 10.1002/bs.3830020303
- Degtarev D.A., Timashev G.V. Concept of Multipolarity in Western, Russian and Chinese Academic Discourse // Международные отношения. 2019. № 4. С. 48—60. DOI: 10.7256/2454-0641.2019.4.31751
- Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Goldstein J. Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age. New Haven: Yale University Press, 1988.

- Hoffmann S.* Gulliver's Troubles: Or, the Setting of American Foreign Policy. N.Y.: McGraw-Hill, 1968.
- Kaplan M.* System and Process in International Politics. Colchester: European Consortium for Political Research Press, 2008.
- Keersmaeker G.* Multipolar Myths and Unipolar Fantasies. Security Policy Brief No 60. Brussels, Egmont Royal Institute for International Relations, 2015.
- Keohane R.* After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1984.
- Kindleberger Ch.P.* The World in Depression, 1929—1939. London: Allen Lane, 1973.
- Modelski G.* Seapower in Global Politics, 1494—1993. Seattle: University of Washington Press, 1988.
- OECD Handbook on Measuring the Space Economy.* Paris: OECD, 2012. DOI: 10.1787/9789264169166-en
- Organski A.F.K.* World Politics. N.Y.: Knopf, 1958.
- Petito F.* Dialogue of Civilizations in a Multipolar World: Toward a Multicivilizational Multiplex World Order // *International Studies Review*. 2016. Vol. 18. No. 1. P. 78—91. DOI: 10.1093/isr/viv030
- Rasler K., Thompson W.* The Great Powers and Global Struggle, 1490—1990. Lexington: University Press of Kentucky, 1994.
- Raymond G.V.* Advocating the Rules-Based Order in an Era of Multipolarity // *Australian Journal of International Affairs*. 2018. Published online. DOI: 10.1080/10357718.2018.1520803
- Scott D.* Multipolarity, Multilateralism and Beyond...? EU—China Understandings of the International System // *International Relations*. 2018. Vol. 27. No. 1. P. 30—51. DOI: 10.1177/0047117812463153
- Tellis A., Bially J., Layne Ch., McPherson M., Sollinger J.* Measuring National Power in the Postindustrial Age. Analyst's Handbook. Santa Monica: RAND Corporation, 2000.
- Waltz K.* Man, the State, and War: A Theoretical Analysis. N.Y.: Columbia University Press, 2001.

About the author: *Degterev Denis Andreevich* — PhD (World Economy), Head of Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: degterev-da@rudn.ru).

Сведения об авторе: *Дегтерев Денис Андреевич* — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: degterev-da@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-420-431

Research article

China as an Emerging Actor in Conflict Management: from Non-Interference in Internal Affairs to “Constructive” Engagement

A.V. Khudaykulova

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), MFA of Russia,
Moscow, Russian Federation
RUDN University, Moscow, Russian Federation

Научная статья

Китай в урегулировании конфликтов: от невмешательства во внутренние дела к «конструктивному» вовлечению

А.В. Худайкулова

Московский государственный институт международных отношений
(МГИМО-Университет), МИД России, Москва, Российская Федерация
Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Abstract. The need to protect citizens and investments abroad is placing tremendous pressure on China’s traditional foreign policy strategy and noninterference principle. Instability in most of BRI countries form new security conditions, pushing China to be more flexible in engaging in missions it had previously opposed, including political engagement in intrastate conflicts in the developing world. Following the formula “politics is a big economy”, China starts rethinking its security interests. As a result, China has smoothly adopted the transition strategy from non-intervention into internal affairs to a more proactive non-indifference approach, that Chinese academics are describing as “creative” or “constructive” engagement. Many new elements contribute to this new constructive engagement — conceptual narrative, political support, geopolitical competition, growing capacities and new security conditions.

The key point of the article is to analyze China’s strategy in defending national interests overseas, including the rescue and peacekeeping operations, mediation, political envoys, etc. The special focus is done on proactive peacekeeping policy of China and its new role in the security environment. Obviously, in future China will follow implementing the overseas missions, including humanitarian assistance and disaster relief, evacuation operations, defense of sea lanes, stabilization operations, peacekeeping and counterterrorism missions. After launching in 2017 its first overseas military base in Djibouti, there is little evidence to predict that in the near future China intends to construct more bases. But nevertheless the geopolitical rivalry with the United States might push China to convert three deep-water ports — Gwadar (Pakistan), Salalah (Oman), and Seychelles ports into naval bases. The degree of the China’s involvement in global security landscape will depend on the level of its responsibility, since Beijing is undergoing through a higher degree of international pressure in order to take more obligations. Responding to overseas security crises through military actions would be mostly shaped by events (case-by-case approach), inspired by political motivations and organized as small-scale and low-intensity missions.

Key words: China, security, conflict resolution, intrastate conflicts, peacekeeping, non-interference, constructive engagement, mediation

Acknowledgments: The research was funded by RFBR and EISR according to the scientific project № 19-011-31389 “Traditional and emerging powers: discussions on sovereignty and conflict management”.

For citations: Khudaykulova, A.V. (2019). China as an Emerging Actor in Conflict Management: from Non-Interference in Internal Affairs to “Constructive” Engagement. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 420—431. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-420-431

© Khudaykulova A.V., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Необходимость защиты граждан и инвестиций за рубежом оказывает значимое воздействие на традиционную внешнеполитическую стратегию Китая, включая следование в русле политики невмешательства. Внутренняя нестабильность в большинстве стран, участвующих в проекте «Один пояс, Один путь», влияет на формирование новых условий в сфере безопасности, ориентируя Китай на проявление большей гибкости в миссиях по политическому урегулированию внутригосударственных конфликтов, от участия в которых Китай воздерживался еще в недавнем прошлом. Исходя из формулы «политика — это большая экономика», Китай переосмысливает свои интересы в области безопасности, в том числе на концептуальном уровне с точки зрения осторожного перехода от невмешательства к более активному «конструктивному» взаимодействию. Становлению данного концепта способствует множество факторов — академический интерес, политическая поддержка, геополитическая конкуренция, растущий потенциал и новые угрозы безопасности.

В статье изучается стратегия Китая по защите национальных интересов за рубежом, включая операции по спасению граждан и поддержанию мира, посредничество, использование специальных посланников и т.д. Особое внимание уделяется анализу проактивной миротворческой политики Китая и его новой роли в сфере обеспечения безопасности. Очевидно, что Китай будет продолжать наращивать свои зарубежные миссии, включая оказание гуманитарной помощи, содействие в случае стихийных бедствий, проведение операций по эвакуации, защите морских путей, стабилизации внутренней обстановки, а также миротворческие и контртеррористические миссии. Однако вряд ли можно ожидать, что Китай откроет новые военные базы (единственная база сегодня располагается в Джибути). Вместе с тем нарастающее геополитическое соперничество с США может подтолкнуть Китай к превращению нескольких глубоководных портов в военно-морские базы. Степень вовлеченности Китая в обеспечение безопасности на глобальном уровне будет зависеть от уровня ответственности Пекина, на фоне более настойчивого давления международного сообщества по принятию больших обязательств в этой области. По всей видимости, реагирование на зарубежные кризисы безопасности, в том числе с помощью военного компонента, будет зависеть от конкретного случая, определяться политическими мотивами и проводиться в виде небольших и малоинтенсивных операций.

Ключевые слова: Китай, безопасность, урегулирование конфликтов, внутригосударственные конфликты, поддержание мира, невмешательство, конструктивное взаимодействие, посредничество

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31389 «Традиционные и восходящие центры силы: дискуссии относительно суверенитета и управления конфликтами».

Для цитирования: *Khudaykulova A.V. China as an Emerging Actor in Conflict Management: from Non-Interference in Internal Affairs to “Constructive” Engagement // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 420—431. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-420-431*

Although the People’s Republic of China is now almost universally acknowledged as a great power, China prefers to position itself as an emerging power [Yaqing 2019; Ikenberry 2008]. But even taking this approach, it is undoubtedly the biggest non-Western emerging power of the XXI century. Advancing the official foreign policy rhetoric and commitment to the mutually beneficial peaceful development, at the 19th Congress of the Chinese Communist Party (2017), Xi Jinping announced that the time had come for the Chinese nation to become a powerful force that would have great authority on the world stage in the political, economic and military spheres¹.

With this strategy in mind China in undertaking considerable efforts to become a leading power in all respects and spheres, including international security. The country's growing economic, political and cul-

tural significance, the ability to influence the global decision-making process, the responsibility rise regarding international peace and security, the emerging image of defender of less developed unstable countries, the increasing scope of military presence and humanitarian assistance, the ongoing evolution of its Belt and Road initiatives (BRI), etc. demonstrate the China’s far going foreign policy global ambitious [Cheng et al. 2019].

For the last two decades, security risks to China’s overseas interests are on the increase, as the geographic scope of BRI extends over unstable regions where the security situation is dangerously explosive [Campbell et al. 2012]. So, it creates potentially risky conditions for the safety of a growing number of Chinese assets and nationals. By the end of 2016, over two million Chinese nationals were working overseas, with 90 % being employed in BRI countries in Asia and Africa. The dynamics in the number of employees abroad is quite impressive, as the number of workers doubled in comparison with 2014 [Wuthnow 2017].

¹ Full text of Xi Jinping’s report at 19th CPC National Congress. October 18, 2017. URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/19thpcnationalcongress/2017-11/04/content_34115212.htm (accessed: 28.10.2019).

Following the formula “politics is a big economy”, China starts rethinking its security interests. In this regard China’s People’s Liberation Army (PLA) has taken on the new challenges created by globally expanding national interests and security threats posed by political instability, social unrest, radical extremism and terrorism in most of BRI countries.

Currently China represents a very important partner for the UN peacekeeping, as the participation of the Chinese peacekeepers increases the effectiveness of peacekeeping operations under the auspices of the UN. China is one of the main suppliers of peacekeeping budget and forces. It has deployed its peacekeeping troops in Sudan, South Sudan, Lebanon, the Democratic Republic of Congo and Mali. China is increasingly active in Afghanistan, proposing options for peaceful solution to the long-standing crisis and launching at the same time promising economic projects. Proactive security strategy includes not only the greater involvement in the UN peace activities, but a new approach to peace enforcement. After the number of crises incidents (suicide bomber attack of the Chinese Embassy in Bishkek in 2016, attack of the Chinese consulate in Karachi in 2018, robbing and killing of a Chinese citizen in the Dalbeda area in 2018, beheading of two teachers in Quetta by ISIS, killing of three officers from the China Railway Construction Corporation in Bamako, etc.), China finally acknowledged the shortcomings of a tough stance regarding non-intervention and has been demonstrating more flexible policy since then.

The article addresses the issue of China’s strategy in defending national interests overseas, which is relatively new as *problématique*. Some years earlier, analysts dismissed the very possibility of an overseas military deployment unless there was a mandate from the UNSC and a formal invitation from the host country [Duchâtel, Bräuner, Hang 2014]. But due to the current geopolitical and economic conditions China is caught between the need to maintain access to strategic resources and protecting its overseas economic interests, both of which require some degree and scope of intervention. What is the perception of the security threats for modern China? What are the Chinese strategy and methods in responding to foreign security threats, including the intrastate armed conflicts, threatening basic economic interests? How could China reconcile its commitment to nonmilitary means with the need to secure and protect its interests and citizens? Will China follow the intervention

strategy as its interests are expanded and might be threatened abroad? What might be the “constructive engagement” of China in BRI involved countries?

The author’s analyses include not only the conceptual framework of the China’s foreign policy strategy, but its practical implementation and concrete cases of overseas interests safeguard and proactive engagement.

Overseas Interests and New Security Challenges

In the past years, China was traditionally preoccupied by the intensity of the traditional “high-politics” security challengers along the perimeter of its borders — rivalry with Japan and India, aggravated territorial disputes in the South China Sea, North Korean nuclear issue, Uyghur separatism, the problem of Taiwan and Tibet, security threats on the Maritime Silk Road, and many others. At the same time Beijing has been facing quite new security agenda, consisting of new nontraditional security threats such as terrorist attacks, transnational organized crime, killing and kidnapping of its citizens abroad.

The issue of the safeguard of its economic interests and personal safety in politically unstable regions, a role that China seldom experienced previously, is becoming increasingly relevant. China has significantly increased the volume of its foreign investment and assistance in Asia and Africa, mainly through the implementation of massive and far-reaching Belt and Road Initiative infrastructure program (since 2013), viewed as a mechanism of projecting Chinese power across the globe. Many Western states perceive BRI as a security threat. But China’s Ministry of National Defense firmly denies that BRI has any military or geostrategic intent, advancing the idea of win-win cooperation that China touts with BRI [Rolland 2019: 2].

In 2013, the Ministry of National Defense issued a white paper called “The Diversified Employment of China’s Armed Forces”, which referred to the PLA’s missions the following tasks: defending national sovereignty, security, and territorial integrity, supporting national economic and social development, and safeguarding world peace and regional stability².

² White Paper 2012. The Diversified Employment of China’s Armed Forces. Information Office of the State Council. The People’s Republic of China. April 2013. URL: http://eng.mod.gov.cn/publications/2016-07/13/content_4768293.htm (accessed: 28.10.2019).

China actively supports the “security-development” nexus and believes that a long-term development is the basis for regional security, and security in its turn contributes to the development [Seesaghur, Robertson 2016; Suzuki 2011]. China’s 2017 White paper on Asia-Pacific Security explains clearly states that “Security and development are closely linked and mutually complementary. Equal consideration should be given to both a security framework and an economic framework — the main components of the entire regional structure — to ensure their parallel development. On the one hand, the improvement of the security framework will help ensure a peaceful and stable environment for economic development; on the other, faster regional economic integration will provide solid economic and social support for the development of the security framework”³.

Chinese scholars refer to J. Galtung theory of structural violence [Galtung 1969] and affirm that unlike Western powers aiming just at establishing *negative peace* (not solving social-economic contradictions in poor countries), China is aimed at providing *positive peace* through inclusive growth in conflict affected areas [Zhang, Zhang 2018: 4—11].

Official BRI documents and declarations of central authority demonstrate China’s willingness to more actively shape the international security environment. In 2015, Xi Jinping publicly stated that the military should play a pivotal role in “the maintenance of international security affairs” and try its best to provide more “public security products to the international community”⁴. Preoccupied by providing

emergency protection to Chinese companies operating in dangerous zones, the PRC started strengthening the naval component of its armed forces, proceeding to the concept of “pearl string” in the Indian Ocean.

Many, if not majority, BRI projects are located in quite unstable and insecure regions, but with strategic ports on their territories. As Guifang Xue stresses, “investing in ports located in strategic positions no doubt helps China diversify its supply of overseas energy and raw materials, safeguard its SLOC (sea lines of communication) access and security, and improve its overall geopolitical position” [Xue 2019]. Quite challenging security situation is taking place in Pakistan around Gwadar port projects⁵. Chinese interests, including the China—Pakistan Economic Corridor, are more often attacked by the Baluchi Liberation Army, which claims that it is fighting the “exploitation of Baluchistan’s mineral wealth and occupation of Baluch territory” by China.

The protection of BRI infrastructure projects, transport, construction units and Chinese nationals is becoming an increasingly important factor in China’s engagement. In 2018, Defense Minister Wei Fenghe declared that China was ready to “provide strong security guarantees” to support BRI projects⁶. Beijing’s strategy for enhancing the security of its interests along the Belt and Road routes includes several options.

First, construction of military bases. In 2017 China opened its first foreign naval base in Djibouti, where the contingents of the armed forces of China,

³ Full Text: China’s Policies on Asia-Pacific Security Cooperation. Xinhua, January 11, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/china/2017-01/11/c_135973695.htm (accessed: 28.10.2019).

⁴ See: “Xi Jinping jieshou Huaerjie Ribao caifang” (Xi Jinping Interview with the Wall Street Journal), Xinhua, September 22, 2015. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2015-09/22/c_1116642032.htm (accessed: 28.10.2019); President Xi condemns Mali hotel attack, vows international anti-terrorism cooperation. China Daily, November 21, 2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2015-11/21/content_22507026.htm (accessed: 28.10.2019); Wenting X. Chinese Security Companies in Great Demand as Overseas Investment Surges. Global Times, June 23, 2016. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/990161.shtml> (accessed: 28.10.2019).

⁵ Pakistani Gwadar port, one of the major components of Belt and Road Initiative, has become the scene of a regional power struggle between China and Pakistan, on the one hand, and United Arab Emirates and India, on the other. In 2015, Pakistan announced the lease of a 152-hectare site in the commercial port of Gwadar to the Chinese company China Overseas Ports Holding for a period of 43 years to facilitate direct access of Chinese goods to the Persian Gulf region and the Middle East. This directly affects the largest Middle Eastern port of Jebel Ali Jeff Ali and the port of Rashid in Dubai. After it became known that China intended to invest \$ 60 billion in infrastructure development of the Gwadar port, the US suggested that China would open a military base there.

⁶ Panyue H. Chinese Defense Minister Meets Pakistani Naval Chief of Staff. China Military Online, April 19, 2018. URL: http://eng.mod.gov.cn/news/2018-04/19/content_4809874.htm (accessed: 28.10.2019).

the USA, Japan and the EU were stationed side by side⁷. Beijing still refers to it as a “logistics complex”, that is determined to be a hub for the deployment of peacekeeping troops (not realized yet), to provide logistical support for antipiracy patrols, and to support humanitarian assistance and disaster relief operations (these two tasks have already been implemented)⁸. Moreover, China declares its readiness to cooperate with other countries. In sum, Djibouti military base acts as a hub for peacekeeping and other initiatives in Africa and the Indian Ocean region, helping to control maritime supply routes.

Second, close cooperation with local authorities and strengthening local forces. Thus, in 2016 Pakistan established a special security force of around 15,000 troops to protect Chinese projects and workers in the area. This method to secure the assets and interests could be evidently applied elsewhere.

Third, naval escort missions, as in the Gulf of Aden and waters off Somali for Chinese and international ships. In 2008, China supported the UN SC Resolution 1816, calling for international efforts to fight pirate activities in the Gulf of Aden⁹. Since December 2008, China has been constantly sending troops of PLA naval ships to the Gulf of Aden and the territorial waters of Somalia to escort ships and protect navigation [Lin-Greenberg 2010]. On 4 January 2014, Chinese frigate Yancheng joined the international escort mission for the disposal of Syrian chemical weapons in response to appeals from the UNSC and the Organization for the Prohibition of Chemical Weapons¹⁰. At the beginning of 2019, China sent a total of about 26 squadrons of ships

to the Gulf of Aden, which escorted more than 6,400 Chinese and foreign ships, found and inspected about three thousand suspicious water vehicles. Over the past decade, the Chinese navy has dispatched 106 vessels and over 28,000 officers and soldiers to escort more than 6,700 Chinese and foreign ships¹¹.

Fourth, active formation and expansion of private military companies, which were especially active, according to unofficial data, in Sudan and South Sudan, including participating in a Sudanese army mission to rescue 29 kidnapped Chinese nationals. The employment of small-scale private forces offers more flexible and economically preferable strategy. But not many have the capability to operate in foreign countries, and most of the time they subcontract to international or local contractors [Roland 2019: 92—103].

Obviously, Chinese government and companies have underestimated new generation security threats. The expansion of China’s overseas interests naturally creates the need for their military protection. So, today’s big task is to elaborate a relevant strategy how to manage the security concerns along the Belt and Road routes. There is (little) evidence that China would engage into constructing more overseas military bases in the next decade, which would be extremely costly. But this possibility is still on the agenda due to the geopolitical rivalry with the United States. At least three deep-water ports — Gwadar (Pakistan), Salalah (Oman), and Seychelles ports could be converted into naval bases. The continuing threat of terrorist attacks and military intervention as a possible reaction would foster the decision on establishing a new base. However, there is another approach, that assumes that China will not need to establish multiple bases for missions that will essentially be small-scale and low-intensity. A permanent military presence would be too economically and politically burdensome with even possible reputational risks. Instead, it favors the commercial model (the development of ports purely for commercial use) and the dual-use model (the development of commercial ports with the potential to serve military functions). This option pragmatically suggests using strategic commercial ports to host naval ships, when necessary [Xue 2019].

⁷ The scale of the official Chinese military presence in Africa is less visible in comparison with the western states’ engagement. For instance, the United States has military bases in 34 African countries, whereas China has just one.

⁸ The deployment of the Peace Ark hospital ship in August 2017 illustrates the example of an HADR mission conducted in Djibouti.

⁹ UN Security Council. Resolution 1816 (2008). Adopted by the Security Council at its 5902nd meeting on 2 June 2008. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Somalia%20S%20RES%201816.pdf> (accessed: 28.10.2019).

¹⁰ Chinese Frigate Starts Escort Mission for Chemical Weapons: FM. Xinhua News Agency, January 8, 2014. URL: <http://en.people.cn/90883/8506315.html> (accessed: 28.10.2019).

¹¹ Overseas operations. Ministry of National Defense of the People’s Republic of China. URL: http://eng.mod.gov.cn/news/node_48721.htm (accessed: 28.10.2019).

China's Dynamics in the UN Peacekeeping: from Passive to Positive Stance

Indirect options for the safeguard of overseas interests include extended international cooperation, mediation and mostly peacekeeping. For a long time, China was quite skeptical about the UN peacekeeping activities, taking quite passive stance in the SC, if the discussion was not related to the Taiwan issue. In the 1970s, China firmly stayed away from UN peacekeeping due to its normative stance on sovereignty and non-intervention. From the 1980s to the 1990s, China's gradual adjustment of its position towards UN peacekeeping was mainly due to the need of forming a favorable international environment that could benefit its own economic reform and opening up strategy. In 1988, China entered the UN Special Committee on Peacekeeping Operations. For the first time Beijing took an active part in the process in 1990, sending civilian specialists to the Middle East, and first militaries to Cambodia in 1992. But it still refrained from debating the main challenges of that time — Rwanda and Iraq. Its active participation in peacekeeping started since 1999, when the Chinese representative in the SC agreed to carry out an operation in East Timor under Chapter VII of the UN Charter (not requiring the consent of the host country). Since then, China has been participating in peacekeeping more actively, demonstrating full adherence to the UN Charter¹².

Today Chinese risk-ready businessmen, penetrating new markets and investing in local infrastructure, and Chinese peacekeepers, contributing to the regional security, are equally important for the PRC. China's increasingly active participation in UN peacekeeping serves three major interests: being a responsive power, strengthening the UN, and sharing common concerns for peace and security [He 2007]. In their official speeches the Chinese representatives emphasize the importance of classical principals of peacekeeping, state sovereignty and international cooperation [Jianxin, Shou, Hui 2015].

At present, China occupies the 11th place out of 122 countries contributing and participating in UN peacekeeping operations by the number of personnel. It has deployed 2,458 military and police peacekeepers in nine of the 13 on-going UN peacekeeping

operations (still less than the number of peacekeepers from Ethiopia, but more in comparison from all SC permanent member-states).

China's strong support for UN peacekeeping is reflected in its active engagement in hotspot issues. Thus, Beijing made significant contributions to the peace process in the Middle East, South Sudan, Darfur in Sudan, the eastern part of DRC, Mali, Afghanistan, refraining from commenting on the possible participation of peacekeepers in the most controversial current conflicts — Syrian and Ukrainian. This demonstrates that Chinese pragmatism does not exclude cautiousness. In addition to peacekeeping operations, Chinese troops are involved in humanitarian assistance, successfully provided to Djibouti, Kenya, Tanzania, Seychelles, Bangladesh, Brunei, Pakistan, Maldives, India and others.

China does not skimp on the financing of peacekeepers, paying the UN much more mandatory contributions. For several years now, the PRC has made the second largest contribution to the UN peacekeeping budget, most of which goes to African countries. In 2018, China invested more than US 192 million in the total budget¹³.

At the UN peacekeeping summit in 2015, Xi Jinping spoke of protecting the world by joint efforts. He stressed that the missions give hope to people in need and are especially important now. After that, Xi Jinping announced the plans. He promised that China will provide engineers, physicians and technicians for UN operations in a special order, will train 2,000 peacekeepers from other countries, will allocate additional funds to the mission budget and create a unique structure — a permanent rapid response corps of 8,000 people¹⁴. The President of the PRC also offered Africa a US 100 million military assistance. All promises were clearly kept. In 2015, at the initiative of China, the Peace and Development Trust Fund was created (Beijing allocated US 200 million). Three years later, the first Sino-African Forum

¹² Charter of the United Nations. 26 June 1945. URL: <https://www.un.org/en/charter-united-nations/> (accessed: 28.10.2019).

¹³ United Nations peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/china> (accessed: 28.10.2019).

¹⁴ Working Together to Forge a New Partnership of Win-win Cooperation and Create a Community of Shared Future for Mankind. Statement by Xi Jinping at the General Debate of the 70th Session of the UN General Assembly. New York, 28 September 2015. URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/70/70_ZH_en.pdf (accessed: 28.10.2019).

on Defense and Security took place¹⁵, in addition to the Forum on China-Africa Cooperation. China created the remote deployment forces for the United Nations, that have the potential for rapid response¹⁶.

China's participation in the UN peacekeeping operations is creating a positive image of China in the eyes of the international community and public opinion. Undoubtedly, peacekeeping activities provide Chinese troops with opportunities to improve their qualifications, skills, borrow the experience of foreign partners, train in "operations outside the conditions of the war", and gain experience in participating in military and humanitarian operations. In addition to the ideological ideas about the "harmonious peace" in the development of its peacekeeping potential, China is surely guided by some pragmatic considerations. The concentration of peacekeepers in Africa makes it easier to maintain stability in the region, which is crucial for China in terms of the access to natural resources, like it was in the case of South Sudan [Lynch 2014]. However, the deployment of substantial numbers of peacekeeping troops to the conflict zones like Darfur, Lebanon, and Haiti, which lack significant stocks of natural resources, demonstrates going beyond the realist-oriented approach.

African Test for Chinese Security Strategy

The biggest concentration of the strategic raw resources, including energy, so necessary for the Chinese economy growth, are located in the peripheral countries, mainly in Africa. China's impact and involvement in Africa has been more visible than in other regions. For China Africa remains the main supplier of strategic resources, including oil and metals. China has gained an impressive economic influence there. In 2016, the total volume of foreign trade between China and Africa amounted to US 149,12 billion. China heavily invests in the African region. In 2016, China's non-financial direct investment flow

to Africa reached US 3,3 billion, with a year-on-year growth of 14 % [Zhang, Zhang 2018: 1]. Volumes of the China's investments in African countries are visibly growing: while between 2007 and 2010, China invested US 52.8 billion, between 2015 and 2018, US 121 billion.

But its economic strategy is far more elaborated and mature, than just buying up natural resources. The Chinese investment model involves the massive construction of infrastructure, which meets the real needs of the Africans. The development strategy is fixed in the "Belt and Road Initiative" and the Project of "Three Networks" (high-speed rail network, expressway network and airline network) and "One Industrialization", which, accordingly to the Chinese official declarations, imply win-win outcomes for all involved parties.

Since the beginning of the 21st century, the security situation in Africa has become complex [Zhang, Zhang 2018]. Africa as an important investment region still suffers from poor internal conditions, high level of political instability, and never-ending armed conflicts [Bokeriya, Omo-Ogbebor 2016]. Obviously, local security situation is posing increasing impact on China's interests and does not favor further expenditure of China's economic interests there. The large volume of investment in the unstable African states has been forcing China recently to take an active part in peacekeeping operations and to increase the presence of its security forces. Although initially intrastate armed conflicts did not affect China's interests directly, over the past decade Chinese workers have been targeted while Chinese-operated oil facilities in Sudan and South Sudan have been attacked by rebels, putting China's adherence to its principle of non-intervention in the internal affairs of other states to the test [Hodzi 2019].

With China's investments and loans increasing in Africa, it's military presence in the region is also growing. China began to increase its military presence here in 1998 with the decision to provide additional financial support to the UN and with direct participation in its peacekeeping operations on the continent. Before launching the military base in 2017, China has started security cooperation with the African Union, supporting conflict resolution and management, particularly where intrastate state armed conflicts directly threaten its interests [Alden et al. 2018].

¹⁵ Feature: Overview of 1st China-Africa Peace and Security Forum. China Military Online, 17 July 2019. URL: http://eng.mod.gov.cn/news/2019-07/17/content_4846012.htm (accessed: 28.10.2019).

¹⁶ The corps consists of six infantry battalions, engineering and medical teams, as well as transport ships and aircraft, and will be in constant readiness to be sent to the conflict area at the invitation of the UN SC.

Most Chinese peacekeepers are located in Africa, busy with training local police and military, providing humanitarian assistance, complementing the already existing programs of military and humanitarian cooperation between the PRC and African states. The high level of China's engagement is offering an alternative to France's military presence. The PLA also benefits from peacekeeping, as Chinese servicemen provide to their homeland new connections with local power structures. Moreover the Chinese military personnel and specialists assigned to the missions are gaining the experience closest to the combat conditions that can be gained in another country without starting a full-scale military operation. The Chinese army is limited in the possibilities of remote deployment of forces — peacekeeping gives unique access to new areas. China's Navy's participation in maritime security in Africa has also increased. In late December 2008 China launched its first anti-piracy mission for protecting Chinese ships and crews, responding to the piracy increase in the Gulf of Aden.

Most probably, Africa will be a test for Beijing's "great power ambitions", which are increasingly being voiced by the Chinese leadership. The creation of the military base in Djibouti and the intensification of China's peacekeeping activities in Africa fueled general anxiety regarding the scope of the Chinese penetration into the region. However, Beijing has not yet shown clear ambitions to build up more military presence on the continent.

From Active Non-Intervention Policy to Military "Muscle" and Constructive Engagement?

The current IR discourse on the intervention behavior of rising powers in the intrastate armed conflicts in developing countries is still quite limited [Grachikov 2019], but it will obviously get some dynamics in the near future as there is a gradual but careful departure from non-intervention policy in the practical sphere. In addition, there is an ongoing domestic debate in China on non-interference, demonstrating some shift in the understanding and approaching the principle.

"Non-interference in the internal affairs of other states" has been the fundamental principle of China's foreign policy, often used for describing peaceful and mutually beneficial way of economic penetration

into the markets of other countries. Overseas interests and new security threats putting Chinese lives at risk contributed to persuading China to rethink non-interference issue. Although today's China holy believes in principles of consent, impartiality, and non-use of force, it's practical approach has undergone some changes. Beijing has in principle endorsed "responsibility to protect" (R2P) by supporting the 2005 World Summit Outcome, but it has never embraced the interventionism embodied in the concept [Coning, Peter 2019: 253—276], giving full support to the Pillar One — "each individual state has a responsibility to protect its population from mass atrocities" [Lei 2011].

In 2012 the Institute of International Studies, a top Chinese think tank affiliated to the Chinese Ministry of Foreign Affairs, coined the concept of "protection of civilians" (PoC) or "responsible protection" (RP), that Beijing basically agrees to, but not yet officially endorsed [Coning, Peter 2019: 265]. The mission of "responsible protection" as an intervention operation is to protect innocent civilians in the country concerned as well as regional peace and stability, rather than specific political factions or armed forces.

China's intervention in the intrastate conflicts varies with each case. But all cases demonstrate that new security conditions made China more willing to deploy combat forces alongside traditional support units. When civil war broke out in 2013 in South Sudan, where many Chinese energy companies were present, Beijing sent its special envoy for African affairs, Ambassador Zhong Jianhua, to mediate between the conflicting parties. Trying to secure its energy resources and protect investments, China was forced to play a significant role in negotiating with the opposition force and, subsequently, the enemy of its long-time ally. Actually, it was one of its first experiences in officially intervening in another country's internal political processes. But Beijing refused the same type of mediation for the conflict in the Central African Republic.

Chinese citizens and companies working overseas were involved in multiple security incidents. In Libya in 2011 the evacuation of 36,000 workers involving a military deployment beyond China's borders was widely covered by official media as a success and was very well-received in China. Regarding this conflict, China argued that "there must

be no attempt at regime change or involvement in civil war by any party under the guise of protecting civilians,” but at the same time it was largely supportive of the French military intervention in Mali. In 2015, while carrying out anti-piracy patrols off the coast of Somalia, Chinese naval frigates were diverted to Yemen to evacuate people, which were later on taken across the Red Sea to Djibouti, to take flights home. China’s navy evacuated from Yemen’s southern port of Aden 225 foreign nationals (from Pakistan, Ethiopia, Singapore, the UK, Italy and Germany) and almost 600 Chinese citizens. Beijing declared, that it was the first military mission with warships to rescue foreign nationals, and only the second mission to evacuate its own citizens, trapped by the fighting in a conflict zone. In sum, China conducted a dozen other evacuations in Thailand, Syria, Vietnam, etc.

China’s strategy is mostly founded on the pragmatism and influenced by the whole set of factors, including the exterior. For instance, in Venezuela, which is undoubtedly an important economic partner and a platform for China to strengthen its interests in Latin America, Beijing is not undertaking any enforcement measures. However in general, China’s engagement in risky countries, initially characterized as non-interventionist in its pursuit of economic interests, is becoming more deeply involved in the region’s security landscape. On the one hand, China takes very cautious position regarding the “R2P” doctrine, declaring that external forces, that have made several direct military interventions in African security affairs, not only dominated the local security trend, but also brought more disasters and turbulence and brought more challenges to China’s interests there. But, on the other hand, many experts point out, that in order to connect with the international community better, China’s principle of non-interference in internal affairs needs to be given new meanings when necessary and therefore optimized [Zhang, Zhang 2018].

Since non-interference remains crucial for Chinese core interests, China would mostly follow and proclaim this longstanding principle further in its conceptual official framework. In addition, such strategy could be beneficial, taken into account the events of the Arab Spring. Even in its largest evacuation mission in Libya, China acted in accordance with non-interference with minimum military involvement and formal approval from relevant

states. However, normative developments in the international system, forging the need to protect China’s overseas interests, have explore alternative policy options and revealed the need for the Chinese military to be more actively engaged. So, in its practical response China has been more flexible regarding the non-interference, leaning on the necessity of the so called constructive engagement. As rightly noted Pang Zhongying, “Dependence on overseas resources, markets and energy will oblige China to adjust its foreign policy by, de facto, abandoning some of its ‘nos,’ such as ‘non-interference’ and ‘not taking the lead’” [Ratner et al. 2015: 15].

Constructive engagement is described in the Chinese academic literature in quite positive way without any mentioning of the regime change option, external military repression, invasion or occupation. According to Wang Yizhou, constructive engagement is to assist the countries concerned to enhance their abilities to choose their own development directions with China’s adjustment and resources under the condition of full respect for the people and majority political factions of the country concerned (see: [Zhang, Zhang 2018]). Zhao Huasheng describes the final goal of constructive engagement as preventing the security situation from deteriorating, and to promote national and regional peace and stability (see: [Zhang, Zhang 2018]). Zhou Shixin presents constructive engagement as a flexible policy under the concept of intervention in a broad sense, but going beyond the traditional intervention (see: [Zhang, Zhang 2018]).

Declaring the goal of assisting unstable countries to address their problems by themselves and stressing principle of full respect of the political will of the concerned countries, a more active engagement creates quite sensible problems for the Chinese policy: reputational risks in case there are too close and not enough transparent links with certain governments, risks to its business interests posed by mercurial leaders and weak regimes, and risks faced by its citizens working in the unstable states and dangerous conditions.

For the past years China was preoccupied by finding a balance between the non-intervention principle and the protection of its interests in foreign countries, dominated by long-lasting intrastate armed conflicts. As a result, China has smoothly adopted the transition strategy from non-intervention into

internal affairs to a more proactive non-indifference approach, acting as a mediator between conflict parties. In its few mediation efforts Beijing mostly prefers not to use official diplomacy and international institutions (track-one diplomacy), but rather “special envoy” diplomacy with political envoys as key mediators, empowered to deal with crises (for instance, as in the cases of Sudan in 2007, Libya and Syria since 2011, Myanmar in 2013, Afghanistan in 2014, etc.). Plus China stands for informal channels of influence as party-to-party relations. The degree of the China’s involvement will depend on the level of its responsibility at the global level, particularly since China is undergoing through a higher degree of international pressure in order to take more obligations.

Concluding Remarks

In the “new era”, a rising China has become more engaged, ambitious and experienced in international affairs. China’s new identity of the biggest emerging power is certainly shaping its new security and peacekeeping doctrine, which also serves the global power projection. China favors the whole set of diplomatic means over military as the primary tools to secure its interests. But China shows its readiness to follow its “responsible” path and more “robust” peacekeeping, especially under international pressure to assume global responsibilities commensurate with the rapidly expanding economic interests.

At the same time China continues investment in peacekeeping operations and counterpiracy missions. It strongly supports the UN, both in financing peacekeeping operations, and providing peacekeeping personnel. The UN support strategy helps China to expand its diplomacy throughout the developing world. The reputation of China as a credible security partner would be of vital importance in the situations when the “South” states would have to decide to host a Chinese base on their soil, if necessary. Obviously, the current proactive peacekeeping strategy of China is having a general impact on the UN peacekeeping model, which is increasingly becoming Chinese. Providing money, people, and authority forms a solid basis for China to become a new potential peacekeeping leader and prove that the USA is not the only and perhaps not the best guarantor of world stability.

China feels itself more vulnerable in connection with its Belt and Road initiative, and the new security

conditions might make the whole situation worse and ultimately lead to China assuming a new and quite different security role. Actually, China follows the path of other leading powers that developed military activities abroad, pursuing economic interests. Obviously, in the near future China will be carrying out a number of overseas missions, including humanitarian assistance and disaster relief, evacuation operations, defense of sea lanes, stabilization operations, peacekeeping and counterterrorism missions. Apparently, China would provide greater input into conflict resolution with more focus on political stabilization in the countries, given its economic interests and expanded international commitments. This suggests further growing force projection capabilities. China is also likely to advance training, advisory and support missions for its many partners as part of its own version of the American strategy “leadership from the rear”.

In recent years the China’s efforts have been directed to peacekeeping engagement and evacuation of its nationals from conflict zones. The massive evacuation from Libya created for the PLA Navy and Air Force a true precedent, repeated in 2015, when the PLA Navy task force in the Gulf of Aden was redirected to evacuate from Yemen through Djibouti, including foreigners. China was also engaged in protecting commercial shipping in the Gulf of Aden. Currently, the PLA focuses on far-seas maritime missions, it has not yet had any land-based operation with deployment of ground forces overseas. And most probably this trend is likely to continue in the future.

The expansion of Chinese overseas interests and the need to protect a growing number of Chinese nationals have revealed the limits of China’s traditional approach and generated new thinking about non-interference. Responding to overseas security crises through military actions would be mostly shaped by events (case-by-case approach) and inspired by political rather than legal motivations. Today’s Chinese approach to overseas military operations is characterized by a relative lack of institutionalization. There is little evidence to predict that China intends to construct more military bases, being fully involved in the security landscape. However, many new elements for a new constructive engagement emerge — conceptual narrative, political support, geopolitical competition, growing capacities

and new security conditions. Therefore, the central focus for both academic community and decision-makers might be on improving the crisis-management model, defining the conditions of practical military protection for Chinese nationals and assets, and future course of action regarding overseas military bases.

Received / Поступила в редакцию: 27.06.2019
Accepted / Принята к публикации: 15.09.2019

References / Библиографический список

- Alden, Ch., Alao, A., Chun, Zh. & Barber, L. (Eds.). (2018). *China and Africa. Building Peace and Security Cooperation on the Continent*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-319-52893-9
- Bokeriya, S.A. & Omo-Ogbebor, D.O. (2016). Boko Haram: a New Paradigm to West Africa Security Challenges. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (2), 274—284.
- Campbell, I., Wheeler, Th., Attree, L., Butler, D.M. & Mariani, B. (2012). *China and Conflict-Affected States. Between Principle and Pragmatism*. London: Safeworld.
- Cheng Guo, Chen Lu, Degterev, D.A. & Zhao Jelin. (2019). Geopolitical Implications of China's "One Belt One Road" Strategy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 77—88. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88
- Coning, C. & Peter, M. (Eds.) (2019). *United Nations Peace Operations in a Changing Global Order*. London: Palgrave Macmillan. DOI 10.1007/978-3-319-99106-1
- Duchâtel, M., Bräuner, O. & Hang, Z. (2014). *Protecting China's Overseas Interests: The Slow Shift Away from Non-interference*. SIPRI Policy Paper 41. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/PP/SIPRI41.pdf> (accessed: 28.10.2019).
- Galtung, J. (1969). Violence, Peace, and Peace Research. *Journal of Peace Research*, 6 (03), 167—191. DOI: 10.1177/002234336900600301
- Grachikov, E.V. (2019). Chinese School of International Relations. How Theory Creates Diplomatic Strategy and Vice Versa. *Russia in Global Affairs*, 17 (2), 154—173. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-2-154-173
- He, Y. (2007). *China's Changing Policy on UN Peacekeeping Operations*. Asia Paper, Institute for Security and Development Policy, Stockholm.
- Hodzi, O. (2019). *The End of China's Non-Intervention Policy in Africa*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-319-97349-4
- Ikenberry, J. (2008). The Rise of China and the Future of the West: Can the Liberal System Survive. *Foreign Affairs*, 87 (1), 23—37.
- Lei, Zh. (2011). Two Pillars of China's Global Peace Engagement Strategy: UN Peacekeeping and International Peacebuilding. *International Peacekeeping*, 18 (03), 344—362. DOI: 10.1080/13533312.2011.563107
- Lin-Greenberg, E. (2010). Dragon Boats: Assessing China's Anti-Piracy Operations in the Gulf of Aden. *Defense and Security Analysis*, 26 (02), 213—230.
- Lynch, C. (2014). UN Peacekeepers to Protect China's Oil Interests in South Sudan. *Foreign Policy*, June 16. URL: <https://foreignpolicy.com/2014/06/16/u-n-peacekeepers-to-protect-chinas-oil-interests-in-south-sudan/> (accessed: 28.10.2019).
- Ratner, E., Colby, E., Erickson, A., Hosford, Z. & Sullivan, A. (2015). *More Willing and Able: Charting China's International Security Activism*. Center for a New American Security. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/more-willing-and-able-charting-chinas-international-security-activism> (accessed: 28.10.2019).
- Rolland, N. (Eds.) (2019). *Securing the Belt and Road Initiative China's Evolving Military Engagement Along the Silk Roads*. The National Bureau of Asian Research. September 2019. NBR special report No. 80. URL: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr80_securing_the_belt_and_road_sep2019.pdf (accessed: 28.10.2019).
- Seesaghur, H.N. & Robertson, E. (2016). An Overview of the Chinese Agenda: Global Sustainable Peace and Development. *Acta Universitatis Danubius. Relationes Internationales*, 9 (02), 154—171.
- Suzuki, Sh. (2011). Why Does China Participate in Intrusive Peacekeeping? Understanding Paternalistic Chinese Discourses on Development and Intervention. *International Peacekeeping*, 18 (03), 271—285. DOI: 10.1080/13533312.2011.563079
- Wuthnow, J. (2017). *Chinese Perspectives on the Belt and Road Initiative: Strategic Rationales, Risks, and Implications*. Center for the Study of Chinese Military Affairs, Institute for National Strategic Studies, National Defense University. China Strategic Perspectives, No. 12. URL: <https://inss.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratperspective/china/ChinaPerspectives-12.pdf> (accessed: 28.10.2019).
- Xue G. (2019). The Potential Dual Use of Support Facilities in the Belt and Road Initiative. In: Rolland, N. (Eds.). *Securing the Belt and Road Initiative China's Evolving Military Engagement Along the Silk Roads*. The National Bureau of Asian Research. September 2019. NBR special report No. 80 P. 47—59. URL: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr80_securing_the_belt_and_road_sep2019.pdf (accessed: 28.10.2019).
- Zhang, Ch. & Zhang, M. (2018). *China-Africa Cooperation in the Peace and Security Issues*. National Think Tank. China-Africa Friendly Cooperation in the New Era Think Tank Reports. No. 4. China Social Sciences Press.

Jianxin, L., Shou, W. & Hui, Zh. (2015). *Guoji weihe xue [A Study on International Peacekeeping]*. Beijing: Guofang daxue chuban she [Beijing: National Defense University Press]. (In Chinese).

Yaqing, Q. (Eds.). (2019). *Quanqiu zhili: Duoyuan shijie de zhixu chongjian [Global Governance: Rebuilding of Order in Multiplex World]*. Beijing: Shijie zhishi chuban she [Beijing: World Knowledge Press]. (In Chinese).

About the author: *Khudaykulova Alexandra Victorovna* — PhD (Political Sciences), Associate Professor of Department of Applied International Analysis, Moscow State Institute of International Relations of MFA of Russia (MGIMO University); Associate Professor of Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: alexandra_77@mail.ru).

Сведения об авторе: *Худайкулова Александра Викторовна* — кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России; доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: alexandra_77@mail.ru).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-432-438

Research article

Assessing the Obstacles of Regional Integration in the Horn of Africa: the Case of IGAD

B.D. Gardachew, G.M. Kefale, G.K. Antigegn

Bahir Dar University, Bahir Dar, Ethiopia

Научная статья

Оценка препятствий региональной интеграции на Африканском Роге: пример ИГАД

Б.Д. Гардачев, Г.М. Кефале, Г.К. Антигегн

Университет Бахр-Дара, Бахр-Дар, Эфиопия

Abstract. Since the independence of the continent, there have been failed attempts to industrialize it using import-substitution policy, which gave rise to the idea of regional integration as an instrument to facilitate structural transformation in Africa. Consequently, African countries have embraced regional integration as an essential element of their development strategies principally driven by the economic rationale of overcoming the restraint of small and fractioned economies working in isolation. The establishment of the Organization for African Unity (OAU) in 1963 believed to contribute to many integration initiatives. Even after the transformation of OAU to AU, leaders of the continent once again emphasized their dedication to the idea of regional integration. Obviously, even in the future the issue will continue to be one of the main economic agendas of the continent as there is a widely shared belief that regional cooperation is crucial to tackle development challenges that cannot be addressed at a national level. The cardinal objective of this paper is to assess the obstacles of regional integration in the Horn of Africa. Hence, the findings show that political instability, conflicts, overlapping membership and weak infrastructure are the main challenges for regional integration in East Africa.

Key words: Regional integration, IGAD, neo-functionalism, liberal inter-governmentalism, globalization, political instability, overlapping membership, weak infrastructure, conflict

For citations: Gardachew, B.D., Kefale, G.M. & Antigegn, G.K. (2019). Assessing the Obstacles of Regional Integration in the Horn of Africa: the Case of IGAD. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 432—438. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-432-438

С момента обретения независимости Африканского континента предпринимались неудачные попытки его индустриализации с использованием политики импортозамещения, что породило идею региональной интеграции как инструмента, способствующего структурным преобразованиям в Африке. Следовательно, африканские страны восприняли региональную интеграцию в качестве важного элемента своих стратегий развития, главным образом обусловленных экономическим обоснованием преодоления ограничений малых и раздробленных экономик, работающих в изоляции. Считается, что создание Организации африканского единства (ОАЕ) в 1963 г. внесло свой вклад во многие интеграционные инициативы. Даже после преобразования ОАЕ в Африканский союз (АС) лидеры континента еще раз подчеркнули свою приверженность идее региональной интеграции. Очевидно, что даже в будущем этот вопрос будет оставаться одной из главных экономических программ континента, поскольку широко распространено мнение о том, что региональное сотрудничество имеет решающее значение для решения проблем развития, которые не могут быть решены на национальном уровне. Основной целью этого документа является оценка препятствий региональной интеграции на Африканском Роге. Таким образом, результаты показывают, что политическая нестабильность, конфликты, дублирование членства и слабая инфраструктура являются основными проблемами для региональной интеграции в Восточной Африке.

© Gardachew B.D., Kefale G.M., Antigegn G.K., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: региональная интеграция, ИГАД, неофункционализм, либеральный межправительственный подход, глобализация, политическая нестабильность, дублирование членства, слабая инфраструктура, конфликт

Для цитирования: Гардачев Б.Д., Кефале Г.М., Антигегн Г.К. Оценка препятствий региональной интеграции на Африканском Роге: пример ИГАД // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 432—438. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-432-438

Introduction

The Vision of the African Union is to become an integrated, prosperous and peaceful Africa, driven by its own citizens and representing a dynamic force in the global arena.

African Union Agenda 2063

The project of regional integration initiatives in Africa have a long history, dating back to the 20th century with the establishment of some groupings¹. The establishment of the Organization for African Unity (OAU) in 1963 further paved the way for many other integration initiatives to proliferate. Since then a number of regional economic communities have been formed across the continent [Alemayehu, Haile 2002].

The Africa Union (AU), which emerged from the Organization for African Unity (OAU) in 2002, also emphasized its commitment to the continental economic integration arrangement for full integration of African countries and peoples. Currently there are more than eight regional economic groupings in Africa. Today, there is no country in Africa, which is not a member of at least one regional economic group. Regional Economic Communities (RECs) have been identified as the building blocks for the AU which aims at the Union Government and the United States of Africa [Olaniyan 2008].

The Inter-Governmental Authority on Development (IGAD) is one of the regional integration arrangements in Eastern Africa which came in to existence in 1996 replacing the Intergovernmental Authority on Drought and Development (IGADD) which was founded in 1986 with the aim of establishing a regional cooperation arrangement and enhancing the economic and social development of the region [Abdi, Seid 2013]. Although IGAD has largely become synonymous with peace and security, it is also an AU-recognized Regional Economic Community

(REC) and building bloc of the African Economic Community (AEC) under the AEC Treaty. As reflected in the number of regional agreements both in the continent and world-wide, therefore, the issue continues to occupy a center-stage in the economic agenda of countries [Alemayehu, Haile 2002].

Statement of the Problem

Regional integration and cooperation have long been high on the agenda for African countries, regions and their organizations. This is driven by the wide recognition that regional cooperation is vital to tackle development challenges that cannot be solved at a national level [Byiers 2016].

Recognizing the importance of regional integration to developing a strong, united Africa, the continent's leaders have established a number of initiatives. One of a regional economic community which is recognized as building bloc by the African Union in the Horn of Africa is IGAD. One of its foundational objectives is to promote regional cooperation and integration across a broad range of issues, these are explicitly stated as: cooperation on macroeconomic policies; free movement of goods, services, and people, peace & stability in the sub-region [Byiers 2016].

Nevertheless, Africa has comparatively few success stories to tell with respect to regional integration. The continent's slow pace towards this goal has been largely attributed to Africa's many extraordinary challenges. Many literatures show that most of IGAD's achievements so far have been concentrated in the area of institutional building. While social, political and economic integration has yet to be materialized [Abdi, Seid 2013]. IGAD still lags behind in its regional integration efforts and unlike other RECs, it is still operating at the level of harmonizing its policies². IGAD relatively as a young in-

¹ The South African Customs Union (SACU) in 1910 and the East African Community (EAC) in 1919 are some of regional integration initiatives which were established since long time ago.

² Economic Report on Africa 2010. Promoting High-Level Sustainable Growth to Reduce Unemployment in Africa // Economic Commission for Africa. African Union. URL: <https://www.un.org/en/africa/osaa/pdf/pubs/2010era-uneca.pdf> (accessed: 01.05.2019).

stitution in the region is being challenged by conflicts, rivalries and many other related obstacles. Comparatively, it has much more involved in areas of peace and security than economic integration. IGAD characterized by ambitious targets, it has a dismally poor implementation record [Byiers 2016].

Given the subject of regional integration continues to occupy a center-stage in the economic agenda of Africans in general and the Horn of Africa in particular, this piece of paper aims to investigate those obstacles that hindered IGAD's vision of overall regional integration in the region. The cardinal objective of this paper is assessing and analyzing those obstacles associated with IGAD's regional integration efforts. Methodologically, this paper employed qualitative approach. Examining and analyzing the literature that exists on this topic as an instrument of data collection is the major priority.

Theories of Regional Integration

Neo-functionalism

Neo-functionalism is a theory that anticipates regional integration through establishing supranational institutions in certain sectors, with a specific method "incremental approach" [Ilievski 2015]. This approach gives priority initially for economic and social type of integration and gradually political integration to be followed. For further political integration to be realized institutions are very instrumental [Haas 1968; Nye 1970; Schmitter 1970; Bolaños 2016].

Neo-functionalism focuses on the immediate process of integration among states, i.e. regional integration. Initially, states integrate in limited functional or economic areas. Thereafter, partially integrated states experience increasing momentum for further rounds of integration in related areas, which will later open the way to full-fledged political unification-supranational organization. Once an initial commitment has been made, the forward momentum of integration is inevitable. The member states will have to surrender their entire sovereignties to the supranational organization [Haas 1968; Hamad 2016].

Neo-functionalists prefer a 'bottom-up' approach type of regional integration. The bottom-up approach requires cooperation (economic cooperation) to start right from the bottom line and, through time and

trust, member states should precede to political cooperation. The bottom-up approach is a "spillover" process, whereby cooperation in one field necessitates cooperation in another. The concept of spillover is an essential way of increasing cooperation between states, necessitating integration in one policy area, which subsequently has a knock-on effect, creating pressure for further integration in neighboring policy areas. Eventually, through the spillover process, the member states of a regional organization would find themselves integrated to the point where they are unable to stop full political integration [Haas 1968; Hamad 2016].

Based on the assumption of neo-functionalism IGAD was established to serve as a supranational authority and member states to be governed by the principles and agreements of the authority. However, this theory does not satisfactorily explain why member states do not commit themselves to the implementation of those agreed principles. It is not clear why IGAD as an authority is not fulfilling its broad objectives which are supposed to be in the interest of the region and its people. As per this theory member states are expected to surrender their national sovereignty for IGAD because institutions are taken as the fundamental actors in the relation of states. Though this theory says so, so far member states of IGAD are not ready to be governed by those novel principles. There is no evidence as to why member states do not cooperate once they establish regional arrangements such as IGAD. The authors believe that, the theory of neo-functionalism does not explain the reality of IGAD's situation because the assumptions and the fact on the ground don't match as such.

Liberal inter-governmentalism

The theory of liberal inter-governmentalism has its foundation on between-government cooperation, and declares the member states as the main actors in the regional integration. It is those states' preferences and decisions that are primary and important and decisive when deciding on politics [Kleinschmidt 2013]. According to this approach, state power must match national interest. The orientation and velocity of regional integration is determined by the interaction of sovereign national states. Whether the process goes forward or backward or stagnates depends

on national interests and the relative power that can be brought to bear on any specific issue [Hoffmann 1966; Moravcsik 1998; Bolaños 2016].

The main argument of inter-governmentalism is that states are the main actors in international cooperation and that they act both unitary and rational. Regional integration is understood as a series of rational choices made by national leaders. These choices responded to constraints and opportunities stemming from the economic interests of powerful domestic constituents, the relative power of each state in the international system, and the role of institutions in bolstering the credibility of interstate commitments [Moravcsik 1998; Michel 2012]. Reasons for integration that are considered most important are the prospect of economic wealth in the beginning of the process, while the shift of loyalties and powers will lead to the integration of political sectors due to emerging interdependencies and the pressure of supranational institutions.

Based on the hypothesis of liberal inter-governmentalism the domestic interest of each respective state shapes a particular cooperation. Hence, members of IGAD are motivated to cooperate because doing so is the rational choice and preference of each state. While it seems that states are motivated for certain kind of cooperation out of self-interest, this theory lacks something at least it does not tell why member states (IGAD) do not work together while cooperation is helpful to promote their common interest. According to Fantu [2002] lack of political will is one obstacle to realize effective integration in Africa. However, this theory does not give convincing explanation as to why member states fail to show certain political commitments, and behave against their interest.

Globalization and Regional Integration

There is a wider belief that, the present-day African leaders have demonstrated some willingness to take on the challenges of globalization. However, states in Africa mainly been restricted to participation in the global governance structures and signing of bilateral investment treaties. Africa's position in the international market as an exporter of primary commodities and the unfavorable external trade environment, with for example barriers to access in key developed markets, also act to limit the scope for Africa's integration into the global economy [Qobo 2007].

Successful integration is important in the sense that the countries that grow fast also have a very fast growth in exports. The current lack of integration has a negative impact on how foreign private investors assess the continent. This in turn negatively influences Africa's development of its productive capacities and diversification away from primary products. If regional integration is set on a right path and accompanied by a genuine desire to improve efficiencies, to create larger markets, to encourage more competition and to improve policy credibility, the incentive for investment increases as well. While there is growing appreciation of the imperatives of globalization, bold action is required regarding trade reforms and the adoption of policies that are conducive to a better investment climate in African countries [Qobo 2007].

According to Asante [2001] globalization poses a lot of challenges to Africa. Asante believes that, accelerating African integration process among other things will help address the challenges of globalization. Promoting developmental regionalism contributes to 'collective betterment' beyond mere trade expansion and, as Asante contends, to encourage development of new industries, help diversify national economies and increase the region's bargaining power with the developed economies by for example, multilateral trade negotiations. Regional integration increases one's own bargaining power with other regions or countries, in order to get better terms of trade. Hence, it could be argued that, regionalism for African leaders is seen as a means of enhancing their bargaining position vis-à-vis foreign governments, international institutions and multinational corporations making it difficult to resist it politically.

IGAD and Challenges of Regional Integration

Political Instability and Conflict

According to the Economic Commission for Africa report³, IGAD as an economic community is far slow in many respects in comparison to other regional blocs in Africa. The report stated that,

³ Economic Report on Africa 2010. Promoting High-Level Sustainable Growth to Reduce Unemployment in Africa // Economic Commission for Africa. African Union. URL: <https://www.un.org/en/africa/osaa/pdf/pubs/2010era-uneca.pdf> (accessed: 01.05.2019).

the institution is still operating at the level of harmonizing its policies. The report also identified that this regional arrangement lags behind in its integration efforts because of the conflicts happening in the region. It seems that any regional integration project attempt has to create first fertile grounds for the planned project to be realized. In this context ensuring peace and stability in the horn of Africa is a precondition to be met first if the political leaders of the region are serious about seeing integrated region.

For Olaniyan [2008], the first and foremost important challenge in the integration process in Africa in general and in each regional bloc in particular is due to the presence of political instability. The scholar questions the sustainability of political stability given that poor political governance is the reality of the region. Not all countries are enjoying an enduring political stability. Political instability in its subtle form has been expressed in stresses and strains in the political system and at the other extreme in civil disorder and war. It is argued that regional integration has been severely disrupted in the region because some Member States experienced civil wars and others are still living under the condition of no peace no war situation as a result of inter-state war.

The Horn of Africa is known with diverse types of conflicts such as intra-communal conflicts (i.e. cattle-rustling, natural resource-based conflict over water, pasture and land). Inter-state violent crises and tensions that characterize relationships between member states (Ethiopia—Eritrea, Uganda—Sudan). To the worst there are also failed or collapsed states/governance crisis i.e. Somalia [Olu, Dauda 2015].

Abdi and Seid [2013] also believe that, the slow implementation of agreements and protocols made so far towards the integration of the subregion is mainly attributed the political instability and conflicts between member states which posed serious challenge for IGAD'S initiatives. The region experienced a wide range of intra and inter-state conflicts, some of which prevailed for more than four decades. It is fair to argue that due to the volatile nature of the area mainly as the region is a conflict-ridden one, IGAD has to go extra mile more than any regional arrangement as it would be limited to achieve its ambitious objectives under the contemporary multi-faceted problems (intra and interstate conflicts).

Overlapping Membership

Many Countries in Africa in general and in the Horn of Africa in particular belongs to different regional arrangements. Many IGAD countries are

members of more than one regional grouping with different aims and objectives, different levels and patterns of development and political systems and ideologies. The 2010 Economic Commission for Africa's report indicated that African member States' multiple memberships to different RECs have contributed significantly to the slow pace of Africa's integration. For Abdi and Seid [2013] these multiple membership arrangements may lead to duplication of efforts and to an unnecessary competition among countries and institutions. For countries belonging to more than one regional grouping, the burden and cost is high because they have to participate in different meetings and accept policy decisions, instruments, procedures, and schedules.

Furthermore, Olaniyan [2008] argues that, the multiplicity of RECs in the regions, with attendant overlapping membership by countries, is an important issue affecting the pace of regional and continental integration. Madyo [2008] shares the idea of Olaniyan and notes that the proliferation and multiplicity of overlapping memberships in RECs, which are also uncoordinated and poorly supported, is not a formula for creating or strengthening the building blocks of the African Union. It is emphasized that such arrangement would not be consistent with the long term vision of African Union as it undermines collective efforts towards the African Economic Community.

Byiers [2016] added that as with most African countries, many IGAD Member States are all members of at least one other REC. This may limit the ability of Member States to fully engage in the IGAD regional agenda given often limited administrative capacities, but also the different objectives they may seek through IGAD. The authors strongly believe that, such multiple and overlapping REC membership as a key constraining factor to greater regional integration. Alemayehu and Haile [2002] also argue that multiple memberships are a hindrance to regional integration since, among other things, it introduces duplication of effort. The participation of states in different RECs has its own problems. These problems include human and financial costs associated with membership, lack of harmonization of policies especially in the areas of rules of origin and customs procedures.

Abdi and Seid [2013] recommend that, the only mechanisms available for reducing the high cost

of multiple memberships is through harmonizing trade agendas, trade policies and investment codes among the different regional trading blocs, and remove unnecessary program duplication in order to unify regional efforts.

Weak Infrastructure

Poor infrastructure remains one of the chief obstacles to the overall integration efforts that African states are aspiring to achieve. In the presence of inadequate infrastructure intra-African trade, investment, and private-sector development would be highly challenged and severely limited⁴. IGAD member states should be convinced that programs to cultivate transport and communications networks, energy resources, and information technology would accelerate trade progress and transform Africa into a haven for investment.

Many IGAD member countries are characterized by poor infrastructure which inhibits intra-regional trade and economic growth due to high transaction costs caused by high transportation and communication costs. This has partly contributed to the poor competitiveness of member countries in the international market. It has also made the region unattractive to business [Abdi, Seid 2013].

According to Olaniyan [2008] inadequate infrastructures in both, within and among countries in Africa, have posed considerable challenges to integration and development process. The network of roads, railways, waterways, ports, airways, telecommunications are poorly maintained and inadequate. The infrastructures inherited at independence were inadequate and many countries have failed to bring about substantial improvements because

⁴ Economic Report on Africa 2010. Promoting High-Level Sustainable Growth to Reduce Unemployment in Africa // Economic Commission for Africa. African Union. URL: <https://www.un.org/en/africa/osaa/pdf/pubs/2010era-uneca.pdf> (accessed: 01.05.2019).

of sufficient resources or the failure to accord them adequate priorities they deserve.

For Abdi and Seid [2013] poor and inadequate infrastructure has been a major obstacle for economic growth in many African countries. The deficient infrastructure in the Horn of Africa dampens the region's capacity to grow. As growth and intra-regional economic integration are causally linked, it is reasonable to expect poor regional integration in a situation of deficient infrastructure. The region's achievement in the area of trade logistics, transport and other trade related infrastructures, however, is not significant compared with other regional economic communities. Market access within IGAD is limited and so it is with international markets. Hence, with the current status of poor infrastructure it would be very difficult for member countries of IGAD to be competent and beneficial in the global market.

Conclusion

In Africa regional integration and cooperation has been one of the issue and will continue to be the top agenda in the future. This is driven by the wide recognition that regional cooperation is vital to tackle development challenges that cannot be solved at the national level. One of the regional economic communities recognized by the African Union as building bloc in the Horn of Africa is IGAD. However, IGAD has few success stories as its capacity is limited by challenges such as: conflicts, political instability, overlapping membership, weak infrastructure and many other related obstacles. Regional integration increases one's own bargaining power with other regions or countries, in order to get better terms of trade. Successful integration is important to reduce the negative impact of globalization. Though, neo-functionalism and liberal inter-governmentalism are the dominant theories in regional integration, they do not fully reflect the realities of the African integration.

Received / Поступила в редакцию: 08.06.2019

Accepted / Принята к публикации: 21.09.2019

References / Библиографический список

- Abdi, A. & Seid, E. (2013). Assessment of Economic Integration in IGAD. *The Horn Economic and Social Policy Institute (HESPI)*. Policy Papers, 13/2.
- Alemayehu, G. & Haile, K. (2002). *Regional Economic Integration in Africa: A Review of Problems and Prospects with a Case Study of COMESA*. University of London.

- Asante, S. (2001). Africa and the Challenge of Globalization: Agenda for Action. *South African Journal of Economic and Management Sciences*, 4 (3), 476—492.
- Bolaños, A. (2016). *A Step Further in the Theory of Regional Integration: A Look at the Unasur's Integration Strategy*. GATE Lyon Saint-Étienne Working Paper.
- Byiers, B. (2016). *The Political Economy of Regional Integration in Africa*. Intergovernmental Authority on Development (IGAD).
- Fantu, C. (2002). *African Renaissance: Roadmaps to the Challenge of Globalization*. Zed Books.
- Haas, E.B. (1968). *The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces, 1950—1957*. Stanford University Press.
- Hamad, H. (2016). “Neo-Functionalism”: Relevancy for East African Community Political Integration? *Africology: the Journal of Pan African Studies*, 9 (7), 69—81.
- Hoffmann, S. (1966). Obstinate or Obsolete? The Fate of the Nation-State and the Case of Western Europe. *Daedalus*, 95 (3), 862—915.
- Ilievski, N. (2015). The Concept of Political Integration: The Perspectives of Neo-Functionalist Theory. *Journal of Liberty and International Affairs*, 1 (1), 1—14.
- Kleinschmidt, D. (2013). *Neofunctionalism vs. Intergovernmentalism. A Comparison of Regional Integration Theories and Their Connectedness with the European Parliament*. Oxford University Press.
- Madyo, M. (2008). *The Importance of Regional Economic Integration in Africa*. MA Thesis. University of South Africa.
- Michel, S. (2012). *European Integration Theories and African Integration Realities*. MA Thesis. Leiden University.
- Moravcsik, A. (1998). *The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht*. UCL Press.
- Nye, J.S. (1970). Comparing Common Markets: A Revised Neo-Functionalist Model. *International Organization*, 24, 796—835.
- Olanian, O. (2008). *Challenges in Achieving Regional Integration in Africa*. Southern Africa Development Forum on Progress and Prospects in the Implementation of Protocols in Southern Africa, Lusaka, Zambia.
- Olu, I. & Dauda, S. (2015). Regional Integration in Africa: The Challenges and Achievements of Intergovernmental Authority on Development (IGAD). *International Journal of Multidisciplinary Research and Modern Education*, I (II), 134—142.
- Qobo, M. (2007). *The Challenges of Regional Integration in Africa in the Context of Globalization and the Prospects for a United States of Africa*. ISS Paper, 145, June. Town, New Africa Books / David Phillip.
- Schmitter, P.C. (1970). A Revised Theory of Regional Integration. *International Organization*, 24 (4), 836—868.

About the authors: *Gardachew Bewuketu Dires* — Assistant Professor and Researcher, Department of Political Science and International Studies, Bahir Dar University, Ethiopia (e-mail: bewuket23@gmail.com).

Kefale Gebeyehu Mengesha — Assistant Professor and Researcher, Department of Social Anthropology, Bahir Dar University, Ethiopia (e-mail: 23addisgb@gmail.com).

Antigegn Getahun Kumie — Assistant Professor and Researcher, Department of Political Science and International Studies, Bahir Dar University, Ethiopia (e-mail: getkumie@yahoo.com).

Сведения об авторах: *Гардачев Бевукету Дирес* — преподаватель, исследователь, факультет политологии и международных исследований, Университет Бахр-Дар, Эфиопия (e-mail: bewuket23@gmail.com).

Кефале Гебейеху Менгеша — преподаватель, исследователь, факультет социальной антропологии, Университет Бахр-Дар, Эфиопия (e-mail: 23addisgb@gmail.com).

Антигегн Гетахун Куми — преподаватель, исследователь, факультет политологии и международных исследований, Университет Бахр-Дар, Эфиопия (e-mail: getkumie@yahoo.com).

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ BILATERAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-439-449

Научная статья

Отношения Белоруссии с Азербайджаном (2005—2018 гг.): между экономикой и поиском политической опоры

А.Д. Гронский

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН,
Москва, Российская Федерация

Research article

Belarus — Azerbaijan Relations (2005—2018): between Economy and Search for Political Support

A.D. Gronsky

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Белорусско-азербайджанские отношения развивались постепенно. Республики серьезно не интересовались друг другом. Дипломатические отношения были установлены не сразу. Такое положение дел во многом определило отсутствие исследовательского интереса к белорусско-азербайджанским отношениям. Тем не менее, взаимодействие Белоруссии и Азербайджана время от времени серьезно влияет на экономическое противостояние Белоруссии и России. Данный фактор в том числе определяет актуальность темы. Исследование призвано выявить реальное состояние сотрудничества, перспективы его развития и проблемы, с которыми Белоруссия и Азербайджан могут столкнуться, развивая взаимоотношения между собой. Целью данной работы является определение значимости различных направлений белорусско-азербайджанского сотрудничества, а также их оценка для достижения результатов в решении конкретных задач, стоящих перед белорусской и азербайджанской властями. Достижение поставленных целей возможно через использование методов анализа и синтеза. Изучение конкретных направлений двустороннего сотрудничества — энергетического, военного, экономического, политического и других — позволяет понять важность каждого из них в отдельности. А рассмотрение проблемы в комплексе на основе проанализированного материала позволит выявить причины тех или иных политических решений и действий. В части выводов можно резюмировать, что в основе интереса к сотрудничеству с Белоруссией у Азербайджана лежит экономическая и военная составляющая. Так, Белоруссия помогла Азербайджану наладить лицензионную сборку гражданской техники, а также поставляет военную технику, в том числе и самую современную, которой республика обладает.

Интерес Белоруссии к Азербайджану обусловлен, в первую очередь, энергетической и идеологической составляющими сотрудничества, которые жестко взаимосвязаны. С помощью азербайджанских энергоносителей Минск пытался показать Москве, что способен найти замену российской нефти. Кроме того, Белоруссия смогла получить у Азербайджана кредит для погашения долга перед Россией. Это дало повод белорусскому президенту ставить отношения с Азербайджаном выше, чем с более близкими союзниками по Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), что вызвало недоверие к Белоруссии со стороны некоторых членов Организации.

Ключевые слова: Белоруссия, Азербайджан, торгово-экономические отношения, РСЗО «Полонез», нефть, А. Лукашенко, Г. Алиев, И. Алиев

© Гронский А.Д., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Гронский А.Д. Отношения Белоруссии с Азербайджаном (2005—2018 гг.): между экономикой и поиском политической опоры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 439—449. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-439-449

Abstract. Belarusian-Azerbaijani relations are characterized by quite gradual development. Initially both republics were not seriously interested in each other. As a result, diplomatic relations were not immediately established. This state of practical affairs determined the lack of research interest in the Belarusian-Azerbaijani dialog. Nevertheless, from time to time the Belarusian-Azerbaijani relations influence the economic confrontation between Belarus and Russia. Therefore, the study of this issue becomes relevant, as it helps identifying the real state of cooperation, prospects for its development and problems that Belarus and Azerbaijan may face while developing bilateral relations.

The key research focus is on studying different areas of Belarusian-Azerbaijani cooperation and on analyzing the way how the practical results of this area cooperation contribute to solving specific problems faced by the Belarusian and Azerbaijani authorities.

Analysis and synthesis are the main methods used for achieving the research goals. The study of specific areas of bilateral cooperation — energy, military, economic, political and others will make it possible to understand the crucial importance of each of the areas. Consideration of the problem as a whole on the basis of the analyzed material will allow finding out the reasons of the specific political decisions and actions.

As a conclusion, the author assumes that Azerbaijan's interest in cooperation with Belarus is mostly based on economic and military considerations. Belarus has helped Azerbaijan in establishing a licensed assembly of civilian equipment, and also sells it military equipment, including the most modern, which the Republic possesses.

In its turn, Belarus' interest in Azerbaijan primarily lies on energy and ideological components, which are tightly interlinked. With Azerbaijani energy carriers, Minsk tried to demonstrate to Moscow that the option of replacement for Russian oil was real. In addition, Belarus could get a loan from Azerbaijan to repay its debt to Russia. This gave the Belarusian President a reason to put relations with Azerbaijan higher than with closer allies in the Collective Security Treaty Organization, which caused distrust of Belarus on the part of some of its members.

Key words: Belarus, Azerbaijan, trade-economic relations, MLRS “Polonaise”, oil, A. Lukashenko, H. Aliyev, I. Aliyev

For citations: Gronsky, A.D. (2019). Belarus — Azerbaijan Relations (2005—2018): between Economy and Search for Political Support. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 439—449. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-439-449

После распада СССР Белоруссия не имела серьезных интересов в Азербайджане. Даже дипломатические отношения с Баку были установлены лишь в июне 1993 г. Белорусско-азербайджанские встречи президентов происходили во время международных и региональных форумов [Гасанов 2013: 775]. В августе 2001 г. состоялся первый визит белорусской правительственной делегации во главе с премьер-министром в Азербайджан¹.

Несмотря на то, что на первый взгляд Белоруссия и Азербайджан кажутся странами, достаточно далекими друг от друга, у них есть общие черты. Это и их отдаленность «от демократических норм, принятых в Европе» [Токарев, Бороденко 2018: 32], и законодательно оформленная возможность действующему президенту выдвигать свою кандидатуру неограниченное количество [Кузнецова 2010: 158], и умелое балансиро-

вание между Россией и ЕС [Скриба 2014: 96], и многовекторность [Кукушкин 2015: 159], и большое количество убыточных предприятий [Баринцов 2008: 59].

Политологи не слишком пристально следят за развитием белорусско-азербайджанских отношений, поэтому исследований по проблеме не так много. В частности, Б.А. Ганбаров, анализируя научные тексты, посвященные проблеме, упоминает лишь монографию Ф.И. Юсубова [2010], посвященную экономическим связям Белоруссии и Азербайджана, а также говорит о фрагментарном упоминании данной проблематики в ряде российских, белорусских и азербайджанских статей [Ганбаров 2014: 8—14]. Монография самого Б.А. Ганбарова «Республика Беларусь во внешней политике Азербайджанской Республики в 2001—2012 гг.» в основном описывает официальные версии белорусско-азербайджанских отношений, основываясь на официальных документах. В монографии не указаны все мотивы белорусско-азербайджанского сближения. Например, стремление Белоруссии использовать Азербайджан как внешнюю силу в экономических спорах с Россией для

¹ Двусторонние отношения // Посольство Азербайджанской Республики в Республике Беларусь. URL: <http://minsk.mfa.gov.az/content/3> (дата обращения: 27.12.2018).

диверсификации поставок российских нефти и газа. Также монография не указывает, что попытки Минска получать энергоносители из Баку оказались экономически невыгодны. Возможно, белорусское направление поставок энергоносителей для Азербайджана актуально лишь на словах, а не на деле. Косвенно это подтверждается тем, что в диссертации С.С. Гамидова, посвященной энергетической составляющей внешней политики Азербайджана, вообще нет упоминания каких-то белорусско-азербайджанских контактов в этой сфере [Гамидов 2015]. Тем не менее, такое игнорирование белорусско-азербайджанских отношений не слишком понятно, поскольку в них содержатся не только экономические интересы, но и политические расчеты, а также присутствует идеологическая составляющая.

С 2004 г. начинается интенсификация контактов Белоруссии с закавказскими республиками, что «можно считать результатом первого серьезного „энергетического кризиса“ в отношениях с Россией» [Беларусь... 2014: 21]. В 2005 г. на обсуждение азербайджанского парламента вынесен проект Соглашения «О сотрудничестве между правительством Азербайджанской Республики и правительством Республики Беларусь в военной и военно-технической сфере»². Сотрудничество Минска и Баку приобретало системный характер, поэтому встал вопрос о назначении в Минск азербайджанского посла. В 2006 г. состоялось взаимное открытие посольств³. До этого Азербайджан имел посла на Украине и в Белоруссии (по совместительству)⁴. Примерно с 2006 г. Белоруссия «заняла одно из приоритетных мест во внешней политике Азербайджана», отношения между странами стали носить стратегический

характер, что во многом было обусловлено доверительными отношениями и, возможно, личной дружбой двух лидеров [Ганбаров 2014: 5].

Такой взаимный интерес Минска к Баку объясняется несколькими факторами. Во-первых, Азербайджан, имея проблему Нагорного Карабаха, постоянно нуждается в вооружениях, которые Белоруссия могла предоставить из старых советских запасов. Во-вторых, с помощью Баку белорусские власти хотели решить проблему энергоносителей. Поставки дешевых энергоносителей из России порождали частые конфликты из-за проблем с их оплатой, что сопровождалось выяснением российско-белорусских отношений. Азербайджанская нефть могла диверсифицировать поставки и лишить Россию монопольного положения на рынке поставок энергоносителей в Белоруссию. В 2006 г. занимавший тогда пост заместителя премьер-министра Белоруссии А. Кобяков заявил, что белорусское правительство будет изучать «возможность организации поставок нефти и нефтепродуктов из Азербайджана» и оценил эти планы как «очень большую, серьезную реальность»⁵. Белорусский посол в Баку Н. Пацкевич также указал, что «вопрос закупки нефти у Азербайджана может быть предметом для серьезных обсуждений», а объем поставок будет зависеть «от предложений азербайджанской стороны»⁶. Интересно, что вслед за этими рассуждениями из Баку пришел сигнал, что Азербайджан вскоре может сократить или вообще отказаться от поставок нефти через территорию России⁷. Поставки в Белоруссию планировались через Украину, что было поддержано ее президентом В. Ющенко [Ганбаров 2014: 23]. О разви-

² Парламент Азербайджана обсудит сотрудничество с Белоруссией // ИА REGNUM. 01.02.2005. URL: <https://regnum.ru/news/399338.html> (дата обращения: 27.12.2018).

³ Двусторонние отношения // Посольство Азербайджанской Республики в Республике Беларусь. URL: <http://minsk.mfa.gov.az/content/3> (дата обращения: 27.12.2018).

⁴ Лукашенко встретится с послом Азербайджана // Навіны.by. Белорусские новости. 13.04.2006. URL: https://naviny.by/rubrics/politic/2006/04/13/ic_news_112_232531 (дата обращения: 27.12.2018).

⁵ Беларусь изучит возможность организации поставок нефти из Азербайджана // Навіны.by. Белорусские новости. 16.05.2006. URL: https://naviny.by/rubrics/economic/2006/05/16/ic_news_113_231227 (дата обращения: 27.12.2018).

⁶ Беларусь может начать импорт азербайджанской нефти // Trend News Agency. 08.11.2006. URL: <https://www.trend.az/business/energy/795593.html> (дата обращения: 27.12.2018).

⁷ Азербайджан намерен отказаться от транзита нефти через Россию // Навіны.by. Белорусские новости. 04.12.2006. URL: https://naviny.by/rubrics/abroad/2006/12/04/ic_news_118_263204 (дата обращения: 27.12.2018).

тии сотрудничества в нефтяной сфере стороны говорили и позже. Так, в 2008 г. посол Азербайджана в Белоруссии А. Нагиев напомнил, что президенты двух стран подписали документ, предусматривающий участие Белоруссии в добыче азербайджанской нефти, а также транспортировке ее через белорусскую территорию⁸. А в 2009 г. о диверсификации поставок сырья снова вспомнил А. Лукашенко [Ганбаров 2014: 33, 36].

Помимо углеводородов Минск и Баку нашли еще одну сферу взаимных интересов — лицензионное производство техники. Так, с 2007 г. на базе Гянджинского автозавода открылось сборочное производство тракторов «Белорус», после чего стороны задумались о сборке автобусов «МАЗ»⁹. Нужно помнить, что помимо белорусской техники на заводе собирают российские «Урал»¹⁰ и «КамАЗ»¹¹ и чешские «Tatra»¹². Поэтому сотрудничество с белорусскими производителями техники не стоит считать иллюстрацией особых отношений Минска и Баку. Тем не менее, в 2008 г. белорусский президент А. Лукашенко отмечал, что «в Азербайджане созданы сборочные производства тракторов, грузовых автомобилей, оптических приборов. Организуется совместный выпуск лифтов, подъемных автокранов, солнечных батарей и другой продукции белорусских марок»¹³.

⁸ См.: Страны бывшего СССР сближает нефть // *Neftgaz.RU*. 28.05.2008. URL: <https://neftgaz.ru/news/view/79402-Strany-byvshego-SSSR-sblizhaet-neft> (дата обращения: 27.12.2018).

⁹ Беларусь и Азербайджан развивают сотрудничество в нефтехимической сфере // *Навіны.by*. Белорусские новости. 26.05.2008. URL: https://naviny.by/rubrics/economic/2008/05/26/ic_news_113_291117 (дата обращения: 27.12.2018).

¹⁰ В Азербайджане будут собирать новые автомобили // *Trend News Agency*. 11.03.2016. URL: <https://www.trend.az/business/economy/2505693.html> (дата обращения: 27.12.2018).

¹¹ Азербайджан начал сборку КАМАЗов (ФОТО) // *Trend News Agency*. 14.04.2015. URL: <https://www.trend.az/business/economy/2383505.html> (дата обращения: 27.12.2018).

¹² Азербайджан будет выпускать грузовики Tatra // *Trend News Agency*. 18.12.2017. URL: <https://www.trend.az/business/economy/2837217.html> (дата обращения: 27.12.2018).

¹³ Беларусь выстраивает хорошие отношения с Азербайджаном, заявил Лукашенко // *Навіны.by*. Белорусские новости. 14.11.2008. URL: https://naviny.by/rubrics/politic/2008/11/14/ic_news_112_301546 (дата обращения: 27.12.2018).

Постсоветская Белоруссия также известна своим производством для космической сферы. Белоруссия даже имеет собственные космические спутники. Белорусскими космическими наработками заинтересовался и Азербайджан¹⁴. Однако «процесс формирования общего экономического пространства Беларусь — Азербайджан столкнулся с рядом объективных проблем». В первую очередь, с «искусственным разрывом сформировавшихся в советское время хозяйственных связей» [Юсубов 2010: 27]. По утверждению белорусских дипломатов, товарооборот между Белоруссией и Азербайджаном с 2005 по 2010 г. вырос практически в 8 раз, а Белоруссия закрепились в десятке ведущих экспортеров в Азербайджан [Мировой кризис... 2010: 8].

Помимо экономического взаимодействия постоянно актуализировалось и военное сотрудничество. В июле 2006 г. в Минск прибыли представители Министерства оборонной промышленности Азербайджана, а менее чем через год «были намечены планы сотрудничества» [Ниязов 2012: 13]. Причем иногда его актуализация происходила на фоне усиления жесткой риторики азербайджанской стороны по поводу карабахского конфликта. Так, в конце ноября 2007 г. министр обороны Азербайджана С. Абиев заявил: «Пока остается оккупированная территория Азербайджана со стороны Армении, вероятность войны почти стопроцентная»¹⁵. А в первой половине декабря того же года Азербайджан уже обсуждал

¹⁴ См.: Азербайджан предлагает Беларуси участвовать в своей космической программе // *Навіны.by*. Белорусские новости. 20.03.2008. URL: https://naviny.by/rubrics/society/2008/03/20/ic_news_116_287858 (дата обращения: 27.12.2018); Азербайджан проявляет «интерес к белорусской космической информации» // *Навіны.by*. Белорусские новости. 28.09.2012. URL: https://naviny.by/rubrics/society/2012/09/28/ic_news_116_402568 (дата обращения: 27.12.2018); Азербайджан интересуется опытом Беларуси по созданию технологий в космической сфере // *Навіны.by*. Белорусские новости. 24.04.2013. URL: https://naviny.by/rubrics/economic/2013/04/24/ic_news_113_415445 (дата обращения: 27.12.2018).

¹⁵ Глава Минобороны Азербайджана назвал вероятность войны с Арменией «почти 100-процентной» // *NEWSru.com*. 27.11.2007. URL: <https://www.newsru.com/world/27nov2007/azerwar100.html> (дата обращения: 27.12.2018).

с Минском вопросы военного сотрудничества¹⁶. Главы военных ведомств выразили удовлетворение состоянием военного сотрудничества между двумя странами и высказались за необходимость его дальнейшего поступательного развития¹⁷.

Интересно, что в том же 2007 г. Белоруссия поставила в Армению десять 122-миллиметровых буксируемых гаубиц Д-30. Причем ранее, по официальным данным, оружие в Армению не поставлялось, зато поставлялось в Азербайджан. Так, с 2005 по 2010 г. Баку получил от Минска (по официальным данным) 60 танков Т-72, 12 самоходных гаубиц 2С7 «Пион» 203 мм, 6 штурмовиков Су-25 и 30 122-миллиметровых буксируемых гаубиц Д-30 советского или российского производства¹⁸. Следует также отметить, что Белоруссия на международной арене постоянно дистанцировалась от конкретных заявлений по поводу принадлежности Нагорного Карабаха, воздерживаясь или не принимая участия в голосованиях в ООН [Гасанов 2013: 778].

Видимо, у некоторых членов ОДКБ возникло беспокойство по поводу того, что Минск продает оружие Баку. Наверное, поэтому в 2008 г. А. Лукашенко на встрече с министром обороны Азербайджана С. Абиевым пришлось сказать: «Хорошо, что мы выстраиваем наши отношения, несмотря ни на что. Мы дружим не против кого-то, не против кого-то выстраиваем отношения. Мы друзья, и этим все сказано. В данном направлении мы и будем действовать»¹⁹. Кроме того,

белорусский президент сказал, что «у Беларуси и Азербайджана нет закрытых тем для сотрудничества, в том числе это касается обороноспособности»²⁰. Интересно, что на официальном сайте белорусского президента эта цитата купирована. В ней не упоминается об обороноспособности²¹, видимо, чтобы лишний раз не раздражать партнеров по ОДКБ, особенно Армению, намеками на усиление азербайджанской армии за белорусский счет.

В 2010—2011 гг. Минск начал более активно сотрудничать с Баку по вопросам нефтяных поставок. Это происходило на фоне очередного ухудшения российско-белорусских отношений и демонстративных попыток Минска обойтись без российских энергоносителей. В альтернативных поставках был заинтересован и Азербайджан. Азербайджанский министр иностранных дел Э. Мамедьяров заявил: «Для нас белорусский рынок энергоносителей очень интересен... Но этот вопрос в первую очередь необходимо еще рассматривать и с точки зрения коммерции. Коммерческая составляющая была очень важной в сотрудничестве в области сборки тракторов, комбайнов и автобусов. Коммерческие вопросы в энергетической составляющей двусторонних отношений также являются очень важными»²². Это заявление можно рассматривать как намек на то, что в отличие от России Азербайджан нефть по льготным ценам поставлять не намерен.

В середине 2010 г. между Россией и Белоруссией разгорелся очередной энергетический

¹⁶ В Баку обсуждаются вопросы белорусско-азербайджанского военного сотрудничества // *Навіны.by*. Белорусские новости. 18.12.2007. URL: https://naviny.by/rubrics/politic/2007/12/18/ic_news_112_282502 (дата обращения: 27.12.2018).

¹⁷ Беларусь и Азербайджан подписали план военного сотрудничества // *Навіны.by*. Белорусские новости. 13.11.2008. URL: https://naviny.by/rubrics/society/2008/11/13/ic_news_116_301497 (дата обращения: 27.12.2018).

¹⁸ См.: В прошлом году Беларусь продавала оружие в Азербайджан, Россию, Сирию и Судан // *Навіны.by*. Белорусские новости. 24.07.2009. URL: https://naviny.by/rubrics/economic/2009/07/24/ic_news_113_315053 (дата обращения: 27.12.2018); В 2010 году Беларусь продавала обычные вооружения в Йемен, Судан, Нигерию, Уганду и Азербайджан // *Навіны.by*. Белорусские новости. 20.07.2011. URL: https://naviny.by/rubrics/society/2011/07/20/ic_news_116_372695 (дата обращения: 27.12.2018).

¹⁹ У Беларуси и Азербайджана нет закрытых тем для сотрудничества // Президент Республики Беларусь.

Официальный интернет-портал. 14.11.2008. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/u-belarusi-i-azerbajdzhana-net-zakrytyx-tem-dlja-sotrudnichestva-2869/ (дата обращения: 27.12.2018).

²⁰ Президент Беларуси принял министра обороны Азербайджана // АЗЕРТАДЖ-Азербайджанское Государственное Информационное Агентство. 14.11.2008. URL: <https://www.azertag.com/ru/xeber/695083> (дата обращения: 27.12.2018).

²¹ У Беларуси и Азербайджана нет закрытых тем для сотрудничества // Президент республики Беларусь. Официальный интернет-портал. 14.11.2008. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/u-belarusi-i-azerbajdzhana-net-zakrytyx-tem-dlja-sotrudnichestva-2869/ (дата обращения: 27.12.2018).

²² Сотрудничество по нефти с Беларусью Азербайджан будет рассматривать «с точки зрения коммерции» // *Навіны.by*. Белорусские новости. 04.06.2010. URL: https://naviny.by/rubrics/economic/2010/06/04/ic_news_113_332433 (дата обращения: 27.12.2018).

конфликт. Белоруссия не заплатила за поставленный российский газ, что привело к прекращению поставок. В ответ на это Белоруссия стала забирать газ, направляемый через ее территорию в Европу. Европа поддержала Москву, и Минск был вынужден вернуть долг, но денег для этого не оказалось. Тогда белорусский премьер-министр обратился к своему азербайджанскому коллеге с просьбой предоставить Белоруссии кредит в 200 млн долл. США на 12 дней²³. Кредит был выдан, конфликт с Россией — погашен.

Белоруссия во время этого конфликта начала демонстративно искать альтернативных поставщиков нефти. Ими оказались Венесуэла и Азербайджан. Однако венесуэльская нефть оказалась для Минска очень невыгодной. Поэтому ориентация на азербайджанскую нефть стала основной альтернативой поставкам из России. В ноябре 2010 г. А. Лукашенко на встрече с президентом Государственной нефтяной компании Азербайджана Р. Абдуллаевым заявил, что Белоруссия готова приобретать по своп-схемам азербайджанскую нефть и получать ее по нефтепроводу Одесса — Броды. Также А. Лукашенко заявил о заинтересованности в азербайджанском сжиженном газе, покупка которого, оказывается, «значительно выгоднее, чем покупать у „Газпрома“». Причем, говоря о выгодах от проекта, А. Лукашенко оговорился, что Белоруссия будет «стараться делать так в перспективе, как это лучше и удобнее для Азербайджана». Будет ли то, что выгоднее Баку, так же выгодно и Минску, белорусский президент не уточнил²⁴.

Венесуэльская и азербайджанская нефть должна была показать, что Белоруссия может заменить часть получаемых российских объемов нефти альтернативными поставками. Для Минска было «чисто психологически очень важно

²³ См.: Пресс-секретарь Президента Азербайджана Азер Гасымов прокомментировал факт обращения Беларуси по поводу кредита // Trend News Agency. 29.06.2010. URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/1712702.html> (дата обращения: 27.12.2018).

²⁴ 19 ноября Александр Лукашенко встретился с президентом Государственной нефтяной компании Азербайджана Ровнагом Абдуллаевым // Президент республики Беларусь. Официальный интернет-портал. 19.11.2010. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/19-nojabrja-aleksandr-lukashenko-vstretilsja-s-prezidentom-gosudarstvennoj-neftjanoj-kompanii-azerbajdzhana-5019/ (дата обращения: 27.12.2018).

иметь альтернативные возможности поставок», однако независимые экономисты не совсем согласились с победными реляциями белорусских чиновников об экономической выгоде азербайджанской или венесуэльской нефти, потому что «с экономической точки зрения российская нефть по-прежнему наиболее выгодна для Беларуси»²⁵.

Тем не менее, Минск продолжил закупать азербайджанскую нефть. Мотивом для этого была в том числе и идеология. Так, встречаясь с первым заместителем премьер-министра Азербайджана Я. Эюбовым, белорусский президент отметил: «Вы нам здорово помогли. Наша независимость и наш суверенитет, к сожалению, сегодня упираются в эти злосчастные энергоносители, сырье, материалы — у нас такая экономика. И вы подставили нам плечо, в прошлом году в том числе... Вы просто нас защитили и спасли нашу независимость и суверенитет, так же, как и Венесуэла». Далее он добавил, что «закрытых тем в наших отношениях нет. Чтобы мне ни говорили о наших отношениях с Азербайджаном, в том числе в ОДКБ, в других структурах, вы — та страна, которая в трудную минуту подставила нам свое плечо. Мы обязаны ответить вам добром» [Ниязов 2011: 104—105].

В июне 2011 г., по сообщению азербайджанских СМИ, премьер-министр Белоруссии М. Мясникович внезапно прибыл в Баку, хотя официальный визит был назначен на июль. Причин азербайджанские журналисты не указали, но написали, что «Беларусь, переживающая период не лучшего состояния экономики, стремится консолидировать все возможные ресурсы для выхода из сложившейся в первой половине года ситуации. Правительство этой страны рассматривает Азербайджан в качестве одного из возможных доноров для поддержки экстренных экономических мер». Белорусская сторона отказалась комментировать эту информацию, хотя ранее М. Мясникович совершал неафишируемые визиты²⁶. После этих визитов министр промышленности и энергетики Азербайджана Н. Алиев заявил:

²⁵ Левшина И. Нефть из Венесуэлы и Азербайджана успокаивает Минску нервы // Навіны.by. Белорусские новости. 26.02.2011. URL: https://naviny.by/tubrics/economic/2011/02/26/ic_articles_113_172623 (дата обращения: 27.12.2018).

²⁶ См.: Мясникович срочно вылетает в Азербайджан? // Сильные новости. 15.06.2011. URL: <https://gomel.today/rus/news/belarus/6488/> (дата обращения: 27.12.2018).

«Азербайджан заинтересован в создании совместных с Беларусью структур в нефтяной сфере», но «все будет зависеть от экономических интересов двух стран»²⁷. Также он добавил: «Мы готовы к возобновлению поставок. Нефть у нас есть в большом объеме, а выход на Беларусь, Балтику имеет огромное для нас значение, поэтому, как только все эти вопросы будут решены, поставки возобновятся, они будут более надежными и эффективными»²⁸. Однако, несмотря на желание Баку увеличить поставки нефти в Белоруссию, последняя заявила, что это не планируется, а актуальным является существующий объем²⁹.

Во второй половине 2011 г. поставки азербайджанской нефти в Белоруссию резко упали³⁰. Несмотря на экономическую неэффективность поставок азербайджанской и венесуэльской нефти, Белоруссия в 2012 г. не собиралась от них отказываться, так как А. Лукашенко требовал диверсифицировать поставки³¹, хотя оппозиционные белорусские эксперты утверждали, что закупки нефти у Азербайджана «не являются экономически оправданными, поскольку Россия предлагает

более низкие цены на сырую нефть» [Беларусь... 2014: 26].

Сотрудничество с Баку помогло Минску иллюстрировать Москве возможность получения кредитов и альтернативных поставок энергоносителей. В ноябре 2015 г. президент Азербайджана И. Алиев совершил визит в Минск. А. Лукашенко в беседе с ним часто делал отсылки к кредиту, предоставленному Азербайджаном Белоруссии в 2010 г., и снова поднял часто звучащую проблему отсутствия закрытых тем в официальных контактах Баку и Минска. Причем это прозвучало несколько раз на протяжении беседы и закончилось обещанием сделать для Азербайджана все, что Белоруссия сможет³².

Идя навстречу пожеланиям Азербайджана, Белоруссия порой попадала в проигрышные ситуации. Так, по просьбе Азербайджана, принимавшего в 2014 г. чемпионат Европы по художественной гимнастике, белорусская сборная отказалась от использования музыки Арама Хачатуряна. Полгода сборная выступала под «Танец с саблями», но после просьбы из Баку срочно поменяла музыку и программу. По мнению главного тренера команды, именно этим «обусловлены низкие места на этапе Кубка мира в Минске при выполнении упражнения с мячами и лентами»³³.

В 2016 г. Минск еще раз показал, что готов оказать Баку услугу, даже если это вызывало недовольство других стран, в первую очередь России. Поздно вечером 14 декабря 2016 г. в Минске был задержан блогер Александр Лапшин, имеющий российский, израильский и украинский паспорта. Его задержали по запросу Азербайджана, так как А. Лапшин несколько раз посещал Нагорный Карабах, не согласовывая посещение с официальным Баку, за что был включен в «черный список» азербайджанского МИД. В 2015 г. блогер посетил Азербайджан

²⁷ Азербайджан готов наращивать объемы поставок нефти в Беларусь // БелТА. Белорусское телеграфное агентство. 08.07.2011. URL: <https://www.belta.by/economics/view/azerbajdzhan-gotov-naraschivat-objemy-postavok-nefti-v-belarus-114923-2011> (дата обращения: 27.12.2018).

²⁸ Возобновления поставок азербайджанской нефти в Беларусь нужно ожидать в ближайшее время // БелТА. Белорусское телеграфное агентство. 08.07.2011. URL: <https://www.belta.by/economics/view/vozobnovlenija-postavok-azerbajdzhanskoj-nefti-v-belarus-nuzhno-ozhidat-v-blizhajshee-vremja-114954-2011/> (дата обращения: 27.12.2018).

²⁹ Беларусь не планирует увеличивать импорт нефти из Азербайджана // Навіны.by. Белорусские новости. 20.07.2011. URL: https://naviny.by/rubrics/economic/2011/07/20/ic_news_113_372739 (дата обращения: 27.12.2018).

³⁰ Импорт азербайджанской нефти в Беларусь снизился в четыре раза // AZE.az. 11.10.2011. URL: https://aze.az/news_import_azerbaydzhanskoj_n_67185.html (дата обращения: 27.12.2018); Белоруссия в августе-сентябре снизила импорт азербайджанской нефти // RosInvest.Com. 10.10.2011. URL: <http://rosinvest.com/novosti/863216> (дата обращения: 27.12.2018).

³¹ Беларусь не будет отказываться от поставок нефти из Азербайджана и Венесуэлы // Навіны.by. Белорусские новости. 10.01.2012. URL: https://naviny.by/rubrics/economic/2012/01/10/ic_news_113_384401 (дата обращения: 27.12.2018).

³² Официальный визит Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева // Президент Республики Беларусь. Официальный интернет-портал. 28.11.2015. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/ofitsialnyj-vizit-prezidenta-azerbajdzhanskoj-respubliki-ilxama-alieva-12617/ (дата обращения: 27.12.2018).

³³ Власов Д. Сборная Беларуси по художественной гимнастике по просьбе азербайджанцев отказалась от музыки армянского композитора Арама Хачатуряна // TUT.BY. 01.06.2004. URL: <http://news.tut.by/politics/401420.html> (дата обращения: 27.12.2018).

по украинскому паспорту³⁴. А. Лапшин приехал в Белоруссию, чтобы посетить БелАЗ, но был почти сразу же задержан. Проблему немедленно взяли под контроль внешнеполитические ведомства России и Израиля, также подключилась и армянская сторона. МИД Израиля попросил белорусскую сторону не экстрадировать А. Лапшина в Азербайджан³⁵. Российский МИД заявил, что «депортация российских граждан в третьи страны недопустима»³⁶. У Азербайджана с Россией и Израилем достаточно хорошо налажены экономические и политические связи, поэтому и Россия, и Израиль рассчитывали на то, что экстрадиции удастся избежать. Интересно, что израильская сторона сообщала об ухудшении условий содержания А. Лапшина в СИЗО и оказании на него давления³⁷, а российская заявила, что никаких жалоб на содержание у кого нет³⁸.

Белорусская Генеральная прокуратура вынесла решение об экстрадиции. Защита А. Лапшина подала апелляцию сначала в Минский городской, а потом и в Верховный Суд Белоруссии, но обе инстанции оставили решение Генеральной прокуратуры без изменений. Накануне заседания Верховного Суда А. Лукашенко заявил: «Мы должны передать его Азербайджану. Конечно, мы можем его вообще выпустить, но

³⁴ Известного блогера Лапшина задержали ночью в Минске // Sputnik Беларусь. 15.12.2016. URL: <https://sputnik.by/incidents/20161215/1026528318/izvestnogo-blogera-lapshina-zaderzhali-nochyu-v-minske.html> (дата обращения: 12.01.2019).

³⁵ МИД Израиля просит не экстрадировать в Азербайджан задержанного в Минске блогера Лапшина // Навіны.by. Белорусские новости. 19.12.2016. URL: <https://naviny.by/new/20161219/1482138601-mid-izrailya-prosit-ne-ekstradirivat-v-azerbaydzhan-zaderzhannogo-v-minske> (дата обращения: 12.01.2019).

³⁶ Российско-израильский блогер экстрадирован из Минска по запросу Баку // Вести.ru. 07.02.2017. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2852301&cid=8> (дата обращения: 12.01.2019).

³⁷ См.: Арестованный в Белоруссии блогер впервые увиделся с консулом Израиля // 9 канал. 12.01.2017. URL: <http://9tv.co.il/news/2017/01/12/237250.html> (дата обращения: 12.01.2019).

³⁸ См.: Россия — против экстрадиции в Азербайджан задержанного в Беларуси блогера Лапшина // Навіны.by. Белорусские новости. 17.01.2017. URL: <https://naviny.by/new/20170117/1484652835-rossiya-protiv-ekstradicii-v-azerbaydzhan-zaderzhannogo-v-belarusi-blogera> (дата обращения: 12.01.2019).

это будет неправильно»³⁹. Ряд юристов и жена А. Лапшина расценили такое заявление как «своего рода давление на суд»⁴⁰. Израильский и российский МИДы высказались против экстрадиции⁴¹.

Жена блогера обратилась в управление внутренних дел за предоставлением ее мужу дополнительной защиты⁴². Факт обращения подтвердили адвокат задержанного и сотрудники российского посольства⁴³. Оппозиционные эксперты предположили, что прошение даже не будет принято к рассмотрению⁴⁴. А позже правоохранители сообщили, что «белорусские компетентные органы такого ходатайства не получали»⁴⁵. Белорусская сторона торопилась с экстрадицией, она произошла через несколько часов после оглашения окончательного приговора⁴⁶, т. е. рассмотре-

³⁹ Лукашенко: Беларусь должна передать Лапшина Азербайджану // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=1W_PMzSqlOc (дата обращения: 12.01.2019).

⁴⁰ Беларусь выдала блогера Александра Лапшина Азербайджану // Deutsche Welle. 07.02.2017. URL: <https://www.dw.com/ru/беларусь-выдала-блогера-александра-лапшина-азербайджану/a-37446714> (дата обращения: 12.01.2019).

⁴¹ Блогера Лапшина экстрадируют в Азербайджан // Навіны.by. Белорусские новости. 20.01.2017. URL: <https://naviny.by/article/20170120/1484914789-blogera-lapshina-ekstradiruyut-v-azerbaydzhan> (дата обращения: 12.01.2019).

⁴² См.: Беларусь выдала блогера Александра Лапшина Азербайджану // Deutsche Welle. 07.02.2017. URL: <https://www.dw.com/ru/беларусь-выдала-блогера-александра-лапшина-азербайджану/a-37446714> (дата обращения: 12.01.2019).

⁴³ См.: Ночной полет блогера Лапшина: никто и не ожидал // Sputnik Беларусь. 07.02.2017. URL: <https://sputnik.by/society/20170207/1027344160/fakty-ob-ekstraditsii-lapshina.html> (дата обращения: 12.01.2019).

⁴⁴ См.: Беларусь выдала блогера Александра Лапшина Азербайджану // Deutsche Welle. 07.02.2017. URL: <https://www.dw.com/ru/беларусь-выдала-блогера-александра-лапшина-азербайджану/a-37446714> (дата обращения: 12.01.2019).

⁴⁵ Консул: посольство РФ о Лапшине уведомила израильская сторона // Sputnik Беларусь. 08.02.2017. URL: <https://sputnik.by/society/20170208/1027346076/konsul-posolstvo-rf-o-lapshine-uedomila-izrajskaya-storona.html> (дата обращения: 12.01.2019).

⁴⁶ См.: Посол: Москва настаивает на передаче Лапшина РФ или Израилю // Sputnik Беларусь. 08.02.2017. URL: <https://sputnik.by/politics/20170208/1027357693/posol-rossiya-i-dalshe-budet-borotsya-za-lapshina.html> (дата обращения: 12.01.2019).

ние прошения о дополнительной защите было проигнорировано. Вполне возможно, оно даже не успело дойти до инстанции. Российское посольство даже не было поставлено в известность⁴⁷. Для независимых белорусских юристов остались непонятными основания для экстрадиции⁴⁸, но белорусская Генпрокуратура посчитала иначе⁴⁹.

Уже после экстрадиции блогера российский посол А. Суриков упомянул и о том, что «в рамках СНГ подписано соглашение, по которому гражданин третьей страны, совершивший нарушение уголовного законодательства, должен возвращаться этой стране»⁵⁰. Использовала ли российская сторона отсылку к этому соглашению или нет в процессе борьбы за судьбу блогера, осталось неясным. Но очевидно, что Минск это соглашение проигнорировал. После экстрадиции блогера в Азербайджан армянские политики предложили исключить Белоруссию из ОДКБ [Поротников 2018: 33]. А. Лапшин был признан в Азербайджане виновным и приговорен к трем годам колонии. Однако через несколько месяцев после попытки самоубийства президент Азербайджана помиловал его, и блогер вылетел в Израиль.

По мнению российских публицистов, эта экстрадиция может иметь под собой «желание насолить немного Москве в контексте некоторой напряженности в двусторонних отношениях»⁵¹;

⁴⁷ См.: Фотофакт: блогер Лапшин уже доставлен в Азербайджан // Sputnik Беларусь. 07.02.2017. URL: <https://sputnik.by/society/20170207/1027343698/blogera-lapshina-dostavili-v-baku.html> (дата обращения: 12.01.2019).

⁴⁸ См.: Беларусь выдала блогера Александра Лапшина Азербайджану // Deutsche Welle. 07.02.2017. URL: <https://www.dw.com/ru/беларусь-выдала-блогера-александра-лапшина-азербайджану/a-37446714> (дата обращения: 12.01.2019).

⁴⁹ См.: Генпрокуратура РБ: ни РФ, ни Израиль не просили выдачи Лапшина // Sputnik Беларусь. 08.02.2017. URL: <https://sputnik.by/society/20170208/1027358833/genprokuratura-belarusi-prokommentirovala-situatsiyu-s-lapshinym.html> (дата обращения: 12.01.2019).

⁵⁰ Посол: Москва настаивает на передаче Лапшина РФ или Израилю // Sputnik Беларусь. 08.02.2017. URL: <https://sputnik.by/politics/20170208/1027357693/posol-rossiya-i-dalshe-budet-borotsya-za-lapshina.html> (дата обращения: 12.01.2019).

⁵¹ Князев С. Зачем Белоруссия выдала блогера Александра Лапшина Азербайджану? // KM.RU. 10.02.2017. URL: <http://www.km.ru/world/2017/02/10/otnosheniya-rossii-s-respublikami-byvshego-sssr/795498-prervannoe-puteshestvie-puer> (дата обращения: 12.01.2019).

такого же мнения придерживаются и белорусские оппозиционные эксперты, утверждая, что «решением о судьбе блогера Минск еще раз демонстрирует свою независимость от мнения Кремля, свою самостоятельность»⁵². «Выдачей Александра Лапшина Минск нанес еще один удар по российско-белорусским отношениям, а также поставил под вопрос свой статус страны-площадки для международных переговоров», — утверждают россияне⁵³.

В 2018 г. Азербайджан закупил 10 комплектов белорусских РСЗО «Полонез», который, по мнению белорусских экспертов, является или полностью белорусской, или белорусско-китайской разработкой. Но по мнению россиян, «Полонез» представляет собой лицензионную копию китайской РСЗО (подробнее см.: [Гронский 2018]). Когда стало известно о желании Баку закупить «Полонезы», российский эксперт указал: «Если Минск продаст „Полонезы“ Баку, то он станет игроком, который в карабахском конфликте займет сторону Азербайджана»⁵⁴. А России придется продавать свои РСЗО в Армению, чтобы уравновесить военные потенциалы двух закавказских государств. Ряд экспертов считали, что «Полонезы» Азербайджан не получит, поскольку А. Лукашенко заявлял о продаже лишь оборонительного оружия, а «Полонез» — оружие наступательное⁵⁵. А Л. Нерсисян заявил, что поставка Азербайджану белорусских «Полонезов» и рос-

⁵² «С Баку сейчас Лукашенко дружить выгодно, а отношения с Россией давно уже веселые»: статья BBC о ситуации с блогером Лапшиным // NovostiNK.ru. 22.01.2017. URL: <http://novostink.ru/armenia/188361-s-baku-seychas-lukashenko-druzhit-vygodno-a-otnosheniya-s-rossiyey-davno-uzhe-veselye-statya-vvs-o-situacii-s-blogerom-lapshinym.html> (дата обращения: 12.01.2019).

⁵³ Мирзаян Г. Лапшин сдан // Sputnik Беларусь. 08.02.2017. URL: <https://sputnik.by/columnists/20170208/1027351477/ehkstradirovannyj-iz-minska-v-baku-blogger-lapshin.html> (дата обращения: 12.01.2019).

⁵⁴ См.: Станцует ли Азербайджан «Полонез»: Баку нацелился на белорусское оружие // Sputnik Армения. 13.10.2017. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/world/20171013/9045147/stancuet-li-azerbajdzhan-polonez-baku-nacelilsya-na-belorusskoe-vooruzhenie.html> (дата обращения: 15.01.2019).

⁵⁵ См.: Тиханский: вряд ли Беларусь будет поставлять Азербайджану «Полонезы» // Sputnik Армения. 09.10.2017. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/radio/20171009/8985200/tihanskij-vryad-li-belarus-budet-postavlyat-azerbajdzhanu-polonezy.html> (дата обращения: 15.01.2019).

сийских «Смерчей» «является угрозой для гражданского населения Армении и Нагорно-Карабахской Республики»⁵⁶.

В целом отношения Белоруссии с Азербайджаном являются наиболее тесными по сравнению с отношениями с другими закавказскими республиками. Причиной этому служат экономические интересы — продажа в Азербайджан оружия, налаживание лицензионной сборки белорусской техники и т. д. Кроме того, А. Лукашенко видит в Азербайджане определенную опору в случае очередного конфликта с Россией. Баку помог Минску справиться с некоторыми долгами перед Россией, выдав краткосрочный кредит. Также Баку помог продемонстрировать белорусские возможности по быстрому поиску замены российской нефти.

⁵⁶ Нерсисян Л. Белоруссия продолжает разрушать ОДКБ — Азербайджан получил РСЗО «Полонез» // ИА REGNUM. 12.06.2018. URL: <https://regnum.ru/news/2430043.html> (дата обращения: 15.01.2019).

Тем не менее, Азербайджан рассматривает Белоруссию как торгового партнера, с которым можно иметь дело только при условии получения выгоды, поэтому вряд ли станет поддерживать возможные демарши Минска против Москвы. Баку сотрудничает с Минском потому, что это выгодно. Минск с Баку — потому, что помимо экономической выгоды считает нужным иметь дополнительную экономическую и финансовую опору для свободы маневра в случае обострения экономических отношений с Россией. Отчасти отношения Белоруссии с Азербайджаном более близки и доверительны, чем с Россией как частью Союзного государства. Однако при самых тесных отношениях и доверительных контактах между лидерами Белоруссии и Азербайджана Минск не сможет полноценно заменить российские энергоносители ни азербайджанскими, ни какими-либо другими, поскольку предложения Кремля — самые выгодные из тех, которые могут быть получены. Да и Москва, в отличие от многих, не рассматривает отношения с Минском лишь через призму экономической выгоды.

Поступила в редакцию / Received: 11.02.2019

Принята к публикации / Accepted: 18.05.2019

Библиографический список

- Баринов А.Э.* Экономические, правовые и политические факторы, сопутствующие реализации инвестиционных нефтегазовых проектов некоторых стран постсоветского пространства // *Финансы и кредит*. 2008. № 3. С. 54—70.
- Беларусь у рэгіёне краін Усходняга партнёрства (1992—2012). Мінск: Інстытут палітычных даследаванняў «Палітычная сфера»: Цэнтар еўрапейскіх трансфармацый, 2014.
- Гамидов С.С. оглы.* Внешняя политика современного Азербайджана: энергетическая составляющая: дис. ... канд. политических наук. Астрахань, 2015.
- Ганбаров Б.А.* Республика Беларусь во внешней политике Азербайджанской Республики в 2001—2012 гг. 2-е изд. Минск: Право и экономика, 2014.
- Гасанов А.* Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана (2-е изд., доп.). Баку: «Zərdabi LTD» MMC, 2013.
- Гронский А.Д.* Военно-техническое сотрудничество Белоруссии и Китая в ракетной области // *Россия и новые государства Евразии*. 2018. № 3. С. 135—146. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-3-135-146
- Кузнецова О.А.* Технологии сохранения власти постсоветских политических элит // *Теория и практика общественного развития*. 2010. № 3. С. 156—159.
- Кукушкин Д.С.* Развитие проекта «Восточное партнерство» на постсоветском пространстве // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015. № 3-2. С. 157—160.
- Мировой кризис — это шанс для дальнейшего развития взаимовыгодного социально-экономического сотрудничества // *Экспорт & Инвестиции*. Минск: Восток-проект, 2010. С. 8—9.
- Ниязов Н.С.* Взаимоотношения Азербайджана и ОДКБ 1994—2011 гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2011. № 4. С. 98—106.
- Ниязов Н.С.* Нагорно-Карабахский конфликт между Арменией и Азербайджаном и развитие военно-промышленного комплекса Азербайджана // *Кавказ и глобализация*. 2012. Т. 6. Вып. 2. С. 7—23.
- Поротников А.* Национальная оборона: технические достижения, политические провалы // *Белорусский ежегодник*. 2018. С. 29—36.

- Скриба А.С. Вызовы и перспективы евразийской интеграции после украинского кризиса // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 3. Т. 9. С. 96—111.
- Токарев А.А., Бороденко М.М. Экономика Восточного партнерства: прощание с иллюзиями // Россия и АТР. 2018. № 1. С. 29—50.
- Юсубов Ф.И. Развитие экономического сотрудничества между Республикой Беларусь и Азербайджаном. Минск: Право и экономика, 2010.

References

- Barinov, A.E. (2008). Economic, Legal and Political Factors Accompanying the Implementation of Investment Oil and Gas Projects in Some Countries of the Post-Soviet Space. *Finance and Credit*, 3, 54—70. (In Russian).
- Belarus in the Eastern Partnership Region (1992—2012)*. (2014). Minsk: Institute of political studies “Political sphere”: Center of European transformations publ. (In Belorussian).
- Gamidov, S.S. (2015). *Foreign Policy of Modern Azerbaijan: Energy Component* [dissertation]. Astrakhan. (In Russian).
- Ganbarov, B.A. (2014). *The Republic of Belarus in the Foreign Policy of the Republic of Azerbaijan in 2001—2012*. 2nd ed. Minsk: Pravo i ekonomika publ. (In Russian).
- Gasanov, A. (2013). *Modern International Relations and Foreign Policy of Azerbaijan*. 2nd ed. Baku: “Zerdabi LTD” MMC publ. (In Russian).
- Gronsky, A.D. (2018). Military-Technical Cooperation between Belarus and China in the Missile Field. *Russia and the new States of Eurasia*, 3, 135—146. (In Russian). DOI: 10.20542/2073-4786-2018-3-135-146
- Kukushkin, D.S. (2015). The Development of the Project “Eastern Partnership” in the Post-Soviet Space. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 3-2, 157—160. (In Russian).
- Kuznecova, O.A. (2010). Technology Maintain Power Post-Soviet Political Elites. *Theory and Practice of Social Development*, 3, 156—159. (In Russian).
- Niyazov, N.S. (2011). Relations between Azerbaijan and the CSTO 1994—2011. *Bulletin of Tomsk State University*, 4, 98—106. (In Russian).
- Niyazov, N.S. (2012). The Armenian-Azeri Nagorno-Karabakh Conflict and the Development of Azerbaijan’s Military-Industrial Complex. *The Caucasus & Globalization*, 6 (2), 7—23. (In Russian).
- Porotnikov, A. (2018). National Defense: Technical Achievements, Political Failures. *Belarusian Yearbook*, 29—36. (In Russian).
- Skriba, A.S. (2014). Challenges of Eurasian integration after the Ukrainian Crisis. *Organizations Research Journal*, 9 (3), 96—111. (In Russian).
- The World Crisis Is a Chance for Further Development of Mutually Beneficial Social and Economic cooperation. (2010). *Export & Investments*. Minsk: Vostok-project publ. P. 8—9. (In Russian).
- Tokarev, A.A. & Borodenko, M.M. (2018). Economy of Eastern Partnership: Farewell with Illusions. *Russia and Pacific*, 1, 29—50. (In Russian).
- Yusubov, F.I. (2010). *Development of Economic Cooperation between the Republic of Belarus and Azerbaijan*. Minsk: Pravo i ekonomika publ. (In Russian).

Сведения об авторе: Гронский Александр Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: agr1976@yandex.ru).

About the author: Gronsky Alexander Dmitrievich — PhD in History, Lecturer, Leading Researcher, Center for Post-Soviet Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: agr1976@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-450-462

Научная статья

Экономическая политика Индонезии и перспективы российско-индонезийского торгово-экономического сотрудничества

Д.М.Н. Сибарани

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Research article

Economic Policy in Indonesia and Prospects of Russian—Indonesian Trade and Economic Cooperation

D.M.N. Sibarani

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Статья посвящена современной экономической ситуации в Индонезии и перспективам российско-индонезийского экономического сотрудничества. Автор рассматривает экономическое развитие Индонезии с 1998 г. — после азиатского экономического кризиса, внутриэкономическую повестку и политику нынешнего президента страны Д. Видодо, а также историю и потенциал дальнейшего развития торгово-экономических отношений между Россией и Индонезией.

Актуальность выбранной темы определяется все более возрастающей ролью Индонезии в международной политике в XXI в. Это четвертая по численности населения страна после Китая, Индии и Соединенных Штатов. Ее экономика занимает 16-е место в мире и первое — в АСЕАН. Индонезия — член большой двадцатки. Эксперты прогнозируют, что к 2030 г. Индонезия войдет в пятерку самых крупных экономик мира. Для России развитие отношений с быстроразвивающимися странами Азии является важной составляющей ее внешней политики по диверсификации торговых партнеров и выходу на перспективные рынки развивающихся стран.

Основной целью статьи является исследование актуальных проблем, с которыми столкнулось правительство Индонезии при реализации новой экономической политики, для выявления перспективных направлений сотрудничества России с Индонезией в условиях экономических санкций со стороны Запада в отношении России и активизации российской внешней политики на Востоке. В статье выявляются потенциал этих отношений и выгоды для российской и индонезийской экономики. В процессе исследования автор использовал исторический метод, который позволил проанализировать развитие и состояние современной экономической ситуации в Индонезии и установить перспективы российско-индонезийских отношений. При рассмотрении внутриэкономической ситуации в Индонезии был применен метод сравнительного анализа, позволивший сформулировать выводы о достижениях экономической политики правительства Индонезии.

Автор выявляет перспективные направления дальнейшего развития российско-индонезийских торгово-экономических отношений с учетом нужд современной индонезийской экономической повестки дня.

Ключевые слова: Индонезия, Россия, экономический рост, ВВП, экспорт, импорт

Для цитирования: Сибарани Д.М.Н. Экономическая политика Индонезии и перспективы российско-индонезийского торгово-экономического сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 450—462. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-450-462

© Сибарани Д.М.Н., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the current economic situation in Indonesia and the prospects for Russian-Indonesian economic cooperation. The author covers the economic development of Indonesia since 1998 Asian economic crisis, the domestic economic agenda and the policy of new President D. Widodo, as well as the history and potential for the further development of trade and economic relations between Russia and Indonesia.

The relevance of the research is determined by the increasing role of Indonesia in international politics in the 21st century. Indonesia is the fourth largest country in terms of population, after China, India and the United States. Its economy is 16th in the world and first in ASEAN. It is a member of G20. It is expected that Indonesia will enter the top five largest world economies by 2030. For Russia, the development of relations with the rapidly developing Asian countries is an important element in of its foreign policy strategy of diversifying trading partners and entering the promising markets of developing countries.

The main purpose of the article is to analyze current challenges faced by the Indonesian government in implementing new economic policy, to identify promising areas of bilateral cooperation of Russia and Indonesia in the context of anti-Russian sanctions. The article points out the potential of these relations and the mutual benefits for the Russian and Indonesian economy. The author used mainly the historical method, which allows tracing the history of the development of the economic situation in Indonesia and the evolution of Russian-Indonesian relations. While analyzing Indonesia's domestic economic policy, the key research method has been a comparative analysis, which contributed to summarizing the achievements of Indonesian politics.

In conclusion, the author identifies promising areas for further development of Russian-Indonesian trade and economic relations taken into account modern Indonesian economic policy's need agenda.

Key words: Indonesia, Russia, economic growth, GDP, exports, imports

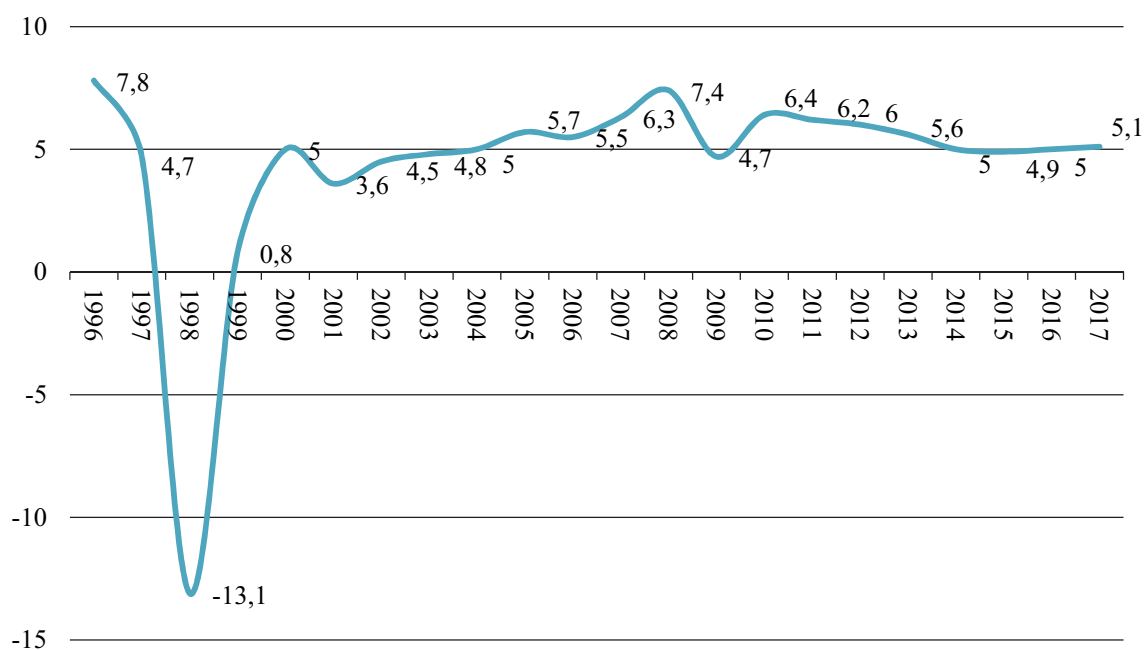
For citations: Sibarani, D.M.N. (2019). Economic Policy in Indonesia and Prospects of Russian—Indonesian Trade and Economic Cooperation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 450—462. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-450-462

Республика Индонезия и Российская Федерация имеют долгую историю сотрудничества, которая началась в 1950 г., когда между СССР и только что освободившейся от колониальной зависимости Индонезией были установлены дипломатические отношения. Сотрудничество между двумя странами развивалось, в частности, в экономической, социальной и культурной областях. «Золотой период» в двусторонних отношениях пришелся на 1950—1965 гг. и характеризовался высоким уровнем официальных контактов между лидерами двух стран. В 1956 г. в Москву с государственным визитом прибыл тогдашний президент Индонезии А. Сукарно, где встретился с Н.С. Хрущевым. Тогда же лидеры приняли решение развивать торгово-экономическое сотрудничество. В этом же году страны подписали торговое соглашение, согласно которому обязались предоставить друг другу режим наибольшего благоприятствования в торговле, а в 1960 г. было заключено Генеральное соглашение. Индонезии были предоставлены кредиты, помощь в строительстве крупных предприятий, а с конца 1950-х гг. до середины 1960 гг. СССР поставлял Индонезии оружие и военную технику. Тем не менее, после прихода к власти генерала Сухарто, который переориентировал внешнюю политику на тесные связи с западными странами, сотрудничество было практически заморожено.

Отношения вновь стали налаживаться в середине 1980-х гг., и в 1989 г. в СССР с визитом прибыл Сухарто. С этого момента сотрудничество между странами стало постепенно восстанавливаться. Большим импульсом к сотрудничеству стали события 1990-х гг., распад Советского Союза, возникновение новой международной системы, которая позволила странам найти новые направления для сотрудничества. Особое место здесь занимает схожесть внутренней экономической ситуации в странах в конце 1990-х гг., а также «разворот России на Восток», предпосылки которого сложились еще во время диверсификации внешней политики при Е.М. Примакове. На сегодняшний день российско-индонезийские отношения имеют статус стратегического партнерства, что выражается в развитии контактов в ключевых областях и поиске новых областей сотрудничества.

Внутриэкономическая ситуация в Индонезии

Индонезия является одной из сильных региональных держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе и лидером в АСЕАН. Индонезия широко рассматривается как будущий экономический гигант. В пользу этого говорит ее выгодное геостратегическое положение. Индонезия — самая густонаселенная мусульманская страна в мире,

Рис. 1. Темпы роста ВВП Индонезии в 1996—2017 гг. (%) /
Fig. 1. Indonesia's gross domestic product in 1996—2017 (%)

которая располагается в Юго-Восточной Азии между двумя континентами — Евразией и Австралией, а также между Тихим и Индийским океанами. Общая площадь страны составляет более 1,4 млн км². Кроме того, в состав государства входит более 17 тыс. островов, что означает большое количество портов и обширные водные ресурсы¹. Также богатая и плодородная почва Индонезии является подходящей для большинства видов сельскохозяйственных культур.

На протяжении XVIII—XIX вв. в стране выращивались на экспорт сахар, кофе, перец и табак, а в XX в. к этим культурам добавилось высокорентабельное экспортное производство нефти, каучука, копры, пальмового масла и волокон, а также стали, алюминия, цемента и текстиля [Touwen 2008].

В настоящее время Индонезия является 16-й по величине экономикой в мире и самой крупной среди стран АСЕАН. Кроме того, Индонезия, наряду с Китаем и Индией, названа одним из наиболее влиятельных государств, которые вышли из глобального экономического кризиса практи-

чески без потерь [Pangestu, Rahardja, Ing 2015: 255]. В результате стабильного экономического роста некоторые аналитики утверждают, что страна может стать пятой по величине экономикой в мире к 2030 г.² Тем не менее, несмотря на благоприятные прогнозы и стабильный рост в последние десятилетия, специалисты отмечают, что за благоприятной картиной скрывается риск экономической и финансовой нестабильности³. Таким образом, прогнозы относительно будущего Индонезии колеблются от благоприятных до негативных сценариев (рис. 1).

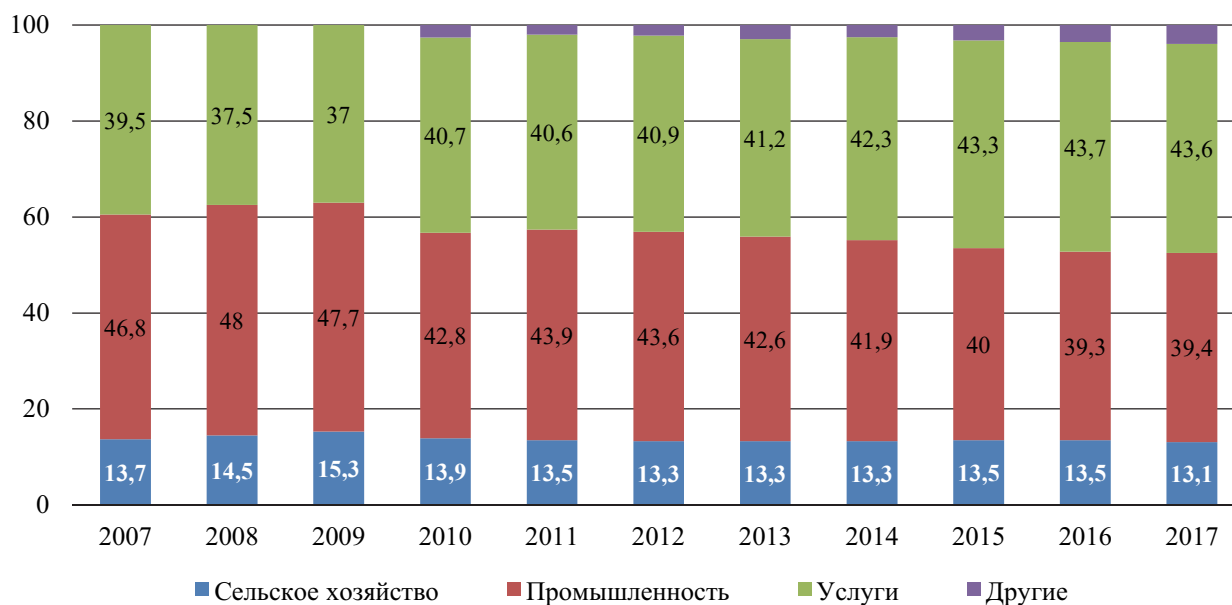
С 1970-х гг. рост цен на нефть на мировом рынке обеспечил Индонезии огромные доходы от экспорта нефти и газа, а также от экспорта древесины, целлюлозы и бумаги, для производства которых вырубались экологически ценные тропические леса, что благотворно сказалось

² См.: PwC Puts Indonesia on Its Fastest-Growing Economies List // Indonesia Investments. September 08, 2017. URL: <https://www.indonesia-investments.com/news/today-headlines/pwc-puts-indonesia-on-its-fastest-growing-economies-list/item8180?> (accessed: 20.11.2018).

³ См.: September 2018 Indonesia Economic Quarterly: Urbanization for All // World Bank. September 20, 2018. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/indonesia/publication/indonesia-economic-quarterly-september-2018> (accessed: 20.11.2018).

¹ См.: Indonesia // Food and Agriculture Organization of the United Nations. 2011. URL: http://www.fao.org/nr/water/aquastat/countries_regions/IDN/IDN-CP_eng.pdf (accessed: 20.11.2018).

Рис. 2. Структура ВВП Индонезии в 2007—2017 гг. по секторам (%) /
Fig. 2. Indonesia's share of economic sectors in the GDP in 2007—2017 (%)

на экономической политике, которая выражалась в либерализации, дерегулировании и быстром росте экспорта [Rock 2018: 167]. Финансовый кризис в 1997—1998 гг., когда экономический рост замедлился с 7,8 % в 1996 г. до 4,7 % в 1997 г. и — 13,1 % в 1998 г. (см. рис. 1)⁴, выявил ряд скрытых недостатков в экономике, таких как: слабая финансовая система (с отсутствием прозрачности), невыгодные инвестиции в недвижимость, недостаток правовой системы и растущая коррупция на всех уровнях [Voediono 2005: 319].

После азиатского финансового кризиса и ухода в 1998 г. Сухарто с поста президента страны правительство последовательно ставило приоритет небольшого, но стабильного экономического роста над более рискованными путями быстрого экономического подъема. Рост ВВП последние 20 лет ни разу не приблизился к докризисному уровню и амбициозным целям правительства в 7 %⁵. Тем не менее, товарный бум 2000-х гг.

обеспечил устойчивое экономическое развитие. Сейчас Индонезия пятый год подряд демонстрирует скромный стабильный рост примерно на 5 %, в сравнении с 6 % во время товарного бума, однако он не соответствует экономическим целям Индонезии. Анализ причин таких скромных показателей и поиск путей к более быстрому развитию экономики входит в число важнейших задач экономической повестки дня Индонезии.

Структура экономики Индонезии

Как и многие страны Юго-Восточной Азии, Индонезия переживала процесс индустриализации и урбанизации в течение последних 50 лет. За этот период доля производства в структуре ВВП увеличилась, а доля сельского хозяйства уменьшилась. Если посмотреть на структуру индонезийской экономики за последние 10 лет (рис. 2)⁶, то можно увидеть, что доля сельского хозяйства остается практически неизменной — примерно 13,5 %; доля производства уменьшилась

⁴ См.: Indonesia — Gross domestic product in constant prices growth rate // Knoema. 2018. URL: <https://knoema.com/atlas/Indonesia/Real-GDP-growth?origin=knoema.ru> (accessed: 20.11.2018).

⁵ См.: Singgih V., Siphatar T. Jokowi's growth goal for Indonesia elusive as GDP rises 5.3 % // The Jakarta Post. August 6, 2018. URL: <http://www.thejakartapost.com/news/>

2018/08/06/jokowis-growth-goal-for-indonesia-elusive-as-gdp-rises-53.html (accessed: 20.11.2018).

⁶ См.: Plecher H. Indonesia: Share of economic sectors in the gross domestic product // The Statistics Portal. June 17, 2019. URL: <https://www.statista.com/statistics/319236/share-of-economic-sectors-in-the-gdp-in-indonesia/> (accessed: 29.07.2019).

с 48 % в 2008 г. до 39,4 % в 2017 г.; продолжает увеличиваться сектор услуг, доля которого увеличилась до 43,6 % в 2017 г. Аналогичным образом доля населения, проживающего в городских районах, увеличилась с 17 % в начале 1970-х гг. до 55 % в 2017 г. и продолжает постепенно увеличиваться примерно на 1 % каждый год⁷.

Несмотря на индустриализацию за последние полвека, сельское хозяйство остается важной частью экономики Индонезии, на которую приходилось 13 % объема производства в 2017 г. Кроме того, почти половина населения Индонезии продолжает жить в сельских районах, и на сельскохозяйственные отрасли приходилось более 30 % занятости⁸, что значительно выше, чем в Малайзии, Филиппинах и Камбодже [Kurniawan, Managi 2018: 22]. В провинциях, где занятость сконцентрирована в сельскохозяйственном секторе, доходы значительно ниже, чем в крупных городских центрах, таких как Джакарта [Elias, Noone 2011: 36], что говорит о низкой производительности труда в некоторых частях сельскохозяйственного сектора Индонезии. За последние 50 лет выросла доля обрабатывающей промышленности в экономике страны. Тем не менее, значительная часть промышленности в структуре ВВП составляет производство продуктов питания, табака и текстиля. Индонезия также обладает крупным ресурсным сектором, в стране располагаются большие запасы нефти, газа, угля, олова, никеля, меди и серебра. Однако в последние годы правительство приняло решение о минимизации экспорта энергоресурсов и переориентации добычи на внутренние нужды. В 2016 г. на экспорт природных ресурсов приходилось не более 2,5 % ВВП⁹.

⁷ См.: Plecher H. Indonesia: Urbanization // The Statistics Portal. June 17, 2019. URL: <https://www.statista.com/statistics/455835/urbanization-in-indonesia/> (accessed: 29.07.2019).

⁸ См.: Indonesia — Employment in agriculture // Trading Economics. 2018. URL: <https://tradingeconomics.com/indonesia/employment-in-agriculture-percent-of-total-employment-wb-data.html> (accessed: 20.11.2018).

⁹ См.: Indonesia — Total natural resources rents (% of GDP) // Trading Economics. 2018. URL: <https://tradingeconomics.com/indonesia/total-natural-resources-rents-percent-of-gdp-wb-data.html> (accessed: 20.11.2018).

Внутриэкономическая политика Индонезии

В связи с тем что Индонезия столкнулась с замедлением экономического роста после 2010 г., улучшение показателей в этой области стало центральным элементом политики Д. Видодо, который занял президентский пост в 2014 г. В это время бюджетный дефицит быстро приближался к юридическому пределу. Поэтому Д. Видодо сначала предпринял шаги по сокращению расточительных субсидий на топливо, что остановило быстрый рост дефицита бюджета, а затем приступил к амбициозной программе роста экономики за счет развития крупной инфраструктуры, фискальной реформы и улучшения делового климата [Rajah 2018].

Центральным элементом экономической программы нового правительства стало финансирование строительства инфраструктуры [Ефимова 2016: 56]. Недостаточно развитая инфраструктура является наибольшим препятствием на пути экономического роста. Дороги, порты и аэропорты сильно перегружены, особенно заметен ограниченный доступ населения к электроэнергии и чистой воде [Ray, Ing 2016: 18—24]. Большие затраты на логистику негативно сказываются на экономике, особенно с учетом того, что Индонезия является государством-архипелагом, в связи с чем некоторые товары дешевле закупать в других странах, чем доставлять с соседнего острова. Для того чтобы решить проблему с инфраструктурой, правительство Д. Видодо увеличило бюджетные ассигнования и стало продвигать новые, а также ранее замороженные проекты. На 2018 г. из 247 национальных стратегических проектов 26 были завершены, а к 2019 г. будут завершены еще семь приоритетных проектов¹⁰. Кроме того, новая политика повлекла за собой увеличение инвестиций, в том числе и зарубежных, в инфраструктурные проекты. Критики Д. Видодо отмечают, что новая программа кардинально не изменила состояние

¹⁰ См.: Salna K. Indonesia Needs \$157 Billion for Infrastructure Plan // Bloomberg. 26.01.2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-01-25/indonesia-seeks-to-plug-157-billion-gap-in-nation-building-plan> (accessed: 20.11.2018).

инфраструктуры, а в новых проектах отдается предпочтение скорости, а не качеству¹¹. Тем не менее, продолжающийся экономический рост означает, что этого было достаточно, чтобы стабилизировать экономическую ситуацию в стране.

Для финансирования инфраструктурных проектов новая правительственная программа предполагала, во-первых, перенаправление бюджетных средств и, во-вторых, реформирование налогового законодательства [Resosudarmo, Abdurrohman 2018: 151, 158]. Наибольшим достижением политики Д. Видодо в этой области стало сокращение субсидий на топливо, что стало возможно отчасти благодаря снижению мировых цен на нефть. Это освободило значительные средства для инфраструктурных проектов. Однако в будущем будет сложнее найти дополнительные средства, в связи с чем перед правительством встанет вопрос о необходимости более эффективного планирования бюджетных трат. Если сокращение субсидий на топливо стало эффективной мерой экономии средств, то реформирование налогового законодательства дало спорные результаты. Первоначальная стратегия сбора налогов была контрпродуктивной и привела к дефициту доходов, однако государственная программа налоговой амнистии, направленная на выявление скрытых доходов, была более успешной. В целом реформа имеет потенциал для увеличения будущих налоговых сборов [Hamilton-Hart, Schulze 2016: 291].

Благодаря усилиям правительства Д. Видодо был достигнут прогресс в нескольких важных областях. В частности, реализован ряд крупных инфраструктурных проектов, а более эффективное бюджетирование привело к тому, что суверенный кредитный рейтинг Индонезии достиг инвестиционного уровня, благодаря чему в страну начали поступать иностранные капиталы. Кроме того, политика, направленная на сокращение бюрократии, облегчила деловой климат в стране. Тем не менее, несмотря на некоторые успехи нового правительства, общие государственные расходы на развитие — образование, здравоохранение и социальную помощь — остаются низкими и не превышают 5 % ВВП и могут быть в даль-

нейшем еще снижены [Pardede, Zahro 2017: 243], в то время как средняя развивающаяся экономика в Азии инвестирует более 14 % своего ВВП на развитие.

Международная торговля

За последние полвека Индонезия стала более интегрированной в глобальную экономику, при этом доля международной торговли в структуре ВВП составляет 20 %¹². В начале 1970-х гг. доля экспорта Индонезии быстро выросла благодаря росту цен на нефть, и экспорт нефти оставался важным источником доходов для экономики Индонезии до начала 1980-х гг. Падение мировых цен на нефть в начале 1980-х гг. привело к постепенному изменению экономической политики Индонезии. Правительство стремилось развивать не нефтяные источники экспортных поступлений [Nugroho 2001: 39].

Экспорт был двигателем экономического роста в Индонезии в 2000-е гг. В 1998 г. стоимость экспорта Индонезии составляла 50,5 млрд долл. США¹³. Однако, достигнув пика в 2011 г. — 235 млрд долл. США, он неуклонно снижался до 2016 г. из-за падения цен и сокращения глобального спроса на сырьевые товары на мировом рынке. В 2017 г. он вновь поднялся до 206,8 млрд долл. США, однако предварительные данные по 2018 г. показывают, что это был временный скачок, и в 2018 г. стоимость экспорта Индонезии не превысит 200 млрд долл. США¹⁴. Импорт Индонезии показывал примерно такую же динамику в 1998—2017 гг., как и экспорт. В 1998 г. стоимость импорта составляла 44 млрд долл. США, и эти показатели росли до 2012 г. — 212,8 млрд долл. США, однако с этого момента импорт также снижается, за исключением 2017 г., когда он составил 182,5 млрд долл. США (рис. 3)¹⁵.

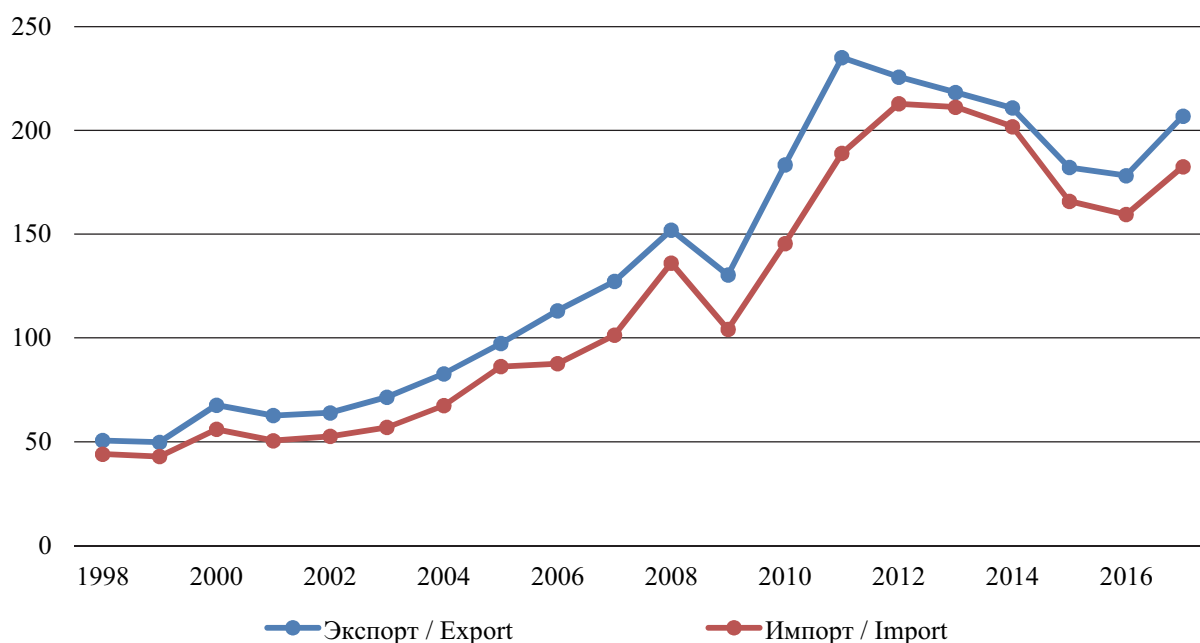
¹² См.: Indonesia: Exports, percent of GDP // TheGlobal Economy.com. 2018. URL: <https://www.theglobaleconomy.com/Indonesia/Exports/> (accessed: 20.11.2018).

¹³ Exports of goods and services // World Bank. 2018. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CD?end=2017&locations=ID&start=1998&view=chart> (accessed: 21.11.2018).

¹⁴ Indonesia Exports // Trading Economics. 2018. URL: <https://tradingeconomics.com/indonesia/exports> (accessed: 21.11.2018).

¹⁵ Imports of goods and services // World Bank. 2018. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BM.GSR.GNFS.CD?end=2017&locations=ID&start=1998&view=chart> (accessed: 21.11.2018).

¹¹ См.: Rakhmat M.Z. The Problem with Indonesia's Infrastructure Projects // The Diplomat. March 15, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/03/the-problem-with-indonesias-infrastructure-projects/> (accessed: 20.11.2018).

Рис. 3. Экспорт и импорт Индонезии в 1998—2017 гг. (млрд долл. США) /
Fig. 3. Indonesia exports and import in 1998—2017 (billion US dollars)

Таблица 1 / Table 1

**Топ-10 крупнейших торговых партнеров Индонезии в 2017 г. /
 Indonesia's TOP-10 trading partners in 2017**

Экспорт / Export			Импорт / Import		
Страны / Countries	Товарооборот (млрд долл. США) / Turnover, billions US dollars	% от экспорта Индонезии / % from Indonesia's export	Страны / Countries	Товарооборот (млрд долл. США) / Turnover, billions US dollars	% от импорта Индонезии / % from Indonesia's import
Китай / China	23	13,7	Китай / China	34,5	18,9
США / USA	17,8	10,6	Сингапур / Singapore	16,9	9,2
Япония / Japan	17,7	10,5	Япония / Japan	14,1	7,7
Индия / India	14,1	8,3	Малайзия / Malaysia	9	4,9
Сингапур / Singapore	12,8	7,6	Таиланд / Thailand	9	4,8
Малайзия / Malaysia	8,5	5	США / USA	8,2	4,4
Южная Корея / South Korea	8,2	4,8	Южная Корея / South Korea	7,8	4,2
Филиппины / Philippines	6,6	3,9	Австралия / Australia	7	3,8
Таиланд / Thailand	6,5	3,8	Индия / India	3,9	2,1
Нидерланды / Netherlands	4	1,9	Саудовская Аравия / Saudi Arabia	3,5	1,9

Источник / Source: составлено автором на основе данных Университета штата Мичиган. URL: <https://globaledge.msu.edu/countries/indonesia/tradestatst> (accessed: 14.11.2018).

Структура экспорта товаров из Индонезии претерпела некоторые изменения за последние 20 лет. С 1998 по 2006 г. основными группами товаров на экспорт были: энергоресурсы, текстиль, электроника, древесина, пластмассы и резина, металлы. В 2007 г. к ним добавились пальмовые, кокосовые и другие масла.

В 2016 г. основными экспортными товарами были: энергоресурсы (21 %), масла (13 %), электроника (12 %), текстиль (9 %), пластмассы и резина (5,3 %), металлы (4,7 %), транспорт (4,5 %), продукты химической промышленности (4,4 %), одежда (4,2 %), продукты питания (4,1 %), драгоценные металлы (3,9 %), бумага и картон (3,8 %), древесина (2,4 %) и т. д.¹⁶ Основными экспортными товарами являются пальмовое масло (13,9 млрд долл. США), уголь (13,6 млрд долл. США), газ (7,35 млрд долл. США), сырая нефть (5,04 млрд долл. США) и каучук (3,74 млрд долл. США)¹⁷.

Структура импорта за последние 20 лет практически не претерпела изменений. Основными группами импортируемых товаров в 2016 г. являются: электроника (27 %), энергоресурсы (14 %), продукты химической промышленности (10 %), продукты питания (9,7 %), металлы (9,5 %), транспорт (7,3 %), пластмассы и резина (6,3 %), текстиль (6,1 %), бумага (2,1 %), инструменты (2 %) и т.д. Основными импортными товарами являются: продукты нефтепереработки (9,6 млрд долл. США), сырая нефть (5,76 млрд долл. США), сотовые телефоны (3,54 млрд долл. США), запчасти для автомобилей (2,63 млрд долл. США), самолеты, вертолеты и космические аппараты (2,15 млрд долл. США)¹⁸.

Главными торговыми партнерами Индонезии в 2017 г. стали Китай, Япония, США, Индия, Малайзия, Южная Корея и Таиланд. В 2017 г. Россия заняла 26 место среди торговых партнеров Индонезии, товарооборот между странами достиг

2,8 млрд долл. США¹⁹, что составляет 0,7 % от экспорта и 1 % от импорта Индонезии (табл. 1).

Основной проблемой, мешающей развитию международной торговли Индонезии, остаются меры антиконкурентной рыночной защиты, которая является контрпродуктивной, фрагментирует внутренний рынок и ограничивает международную интеграцию, которая способствовала бы более быстрому экономическому росту, наблюдаемому во многих других азиатских странах [Pantunru, Rahardja 2015: 2].

Попытки правительства сделать экономику более открытой для международной торговли и инвестиций сталкиваются с оппозицией в пользу протекционизма, вмешательства государства и экономического национализма [Robison, Hadiz 2017: 900]. В то же время подобные настроения растут и в других странах, например, администрация Д. Трампа проводит агрессивную торговую политику, направленную на изменение существующих соглашений. Для Индонезии это создает определенные проблемы, так как на США, Китай и ЕС, которые сейчас вовлечены в торговые споры, приходится примерно треть экспорта Индонезии. Кроме того, инвесторы из развитых стран опасаются недостаточной защиты прав интеллектуальной собственности и сложных правил в отношении инвестиций и услуг, что понижает привлекательность экономики Индонезии для иностранных капиталов [Ефимова 2010: 210].

Российско-индонезийское торгово-экономическое сотрудничество

Новый этап в российско-индонезийских отношениях начался после распада СССР и изменения международной обстановки. Идеологический фактор перестал играть роль сдерживающей силы для развития сотрудничества между двумя странами, и с 1991 г. Россия и Индонезия взяли прагматический подход в качестве основы двусторонних взаимоотношений. Внутриэкономическая ситуация в Индонезии вначале 1990-х гг., когда особый упор правительства был сделан на создание благоприятных условий для повышения

¹⁶ См.: What does Indonesia export? (2016) // The Observatory of Economic Complexity. 2017. URL: https://atlas.media.mit.edu/en/visualize/tree_map/hs92/export/idn/all/show/2016/ (accessed: 21.11.2018).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ См.: Indonesia country profile // The Observatory of Economic Complexity. 2017. URL: <https://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/idn/> (accessed: 21.11.2018).

¹⁹ Indonesia: Trade Statistics // Michigan State University. 2018. URL: https://globaledege.msu.edu/countries/indonesia/tradestats#source_1 (accessed: 21.11.2018).

конкурентоспособности индонезийских товаров на мировом рынке и увеличении экспорта за рубеж, давала возможность России установить взаимовыгодные отношения с Индонезией.

Российско-индонезийское сотрудничество получило новый импульс во второй половине 90-х гг. XX в., когда министром иностранных дел РФ стал Е.М. Примаков, сделавший акцент во внешней политике на отношения с развивающимися странами, а затем в 1998 г., с отставкой президента Сухарто. Стоит отметить и схожесть экономической ситуации в странах в конце 1990-х гг. Азиатский экономический кризис 1997—1998 гг. сильно ударил по экономике Индонезии и стал одним из факторов, усугубивших экономический кризис 1998 г. в России.

Российско-индонезийское торгово-экономическое сотрудничество активизировалось в конце 1990-х — начале 2000-х гг. К этому времени все договоры, подписанные между Республикой Индонезия и Советским Союзом, утратили свою силу, и страны столкнулись с необходимостью наращивать нормативно-договорную базу экономических отношений [Другов 2009: 9]. В 1997 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между Торгово-промышленными палатами, в 1999 г. — Торговое соглашение и Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, а в 2002 г. — Соглашение об исключении двойного налогообложения и Межправительственное соглашение об учреждении российско-индонезийской Совместной комиссии по торгово-экономическому и техническому сотрудничеству [Сабон 2012: 46].

Россия и Индонезия вышли на новый уровень сотрудничества после подписания «Декларации об основах дружественных и партнерских отношений между Российской Федерацией и Республикой Индонезия в XXI веке» президентами В.В. Путиным и М. Сукарнопутри 21 апреля 2003 г. в Москве. Документ стал базой двусторонних отношений, на основе которого были заключены последующие соглашения. Декларация содержала важные разделы, посвященные экономическим отношениям. Лидеры договорились с учетом новых политических, экономических и социальных реалий в мире:

— оказывать содействие развитию экономических и торговых связей, создавая для этого благоприятные правовые, финансовые и экономические условия, а также поощряя прямое сотрудничество между государственными и него-

сударственными предприятиями, экономическими и финансовыми структурами;

— стимулировать создание совместных предприятий и инвестиционную деятельность, в частности в наиболее перспективных и выгодных для обоих государств сферах;

— способствовать деятельности Российско-Индонезийской совместной комиссии по торгово-экономическому и техническому сотрудничеству и продолжать совершенствовать механизм взаимодействия;

— поощрять развитие региональных и глобальных интеграционных процессов, в том числе в рамках экономических структур в АТР²⁰.

После подписания Декларации торгово-экономические отношения между Россией и Индонезией показали значительный рост. Особое значение здесь имеет создание Российско-Индонезийской совместной комиссии, которая стала эффективным инструментом сотрудничества в различных сферах, и увеличение частых встреч на разных уровнях.

Совершенствование нормативно-договорной базы сотрудничества дало быстрые результаты. В 2004 г. товарооборот между странами составил 462 млн долл. США, что на 63 % больше, чем в 2003 г. (283 млн долл. США). В 2005 г. он увеличился еще на 50 % до 695 млн долл. США. В 2006 г. рост замедлился, однако в 2007 г. вновь вырос на 48,9 %. Мировой финансовый кризис негативно сказался на торгово-экономических отношениях России и Индонезии, однако уже в 2010 г. товарооборот между странами вновь начал расти вплоть до своего пика в 2013 г., когда показатели выросли до 3,5 млрд долл. США (табл. 2). Западные экономические санкции против России сильно повлияли на российские внешнеэкономические отношения, экспорт в Индонезию в 2015 г. упал до отметки в 439 млн долл. США по сравнению с 1,95 млрд долл. США в 2013 г.²¹ Тем не менее, в 2016 г. товарооборот вновь стал медленно расти.

²⁰ См.: Декларация об основах дружественных и партнерских отношений между Российской Федерацией и Республикой Индонезией в XXI веке // Администрация президента РФ. 21.04.2003. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3789> (дата обращения: 21.11.2018).

²¹ См.: What does Russia export to Indonesia? // The Observatory of Economic Complexity. 2016. URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/rus/idn/show/2015/ (accessed: 21.11.2018).

Таблица 2 / Table 2

**Товарооборот между Россией и Индонезией в 1998—2017 гг. (млн долл. США) /
Russia—Indonesia trade turnover in 1998—2017 (million US dollars)**

1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
185,2	100,4	158,5	210,5	262	283	462	695	733	1092
2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
1559	1047	1878	2390	3110	3520	2720	1899	2734	2800

Источник / Source: составлено автором на основе данных The Observatory of Economic Complexity за 1998—2017 гг. URL: <https://oec.world/en/profile/country/idn/> (accessed: 19.11.2018).

В 2016 г. основными группами товаров, экспортируемыми в Индонезию, были продукты химической промышленности (в основном различные удобрения) — 26 %, металлы (железо, алюминий, ферросплавы, свинец, медь и т.д.) — 19 %, минеральные продукты (сырая и переработанная нефть, асбест и уголь) — 19 %, оружие и военная техника — 12 %, детали самолетов — 11 %, бумажная продукция — 5,5 %, продукты питания — 4 % и т. д.²² Индонезия в 2016 г. экспортировала в Россию: оборудование — 39 %, масла (пальмовое, кокосовое масло, маргарин и т. д.) — 29 %, продукты питания — 6,8 %, транспорт (корабли и детали машин) — 4,9 %, пластмассы и резину — 4,8 %, одежду — 4,4 %, текстиль — 3,9 % и т. д.²³

Большую роль в развитии двусторонних экономических отношений играют визиты на высоком уровне. В 2006 г. президент Индонезии С.Б. Юдойоно прибыл с государственным визитом в Москву [Другов 2007: 208], а через год, в 2007 г., Индонезию посетил В.В. Путин. В результате визитов был подписан ряд важных договоров в экономической сфере, в частности, Соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, Меморандум по вопросам сотрудничества в сфере туризма, Соглашение об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности, Соглашение между Торгово-промышленными палатами двух стран о сотрудничестве в области обмена деловой информацией, Соглашение о сотрудничестве в области рыбного хозяйства и Соглашение о поощрении и защите капиталовложений [Ефимова 2014: 77]. Визиты 2006—2007 гг. способствовали

расширению нормативно-правовой базы сотрудничества, что сказалось на развитии контактов между деловыми кругами двух стран. Для облегчения сотрудничества между бизнесменами в 2009 г. был создан Деловой совет Индонезия — Россия, целью которого является распространение информации об экономической ситуации в России и Индонезии и привлечение малых и средних компаний к сотрудничеству посредством проведения ежегодных бизнес форумов [Хохлова 2011: 58].

Следующим важным событием стал визит президента Индонезии Д. Видодо в Сочи в мае 2016 г. По итогам переговоров с российским лидером стороны приняли следующие решения:

- рассмотреть возможность создания зоны свободной торговли между Индонезией и Евразийским экономическим союзом;

- оценить потенциал совместной разработки угольных месторождений, а также совместного производства ферроникеля, диоксида марганца, глинозёма и т. д.;

- обсудить дальнейшее расширение сотрудничества в энергетической сфере²⁴.

На сегодняшний день в экономической сфере Россия является крупнейшим торговым партнером Индонезии в Центральной и Восточной Европе. В планах правительства России и Индонезии увеличить к 2020 г., к 70-летию установления дипломатических отношений, товарооборот до 5 млрд долл. США²⁵.

²⁴ Заявления для прессы по итогам российско-индонезийских переговоров // Администрация Президента РФ. 18.05.2016. URL: <http://kremlin.ru/catalog/countries/ID/events/51934> (дата обращения: 21.11.2018).

²⁵ См.: Объем торговли с Россией стремится к 2020 году увеличить Индонезия до \$5 млрд // Экономика Сегодня. 15.11.2018. URL: <https://rueconomics.ru/361268-obem-torgovli-s-rossiei-stremitsya-k-2020-godu-uvelichit-indoneziya-do-usd5-mlrd> (дата обращения: 21.11.2018).

²² См.: What does Russia export to Indonesia? // The Observatory of Economic Complexity. 2017. URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/rus/idn/show/2016/ (accessed: 21.11.2018).

²³ Ibid.

В целом торгово-экономическое отношение России и Индонезии имеет большой потенциал. Наиболее перспективными направлениями экономического сотрудничества могут стать следующие области:

Логистика и инфраструктура. В экономической политике правительство Д. Видодо сделало акцент на строительстве крупной инфраструктуры, необходимой для экономического роста Индонезии. В 2015 г. российская компания «РЖД» заключила контракт на строительство железной дороги на о. Калимантан, которая свяжет промышленный район острова с карьерами, где добывают полезные ископаемые²⁶. В целом, учитывая географию Индонезии, стоит также обратить внимание на проекты строительства портовой инфраструктуры, т.к. морская инфраструктура будет приоритетным направлением для правительства Индонезии в ближнесрочной и среднесрочной перспективе.

Атомная энергетика. Индонезия сегодня стремится развивать национальную отрасль атомной энергетике. Одной из амбициозных целей правительства Д. Видодо является ввод в эксплуатацию в 2019 г. 35 ГВт новых энерго мощностей [Cornot-Gandolphe 2017: 5]. Учитывая успешный опыт сотрудничества «Росатома» с Китаем и Индией, где по российским проектам и технологиями были построены атомные электростанции, Россия может внести большой вклад в развитие атомной отрасли Индонезии.

Нефтегазовая сфера. Важнейшей составляющей как российского, так и индонезийского экспорта является экспорт энергоресурсов, в частности, сырой нефти. Однако намного выгоднее продавать уже переработанную нефть. Большинство нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ) в Индонезии нуждаются в модернизации. В связи с чем встает вопрос о необходимости инвестиций в строительство новых и совершенствование старых НПЗ. В 2016 г. «Роснефть» подписала договор на строительство НПЗ в г. Туба (о. Ява). Однако российским компаниям стоит активнее

выходить на индонезийский рынок, т. к. конкуренция здесь ужесточается. В 2016 г. Иран договорился с Индонезией о строительстве НПЗ на о. Ява. Кроме того, Китай готов участвовать в строительстве НПЗ в Индонезии²⁷.

Машиностроение и военная техника. Если посмотреть на структуру импорта Индонезии, то важное место здесь занимает импорт самолетов, вертолетов и запчастей к ним. В связи с этим, расширение российско-индонезийского военно-технического сотрудничества может стать важной составляющей в укреплении и расширении взаимоотношений между двумя странами. Кроме того, большой потенциал имеют совместные проекты в области машиностроения, в частности, производства горнодобывающей техники, на которую есть спрос как в Индонезии, так и в России [Хохлова 2018: 101].

Банковская и финансовая сфера. В рамках российской политики отказа от доллара в межгосударственном сотрудничестве с развивающимися странами, важным фактором для углубления сотрудничества будет создание условий для перехода на национальные валюты в двусторонней торговле между Россией и Индонезией.

Туризм. Индонезия имеет большой потенциал по развитию национальной сферы туризма. В 2017 г. страну посетили более 14 млн иностранных туристов²⁸. В связи с этим, российские инвестиции в развитие туристической инфраструктуры могут стать выгодным вложением для российских бизнесменов.

Сельское хозяйство. Сельское хозяйство остается важным сектором в структуре ВВП Индонезии. В связи с этим, необходимо найти пути увеличения экспорта российских удобрений, а также сельскохозяйственной техники в Индонезию.

²⁷ См.: Iran, China, Indonesia agree on building refinery // Anadolu Agency From. 10.06.2015. URL: <https://www.aa.com.tr/en/energy/oil/iran-china-indonesia-agree-on-building-refinery/10038> (accessed: 21.11.2018).

²⁸ См.: Tourism in Indonesia: 2017 Target Not Achieved Due to Agung Eruption // Indonesia Investments. February 05, 2018. URL: <https://www.indonesia-investments.com/news/todays-headlines/tourism-in-indonesia-2017-target-not-achieved-due-to-agung-eruption/item8564?> (accessed: 21.11.2018).

²⁶ РЖД за пять лет построят и оборудуют железную дорогу в Индонезии // РИА Новости. 08.01.2016. URL: <https://ria.ru/economy/20160108/1356580270.html> (дата обращения: 21.11.2018).

***

Индонезия сегодня представляет собой лидера и крупнейшую экономику АСЕАН, которая в среднесрочной перспективе может стать одной из крупнейших экономик мира. Тем не менее, в последние годы экономический рост в стране замедлился, и дальнейшее развитие зависит от эффективной политики правительства. Занявший в 2014 г. пост президента Индонезии Д. Видодо предложил новую внутриэкономическую стратегию, которая сосредоточена на трех основных направлениях: развитии крупной ин-

фраструктуры, фискальной реформе и улучшении делового климата.

В связи с этими изменениями для России открываются новые перспективные направления сотрудничества с Индонезией, а улучшение делового климата и повышение инвестиционной привлекательности облегчает развитие контактов на разных уровнях. Ввиду этого, расширение торгово-экономических отношений между двумя странами может стать одним из компонентов российской политики поворота на Восток и диверсификации азиатских партнеров России.

Поступила в редакцию / Received: 03.08.2019

Принята к публикации / Accepted: 12.09.2019

Библиографический список

- Другов А.Ю.* Индонезия в 2006 г. Стабилизация в экономике и разногласия в элите // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2007. № 10. С. 190—212.
- Другов А.Ю.* Россия — Индонезия: «приливы и отливы» // Азия и Африка сегодня. 2009. № 12. С. 5—12.
- Ефимова Л.М.* Внешнеполитическая доктрина президента Индонезии Джоко Видодо // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. № 33. С. 55—69.
- Ефимова Л.М.* Внешнеполитический процесс в Индонезии // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1 (10). С. 202—211.
- Ефимова Л.М.* Российско-индонезийские отношения в XXI веке // Международные отношения. 2014. № 37 (4). С. 73—81.
- Сабон В.Л.* Развитие торгово-экономического сотрудничества между Россией и Индонезией // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2012. № 1. С. 41—48.
- Хохлова Н.И.* Основные направления внешней политики Индонезии и перспективы ее развития по итогам первого президентства С.Б. Юдойоно // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 4 (19). С. 54—60.
- Хохлова Н.И.* Отношения России и Индонезии на современном этапе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 2. № 2 (18). С. 99—105.
- Boediono.* Managing the Indonesian Economy: Some Lessons from the Past // Bulletin of Indonesian Economic Studies. 2005. Vol. 41. No. 3. P. 309—324.
- Cornot-Gandolphe S.* Indonesia's Electricity Demand and the Coal Sector: Export or meet domestic demand? // Oxford Institute for Energy Studies. March 2017. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2017/03/Indonesias-Electricity-Demand-and-the-Coal-Sector-Export-or-meet-domestic-demand-CL-5.pdf> (accessed: 21.11.2018).
- Elias S., Noone C.* The Growth and Development of the Indonesian Economy // Reserve Bank of Australia Bulletin. 2011. P. 33—43.
- Hamilton-Hart N., Schulze G.* Taxing Times in Indonesia: The Challenge of Restoring Competitiveness and the Search for Fiscal Space // Bulletin of Indonesian Economic Studies. 2016. Vol. 52. No. 3. P. 265—295.
- Kurniawan R., Managi S.* Economic Growth and Sustainable Development in Indonesia: An Assessment // Bulletin of Indonesian Economic Studies. 2018. Vol. 54. No. 3. P. 339—361. DOI: 10.1080/00074918.2018.1450962
- Nugroho A. E.* Trade Policies and the Export Performance of Indonesia, 1983—1997 // The Winners. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 38—46.
- Pangestu M., Rahardja S., Ing L.Y.* Fifty Years of Trade Policy in Indonesia: New World Trade, Old Treatments // Bulletin of Indonesian Economic Studies. 2015. Vol. 51. No. 2. P. 239—261.
- Pardede R., Zahro S.* Saving not Spending: Indonesia's Domestic Demand Problem // Bulletin of Indonesian Economic Studies. 2017. Vol. 53. No. 3. P. 233—259.
- Patunru A.A., Rahardja S.* Trade Protectionism in Indonesia: Bad Times and Bad Policy. Sydney: Lowy Institute, 2015.
- Rajah R.* Indonesia's Economy: Between Growth and Stability // Lowy Institute. 15 August, 2018. URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/indonesia-economy-between-growth-and-stability> (accessed: 20.11.2018).
- Ray D., Ing L.Y.* Addressing Indonesia's Infrastructure Deficit // Bulletin of Indonesian Economic Studies. 2016. Vol. 52. No. 1. P. 1—25.

- Resosudarmo B.P., Abdurohman. Is Being Stuck with a Five Percent Growth Rate a New Normal for Indonesia? // *Bulletin of Indonesian Economic Studies*. 2018. Vol. 54. No. 2. P. 141—164.
- Robison R., Hadiz V.R. Indonesia: A Tale of Misplaced Expectations // *The Pacific Review*. 2017. Vol. 30. No. 6. P. 895—909.
- Rock M.T. Indonesia's Centripetal Democracy and Economic Growth // *Journal of the Asia Pacific Economy*. 2018. Vol. 23. P. 156—172.
- Touwen J. The Economic History of Indonesia // *Economic History Association*. 2008. URL: <https://eh.net/encyclopedia/the-economic-history-of-indonesia/> (accessed: 20.11.2018).

References

- Boediono. (2005). Managing the Indonesian Economy: Some Lessons from the Past. *Bulletin of Indonesian Economic Studies*, 41 (3), 309—324.
- Cornot-Gandolphe, S. (2017). Indonesia's Electricity Demand and the Coal Sector: Export or meet domestic demand? *Oxford Institute for Energy Studies*. March. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2017/03/Indonesias-Electricity-Demand-and-the-Coal-Sector-Export-or-meet-domestic-demand-CL-5.pdf> (accessed: 21.11.2018).
- Drugov, A.Y. (2007). Indonesia in 2006. Economic Stabilization and Elite Disagreement. *Southeast Asia: Current Development Challenges*, 10, 190—212. (In Russian).
- Drugov, A.Y. (2009). Russia — Indonesia: “Ebbs and Flows”. *Asia and Africa Today*, 12, 5—12. (In Russian).
- Efimova, L.M. (2010). Foreign Policy Process in Indonesia. *Vestnik MGIMO-University*, 37 (4), 200—211. (In Russian).
- Efimova, L.M. (2014). Russian-Indonesian Relations in 21st Century. *International Relations*, 37 (4), 73—81. (In Russian).
- Efimova, L.M. (2016). The Foreign Policy Doctrine of Indonesian President Joko Widodo. *Southeast Asia: Current Development Challenges*, 33, 55—69. (In Russian).
- Elias, S. & Noone, C. (2011). The Growth and Development of the Indonesian Economy. *Reserve Bank of Australia Bulletin*, 33—43.
- Hamilton-Hart, N. & Schulze, G. (2016). Taxing Times in Indonesia: The Challenge of Restoring Competitiveness and the Search for Fiscal Space. *Bulletin of Indonesian Economic Studies*, 52 (3), 265—295.
- Khokhlova, N.I. (2011). Yudhoyono's First Term: Avenues and Horizons of Indonesian Foreign Policy. *Vestnik MGIMO-University*, 19 (4), 54—60. (In Russian).
- Khokhlova, N.I. (2018). Relations between Russia and Indonesia at the Present Stage. *Southeast Asia: Current Development Challenges*, 18 (2), 99—105. (In Russian).
- Kurniawan, R. & Managi, S. (2018). Economic Growth and Sustainable Development in Indonesia: An Assessment. *Bulletin of Indonesian Economic Studies*, 54 (3), 339—361. DOI: 10.1080/00074918.2018.1450962
- Nugroho, A.E. (2001). Trade Policies and the Export Performance of Indonesia, 1983—1997. *The Winners*, 2 (1), 38—46.
- Pangestu, M., Rahardja, S. & Ing, L.Y. (2015). Fifty Years of Trade Policy in Indonesia: New World Trade, Old Treatments. *Bulletin of Indonesian Economic Studies*, 51 (2), 239—261.
- Pardede, R. & Zahro, S. (2017). Saving not Spending: Indonesia's Domestic Demand Problem. *Bulletin of Indonesian Economic Studies*, 53 (3), 233—259.
- Patunru, A.A. & Rahardja, S. (2015). *Trade Protectionism in Indonesia: Bad Times and Bad Policy*. Sydney: Lowy Institute.
- Rajah, R. (2018). Indonesia's Economy: Between Growth and Stability. *Lowy Institute*, 15 August. URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/indonesia-economy-between-growth-and-stability> (accessed: 20.11.2018).
- Ray, D. & Ing, L.Y. (2016). Addressing Indonesia's Infrastructure Deficit. *Bulletin of Indonesian Economic Studies*, 52 (1), 1—25.
- Resosudarmo, B.P. & Abdurohman. (2018). Is Being Stuck with a Five Percent Growth Rate a New Normal for Indonesia? *Bulletin of Indonesian Economic Studies*, 54 (2), 141—164.
- Robison, R. & Hadiz, V.R. (2017). Indonesia: A Tale of Misplaced Expectations. *The Pacific Review*, 30 (6), 895—909.
- Rock, M.T. (2018). Indonesia's Centripetal Democracy and Economic Growth. *Journal of the Asia Pacific Economy*, 23, 156—172.
- Sabon, V.L. (2012). Development of Trade and Economic Cooperation between Russia and Indonesia. *RUDN Journal of Economics*, 1, 41—48. (In Russian).
- Touwen, J. (2008). The Economic History of Indonesia. *Economic History Association*. URL: <https://eh.net/encyclopedia/the-economic-history-of-indonesia/> (accessed: 20.11.2018).

Сведения об авторе: Сибарани Даме Мария Нова — аспирант кафедры теории и истории международных отношений РУДН (e-mail: 1042175034@rudn.ru).

About the author: Sibarani Dame Maria Nova — Postgraduate student, Theory and History of International Relations Department, RUDN University (e-mail: 1042175034@rudn.ru).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ POLITICAL PORTRAIT

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-463-471

Научная статья

Политико-психологический профиль Дональда Трампа

М.М. АйбазоваМосковский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация*Research article*

Donald Trump's Political and Psychological Profile

M.M. Aybazova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

В статье представлено краткое изложение результатов исследования, проведенного в области политической психологии в соответствии с традициями, сложившимися на кафедре социологии и психологии политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В задачи исследования, посвященного политико-психологическому анализу личностных особенностей политиков популистского типа, в том числе входило психологическое диагностирование и оценка личности 45-го президента США Дональда Трампа.

В работе использовался ряд общенаучных принципов, среди которых особо выделим принцип комплексности, системности, субъектности, интегративности, рефлексивности и оптимальности. В ходе выявления базовых психологических характеристик и анализа наиболее выраженных черт личности Д. Трампа применялась методология, объединяющая исследовательские возможности таких дисциплин, как политология, психология и социология. Само исследование осуществлялось посредством использования дистантных методов сбора и обработки данных, что связано с недостижимостью изучаемого политика. В процессе выбора предпочтение было отдано методу биографирования, контент-анализу и методу неэксклюзивного наблюдения.

В результате проведенных научных изысканий был составлен политико-психологический профиль личности американского лидера. Так, согласно типологии, предложенной Р. Зиллером, Д. Трамп относится к категории «аполитичный политик», вследствие чего можно говорить о его завышенной самооценке, неконформизме, отсутствии зависимости от мнения окружающих людей. Кроме того, Д. Трамп является экстравертом с высоким уровнем доминирования, что следует из классификации стилей межличностных отношений Л. Этериджа. Политическое поведение главы США соответствует типу «агитатор» в соответствии с типологией Г. Лассуэла.

Ключевые слова: Дональд Трамп, лидерство, психологический профиль, анализ личности, США, профилирование, контент-анализ, биографирование, наблюдение

Для цитирования: Айбазова М.М. Политико-психологический профиль Дональда Трампа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 463—471. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-463-471

© Айбазова М.М., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract. The article presents the summary of the political psychology scientific research, fully corresponding to the academic traditions of the Department of Sociology and Psychology of Politics of Moscow State University. The study was devoted to a political and psychological analysis of the personality traits of populist-type politicians. The objectives of this study included psychological diagnosis and assessment of the personality of US President Donald Trump. A number of general scientific principles were used, including the principle of complexity, systematicity, subjectivity, integrability, reflexivity and optimality. The identification of basic psychological characteristics and the analysis of the most pronounced personality traits of Donald Trump were carried out using a methodology that combines wide research capabilities of of political science, psychology and sociology. The specificity of the research predefined using distant methods of data collection and processing, due to the inaccessibility of the studied personality. The biography method, content analysis and observation method were chosen as guiding. Scientific research concluded with forming a political and psychological profile of the American leader's personality. According to the typology proposed by R. Ziller, he belongs to the category of "apolitical politician", which indicates an overestimated self-esteem, non-conformism, and no dependence on the opinions of those around him. In addition, according to the L. Etheredge's typology of styles of interpersonal relationships, Donald Trump is an extrovert with a high level of dominance. The political behavior of the President of the United States corresponds to the type of "agitator" in accordance with the typologies of G. Lasswell.

Key words: Donald Trump, leadership, psychological profile, personality analysis, profiling, content analysis, biography, observation, USA

For citations: Aybazova, M.M. (2019). Donald Trump's Political and Psychological Profile. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 463—471. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-463-471

На протяжении многих лет вокруг личности известного бизнесмена и шоумена Дональда Трампа велись многочисленные споры и дискуссии. Его избрание на пост 45-го президента США лишь усилило интерес к нему исследователей по всему миру. Работы, так или иначе касающиеся личностных характеристик политического лидера, можно условно отнести к трем основным темам [Hyatt, Campbell, Lynam, Miller 2018]. Среди них выявление¹, изучение нарциссизма политика [Williams, Pillai, Deptula, Lowe, McCombs 2018; Ashcroft 2016], проблемы, связанные с его импульсивностью и гипоманией [Immelman 2017; Ott 2017], и попытки поставить психиатрический диагноз [The Dangerous Case... 2017].

Кроме того, научный интерес также вызывают особенности риторики Д. Трампа [Harsin 2017; Neuman, González 2018; Корецкая 2017], сформировавшейся благодаря опыту ведения переговоров в сфере бизнеса и участию в телевизионных шоу, и своеобразные проявления чувства юмора политического деятеля [Becker 2017; Seal 2017].

Данный политико-психологический профиль Д. Трампа подготовлен в русле традиций и иссле-

довательских стратегий кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В процессе психологического диагностирования и оценки личностных качеств американского лидера были применены дистантные методы сбора и анализа данных, среди которых метод биографирования, невключенного наблюдения и контент-анализ. На базе полученных сведений осуществлялось построение политико-психологического профиля, представляющего собой редуцированную версию психологического портрета [Ракитянский 2011: 23].

Характеристика исследования

При проведении исследования автор уделил внимание политико-социальному контексту, а также сочетанию количественных и качественных методологических процедур [Современная элита... 2015]. Основой анализа личности политического деятеля послужил биографический метод. Он представляет собой изучение жизненного пути человека, этапы его становления как личности и субъекта деятельности [Ананьев 1977]. В качестве материала для анализа рассматривался устный или письменный рассказ человека о пережитом, а также данные, полученные из вторичных источников, в число которых входят сообщения и воспоминания приближенных лиц, документальные архивы, официальные документы, переписки и прочее [Девятко 2006]. Наибольший интерес представляли сведения о происхождении политика, полученном образовании, причастности

¹ См: Krugman P. Trump's Deadly Narcissism // The New York Times. September 29, 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/29/opinion/trumps-deadly-narcissism.html> (accessed: 03.07.2019); Campbell W. Is Donald Trump a Narcissist and Is He Fit for Office? // Quillette. August 28, 2016. URL: <http://quillette.com/2016/08/28/is-donald-trump-a-narcissist-and-is-he-fit-for-office/> (accessed: 03.07.2019).

к военной службе, предпринимательской и политической деятельности [Егорова 1988].

Метод невключенного наблюдения за внешними проявлениями поведенческих особенностей политического деятеля, а также за его взаимодействием с другими лидерами и электоратом позволил выявить личностные качества путем визуальной психодиагностики [Попов 2002].

Методы биографирования и наблюдения использовались при анализе поведенческих компонентов личности и изучении Я-концепции. В связи с этим были применены типология Я-концепции Р. Зиллера [Ziller, Stone, Jackson, Terbovic 1977], концепции стилей межличностных отношений Л. Этериджа [Etheredge 1978] и Е.В. Егоровой-Гантман [2003], а также типология политического стиля Г. Лассуэла [2005].

Количественный контент-анализ применялся для изучения мотивов поведения изучаемой личности, в то время как качественный использовался для уточнения Я-концепции.

Жизненный путь Д. Трампа

Дональд Джон Трамп родился 14 июня 1946 г. в Куинсе — самом большом по территории районе Нью-Йорка. Его родителями являются Фред Трамп и Мэри Маклеод, эмигрировавшая в Америку из Шотландии. Говоря об отце, Д. Трамп иногда упоминает, что тот родом из Германии², однако урожденным немцем был его дед по отцовской линии, Фридрих. Фред Трамп родился и вырос в Нью-Йорке.

Помимо американского лидера в семье Трампов было еще четверо детей, но именно будущий политик отличался лидерскими задатками, бунтарским нравом и тягой к озорству. Среди сверстников был «заводилой» и уже в начальных классах проявлял признаки агрессии. Так, во втором классе у Д. Трампа произошел конфликт с учителем музыки, которого он посчитал некомпетентным преподавателем.

«В подростковом возрасте я был чуть ли не настоящим хулиганом. По каким-то причинам мне нравилось делать все не так, как другие, всегда хотелось испытывать людей на прочность,

терпение, силу», — вспоминает об отрочестве Д. Трамп [Трамп 2012]. В конечном итоге своего нравственного подростка было решено направить на обучение в военную академию, чтобы он мог не только получить образование, но и приучиться к порядку и дисциплине.

Окончив академию, Д. Трамп некоторое время думал о том, чтобы связать свою жизнь с кинематографом и поступить в школу кино Университета Южной Калифорнии, однако пример отца и желание заработать деньги перевесили чашу весов и юноша начал посещать занятия в Фордхэмском университете. Так же как и в военной академии, учеба давалась Д. Трампу достаточно легко, но спустя два года он посчитал, что этого недостаточно. Утвердившись в стремлении получить более солидное образование, он поступил в школу Уортона при Пенсильванском университете. Впоследствии Д. Трамп обнаружил, что многие деловые люди относятся к дипломам и академическим степеням с пиететом, однако сам он считает их значение сильно преувеличенным [Трамп 2012].

Завершив обучение, Д. Трамп присоединился к бизнесу отца и лицом к лицу столкнулся с жестокостью, которая царила в строительной сфере. Политик вспоминает, что в процессе сбора арендной платы куда большую роль играли внушительные физические данные, нежели знания и ум. Один из первых полученных уроков звучал примерно следующим образом: «Никогда не стой перед дверью, так как не знаешь, кто и с каким оружием может оказаться по ту сторону».

Значительное влияние на формирование личности Д. Трампа оказал его отец — человек с жестким характером, долгие годы обходивший конкурентов и преуспевавший в бизнесе. Ф. Трамп был приверженцем традиционного уклада жизни, согласно которому он был главой семьи и брал на себя ответственность за финансовое благополучие, в то время как его супруга, Мэри, исполняла роль домохозяйки и воспитывала пятерых детей. Несмотря на высокий достаток, их с малых лет приучали ценить каждый доллар и много работать: в семье Трампов высоко ценились такие качества, как предприимчивость, решительность и умение отстаивать свои интересы. По словам Д. Трампа, ему посчастливилось рано заинтересоваться бизнесом, благодаря чему Ф. Трамп испы-

² Трамп снова перепутал страну рождения своего отца // Российская газета. 03.04.2019. URL: <https://rg.ru/2019/04/03/tramp-snova-pereputal-stranu-rozhdeniia-svoego-otca.html> (дата обращения: 03.07.2019).

тывал к нему уважение и не оказывал давления, при этом обучая его азам своего строительного дела [Трамп 2012]. Так, именно Ф. Трамп продемонстрировал сыну, что жесткое ведение бизнеса зачастую является залогом выживания, и привил мысль о необходимости быть компетентным и эффективным. В этих принципах прослеживаются истоки стремления американского лидера завершать проекты «досрочно и в рамках бюджета» [Трамп 2012].

Тем не менее, бизнес отца казался Д. Трампу недостаточно привлекательным, чтобы задерживаться в нем надолго. По его мнению, отдача была несопоставима с прикладываемыми усилиями. Д. Трамп с юных лет мыслил масштабно и в 1971 г. переехал в Манхэттен, чтобы приступить к реализации своих амбиций. Свою первую квартиру в Манхэттене, несмотря на то что она была мрачной и невзрачной, он до сих пор вспоминает с любовью, так как она стала своего рода символом новой жизни.

В 1974 г. Д. Трамп выиграл первый тендер, а в 1990 г., будучи главой миллиардной империи, оказался на грани банкротства. Переменчивый бизнес и финансовые неурядицы еще не раз ставили американского лидера в затруднительное положение, однако каждый раз ему удавалось восстановить утраченные позиции. По словам Д. Трампа, «...жизнь всегда была борьбой. И мне это нравится, я так думаю»³.

О своем намерении вплотную заняться политической деятельностью и баллотироваться на пост президента бизнесмен сообщил в 2015 г., однако, по мнению биографов Д. Трампа, планирование кампании началось с выдвижения его кандидатуры в 1999 г. [Salkin, Short 2019].

В 2016 г. Д. Трампу удалось одержать победу над кандидатом от демократической партии Х. Клинтон и стать 45-м президентом США.

Мотивационный профиль Д. Трампа и Я-концепция

Преобладающими в деятельности Д. Трампа являются мотивы достижения и власти. Ключевыми факторами, делающими власть привлекательной,

являются: потребность в политических достижениях, в доминировании над людьми и ситуацией, а также неготовность подчиняться [Политическая психология 2018].

Мотив власти выражается в стремлении политического деятеля занимать доминирующую позицию, высокое положение в обществе и испытывать чувство превосходства над окружающими. По мнению специалистов, западной культуре свойственно маскулинизированное, зачастую агрессивное утверждение личных интересов, что можно наблюдать в поведении политика [McClelland 1975].

Мотив достижения у Д. Трампа проявляется преимущественно в стремлении реализовывать амбициозные планы с получением высоких результатов, раньше срока и не выходя за рамки бюджета [Трамп 2012]. Как в предпринимательской, так и в политической деятельности особое значение для Д. Трампа имеют неусыпный контроль, решительные действия и достижение высоких результатов.

Для американского лидера характерны эксцентричные, иногда скандальные публичные выступления и популистские высказывания. Он считает, что может стать лучшим президентом в истории и «сделать Америку снова великой»⁴. Одна из заповедей успешной карьеры, согласно Д. Трампу, заключается в сведении счетов. «Я всегда контратакую в полную мощь — и знаете что? Со мной — в отличие от многих других — стараются связываться как можно реже. Они знают, что если попытаются ударить меня, то их ждет очень серьезная драка. Всегда сводите счеты... За это вас будут уважать» [Трамп, Занкер 2013].

Формирование многомиллиардной империи и стремительный взлет на ниве политики невозможны без многочисленных связей. Мотив аффилиации у политика прослеживается в упоминаниях о дружбе с теми или иными людьми и отношениях с главами определенных государств: «Премьер-министр Соединенного королевства, королева Англии — мы прекрасно провели время. Отлично

³ Stephanopoulos G. ABC News' Oval Office interview with President Trump // ABC News. June 13, 2019. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/abc-news-oval-office-interview-president-donald-trump/story?id=63688943> (accessed: 03.07.2019).

⁴ Campbell C. Donald Trump Trademarked a Ronald Reagan Slogan and Would Like to Stop Other Republicans from Using It // Business insider. May 12, 2015. URL: <https://www.businessinsider.com/donald-trump-trademarked-make-america-great-again-2015-5> (accessed: 03.07.2019).

провели время. У нас очень хорошие отношения в Европе»⁵.

Однако приоритетами для Д. Трампа являются работа, переговоры и заключение сделок, установление связей не служит самоцелью. Для него не столь важно, с кем именно ему предстоит иметь дело. Так, во время визита в Букингемский дворец Д. Трамп не узнал подарок, преподнесенный королеве Великобритании, Елизавете II, в чем не преминул ей признаться⁶.

По результатам проведенного исследования, наиболее подходящим американскому лидеру является тип «аполитичный политик», который выражается практически в полном отсутствии какой-либо зависимости от возлагаемых на него ожиданий и требований исполняемой роли, что позволяет следовать личным представлениям [Ziller, Stone, Jackson, Terbovic 1977]. Мнение окружающих и внешние обстоятельства не служат достаточным основанием для внесения коррективов в выбранный политический курс. Начиная с предвыборной кампании и по настоящий момент Д. Трамп демонстрирует завышенную самооценку, признаки нонконформизма и наличие внутренних стандартов, следуя которым он зачастую выступает не только против политических оппонентов, но и соратников по партии. Некая оторванность от окружающих людей служит препятствием для адекватного восприятия последователей.

Уверенность в собственных силах позволяет ему окружать себя специалистами высокого класса, при этом не испытывая страха, что они могут каким-то образом затмить его. Кроме того, политик публично признает некоторую неосведомленность в тех или иных вопросах, не считая, что это каким-то образом умаляет его достоинства. Так, в период предвыборной кампании ему был задан вопрос о политике на Ближнем Востоке, в ответ на который Д. Трамп заявил о незнании

предмета, тем не менее, добавив, что изучит его, «когда это будет уместно». «Я узнаю об этом больше, чем знаете вы сейчас, и, поверьте, это не займет много времени» [Гингрич 2018: 24].

Стиль межличностных отношений и политического поведения Д. Трампа

По стилю межличностных отношений американский лидер является экстравертом с высоким уровнем доминирования [Etheredge 1978; Егорова-Гантман 2003], что проявляется в активной общественной деятельности и стремлении преобразить действующий политический порядок в соответствии с собственными представлениями.

По политическому поведению и стилю принятия решений наиболее близким американскому президенту является тип агитатора [Лассуэл 2005]. Так, американская тележурналистка, Лесли Шталь, неоднократно встречавшаяся с Д. Трампом, отмечает: «...Белый дом пришёл к выводу, что пытаться сдерживать его, не давать появляться на телевидении, на встречах с избирателями — ошибка. Ему всё это нравится. Он действительно черпает огромное количество энергии от толпы»⁷.

Агитаторы, как правило, выражают свои идеи и убеждения посредством громких политических призывов и броских лозунгов. Так, во время одного из выступлений, Д. Трамп дал неоднозначное и гротескное обещание возвести Великую американскую стену: «Я построю великую стену, и никто не строит стены лучше, чем я, поверьте мне, и я построю их очень недорого, я построю великую, великую стену на нашей южной границе. И я заставлю Мексику заплатить за эту стену»⁸.

⁷ См.: Lesley Stahl on What It's Like to Interview Trump for 60 Minutes. October 14, 2018 // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Nwhu950t0y4> (accessed: 03.07.2019); Ведущая CBS News об интервью с Трампом: он пытался заговорить мне зубы — как любой политик // ИноТВ. 15.10.2018. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2018-10-15/Vedushhaya-CBS-News-ob-intervyu> (дата обращения: 03.07.2019).

⁸ Kessler G. A History of Trump's Promises That Mexico Would Pay for the Wall, Which It Refuses to Do // The Washington Post. January 09, 2019. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/live-updates/trump-white-house/live-fact-checking-and-analysis-of-president-trumps-immigration-speech/a-history-of-trumps-promises-that-mexico-would-pay-for-the-wall-which-it-refuses-to-do/?noredirect=on> (accessed: 03.07.2019).

⁵ Donald Trump's Interview with TIME on 2020: Read the Transcript // Time. June 20, 2019. URL: <https://time.com/5611476/donald-trump-transcript-time-interview/> (accessed: 03.07.2019).

⁶ President Donald Trump Left Stumped as He Forgets Statue He Gifted the Queen Last Year // ITV. June 03, 2019. URL: <https://www.itv.com/news/2019-06-03/queen-donald-trump-gifts-exchanged-state-visit-us-president/> (accessed: 03.07.2019).

Д. Трамп имеет четкие цели и умеет переключаться между задачами, своевременно расставляя приоритеты их исполнения. Так, потерпев неудачу, он не будет захвачен эмоциями и не станет фиксировать внимание на произошедшем. Вместо этого он продолжит двигаться вперед, реализуя альтернативный план или же составляя его. Немаловажную роль в принятии решений играет интуиция, которой за годы предпринимательской деятельности Д. Трамп привык доверять.

Американскому лидеру свойственны низкая нормативность поведения, экспрессивность и прямолинейность. Тягу к театральности Д. Трамп, по его личному признанию, унаследовал от матери, питавшей слабость ко всему блистательному, необычному и фееричному. Желание связать свою судьбу с кинематографом, которым он в юности пренебрег, нашло свое воплощение в различных камео и участии в многочисленных телевизионных проектах. Опыт продюсера и ведущего реалити-шоу, как мы можем наблюдать, дали ему некоторое преимущество в привлечении рядовых граждан. Д. Трамп не только знает, что именно нужно простым американцам, но и умеет получать от них эмоциональный отклик.

Общая характеристика Д. Трампа

Некоторые критики деятельности Д. Трампа полагают, что он недисциплинирован и импульсивен, а его избрание на пост главы государства — случайность [Salkin, Short 2019]. Вопреки сложившемуся мнению он не является азартным игроком, способным на неоправданное безрассудство. Его действия, даже кажущиеся излишне экстравагантными и эксцентричными, имеют под собой определенные основания и могут быть частью некоего замысла.

Д. Трампу нравится испытывать людей, провоцировать их и наблюдать за тем, как они реагируют. Помимо того, что таким образом ему удается получить больше информации о человеке и лучше понять его характер, это также позволяет выстроить стратегию дальнейшего взаимодействия. Возможно, что таким образом проявляется его тяга к контролю над ситуацией и людьми.

Для него не существует незначительных деталей: по мнению Д. Трампа, каждая деталь должна быть уточнена и правильно выверена, дабы не нарушить целостность общей картины. К примеру, в своих книгах по достижению успеха

он обращает внимание даже на такой аспект, как поддержание чистоты, аргументируя это тем, что привлекательный товарный вид и опрятность могут стать выгодным вложением денег.

Д. Трамп не относится к категории людей, которые готовы ждать в стороне, когда на них обратят внимание и предоставят право высказать свое мнение. Ему нравится свет софитов и преимущества, которые он может при этом получить, в связи с чем он сделает все возможное, чтобы заинтересовать окружающих, вызвать если не восхищение, то, по крайней мере, уважение. Показательным может быть пример его взаимодействия с Теодором Добиасом, бывшим сержантом морской пехоты, некогда обучавшим новобранцев в военной академии. Он был человеком жестким и резким, способным не просто преодолеть любое препятствие, но снести его до основания. По словам Д. Трампа, Т. Добиас оказал значительное влияние на формирование его личности и, будучи подростком, будущий президент испытывал потребность в признании со стороны преподавателя. Т. Добиас пользовался авторитетом в стенах академии, и большинство новобранцев придерживались в отношениях с ним двух моделей поведения: в то время как одни пытались открыто противостоять непримиримому преподавателю и каждый раз терпели поражение, другие, напротив, предпочитали избегать каких-либо столкновений и безропотно подчинялись распоряжению. Д. Трамп, в силу характера, не мог последовать примеру прилежных сокурсников, однако и конфликты считал бессмысленными. В конечном итоге он избрал свой собственный путь: признавая авторитет Т. Добиаса, он не выказывал страха и не заискивал перед преподавателем, чем добился его особого расположения.

В качестве еще одного примера можно привести вступление Д. Трампа в эксклюзивный «Ле Клуб», членами которого были успешные бизнесмены. Д. Трамп на тот момент еще не успел зарекомендовать себя: прошло не так много времени с того момента, как он переехал из Куинса в Манхэттен. Тем не менее, невзирая на свое несоответствие высоким стандартам престижного клуба, он сумел настойчивостью добиться личной встречи с его президентом и получить членскую карточку.

Еще одним методом в арсенале Д. Трампа является преувеличение значимости проектов, над которыми он работает. Он всегда стремился

попасть на первые полосы журналов, не желая довольствоваться разделами, посвященными бизнесу и недвижимости [Sharipo 2016]. Сам политик говорит об этом как о «некоторой бравате, невинном хвастовстве, призванном поразить воображение публики. Я сознательно играю на этом свойстве человеческой природы, ведь не все люди способны мыслить масштабно, но их очень возбуждает пример других. Когда рисуешь перед ними грандиозные перспективы, они чувствуют свою причастность к великому. На самом деле это всего лишь небольшое преувеличение, оно никому не приносит вреда» [Трамп 2012].

К схожему ухищрению он прибегнул в ходе предвыборной кампании, используя ресурсы социальных сетей для насыщения новостного контента. Так, ранним утром делая провокационное заявление посредством Twitter, Д. Трамп уже к полудню заполнял собой новостное пространство: крупные информационные каналы транслировали его сообщения, журналисты просили дать комментарий, и даже политическим оппонентам

в конечном итоге приходилось высказываться об очередном эпатажном утверждении Д. Трампа [Гингрич 2018].

Заключение

Составленный автором политико-психологический профиль призван выделить ключевые личностные качества и особенности президента США Д. Трампа. В процессе изучения личности политика особое внимание уделялось релевантности полученных данных и объективности со стороны исследователя. В работе были использованы дистантные методы психологического диагностирования и анализа, а именно: метод биографирования, контент-анализ и метод невключенного наблюдения.

В целом с точки зрения политической психологии Д. Трамп вызывает большой интерес, так как образ эксцентричного шоумена и личность предприимчивого бизнесмена переплелись настолько тесно, что отделить одно от другого становится подчас непосильной задачей.

Поступила в редакцию / Received: 10.07.2019
Принята к публикации / Accepted: 14.09.2019

Библиографический список

- Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
- Гингрич Н. Понимая Трампа. М.: Бомбора; Эксмо, 2018.
- Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. М.: Книжный дом «Университет», 2006.
- Егорова Е.В. Психологические методики исследования личности политических лидеров капиталистических государств. М.: ИСК РАН, 1988.
- Егорова-Гантман Е.В. Игры в солдатики. Политическая психология президентов. М.: Никколо М, 2003.
- Корецкая О.В. Лингвостилистические особенности политической риторики Дональда Трампа // Преподаватель XXI века. 2017. № 2. Ч. 2. С. 349—355.
- Лассуэл Г. Психопатология и политика. М.: Изд-во РАГС, 2005.
- Политическая психология / под ред. Е.Б. Шестопаля. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2018.
- Попов С.В. Визуальное наблюдение. СПб.: Речь, 2002.
- Ракитянский Н.М. Личность политика: теория и методология психологического портретирования. М.: Изд-во Московского университета, 2011.
- Современная элита России: политико-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопаля, А.В. Селезневой. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015.
- Трамп Д. Искусство заключать сделки. М.: Эксмо, 2012.
- Трамп Д., Занкер Б. Мысли по-крупному и не тормози! М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- Ashcroft A. Donald Trump: Narcissist, Psychopath or Representative of the People? // Psychotherapy and Politics International. 2016. Vol. 14. No. 3. P. 217—222. DOI: <https://doi.org/10.1002/ppi.1395>
- Becker A.B. Trump Trumps Baldwin? How Trump's Tweets Transform SNL into Trump's Strategic Advantage // Journal of Political Marketing. 2017. P. 1—19. DOI: <https://doi.org/10.1080/15377857.2017.1411860>
- Etheredge L. Personality Effects on American Foreign Policy, 1898—1968: A Test of Interpersonal Generalization Theory // American Political Science Review. 1978. Vol. 72. P. 434—451.
- Harsin J. Trump l'Oeil: Is Trump's Post-Truth Communication Translatable? // Contemporary French and Francophone Studies. 2017. Vol. 21. No. 5. P. 512—522. DOI: <https://doi.org/10.1080/17409292.2017.1436588>
- Heuman A.N., González A. Trump's Essentialist Border Rhetoric: Racial Identities and Dangerous Liminalities // Journal of Intercultural Communication Research. 2018. Vol. 47. No. 4. P. 326—342.

- Hyatt C., Campbell W., Lynam D., Miller J. Dr. Jekyll or Mr. Hyde? President Donald Trump's Personality Profile as Perceived from Different Political Viewpoints // *Collabra: Psychology*. 2018. Vol. 4. No. 1. Art. 29. DOI: <http://doi.org/10.1525/collabra.162>
- Immelman A. The Leadership Style of U.S. President Donald J. Trump. Saint John's University. URL: https://www.researchgate.net/publication/312771718_The_Leadership_Style_of_US_President_Donald_J_Trump (accessed: 07.07.2019).
- McClelland D.C. *Power: The Inner Experience*. Oxford: Irvington, 1975.
- Ott B.L. The Age of Twitter: Donald J. Trump and the Politics of Debasement // *Critical Studies in Media Communication*, 2017. Vol. 34. No. 1. P. 59—68. DOI: <https://doi.org/10.1080/15295036.2016.1266686>
- Salkin A., Short A. *The Method to the Madness: Donald Trump's Ascent as Told by Those Who Were Hired, Fired, Inspired — and Inaugurated*. All Points Books, 2019.
- Seal K.L. Take My President, Please! OR: A Former Stand-Up Comedian Turned Psychotherapist Examines Why Trump Is Not Funny // *Contemporary French and Francophone Studies*. 2017. Vol. 21. No. 5. P. 538—547. DOI: 10.1080/17409292.2017.1437701
- Shapiro M. *Trump This! The Life and Times of Donald Trump, An Unauthorized Biography*. Riverdale Avenue Books, 2016.
- The Dangerous Case of Donald Trump: 27 Psychiatrists and Mental Health Experts Assess a President* / Ed. by B.X. Lee. New York: Thomas Dunne Books, St. Martin's Press, 2017.
- Williams E.A., Pillai R., Deptula B.J., Lowe K.B., McCombs K. Did Charisma «Trump» Narcissism in 2016? Leader Narcissism, Attributed Charisma, Value Congruence and Voter Choice // *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 130. P. 11—17. DOI: 10.1016/j.paid.2018.03.010
- Ziller R., Stone W., Jackson R., Terbovic N. *Self-Other Orientations and Political Behavior // A Psychological Examination of Political Leaders* / Ed. by M. Hermann, T. Milburn. NY: The free press, 1977.

References

- Anan'ev, B.G. (1977). *Modern Problems of Knowledge about a Person*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Ashcroft, A. (2016). Donald Trump: Narcissist, Psychopath or Representative of the People? *Psychotherapy and Politics International*, 14 (3), 217—222. DOI: <https://doi.org/10.1002/ppi.1395>
- Becker, A.B. (2017). Trump Trumps Baldwin? How Trump's Tweets Transform SNL into Trump's Strategic Advantage. *Journal of Political Marketing*, 1—19. DOI: <https://doi.org/10.1080/15377857.2017.1411860>
- Deviatko, I.F. (2006). *Methods of Sociological Research*. Moscow: Knizny dom Universitet publ. (In Russian).
- Egorova, E.V. (1988). *Psychological Methods of Researching the Personality of Political Leaders in Capitalist States*. Moscow: ISK RAN publ. (In Russian).
- Egorova-Gantman, E.V. (2003). *Games in the Soldiers. Political Psychology of the Presidents*. Moscow: Nikkolo M publ. (In Russian).
- Etheredge, L. (1978). Personality Effects on American Foreign Policy, 1898—1968: A Test of Interpersonal Generalization Theory. *American Political Science Review*, 72, 434—451.
- Gingrich, N. (2018). *Understanding Trump*. Moscow: Bombora; Eksmo publ. (In Russian).
- Harsin, J. (2017). Trump l'Oeil: Is Trump's Post-Truth Communication Translatable? *Contemporary French and Francophone Studies*, 21 (5), 512—522. DOI: <https://doi.org/10.1080/17409292.2017.1436588/>
- Heuman, A.N. & González, A. (2018). Trump's Essentialist Border Rhetoric: Racial Identities and Dangerous Liminalities. *Journal of Intercultural Communication Research*, 47 (4), 326—342.
- Hyatt, C., Campbell, W., Lynam, D. & Miller, J. (2018). Dr. Jekyll or Mr. Hyde? President Donald Trump's Personality Profile as Perceived from Different Political Viewpoints. *Collabra: Psychology*, 4 (1), 29. DOI: <http://doi.org/10.1525/collabra.162>
- Immelman, A. (2017). *The Leadership Style of U.S. President Donald J. Trump*. Saint John's University. URL: https://www.researchgate.net/publication/312771718_The_Leadership_Style_of_US_President_Donald_J_Trump (accessed: 07.07.2019).
- Koretskaya, O.V. (2017). Linguostylistic Features of Donald Trump's Political Rhetoric. *Teacher XXI century*, 2, 2, 349—355. (In Russian).
- Lasswell, H. (2005). *Psychopathology and Politics*. Moscow: RAPS publ. (In Russian).
- Lee, B.X. (Eds). (2017). *The Dangerous Case of Donald Trump: 27 Psychiatrists and Mental Health Experts Assess a President*. New York: Thomas Dunne Books, St. Martin's Press.
- McClelland, D.C. (1975). *Power: The Inner Experience*. Oxford: Irvington.
- Ott, B.L. (2017). The Age of Twitter: Donald J. Trump and the Politics of Debasement. *Critical Studies in Media Communication*, 34 (1), 59—68. DOI: <https://doi.org/10.1080/15295036.2016.1266686>
- Popov, S.V. (2002). *Visual Observation*. Saint Petersburg: Rech publ. (In Russian).
- Rakityansky, N.M. (2011). *Politician's Personality: Theory and Methodology of Psychological Profiling*. Moscow: Moscow University Press. (In Russian).

- Salkin, A. & Short, A. (2019). *The Method to the Madness: Donald Trump's Ascent as Told by Those Who Were Hired, Fired, Inspired — and Inaugurated*. All Points Books.
- Seal, K.L. (2017). Take My President, Please! OR: A Former Stand-Up Comedian Turned Psychotherapist Examines Why Trump Is Not Funny. *Contemporary French and Francophone Studies*, 21 (5), 538—547. DOI: 10.1080/17409292.2017.1437701
- Shapiro, M. (2016). *Trump This! The Life and Times of Donald Trump, An Unauthorized Biography*. Riverdale Avenue Books.
- Shestopal, E.B. & Selezneva, A.V. (Eds.). (2015). *The Modern Elite of Russia: Political and Psychological Analysis*. Moscow: ARGAMAK-MEDIA publ. (In Russian).
- Shestopal, E.B. (Eds.). (2018). *Political Psychology*. Moscow: Aspect Press publ. (In Russian).
- Trump, D. & Zanker, B. (2013). *Think Big and Kick Ass*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber publ. (In Russian).
- Trump, D. (2012). *The Art of the Deal*. Moscow: Eksmo publ. (In Russian).
- Williams, E.A., Pillai, R., Deptula, B.J., Lowe, K.B. & McCombs, K. (2018). Did Charisma «Trump» Narcissism in 2016? Leader Narcissism, Attributed Charisma, Value Congruence and Voter Choice. *Personality and Individual Differences*, 130, 11—17. DOI: 10.1016/j.paid.2018.03.010
- Ziller, R., Stone, W., Jackson, R. & Terbovic, N. (1977). *Self-Other Orientations and Political Behavior*. In: Hermann, M. & Milburn, T. (1977). *A Psychological Examination of Political Leaders*. NY: The free press.

Сведения об авторе: Айбазова Мадина Магомедовна — аспирант кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. (e-mail: aib.m@mail.ru).

About the author: Aybazova Madina Magomedovna — post-graduate student, Department of Sociology and Political Psychology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: aib.m@mail.ru).

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ SCIENTIFIC SCHOOLS

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-472-479

Энергетическая дипломатия в современном мире: меньше экономики, больше геополитики

Интервью со СТАНИСЛАВОМ ЗАХАРОВИЧЕМ ЖИЗНИНЫМ,
российским дипломатом, доктором экономических наук, профессором МГИМО,
президентом Центра энергетической дипломатии и геополитики

Energy Diplomacy in Contemporary World: Less Economy, More Geopolitics

Interview with STANISLAV ZHIZNIN, Russian diplomat,
PhD in Economics, Dr. of Science (Economics), Professor of MGIMO-University,
President of the Center of Energy Diplomacy and Geopolitics

Станислав Захарович Жизнин — основоположник энергетической дипломатии в России и в мире, автор термина «энергетическая дипломатия», ведущий российский эксперт по проблемам внешней энергетической политики и дипломатии, международной энергетической безопасности, автор первого в России учебника по энергетической дипломатии и множества монографий по энергетической дипломатии на русском, английском и китайском языках [Zhiznin 2005].

В 1969 г. С.З. Жизнин окончил Харьковский авиационный институт по специальности «инженер-электрик», затем в 1977 г. — Дипломатическую академию МИД СССР по специальности «Международные экономические отношения». В 1998 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Энергетическая дипломатия России на рубеже XX—XXI вв. (внешнеэкономические аспекты)», а в 2001 г. стал доктором экономических наук, защитив диссертацию на тему «Стратегические интересы России в мировой энергетике». С 1977 г. работал в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации. Имеет дипломатический ранг советника первого класса. До конца 2010 г.

являлся главным советником Департамента экономического сотрудничества МИД России. В настоящее время — профессор кафедры международных проблем ТЭК им. Н.П. Лаверова в МГИМО.

Участвовал в разработке материалов для российских делегаций на встречах «Группы восьми», ОПЕК, МЭА, Форума стран — экспортеров газа (ФСЭГ), Международного энергетического форума (МЭФ), АТЭС и др.

С.З. Жизнин является президентом Центра энергетической дипломатии и геополитики, учрежденного в 2003 г. с участием Союза нефтегазопромышленников России при поддержке МИД России. В 2011 г. стал экспертом ОБСЕ по энергетической дипломатии и энергетической безопасности.

В интервью анализируется формирование энергетической дипломатии как науки, эволюция понятия «энергетическая дипломатия», обсуждается влияние энергетического фактора на политику России и других стран мира, роль ТНК в формировании энергетической политики государства. Давая характеристику энергетической дипломатии, С.З. Жизнин подчеркивает, что это симбиоз экономики, геополитики и технологических наук, поэтому исследования в области энергетической

© Жизнин С.З., Трусова А.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

дипломатии неразрывно связаны с данными науками. В настоящее время все большее влияние на энергетическую дипломатию оказывает развитие технологий, заставляющее страны по-новому расставлять приоритеты, выстраивать свою энергетическую политику с учетом этого фактора.

Ключевые слова: энергетическая дипломатия, энергетическая безопасность, Россия, КНР, США, ТНК, экономика, геополитика, топливно-энергетический комплекс, технологии

Для цитирования: Энергетическая дипломатия в современном мире: меньше экономики, больше геополитики. Интервью со Станиславом Захаровичем Жизниным, российским дипломатом, доктором экономических наук, профессором МГИМО, президентом Центра энергетической дипломатии и геополитики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 472—479. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-472-479

Abstract. Stanislav Zakharovich Zhiznin is the founder of energy diplomacy in Russia and in the world, the author of the term “energy diplomacy”, a leading Russian expert on energy policy, diplomacy and international energy security. Prof. Zhiznin published first Russian textbook on energy diplomacy and many monographs on energy diplomacy, in Russian, English, and Chinese [Zhiznin 2005].

S.Z. Zhiznin graduated from the Kharkiv Aviation Institute in 1969 with a degree in electrical engineering, then — from the Diplomatic Academy of the USSR Ministry of Foreign Affairs in 1977 with a degree in international economic relations. In 1998 he defended his Candidate’s thesis on the issue “Energy diplomacy of Russia at the turn of the 20th — 21st centuries (foreign economic aspects)”, and in 2001 — his Doctor’s dissertation on “Strategic interests of Russia in world energy” and became a Doctor of Science (Economics). He has been working in the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation since 1977. S. Zhiznin has a Diplomatic Rank of 1st Class Counsellor. Until the end of 2010, he was the chief adviser to the Department of Economic Cooperation of the Russian MFA. S. Zhiznin is currently a professor at the Department of International Dimension of Fuel and Energy Industry named after N.P. Laverov, MGIMO.

He contributed to the development of the information materials for the Russian delegation for the meetings of G8 (now G7), OPEC, IEA, Gas Exporting Countries Forum, International Energy Forum, APEC, etc.

S.Z. Zhiznin is the President of the Center for Energy Diplomacy and Geopolitics, established in 2003 with the participation of the Union of Oil & Gas Producers of Russia and support of the Russian MFA. In 2011, he became an OSCE expert on energy diplomacy and energy security.

The interview presents the formation of energy diplomacy as a science, covers the evolution of the concept of “energy diplomacy”, discusses the energy factor influence on the policies of Russia and other countries, analyses the role of TNCs in shaping the state’s energy policy. Energy diplomacy, as S.Z. Zhiznin points out, is a complex symbiosis of economics, geopolitics, and technological sciences; so, research in energy diplomacy is inextricably linked with these sciences. At present, energy diplomacy is being heavily influenced by the technology development, which makes states take into account this factor while forming their energy strategies.

Key words: energy diplomacy, energy security, Russia, China, USA, TNC, economy, geopolitics, fuel and energy complex, technology

For citations: Energy Diplomacy in Contemporary World: Less Economy, More Geopolitics. Interview with Stanislav Zhiznin, Russian diplomat, PhD in Economics, Dr. of Science (Economics), Professor of MGIMO-University, President of the Center of Energy Diplomacy and Geopolitics. (2019). *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 472—479. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-472-479

— Станислав Захарович, вы являетесь автором первого в России учебника по энергетической дипломатии, вышедшего в 2003 г. под названием «Основы энергетической дипломатии» [Жизнин 2003], в 2007 г. деловой журнал «Карьера» назвал вас «отцом русской энергетической дипломатии». В настоящее время вы — ведущий российский эксперт в этой области. С чем связан ваш выбор исследовательского поля?

— Обучаясь в Дипломатической академии МИД СССР, я выбрал в качестве темы дипломной работы «Энергетическую политику США в 1973—1976 гг. (международные аспекты)», это было в разгар энергетического кризиса, тема была

очень сложной, но для меня это было интересно, потому что еще тогда я понимал значимость энергетической дипломатии в мире, ее влияние на национальную и международную энергетическую безопасность, экономику и геополитику. Затем мне нужно было защищать диссертацию по этой теме. Однако на предзащите возникли идеологические разногласия с преподавателями, мне сказали, что в моей работе слишком много экономики, а проблемы американской энергетики никому не нужны, следовало затронуть вопросы, связанные с межимпериалистическими противоречиями, добавить больше материалов партийных съездов КПСС и классиков марксизма-ленинизма. Я не стал этого делать. И все затянулось на годы.

С 1977 г. я находился на дипломатической службе в Посольстве СССР в США и Генеральном консульстве СССР в Сан-Франциско, где проработал довольно долго, для себя продолжал заниматься исследованиями американской энергетики. После распада СССР я работал в Аналитическом управлении МИД РФ. Нам пришел на согласование проект Основных положений Энергетической стратегии России — первой в истории энергетической стратегии страны (это было в 1993 г.) Здесь пригодились мои знания, я увидел, что в новой России появился спрос на энергетическую дипломатию. В ходе доработки этого документа было проведено несколько совещаний в МИД и Минтопэнерго (тогда так называлось Минэнерго России) с привлечением ведущих специалистов. От Минтопэнерго в них принимали участие министр Ю.К. Шафраник, руководитель стратегического департамента А.М. Мастепанов. В результате в доработанных Основных положениях Энергетической стратегии энергетическая дипломатия заняла достойное место. Позже при Минтопэнерго РФ была создана Межведомственная рабочая группа, которая в 1996 г. подготовила для руководства страны Аналитическую записку об актуальных проблемах внешней энергетической политики России. Одновременно рабочая группа Минтопэнерго и МИД РФ, которую возглавили

А.М. Мастепанов и ваш покорный слуга, подготовила проект Концептуальных положений энергетической дипломатии России, которые Министр Ю.К. Шафраник направил Президенту страны Б.Н. Ельцину с предложением разработать на их базе и принять Доктрину энергетической дипломатии России. К сожалению, ходу этому предложению в администрации президента не дали. Важно отметить, что большую роль в координации разработки научно-практических вопросов по теме энергетической дипломатии России, особенно в рамках ДЭС МИД России, сыграл Академик РАН, заместитель Министра иностранных дел РФ И.Д. Иванов (ныне покойный).

Интерес к энергетической дипломатии стал все больше возрастать. В процессе занятий наукой мы в конце 1990-х гг. создали Центр энергетической дипломатии и геополитики (сейчас находится на Гоголевском бульваре, д. 17) с участием Ю.К. Шафраника, Союза нефтегазопромышленников при поддержке МИД России. Мы начали проводить исследования, участвовать в организации конференций, писать статьи и т. д. Готовим новый сайт, который вскоре будет в доступе. Нашим Центром по заказу Минтопэнерго был проведен целый ряд исследований по различным регионам: Россия, США, Каспийский регион, Китай, Западная и Восточная Европа, СНГ.

В 1998 г. в Дипломатической академии МИД России я защищал кандидатскую диссертацию, но не по энергетической дипломатии США, а по энергетической дипломатии России. В 1999 г. вышла моя книга «Энергетическая дипломатия» [Жизнин 1999], которая получила очень хорошие отзывы ученых, экспертов, послов США и Германии. Меня стали приглашать преподавать: вначале в РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, а потом — в Международный институт топливно-энергетического комплекса (ТЭК) МГИМО. Когда я исследовал энергетическую дипломатию, я встречался с различными учеными в начале 1990-х гг., которые недоумевали, как связана дипломатия и нефтепроводы, газопроводы. Прошло время, и мне сказали, что я оказался прав.

Сейчас я штатный профессор МГИМО. Международный институт ТЭК (МИТЭК) теперь называется Международным институтом энергетической политики и дипломатии МГИМО, название было изменено в том числе под влиянием моих учебников и книг. В МГИМО я читаю курсы «Энергетическая дипломатия» и «Международная энергетическая безопасность». Я не думал, что энергетическая дипломатия впоследствии станет академическим предметом в вузе.

В эти дни МГИМО празднует 75-летие со дня своего основания. В этой связи мне хотелось поблагодарить и отметить внимание ректора МГИМО А.В. Торкунова и директора МИЭП МГИМО В.И. Салыгина на формирование энергетической дипломатии в качестве научно-образовательной сферы и важного направления деятельности МГИМО. Отмечу также, что 14 октября состоялось важное событие для российской энергетической дипломатии — подписание на полях российско-саудовской встречи на высшем уровне Меморандума о взаимопонимании между МГИМО и МИЭП и Университетом нефти и минералов Короля Фахда, предусматривающего создание совместного Российско-саудовского института энергетического сотрудничества на базе МГИМО при поддержке ведущих компаний двух стран.

В настоящее время исследования в области энергетической дипломатии становятся все более популярными. Но я хотел бы отметить, что я экономист, и для меня исследование энергетической дипломатии состояло в нахождении баланса интересов между странами — потребителями и производителями энергоресурсов, изучении цен на ресурсы, рынков и т.д. Но сейчас экономика

отстывает на второй план, на передовую выходит геополитика. Это может иметь серьезные последствия и для международной энергетической безопасности.

— Сформировалась ли энергетическая дипломатия как наука? Если да, то какая у нее методологическая основа?

— На мой взгляд, энергетическая дипломатия — это междисциплинарная отрасль, симбиоз экономики, политологии, экологических и технических наук. Энергетической дипломатией занимаются политологи, экономисты, они защищают диссертации на эту тему. В книге «Ядерные аспекты энергетической дипломатии» [Жизнин, Тимохов 2017], которую мы написали совместно с Владимиром Михайловичем Тимоховым, кандидатом физико-математических наук, много лет проработавшим в сфере ядерной энергетики, в одной из глав есть ряд формул, Владимир Михайлович сказал, что без них не обойтись. В то же время в книге есть часть, понятная для экономистов и политологов.

Что касается методологии, то в процессе изучения энергетической дипломатии используются экономико-статистические методы, качественное и количественное моделирование, метод стратегического взаимодействия. Подходы и методы стратегического взаимодействия, разработанные на основе теории игр, сводятся к тому, что действия, предпринимаемые индивидуальным членом группы, зависят или обусловлены выбором действий другими членами этой группы [Жизнин 2017].

Смысл такой: есть группы (компании, государства), между которыми устанавливаются различные контакты, появляется возможность коммуникаций. У каждой группы есть свои интересы, а стратегическое взаимодействие — это нахождение баланса этих интересов с целью избегания конфликтов и хаоса. А энергетика — очень чувствительная отрасль, это базовая отрасль экономики, от нее зависит многое: и социально-экономическое развитие, и национальная безопасность, и благополучие населения. Если не удастся найти баланс интересов, может возникнуть экономическая война. В любой стране, независимо от формы собственности ТЭК, будь то США, где 90 % ТЭК находится в частной собственности, или Китай, где 80 % ТЭК принадлежит государству, данный сектор экономики находится под особым вниманием государства.

Сейчас все изменилось ввиду геополитической турбулентности в мире на глобальном и региональном уровнях. Стала доминировать геополитика, она имеет большую экономическую стоимость, которую нужно отдельно считать, например, по «Северному потоку — 2» или «Турецкому потоку» [Жизнин, Тимохов 2019]. Геополитика экономизировалась, чего я не ожидал. Вообще речь идет, как я сказал раньше, о формировании научного междисциплинарного симбиоза в отношении энергетической дипломатии и безопасности. В этом плане может быть интересной одна из моих статей [Жизнин 2010].

Есть потребность в исследованиях нахождения баланса интересов в важной для человечества проблеме устойчивого развития мировой энергетики. Поэтому очевидно, что развитие отдельных отраслей (политология, энергетическая геополитика, экономика, финансы, технологические и специальные отраслевые отрасли науки) с учетом проблем и перспектив международного энергетического сотрудничества и безопасности образуют своеобразный научный междисциплинарный симбиоз в сфере энергетической дипломатии и безопасности.

— Можете ли вы назвать ведущих исследователей в этой сфере в России и в мире?

— У нас был заказ на статью о концептуальных подходах к энергетической дипломатии в России и в мире. Я пытался найти ученых, но я не мог их оценить. Конечно, есть интересные статьи, блестящие ученые, но сказать, что они основали базовую научную школу энергетической дипломатии, особенно в тесной практической взаимосвязи с энергетической безопасностью, я пока не могу. Видимо, не изучил их внимательно. Сейчас много политологов, но мне сложно их оценить. Я не экономист-теоретик, я скорее практик. Особенно это касается энергетической дипломатии и энергетической безопасности, что взаимосвязано. Что касается практики, я принимал участие в разработке документов по глобальной энергетической безопасности для саммита G8 в Санкт-Петербурге (2006), российского проекта конвенции Международной энергетической безопасности (2009—2010), а также ранних проектов Доктрины энергетической безопасности России.

Вижу, что есть много статей по данной теме, где много фактов, но мало анализа, особенно в отношении научно-практических рекомендаций. Хотя есть добротные материалы.

— Вы не только известный ученый, но и много лет проработали в системе МИД России. Не могли бы вы охарактеризовать понятие «энергетической дипломатии» не только с теоретической, но и с практической точки зрения в соответствии с нынешними международными реалиями?

— Для меня понятие энергетической дипломатии (оно вошло в документы МИД) — это деятельность официальных органов государственной власти по осуществлению энергетической политики с целью защиты национальных интересов в области энергетики. У каждой страны есть своя энергетическая дипломатия. Когда я работал в МИД, мы проводили совещание по энергетической дипломатии, в ходе которого пытались проанализировать, в отношениях России с какими странами энергетический фактор играет ту или иную роль. Этих стран оказалось около ста. Энергетика всегда присутствует в повестке дня саммитов, встреч президентов разных стран с участием глав соответствующих министерств и ведомств. Термин «энергетическая дипломатия» универсален, он охватывает и глобальный уровень, и региональный, и страновой, и — главное — корпоративный. В энергетической дипломатии, помимо государства, значительную работу делает бизнес, государственные и частные компании, между ними выстраиваются определенные связи с целью нахождения баланса интересов.

— У всех на слуху баталии вокруг «Северного потока — 2» и «Турецкого потока». Возможно ли, что это просто наиболее «раскрученные» в СМИ сюжеты и есть целый ряд других, не менее важных узловых проблем, очевидных для экспертов?

— В любом энергетическом проекте раньше главную роль играла экономика, но сейчас эта роль перешла к геополитике. Например, «Северный поток — 2», казалось бы, коммерческий проект, но преобладающую роль в его развитии играет геополитика. Позиция Дании, которая

не дает разрешение на строительство, в чистом виде является геополитической. Если Дания не даст разрешение на строительство, России придется идти в обход, стоимость проекта будет повышаться, срок сдачи — откладываться, это большие деньги.

Что касается наших проектов на востоке, то там большее значение имеет экономика. Например, проект «Сахалин — 2» успешно развивается. Проект по поставке газа в Китай «Сила Сибири» также развивается. В нем большую роль играет и экономика, и геополитика. В рамках реализации данного проекта Россия стремится находить баланс интересов с Китаем. Китай, в свою очередь, рассматривал предложение США о заключении договора о поставках сжиженного природного газа (СПГ) с Аляски в КНР. Однако ввиду введения санкций американской стороной и торговой войны между КНР и США подписание соглашения по реализации проекта «Аляска СПГ» было отложено. В этой связи снова подчеркну, что роль геополитики очень велика. Нельзя просто создать проект, сделать экономический расчет, выделить деньги и приступить к его реализации. Приходится думать о его геополитических последствиях и рисках.

— Какую роль в энергетической дипломатии России играют отечественные энергетические ТНК (Газпром, Роснефть, ЛУКОЙЛ и др.)? Как выстраивается их диалог с государством?

— Роль ТНК действительно велика [Zhiznin 2007]. Руководители этих компаний — А.Б. Миллер (Газпром), И.И. Сечин (Роснефть), В.Ю. Алекперов (ЛУКОЙЛ) — интересуются энергетической дипломатией, они, насколько мне известно, внимательно ознакомились с моими книгами. Компании выстраивают свою деятельность, главным образом исходя из корпоративных интересов. Около 15 лет назад было разногласие и несовпадение позиций наших корпораций и государства в отдельных проектах на Каспии, в Европе и в Китае. Сейчас они нашли точки соприкосновения, ТНК исходят из своих корпоративных и коммерческих интересов и интересов государства. В 1990-е гг. российские корпорации не обращали внимания на государство. Но они попадали не-

сколько раз в очень сложное положение в процессе реализации проектов в ряде сложных стран и, не имея поддержки государства, не могли из него выйти. Тогда они стали обращать внимание на государство. В результате в России выстроилось взаимопонимание между государством и энергетическими ТНК.

— На ваш взгляд, кто формирует приоритеты национальной энергетической дипломатии?

— Приоритеты национальной энергетической дипломатии формируются исходя из практики, посредством нахождения баланса интересов ТНК и государства. В различных странах существуют различные механизмы формирования приоритетов энергетической политики. В России этим занимается высшее политическое руководство — президент, правительство, а также главы компаний. Как формировать эти приоритеты, подсказывает практика. В настоящее время приоритеты энергетической дипломатии сформированы: на глобальном уровне — это отношения с ОПЕК и МЭА, Форумом стран — экспортеров газа (ФСЭГ), деятельность по линии ООН, на региональном — работа в рамках комиссий по Европе (ЕЭК) (Женева), по Азии и Тихому Океану (ЭСКАТО) (Бангкок).

— Вы начинали с классической энергетической дипломатии. Но ваши последние книги затрагивают уже международное сотрудничество в сфере энергетических технологий [Жизнин, Тимохов 2016], ядерные аспекты энергетической дипломатии [Жизнин, Тимохов 2017], а также возобновляемые источники энергии в мире и в России [Жизнин, Дакалов 2019]. С чем связана эволюция ваших исследовательских интересов?

— Эволюция исследовательских интересов связана с тем, что выросло значение технологических факторов в энергетической дипломатии. Конечно, можно переписывать классику, но жизнь не стоит на месте. В альянсе с Владимиром Михайловичем Тимоховым мы работаем по новым направлениям, усиливая технологический аспект. Моя вторая специальность — «инженер-электрик», поэтому я понимаю данную тему.

Появляются новые энергоносители, например, водородное топливо — за ним будущее. Газ, нефть — ресурсы, которые имеют свойство заканчиваться. Возрастает потребность в производстве большого количества электричества, в связи с чем возникает вопрос, как это делать. Рассмотрим в качестве примера возможность перехода на электрокары, для чего требуется большое количество электроэнергии. Производство электроэнергии с помощью газа имеет последствия для экологии. Водные ресурсы исчерпаны. Если взять возобновляемые источники энергии (ВИЭ), допустим, энергию Солнца, можно использовать солнечные батареи, однако использование их в рамках широкомасштабных проектов, например, в пустыне на большой площади, пока не изучено. Даже в случае реализации такого проекта возникает новый вопрос: каким образом транспортировать эту энергию, в частности в Европу? Для этого нужна мощнейшая инфраструктура.

Водородное топливо, в свою очередь, более перспективно. Компании и страны, которые правильно сделают выбор в сторону водородного топлива, получают большие выгоды, как экономические, так и геополитические. Поэтому мы стали заниматься изучением ВИЭ, водородного топлива, ядерного аспекта, энергетической дипломатии. Классическая энергетическая дипломатия также важна, но мне в ней многое более или менее понятно.

— Какие темы исследований становятся наиболее перспективными в этой области?

— Наиболее перспективными становятся исследования, связанные с технологическим аспектом энергетической дипломатии. Геополитика также интересна, но с точки зрения проведения расчетов ее экономической стоимости.

— В настоящее время наблюдается подъем КНР как глобальной экономической державы, для поддержания которого Китаю необходимы энергоресурсы. В 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин провозгласил инициативу «Один пояс, один путь», которая также предполагает создание энергетических коридоров. По вашему мнению, какие перспективы имеет данная инициатива с точки зрения обеспечения энергетической безопасности Китая?

— Инициатива «Один пояс, один путь» подразумевает создание новой мощнейшей транс-

портной инфраструктуры для транспортировки энергии и товаров. Этот проект может сильно изменить мировой порядок. Для Китая это интересно с точки зрения доставки своей продукции на территории рынков других стран, так как Китай пытается серьезно трансформировать номенклатуру своего промышленного производства. В стране развиваются наукоемкие отрасли. Необходимыми становятся короткие надежные пути для доставки товаров и для их импорта. Что касается энергетической безопасности, проект способствует ее обеспечению. Однако для этого необходимо обеспечение бесперебойной работы энергопотоков.

— Многие магистры и аспиранты РУДН выбирают энергетическую дипломатию как тему своих дипломных работ, кандидатских диссертаций. Какие рекомендации вы бы дали начинающим исследователям в области энергетической дипломатии?

— Выбирать конкретное направление исследования энергетической дипломатии следует исходя из своей специальности. Если человек является специалистом в области экономики, он может взять экономический аспект энергетической дипломатии, специалист в области политологии — геополитический аспект, если человек разбирается в экономике и технологиях, можно сделать акцент на этом. Конкретно для студентов Российского университета дружбы народов, в котором обучаются студенты из многих стран мира, и это единственный такой университет в России, можно посоветовать сконцентрироваться на исследовании энергетической дипломатии какой-либо конкретной страны. Студент, приехавший учиться в Россию, может выбрать энергетическую дипломатию своей страны. Также студенты могут выбрать страну в зависимости от изучаемого языка. Для вашего университета преимуществом является то, что вы можете писать по странам.

— Что преобладает — экономика или геополитика?

— Геополитика преобладает, даже доминирует. Если раньше было 10 % геополитики и 90 % экономики, то сейчас геополитика вышла на передний план. Взять, допустим, конкретный проект — «Северный поток — 2»: из чисто экономического проекта противники превратили его в геополитический. Это касается и других проектов.

Но, на мой взгляд, геополитика не может все время доминировать в энергетике. И, в конце концов, экономика возьмет верх. Иначе мировой эконо-

мике, а также энергетической безопасности в глобальном и региональном плане грозят серьезные опасности с очень тяжелыми последствиями.

Интервью провела А.А. Трусова / Interviewed by A.A. Trusova

Поступила в редакцию / Received: 20.09.2019

Библиографический список

- Жизнин С.З., Дакалов М.В. Возобновляемые источники энергии в мире и в России. М.: МГИМО-Университет, 2019.
- Жизнин С.З. Основы энергетической дипломатии. 2-е издание. М.: МГИМО-Университет, 2017.
- Жизнин С.З. Основы энергетической дипломатии: в 2 т. М.: МГИМО-Университет, 2003.
- Жизнин С.З. Российская энергетическая дипломатия и международная энергетическая безопасность (Геополитика и экономика) // Балтийский регион. 2010. № 1 (3). С. 8—21.
- Жизнин С.З., Тимохов В.М. Международное сотрудничество в сфере энергетических технологий. М.: МГИМО-Университет, 2016.
- Жизнин С.З., Тимохов В.М. Экономические и геополитические аспекты «Северного потока — 2» // Балтийский регион. 2019. № 3. С. 25—42. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-3-2
- Жизнин С.З., Тимохов В.М. Ядерные аспекты энергетической дипломатии. М.: МГИМО-Университет, 2017.
- Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия. Россия и страны мира на рубеже XXI века. Баланс и конфликт интересов. М.: Наука, 1999.
- Zhiznin S.Z. Energy Diplomacy: Russia and the World. Moscow: East Brook, 2007.
- Zhiznin S.Z. Guozi nengyuan: zhengzhi yu waijiao [Международная энергетика: политика и дипломатия]. Shanghai, 2005. (На китайском языке).

References

- Zhiznin, S.Z. & Timokhov, V.M. (2017). *Nuclear Aspects of Energy Diplomacy*. Moscow: MGIMO University publ. (In Russian).
- Zhiznin, S.Z. & Dakalov, M.V. (2019). *Renewable Energy Sources in the World and in Russia*. Moscow: MGIMO University publ. (In Russian).
- Zhiznin, S.Z. & Timokhov, V.M. (2016). *International Cooperation in the Field of Energy Technology*. Moscow: MGIMO University publ. (In Russian).
- Zhiznin, S.Z. & Timokhov, V.M. (2019). Economic and Geopolitical Aspects of the Nord Stream — 2. *Baltic Region*, 3, 25—42. (In Russian). DOI: 10.5922/2079-8555-2019-3-2
- Zhiznin, S.Z. (1999). *Energy Diplomacy. Russia and the World at the Turn of the 21st Century. Balance and Conflict of Interest*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Zhiznin, S.Z. (2003). *Fundamentals of Energy Diplomacy*. In 2 vol. Moscow: MGIMO University publ. (In Russian).
- Zhiznin, S.Z. (2005). *Guozi nengyuan: zhengzhi yu waijiao [International Energy Sector: Politics and Diplomacy]*. Shanghai. (In Chinese).
- Zhiznin, S.Z. (2007). *Energy Diplomacy: Russia and the World*. Moscow: East Brook.
- Zhiznin, S.Z. (2010). Energy Diplomacy of Russia and International Energy Security (Geopolitics and Economy). *Baltic Region*, 1 (3), 8—21. (In Russian).
- Zhiznin, S.Z. (2017). *Fundamentals of Energy Diplomacy*. 2nd edition. Moscow: MGIMO University publ. (In Russian).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО INTERNATIONAL ACADEMIC COOPERATION

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-480-489

Научная статья

Создание экспериментального термоядерного реактора ИТЭР как пример международного научно-технического сотрудничества в сфере энергетики

А.Х. Дегтерев

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация

Research article

Creation of Thermonuclear Experimental Reactor ITER as an Example of International Scientific and Technical Cooperation in Energy Sector

A.Kh. Degterev

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

В статье рассматриваются перспективы реализации крупнейшего международного научно-технического проекта («мегасайенс») по освоению управляемого термоядерного синтеза ИТЭР. В условиях истощения запасов ископаемого топлива повышается роль новых источников энергии, в том числе пока не освоенных. Ввиду чрезвычайно высоких затрат и амбициозных научных целей, стоящих перед проектом, его практическая реализация и финансирование возможны благодаря тесному международному научно-техническому сотрудничеству в сфере энергетики. Отмечается роль международной группы из 7 участников (России, ЕС, Японии, КНР, Индии, Республики Корея и США) в создании лабораторных установок термоядерного синтеза. Признанием успехов России является выбор конструкции типа «Токамак» для международного реактора ИТЭР, строящегося во Франции.

Раскрыты основные параметры международного партнерства, конкретизация которых осуществляется на регулярной основе в ходе координационных совещаний с участием представителей национальных агентств ИТЭР. Приведены параметры взаимодействия с научными учреждениями стран, которые не входят в консорциум.

Показана эволюция проекта с момента его запуска в 1985 г. как совместной советско-американской инициативы. Рассмотрены четыре варианта первоначального размещения реактора: в Испании, Франции, Канаде и Японии. Раскрыты особенности организационно-правового регулирования международного консорциума по управлению ИТЭР, в том числе учреждение Международной организации ИТЭР по термоядерной энергии для совместной реализации проекта ИТЭР в 2006 г. Обсуждается роль натурального взноса стран в международных проектах в обмене уникальными технологиями мирового уровня.

Перечислены основные цели, которые ставят перед собой страны — участницы проекта, и временные горизонты их практического достижения. Приведены параметры участия России в проекте, оценены перспективы дальнейшего сотрудничества в данной области. Особое внимание уделяется особенностям политического взаимодействия стран-участниц, а также промежуточным результатам, уже достигнутым при реализации проекта ИТЭР.

Ключевые слова: ИТЭР, мировая энергетика, международное научно-техническое сотрудничество, МАГАТЭ, мегасайенс, натуральный взнос, термоядерный реактор, термоядерные нейтроны

© Дегтерев А.Х., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Дегтерев А.Х. Создание экспериментального термоядерного реактора ИТЭР как пример международного научно-технического сотрудничества в сфере энергетики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 480—489. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-480-489

Abstract. The article analyses the prospects for the implementation of the largest international scientific and technical project (“mega-science” project) ITER of controlled thermonuclear fusion. With the depletion of fossil fuel reserves, the role of new energy sources, including those that have not yet been developed, is increasing. Due to the extremely high costs and ambitious scientific goals facing the project, its practical implementation and funding are possible in close international scientific and technical cooperation in the energy sector. The role of an international group of seven participants (Russia, the EU, Japan, China, India, the Republic of Korea and the USA) in the creation of laboratory fusion facilities is noted. The choice of a Tokamak-type design for the ITER international reactor being built in France is the recognition of Russian’s decisive role. The article reveals the main parameters of international partnership, the specification of which is carried out on a regular basis at ITER coordination meetings with the participation of representatives of national ITER agencies. The parameters of interaction with scientific institutions of countries that are not members of the consortium are given.

The evolution of the project since its launch in 1985 as a joint Soviet-American initiative is shown. Four options for the initial placement of the reactor are considered: in Spain, France, Canada and Japan. The features of the organizational and legal regulation of the international consortium for the management of ITER are disclosed, including the establishment of the ITER International Organization for Thermonuclear Energy for the joint implementation of the ITER project in 2006. The role of the in-kind contribution of countries in international projects in the exchange of unique world-class technologies is discussed.

The main goals set by the countries participating in the project and the time horizons for their practical achievement are listed. The parameters of Russia’s participation in the project are given, the prospects for further cooperation in this area are evaluated. Particular attention is paid to the peculiarities of the political interaction of the participating countries, as well as to the intermediate results already achieved during the implementation of the ITER project.

Key words: ITER, world energy, international scientific and technical cooperation, IAEA, mega-science, in-kind contribution, fusion reactor, thermonuclear neutrons

For citations: Degtarev, A.Kh. (2019). Creation of Thermonuclear Experimental Reactor ITER as an Example of International Scientific and Technical Cooperation in Energy Sector. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 480—489. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-480-489

Начиная с конца XIX в. душевое потребление энергии удваивалось каждые 40 лет. А если учесть, что росла и численность населения (она увеличилась в 5 раз за последние 100 лет), то масштаб глобальной проблемы обеспеченности энергией становится очевидным. Энергоресурсы большинства стран, особенно развитых, уже к концу XX в. оказались частично или полностью истощенными. До недавнего времени в качестве альтернативы традиционным энергоресурсам рассматривались атомные электростанции. Однако оценки показывают, что имеющиеся запасы урана явно недостаточны. Если все современное энергопотребление перевести на АЭС, то урана не хватит и на 100 лет. Последним трендом развития энергетики является переход на возобновляемые источники энергии (в основном это ветровые и солнечные станции), однако на практике пока удается довести их долю в энергетике в лучшем случае до 20 %. Это означает, что надо либо уменьшать в разы современное энергопотребление, либо искать новые источники энергии, к числу которых относится и искусственный термоядерный синтез.

Теория реакций термоядерного синтеза была создана еще в 1938 г., по сути одновременно с теорией цепной реакции деления урана. На сегодняшний день реакция деления урана широко используется в промышленных масштабах на многочисленных АЭС, а вот применение термоядерного синтеза так и не продвинулось дальше создания водородной бомбы и сравнительно небольших лабораторных установок. Судя по всему, термоядерные электростанции станут реальностью не раньше второй половины XXI в. [Арутюнов, Лапидус 2005; Макаров, Фортов 2004], что представляется достаточно удаленной перспективой, до которой человечеству придется пройти долгий путь. Не случайно англоязычная аббревиатура проекта создания Международного экспериментального термоядерного реактора ИТЭР (*International Thermonuclear Experimental Reactor, ITER*) в переводе с латыни (*iter*) означает «путь».

Фактически речь идет о реализации международного проекта класса «мегасайенс» [Горлова, Ткаченко 2019; Ramamurthy 2011], примером которого, наравне с ИТЭР, является Объединен-

ный институт ядерных исследований в г. Дубна, Большой адронный коллайдер Европейской организации по ядерным исследованиям (ЦЕРН), Центр по исследованию антипротонов и ионов в Европе (ФАИР) или Международная космическая станция (МКС). Ряд исследователей, характеризуя международную роль ИТЭР, говорят даже о функции регулирования межгосударственных отношений в сфере альтернативной энергетики [Белоцкий 2012]. Отдельно следует отметить еще одну международную инициативу в сфере термоядерного синтеза — российско-итальянский проект экспериментального токамака «Игнитор»¹.

При реализации проектов такого рода страны-участницы сталкиваются с рядом практических сложностей международного научно-технического сотрудничества, связанных как с привлечением международного финансирования [Edler 2012], в том числе как альтернативы финансированию национальных проектов [Cho 2012], с кросс-культурными особенностями управления и обеспечения преемственности в реализации проекта [Shore, Cross 2003; Motojima, Travis 2010], так и с сопряжением научных и технологических подходов разных стран [Goldston 2010; McKray 2010; Rutherford, Baker 1996].

Международное сотрудничество и соперничество в рамках ИТЭР

Проект ИТЭР — это пример международного сотрудничества ЕС, Индии, КНР, Республики Корея, России, США и Японии, которое длится вот уже 35 лет. Участники проекта образуют своего рода «Группу семи», причем в отличие от традиционной G7 на нее приходится 85 % мирового ВВП и более половины населения нашей планеты. С учетом стран — членов ЕС это означает, что в строительстве этого реактора сейчас принимают участие 35 стран [Claessens 2020].

Проект изначально имел политический контекст и задумывался президентами М.С. Горбачевым и Р. Рейганом как пример конструктивного сотрудничества двух сверхдержав. В заключительной части совместного заявления, подписанного

по итогам советско-американского саммита 21 ноября 1985 г. в Женеве, оба лидера отметили «потенциальную важность работы, направленной на использование управляемого термоядерного синтеза в мирных целях, и в этой связи выступили за самое широкое практическое развитие международного сотрудничества в получении этого источника энергии, который является по сути неисчерпаемым, на благо всего человечества»².

Данное предложение изначально было инициативой СССР, который планировал осуществить международный проект по созданию мощной установки на основе «Токамака» с целью отработки технологии получения термоядерной энергии с последующим переходом к промышленному термоядерному реактору. Впоследствии проект поддержал президент Франции Ф. Миттеран, после чего к нему присоединилась Япония, а потом уже и другие страны.

Однако реальные шаги в этом направлении были предприняты уже после распада СССР. В 1992 г. Россия, США, ЕС и Япония подписали первое соглашение по проекту ИТЭР. Руководителем Совета ИТЭР был избран академик Е.П. Велихов. Была учреждена эмблема проекта ИТЭР, на которой по кругу изображены флаги России, США, ЕС и Японии. Китай, Индия и Корея присоединились к проекту позже.

На начальном этапе американские исследователи активно поддерживали идею участия в проекте ИТЭР, а Министерство энергетики США ставило его на первое место среди приоритетных проектов класса «мегасайенс» [Malakoff, Cho, Service 2003]. Однако в 1999 г. США вышли из соглашения по ИТЭР, мотивируя это слишком большими затратами на реализацию проекта [A Review of the DOE Plan... 2009]. В 2001 г. проект был переработан, и его стоимость уменьшилась почти в два раза. После этого США в 2003 г. вернулись в проект ИТЭР [Seife 2002; Seife, Normile 2003].

Это было непростое время для России и ряда других стран, но, как говорил в те годы академик

¹ Черковец В.Е. Российско-итальянский проект экспериментального токамака «Игнитор» // Росатом. 9 июня 2010 г. URL: <http://www.atomic-energy.ru/presentations/35964> (дата обращения: 08.04.2019).

² Joint Soviet-United States Statement on the Summit Meeting in Geneva. November 21, 1985. Ronald Reagan, The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/joint-soviet-united-states-statement-the-summit-meeting-geneva> (accessed: 08.04.2019).

Е.П. Велихов, ИТЭР — это ворота в термоядерную энергетику, через которые мир должен пройти [Энергетика будущего... 2005; Иванов, Лукьянцев, Клыков, Васильев 2018]. Критики проекта и сейчас характеризуют его всего двумя цифрами — *увеличение сметы в 4 раза и отставание от графика строительства на 5 лет.*

С 2001 г. начались переговоры стран-участниц о подготовке нового соглашения о совместной реализации проекта ИТЭР, которые включали в себя несколько раундов [Коржавин 2003]. Изначально рассматривались четыре варианта для размещения реактора: Ванделлос (Испания), Кадараш (Франция), Кларингтон (Канада) и Роккасё (Япония) [Normile, Kondro 2001], однако впоследствии наибольшая конкуренция развернулась между Францией и Японией [Clergy, Bosch 2003; Clergy, Normile 2004, 2005].

В 2005 г. стороны, наконец, определились с местом, где будет построен реактор. В ноябре 2006 г. при участии МАГАТЭ было подписано новое соглашение между 7 странами-участницами о строительстве реактора во Франции при параллельном создании Центра управления проектом в Японии [Подписание международного соглашения... 2007]. Данное соглашение предусматривало учреждение Международной организации ИТЭР по термоядерной энергии для совместной реализации проекта ИТЭР³. В настоящее время строительство реактора ведется во Франции, в центре ядерных исследований Кадараш недалеко от Марселя. С 2015 г. генеральным директором организации является французский физик Б. Биго⁴.

Страны-участницы на регулярной основе осуществляют мониторинг процесса создания реактора и проводят координационные совещания ИТЭР с участием представителей национальных агентств ИТЭР [Координационное совещание... 2008].

³ Agreement on the Establishment of the ITER International Fusion Energy Organization for the Joint Implementation of the ITER Project. 21 November 2006. URL: https://www.iter.org/doc/www/content/com/Lists/WebText_2014/Attachments/245/ITERAgreement.pdf (accessed: 08.04.2019).

⁴ Бернар Биго: у организации ITER свои правила // AtomInfo.Ru. 01.06.2018. URL: <http://www.atominfo.ru/newss/z0467.htm> (дата обращения: 08.04.2019).

Следует отметить, что некоторые страны, не вошедшие в Соглашение по ИТЭР, также принимают участие в проекте на уровне отдельных организаций. Так, в 2017 г. генеральный директор ИТЭР Б. Биго подписал с Национальным ядерным центром Казахстана договор о техническом сотрудничестве, целью которого является испытание конструкционных материалов для реактора на казахском «Токамаке». Аналогичные документы подписаны с Австрией, Канадой и Таиландом, всего более 60 соглашений о кооперации с международными организациями (МАГАТЭ, ЦЕРН), национальными лабораториями и университетами.

Отдельное Соглашение о партнерстве ИТЭР подписал в 2008 г. с Княжеством Монако. Согласно документу, каждые два года (в 2008, 2010, 2012, 2014 и 2016 гг.) финансировались исследования 5 ученых (пост-доксов), отобранных на конкурсной основе. Также было профинансировано проведение в 2010, 2013 и 2016 гг. международной конференции в Монако «Международные дни термоядерной энергии» (Monaco ITER International Fusion Energy Days, MIIFED). В январе 2018 г. соглашение с Монако было продлено на 10 лет⁵.

Параметры международного партнерства

По аналогии с клубом ядерных держав, получивших в свое время контроль над атомным оружием, в рамках проекта ИТЭР произошло формирование довольно узкого круга стран, претендующих на доступ к технологиям термоядерного синтеза. Расходы на реализацию проекта распределены между странами-участницами следующим образом: около 45% берет на себя ЕС, остальные шесть стран (Россия, США, Китай, Япония, Индия, Корея) — равные доли примерно по 9%.

Проект создания международного термоядерного экспериментального реактора имеет давнюю историю. По своей конструкции он относится к реакторам типа «Токамак» (тороидальная камера с магнитными катушками). Эта установка по удержанию плазмы была разработана советскими физиками А. Сахаровым и И. Таммом еще

⁵ International Cooperation // ITER. URL: <https://www.iter.org/legal/status> (accessed: 08.04.2019).

в 1950 г. Вскоре после этого были построены сотни исследовательских реакторов различных типов, в связи с чем уже в 1960-х гг. многие ученые рассчитывали на освоение управляемого термоядерного синтеза до 1980 г.

Однако проблем на пути к управляемому синтезу оказалось гораздо больше, чем ожидалось. Фактически ИТЭР — это как АЭС, но только больше, и основан он совсем на других технологиях. Достаточно сравнить температуры в активной зоне — для термоядерных реакторов это десятки и сотни миллионов градусов, а для тепловыделяющих элементов (ТВЭЛов) на АЭС — всего тысяча градусов. При столь высоких температурах должны использоваться другие материалы, другие системы охлаждения.

Создание энергетического термоядерного реактора на данном этапе является крупным и дорогостоящим проектом, требующим международной кооперации. Достаточно сказать, что, по мнению многих ученых, *ИТЭР будет наиболее сложным научно-техническим сооружением за всю историю человечества*. Причем промышленные термоядерные реакторы будут даже проще — там будет не так много диагностических устройств, как на экспериментальном реакторе.

Главной целью проекта еще на этапе проектирования реактора была заявлена демонстрация осуществимости использования термоядерной энергии в промышленных масштабах. К 2030 г. на экспериментальном реакторе планируется получить результаты, позволяющие перейти к промышленному освоению термоядерной энергии. До этого предстоит решить множество проблем, с которыми ранее никому не приходилось сталкиваться. Например, расстояние между зоной реакции, где температура 300 млн градусов, и зоной охлаждения, где поддерживается температура жидкого гелия, не превышает 3 метров. Одна из целей проекта как раз и состоит в выявлении проблем, которые стоят на пути освоения термоядерной энергии. Пуск первой промышленной электростанции, вырабатывающей электричество на основе термоядерного синтеза, произойдет только в 2050-х гг.

До этого планируется еще строительство реактора DEMO (от слова demonstration), главная задача которого — продемонстрировать коммерческую привлекательность такого рода электро-

станций. Этот проект будет реализован в 2035 г., и уже тогда планируется выработка 2000 МВт электроэнергии в режиме постоянной генерации [Matsuda, Tobita 2013].

Уже сегодня параметры реактора ИТЭР впечатляют. Вместе со вспомогательными помещениями он занимает площадку размером 600 × 400 м. Сам реактор представляет собой тороидальную камеру с внешним диаметром 19 м и высотой 11 м. Она будет находиться внутри огромного криостата, охлаждаемого жидким гелием. Для обеспечения сверхпроводимости обмоток катушек электромагнитов необходима температура $-268\text{ }^{\circ}\text{C}$, и только на прокачку гелия расходуется 2,5 МВт электроэнергии. Плазма будет удерживаться внутри камеры магнитным полем с индукцией свыше 5 Тл, которое создается электромагнитами при прохождении тока величиной 70 тысяч ампер. Через плазменный шнур пойдет ток в десятки миллионов ампер.

Планируется работа реактора в импульсном режиме, продолжительность одного цикла работы составит 17 мин. При этом ставится задача достичь выхода термоядерной энергии на уровне 500 МВт, то есть превысить энергопотребление при запуске реактора в 10 раз. Даже просто обслуживание такой системы представляет собой сложную задачу, для выполнения которой требуются специально подготовленные специалисты. Подготовка кадров для создания и эксплуатации будущих термоядерных реакторов — одна из задач проекта. При этом в отдельных странах уже сейчас действуют свои национальные программы по подготовке ученых и инженеров для новой отрасли энергетики. Так, в Китае по такой программе ведется подготовка 1000 специалистов. В России пока нет специальной программы по подготовке кадров для термоядерной энергетики, и это сказывается на доле российских специалистов, находящихся непосредственно на строительной площадке. Квалифицированных специалистов с опытом работы на «Токамаках» не хватает.

Особенностью данного международного проекта является непосредственное участие разных стран в изготовлении оборудования для реактора. Так, Россия 90 % своего вклада вносит в натуральной форме, поставляя сверхпроводящие магниты, гиротроны для разогрева плазмы и другое оборудо-

дование. Значительную часть изготавливаемых в России изделий составляет диагностическое оборудование для реактора [Петров, Афанасьев, Мухин, Шевелев 2018]. И только 10 % взноса идет как чисто финансовое обеспечение. При этом изготовление конкретного оборудования доверяется только тем странам, которые являются мировыми лидерами в данном секторе. Как правило, это оборудование является наукоемким и высокотехнологичным, подчас и просто уникальным.

В отличие от России Китай, Япония и ЕС, безусловно, заинтересованы в скорейшем развитии термоядерной энергетики в связи с отсутствием месторождений углеводородов на их территории. После осуществления проектов ИТЭР и DEMO они готовы приступить к строительству коммерческих термоядерных реакторов в своих странах.

Несмотря на то, что в ходе реализации проекта отдельные блоки реактора проекта DEMO планируется испытывать в реакторе ИТЭР, ряд стран-участниц могут отказаться от дальнейшего участия в проекте. Для них основная цель — это именно получение мощного источника нейтронов, пусть даже и в импульсном режиме. Он нужен многим другим странам, у которых нет значительных запасов углеводородов. Это Китай, ЕС, Япония, многие страны Африки и Южной Америки.

Россия в проекте ИТЭР

В России работы по проекту ИТЭР велись в рамках трехлетних федеральных целевых программ (ФЦП), принимаемых правительством РФ. Так, в 1996—1998 гг. действовала федеральная целевая научно-техническая программа «Международный термоядерный экспериментальный реактор ИТЭР и научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в его поддержку»⁶. К середине 1998 г. в рамках этой и других программ на действовавших в то время установках

типа «Токамак» были получены важные результаты, позволившие вдвое уменьшить первоначальную стоимость сооружения ИТЭР. Аналогичная федеральная программа действовала и в 1999—2001 гг.⁷

В 2001 г. проектная документация была уже готова, и на период 2002—2005 гг. была принята ФЦП «Международный термоядерный экспериментальный реактор ИТЭР» с объемом финансирования 860 млн руб. В ней в качестве целевого показателя реализации мероприятий программы названо количество российских организаций, участвующих в проведении работ в рамках проекта ИТЭР. В соответствующем постановлении правительства РФ от 21.08.2001 г. отмечалось, что страны решили объединить свои усилия для совместной разработки проекта ИТЭР, «осознавая глобальное значение и сложность проблемы»⁸. Там же обращалось внимание на тот факт, что основой проекта реактора ИТЭР явились термоядерные установки «Токамак», разработанные в России.

В 2009 г. Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» было создано частное учреждение «Проектный центр ИТЭР»⁹. С 2011 г. именно оно отвечает за обеспечение взноса России в натуральной форме. При этом научное и методическое сопровождение соответствующих работ по реализации проекта возложено на Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт». Если в предыдущих постановлениях правительства говорилось только о раз-

⁷ Постановление Правительства РФ от 01.12.1998 № 1417 «Об утверждении федеральной целевой научно-технической программы «Международный термоядерный экспериментальный реактор ИТЭР и научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в его поддержку» на 1999—2001 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 50. Ст. 6154.

⁸ Постановление Правительства РФ от 21.08.2001 № 604 «Об утверждении федеральной целевой научно-технической программы «Международный термоядерный экспериментальный реактор ИТЭР и научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в его поддержку» на 2002—2005 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 40. Ст. 3563.

⁹ Частное учреждение Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» «Проектный центр ИТЭР» (российское Агентство ИТЭР). URL: <https://www.itertf.ru/> (дата обращения: 08.04.2019).

⁶ Постановление Правительства РФ от 19.06.1996 № 1119 «Об утверждении федеральной целевой научно-технической программы «Международный термоядерный экспериментальный реактор ИТЭР и научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в его поддержку» на 1996—1998 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 40. Ст. 4655.

работке проекта ИТЭР, то в распоряжении от 2011 г. речь идет уже о совместной реализации проекта¹⁰.

Для российских предприятий, институтов и конструкторских бюро участие в таких работах выгодно уже потому, что в их ходе осваиваются новейшие технологии, становятся доступными достижения других стран. Ведь по условиям соглашения, внося 9 % от стоимости проекта, Россия получит лицензии на все используемые в нем технологии. А непосредственное общение участников проекта на строительной площадке позволит овладеть им и всеми ноу-хау. Как говорят российские участники проекта ИТЭР, сделать свой взнос в проект и потом не построить в своей стране термоядерный реактор — это все равно как оплатить билет и потом пойти пешком.

Политические риски на стадии реализации проекта для Российской Федерации связаны с введением санкций со стороны ЕС и США в отношении приобретения или изготовления уникального оборудования, необходимого для реализации проекта.

Реализация проекта и ИТЭР-пессимизм

По состоянию на 2019 г. объем выполненных на реакторе работ, включая монтаж оборудования, составляет уже две трети от запланированного. В среднем за год строительство реактора продвигается на 10 % [Велихов, Мирнов 2009; Хроника ИТЭР 2012]. О сложности реализации проекта свидетельствует уже тот факт, что для запуска термоядерной реакции потребуется электростанция мощностью 50 МВт, поэтому рядом с реактором строится АЭС.

Сроки запуска реактора неоднократно пересматривались. Сначала речь шла о 2011 г., потом — о 2020 г. Сейчас физический пуск запланирован на декабрь 2025 г. Со временем увеличивалась и стоимость реализации проекта [Clery 2006]. Если в 2005 г. она составляла 5 млрд евро, то в 2014 г. — уже 15 млрд евро, а сейчас уже перевалила за 20 млрд евро. Для сравнения —

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 26.01.2011 № 75-р «О частичном изменении распоряжения правительства РФ от 11.05.2007 № 597-р» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 5. Ст. 779.

строительство Белорусской АЭС оценивается в 7—10 млрд долл. США.

Несмотря на очевидные успехи в реализации проекта ИТЭР, нельзя не отметить, что до сих пор отношение к нему в ряде стран, включая Россию, остается достаточно скептическим [Glanz, Lawler 1998]. Даже в проекте Стратегии развития атомной энергетики России до 2030 г. и на период до 2050 г. об ИТЭР упоминается лишь в самом последнем разделе как о долгосрочной перспективе развития атомной энергетики. Более того, даже в подписанном в июне 2018 г. президентами России и КНР стратегическом пакете документов об основных направлениях сотрудничества в сфере атомной энергетики на ближайшие десятилетия термоядерный реактор не упоминается¹¹. Там речь идет о строительстве новых АЭС, о помощи в сооружении китайского реактора на быстрых нейтронах и о радиоизотопных источниках для китайской лунной программы. Хотя незадолго до этого между Министерством образования и науки РФ и Министерством науки и техники КНР был подписан протокол о перспективах сотрудничества в рамках комплекса сверхпроводящих колец NICA, который имеет отношение к технологиям, используемым в реакторе ИТЭР¹².

Такое прохладное отношение к проекту ИТЭР объясняется недостаточными пока запасами ископаемого топлива в России. Аналогичная ситуация имеет место в США, где с приходом президента Д. Трампа отношение к проекту заметно ухудшилось. Для США в ближайшие десятилетия гораздо актуальнее наладить международную торговлю своим сланцевым газом. Россия планирует пока постройку так называемого гетерогенного реактора, который позволит получать мощные потоки нейтронов, но не является энергетическим.

¹¹ Россия и Китай подписали рекордный пакет соглашений о сотрудничестве в ядерной сфере // Департамент коммуникаций Госкорпорации Росатом. 08.06.2018. URL: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/rossiya-i-kitay-podpisali-rekordnyy-paket-soglasheniy-o-sotrudnichestve-v-yadernoy-sfere/> (дата обращения: 08.04.2019).

¹² Григорий Трубников: Совместные проекты и программы России и Китая в области научно-образовательного сотрудничества — это важная часть стратегического партнерства наших государств // Пресс-центр Министерства науки и высшего образования РФ. 02.04.2019. URL: https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=1229 (дата обращения: 08.04.2019).

Во всяком случае, руководитель «Проектного центра ИТЭР» в России А.В. Красильников считает, что пока России термоядерный реактор для выработки энергии не нужен [Термоядерный синтез... 2014]. По его оценкам, на ближайшие 60 лет России хватит запасов нефти и газа для производства энергии. Исходя из этого, можно прогнозировать переход к термоядерной энергетике скорее к концу XXI в.

В отличие от углеродной энергетике для термоядерной критичным будет уже не наличие запасов топлива, а доступ к технологиям, используемым в ИТЭР. Изотопы водорода, необходимые для синтеза, получают из воды и лития. А их в России хватает, тем более что расход трития за год работы реактора ИТЭР при выработке 500 МВт термоядерной энергии составляет лишь 20 кг. Это при том, что мировое производство лития бурно растет и уже сейчас составляет тысячи тонн.

***

Наряду с ИТ, искусственным интеллектом, биоинженерными и другими инновационными технологиями, новая термоядерная энергетика — это одна из тех прорывных научных инноваций,

развитие которой уже в ближайшем будущем будет определять весьма ограниченный круг стран, своего рода «Группа семи» (ЕС, Индия, КНР, Республика Корея, РФ, США и Япония). Несмотря на сложности международной научно-технической кооперации, а также научные проблемы, связанные с управляемым термоядерным синтезом, реализация проекта ИТЭР поступательно развивается, и важную роль в реализации данного проекта играет Российская Федерация.

Важна не только финальная цель данного проекта, связанная с промышленным освоением термоядерной энергии, практическое достижение которой возможно лишь к 2030 г., но и положительные промежуточные результаты. К последним можно отнести развитие казахстанского токамака как одной из экспериментальных площадок до запуска ИТЭР, строительство экспериментального сверхпроводящего токамака EAST (Experimental Advanced Superconducting Tokamak) в г. Хэфэй (КНР), который является частью программы по созданию ИТЭР, перспективы использования ГРИД-технологий в рамках БРИКС для передачи информации, полученной в ходе реализации проекта ИТЭР и др.

Поступила в редакцию / Received: 25.04.2019
Принята к публикации / Accepted: 15.09.2019

Библиографический список

- Арутюнов В.С., Липидус А.Л. Роль газохимии в мировой энергетике // Вестник РАН. 2005. Т. 75. № 8. С. 683—693.
- Белоцкий С.Д. ИРЕНА и ИТЭР как регуляторы межгосударственных отношений в сфере альтернативной энергетике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2012. № 4. С. 242—252.
- Велихов Е.П., Мирнов С.В. Первый термоядерный реактор ИТЭР вышел на финишную прямую // Вестник Московского энергетического института. 2009. № 4. С. 11—15.
- Горлова Е.Н., Ткаченко Р.В. Понятие проектов класса «Мегасайенс» на примере установок ИТЭР и ФАИР // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 205—213. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.102.5.205-213>
- Иванов Д.А., Лукьянцев Д.С., Клыков А.Д., Васильев С.П. Международный термоядерный экспериментальный реактор — проект для развития будущей энергетике всего мира // Научные горизонты. 2018. № 11. С. 98—111.
- Координационное совещание руководства международной организации ИТЭР и представителей национальных агентств ИТЭР // Вопросы атомной науки и техники. Серия: Термоядерный синтез. 2008. № 4. С. 101.
- Коржавин В.М. Итоги 8-го раунда переговоров делегаций Российской Федерации, Евратома, Канады, Японии, Китая и США по подготовке соглашения о совместной реализации проекта ИТЭР // Вопросы атомной науки и техники. Серия: Термоядерный синтез. 2003. № 1. С. 95—98.
- Макаров А.А., Фортвов Е.Е. Тенденция развития мировой энергетике и энергетическая стратегия России // Вестник РАН. 2004. Т. 74. № 6. С. 195—208.
- Петров Н.П., Афанасьев В.И., Мухин Е.Е., Шевелев А.Е. Физтех — международному термоядерному реактору // Природа. 2018. № 9. С. 12—21.
- Подписание международного соглашения о сооружении международного термоядерного экспериментального реактора ИТЭР // Вопросы атомной науки и техники. Серия: Термоядерный синтез. 2007. № 1. С. 92—93.

- Термоядерный синтез — проект века. Интервью Красильникова А.В.* // В мире науки. 2014. № 2. С. 26—29.
- Хроника ИТЭР* // Вопросы атомной науки и техники. Серия: Термоядерный синтез. 2012. № 1. С. 72.
- Энергетика будущего. Международный проект ИТЭР* / под ред. Е.П. Велихова. М.: УТС-Центр, 2005.
- A Review of the DOE Plan for U.S. Fusion Community Participation in the ITER Program.* National Academy of Sciences. Washington: The National Academic Press, 2009.
- Cho A. Bigger Contribution to ITER Erodes Domestic Fusion Program // *Science*. 2012. Vol. 335. Iss. 6071. P. 901—902. DOI: 10.1126/science.335.6071.901
- Claessens M. ITER, The Giant Fusion Reactor: Bringing a Sun to Earth. Berlin: Springer, 2020.
- Clery D. ITER's \$12 Billion Gamble // *Science*. 2006. Vol. 314. Iss. 5797. P. 238—242. DOI: 10.1126/science.314.5797.238
- Clery D., Bosch X. E.U. Puts France in Play for Fusion Sweepstakes // *Science*. 2003. Vol. 302. Iss. 5651. P. 1640. DOI: 10.1126/science.302.5651.1640
- Clery D., Normile D. Cadarache: More than Just a Candidate Site // *Science*. 2004. Vol. 306. Iss. 5702. P. 1669. DOI: 10.1126/science.306.5702.1669a
- Clery D., Normile D. ITER Rivals Agree to Terms; Site Said to Be Cadarache // *Science*. 2005. Vol. 308. Iss. 5724. P. 934—935. DOI: 10.1126/science.308.5724.934a
- Edler J. Toward Variable Funding for International Science // *Science*. 2012. Vol. 338. Iss. 6105. P. 331—332. DOI: 10.1126/science.1221970
- Glanz J., Lawler A. Planning a Future Without ITER // *Science*. 1998. Vol. 279. Iss. 5347. P. 20—21. DOI: 10.1126/science.279.5347.20
- Goldston R. Anatomy of Fusion: the Reactor of the Future // *World Policy Journal*. 2011. Vol. 28. No. 3. P. 40—43.
- Malakoff D., Cho A., Service R. ITER Tops DOE's List of Next Big Science Projects // *Science*. 2003. Vol. 302. Iss. 5648. P. 1126—1127. DOI: 10.1126/science.302.5648.1126
- Matsuda Sh., Tobita K. Evolution of the ITER Program and Prospect for the Next-Step Fusion DEMO Reactors: Status of the Fusion Energy R&D as Ultimate Source of Energy // *Journal of Nuclear Science and Technology*. 2013. Vol. 50. No. 4. P. 321—345.
- McKray W.P. 'Globalization with Hardware': ITER's Fusion of Technology, Policy, and Politics // *History and Technology*. 2010. Vol. 26. No. 4. P. 283—312. DOI: 10.1080/07341512.2010.523171
- Motojima O., Travis J. Fresh Start for Fusion Project as New Leader Shakes Up Management // *Science*. 2010. Vol. 328. Iss. 5992. P. 616—617. DOI: 10.1126/science.329.5992.616-a
- Normile D., Kondro W. Canada Bids to Host International Reactor // *Science*. 2001. Vol. 292. Iss. 5525. P. 2240. DOI: 10.1126/science.292.5525.2240
- Ramamurthy V.S. Global Partnerships in Scientific Research and International Mega-Science Projects // *Current Science*. 2011. Vol. 100. No. 12. P. 1783—1785.
- Rutherford P., Baker Ch. The ITER Project // *Science*. 1996. Vol. 272. Iss. 5259. P. 181—182. DOI: 10.1126/science.272.5259.181a
- Seife Ch. Energy Panel Asks U.S. to Rejoin ITER // *Science*. 2002. Vol. 297. Iss. 5589. P. 1977. DOI: 10.1126/science.297.5589.1977a
- Seife Ch., Normile D. United States Rejoins International Fusion-Research Project // *Science*. 2003. Vol. 299. Iss. 5608. P. 801—802. DOI: 10.1126/science.299.5608.801a
- Shore B., Cross B. Management of Large-Scale International Science Projects: Politics and National Culture // *Engineering Management Journal*. 2003. Vol. 15. No. 2. P. 25—34.

References

- A Review of the DOE Plan for U.S. Fusion Community Participation in the ITER Program.* (2009). National Academy of Sciences. Washington: The National Academic Press.
- Arutyunov, V.S. & Lapidus, A.L. (2005). The Role of Gas Chemistry in World Energy. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 75 (8), 683—693. (In Russian).
- Belotsky, S.D. (2012). IRENA and ITER as the Regulating Forces of International Relationships in the Sphere of Alternative Energy. *RUDN Journal of Law*, 4, 242—252. (In Russian).
- Cho, A. (2012). Bigger Contribution to ITER Erodes Domestic Fusion Program. *Science*, 335 (6071), 901—902. DOI: 10.1126/science.335.6071.901
- Claessens, M. (2020). *ITER, the Giant Fusion Reactor: Bringing a Sun to Earth*. Berlin: Springer.
- Clery, D. & Bosch, X. (2003). E.U. Puts France in Play for Fusion Sweepstakes. *Science*, 302 (5651), 1640. DOI: 10.1126/science.302.5651.1640
- Clery, D. & Normile, D. (2004). Cadarache: More than Just a Candidate Site. *Science*, 306 (5702), 1669. DOI: 10.1126/science.306.5702.1669a

- Clery, D. & Normile, D. (2005). ITER Rivals Agree to Terms; Site Said to Be Cadarache. *Science*, 308 (5724), 934—935. DOI: 10.1126/science.308.5724.934a
- Clery, D. (2006). ITER's \$12 Billion Gamble. *Science*, 314 (5797), 238—242. DOI: 10.1126/science.314.5797.238
- Coordination Meeting of the Leadership of the ITER International Organization and Representatives of National ITER Agencies (2008). *Issues of Atomic Science and Technology. Series: Thermonuclear Fusion*, 4, 101. (In Russian).
- Edler, J. (2012). Toward Variable Funding for International Science. *Science*, 338 (6105), 331—332. DOI: 10.1126/science.1221970
- Glanz, J. & Lawler, A. (1998). Planning a Future without ITER. *Science*, 279 (5347), 20—21. DOI: 10.1126/science.279.5347.20
- Goldston, R. (2011). Anatomy of Fusion: the Reactor of the Future. *World Policy Journal*, 28 (3), 40—43.
- Gorlova, E.N. & Tkachenko, R.V. (2019). The Concept of Projects of “Megascience” Class Projects: the Case of ITER and FAIR Installations. *Actual Problems of Russian Law*, 5, 205—213. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.102.5.205-213>
- ITER Chronicle (2012). *Questions of Atomic Science and Technology. Series: Thermonuclear Fusion*, 1, 72. (In Russian).
- Ivanov, D.A., Lukyantsev, D.S., Klykov, A.D. & Vasiliev, S.P. (2018). International Thermonuclear Experimental Reactor — Project for the Development of Future Power Engineering All the World. *Scientific Horizons*, 11, 98—111. (In Russian).
- Korzhev, V.M. (2003). The Results of the 8th Round of Negotiations of the Delegations of the Russian Federation, Euratom, Canada, Japan, China and the United States on the Preparation of an Agreement on the Joint Implementation of the ITER Project. *Issues of Atomic Science and Technology. Series: Thermonuclear Fusion*, 1, 95—98. (In Russian).
- Makarov, A.A. & Fortov, E.E. (2004). The Development Trend of World Energy and the Energy Strategy of Russia. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 74 (6), 195—208. (In Russian).
- Malakoff, D., Cho, A. & Service, R. (2003). ITER Tops DOE's List of Next Big Science Projects. *Science*, 302 (5648), 1126—1127. DOI: 10.1126/science.302.5648.1126
- Matsuda, Sh. & Tobita, K. (2013). Evolution of the ITER program and prospect for the next-step fusion DEMO reactors: status of the fusion energy R&D as ultimate source of energy. *Journal of Nuclear Science and Technology*, 50 (4), 321—345.
- McKray, W.P. (2010). ‘Globalization with hardware’: ITER's fusion of technology, policy, and politics. *History and Technology*, 26 (4), 283—312. DOI: 10.1080/07341512.2010.523171
- Motojima, O. & Travis, J. (2010). Fresh Start for Fusion Project as New Leader Shakes Up Management. *Science*, 328 (5992), 616—617. DOI: 10.1126/science.329.5992.616-a
- Normile, D. & Kondro, W. (2001). Canada Bids to Host International Reactor. *Science*, 292 (5525), 2240. DOI: 10.1126/science.292.5525.2240
- Petrov, N.P., Afanasyev, V.I., Mukhin, E.E. & Shevelev, A.E. (2018). Fizteh — to International Thermonuclear Reactor. *Nature*, 9, 12—21. (In Russian).
- Ramamurthy, V.S. (2011). Global Partnerships in Scientific Research and International Mega-Science Projects. *Current Science*, 100 (12), 1783—1785.
- Rutherford, P. & Baker, Ch. (1996). The ITER Project. *Science*, 272 (5259), 181—182. DOI: 10.1126/science.272.5259.181a
- Seife, Ch. & Normile, D. (2003). United States Rejoins International Fusion-Research Project. *Science*, 299 (5608), 801—802. DOI: 10.1126/science.299.5608.801a
- Seife, Ch. (2002). Energy Panel Asks U.S. to Rejoin ITER. *Science*, 297 (5589), 1977. DOI: 10.1126/science.297.5589.1977a
- Shore, B. & Cross, B. (2003). Management of Large-Scale International Science Projects: Politics and National Culture. *Engineering Management Journal*, 15 (2), 25—34.
- The Signing of an International Agreement on the Construction of an International Thermonuclear Experimental Reactor ITER. (2007). *Questions of atomic science and technology. Series: Thermonuclear Fusion*, 1, 92—93. (In Russian).
- Thermonuclear Fusion is the Design of the Century. Interview with Krasilnikov A.V. (2014). *In the World of Science*, 2, 26—29. (In Russian).
- Velikhov, E.P. & Mirnov, S.V. (2009). The First ITER Fusion Reactor Reached the Finish Line. *Herald of the Moscow Power Engineering Institute*, 4, 11—15. (In Russian).
- Velikhov, E.P. (Eds.). (2005). *Energy of the Future. International ITER Project*. Moscow: UTS-Tsentr publ. (In Russian).

Сведения об авторе: Дегтерев Андрей Харитонович — доктор физико-математических наук, профессор кафедры радиоэкологии и экологической безопасности Института ядерной энергии и промышленности Севастопольского государственного университета (e-mail: degsebal@mail.ru).

About the author: Degterev Andrey Kharitonovich — PhD in Physical and Mathematical Science, Dr. of Science, Professor, Department of Radioecology and Environmental Safety, Institute of Nuclear Energy and Industry, Sevastopol State University (e-mail: degsebal@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-490-498

Научная статья

Оценка привлекательности американского рынка труда для высококвалифицированных специалистов в области медицины

М.Ю. Апанович

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, Москва, Российская Федерация

Research article

Attractiveness Assessment of the American Labour Market for the High Qualified Specialists: A Case of Doctors

M.Yu. Apanovich

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

В статье идет речь об особенностях миграции высококвалифицированных специалистов на примере медицинских работников в США. В качестве теоретической базы выступает теория Курта Левина и более поздние ее модификации, которые объясняют привлекательность тех или иных рынков труда для работников.

Исследование ставит своей задачей рассмотрение отдельной сферы и причин ее привлекательности для иностранной рабочей силы, а также оценку перспектив притока или оттока человеческого капитала в отрасль медицины.

Американский кейс вызывает исследовательский интерес ввиду особенностей образовательных программ для медицинских работников в стране, что связано с фактором длительности и необходимостью подтверждения квалификации путем прохождения квалификационных экзаменов. Американский рынок труда в сфере медицины (наряду с немецким, швейцарским и израильским) является одним из наиболее привлекательных в мире, поэтому одна из задач проведенного исследования заключалась в анализе причин данного феномена. Как свидетельствуют данные, ключевыми факторами здесь являются уровень жизни в стране и уровень заработной платы. Также вызывает интерес национальная система отбора медицинских кадров на вакантные должности по всей стране, предусмотрен одновременно и элемент квотирования (выделения определенного числа мест для зарубежной рабочей силы), и элемент состязательности (The National Resident Matching Program). Подобная комбинированная система позволяет государству сохранять баланс в распределении мест среди граждан США и граждан других государств и одновременно на состязательных началах привлекать в медицину лучших специалистов.

Исследование также выявило закономерность в доле популярности тех или иных медицинских специальностей среди миграционного и немиграционного населения, что позволяет строить выводы о возможности дальнейшего большего либо меньшего притока иностранцев на позиции узконаправленных врачей. В целом, можно резюмировать, что анализ иностранной рабочей силы на примере США, а также государственных мер в области стимулирования или ограничения доступа нерезидентов в данную сферу является значимым в качестве возможного примера стратегии для других стран, в том числе Российской Федерации.

Ключевые слова: миграция, интеграция, высококвалифицированные специалисты, теория интеграции, рынок труда

Для цитирования: Апанович М.Ю. Оценка привлекательности американского рынка труда для высококвалифицированных специалистов в области медицины // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 490—498. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-490-498

© Апанович М.Ю., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract. The article describes the migration of highly qualified specialists, using the case of medical workers in the United States. The theory of Kurt Levin and its later modifications, that explain the attractiveness of certain labor markets for workers, serve as a theoretical basis. The study aims at examining a separate area and the reasons for its attractiveness to foreign labor, as well as assessing the prospects for the inflow or outflow of human capital in the medical industry. The American case is of a special research interest due to the national peculiarities of educational programs for medical workers in particular — the duration and the need of confirmation the qualifications by passing the so called qualification exams. The national system of selecting medical personnel for vacant positions throughout the country is also of interest, as it provides for an element of quotas (allocation of a certain number of jobs for foreign labor) and an element of competitiveness (The National Resident Matching Program). Such a combined system allows the state to maintain a balance in the distribution of seats among US citizens and citizens of other states and at the same time strive to attract the best specialists in medicine on an adversarial basis. The study also reveals a pattern in the share of popularity of certain medical specialties among the migratory and non-migratory population, which allows us to draw conclusions about the possibility of a further more or less influx of foreigners into the positions of narrowly targeted doctors. In general, it can be summarized that the analysis of foreign labor on the example of the United States, as well as government measures to stimulate or restrict access by non-residents to this area, is quite significant and in some way useful as a possible strategy to follow for other countries, including the Russian Federation.

Key words: migration, integration, highly qualified migrants, labour market, theory of integration

For citations: Apanovich, M. Yu. (2019). Attractiveness Assessment of the American Labour Market for the High Qualified Specialists: A Case of Doctors. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 490—498. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-490-498

В эпоху глобализации любому государству необходимо проводить сбалансированную политику в области недопущения «утечки умов» и одновременно «привлечения наиболее ценных и интересных для страны специалистов». Ввиду того что данный аспект связан с высококвалифицированными специалистами, здесь целесообразно выделять и рассматривать отдельные сферы, наиболее или наименее «интересные» для специалистов высокой категории. Среди возможных индикаторов интереса можно выделить: уровень дохода в той или иной сфере; особые требования к квалификации; необходимость дополнительных вложений (как финансовых, так и временных) в повышение или изменение квалификации; возможность самореализации в профессиональном плане и т. п. Миграция «высококвалифицированных специалистов», а также понятия, вытекающие из нее или связанные с ней, такие как «утечка умов», «приток умов», «циркуляция умов» и т. д., возникли в начале XX в. и исторически связаны с примером США. И до сих пор Соединенные Штаты [Вартанян 2016] являются привлекательным и перспективным направлением с точки зрения миграции.

Несмотря на то что традиционно перемещение населения рассматривается с точки зрения экономических теорий, объясняющих целесообразность и обоснованность перемещений, данная статья предлагает взгляд на вопрос со стороны социальных теорий, объясняющих поведение и побуждение к действию. Именно вопрос привлекательности, который связан как с материаль-

ными, так и с нематериальными факторами лежит в основе исследования.

Так, теория изменений, предложенная К. Левином в 1947 г. [Lewin 1947] объясняет положение людей в обществах, их восприятие окружающей действительности и намерение уехать из родной страны к новым географическим и культурным границам. Он говорит о факторах «push» (можно перевести как «стимулирующий») и «pull» (носит название «выталкивающий»), влияющих на циркуляцию человеческих ресурсов. Теория объясняет стратегии относительно того, что заставляет людей мигрировать из страны происхождения [Enderwick 2011]. Кроме того, вопросами изучения социальных теорий относительно вопросов привлекательности миграции в различные страны занимались различные исследователи: И. Айзен [Ajzen 1991; Ajzen, Fishbein 1977], Ю. Ким [Kim 2001], Дж.Б. Барней [Barney 1991], Р. Виетор [Vietor 2007], М. Портер [Porter 1990].

Здесь относительно вопроса высококвалифицированных мигрантов можно обратиться к предложенным выше индикаторам и разделить их на «стимулирующие» к отъезду из страны (категория А в рассматриваемом случае) и «подталкивающие» принять решение о миграции в определенную страну (категория Б в рассматриваемом случае) (табл. 1). Анализ такого понятия, как «brain waste», или смена квалификации специалистами на абсолютно иную (что также может происходить под влиянием индикаторов категории А), выходит за рамки представленного исследования.

Таблица 1

Предложенные к рассмотрению индикаторы

Индикатор «Push» Категория А	Индикатор «Pull» Категория Б
Отсутствие возможностей трудоустройства по полученной специальности в стране	Привлекательные условия по трудоустройству по полученной специальности в принимающей стране
Непривлекательные/малопривлекательные условия трудоустройства по полученной специальности в стране	Привлекательные социальные условия в принимающей стране
Отсутствие желаемого дохода при условиях трудоустройства по полученной специальности в стране	Возможности по признанию полученной ранее квалификации и/или возможности по подтверждению квалификации или ее повышению

Источник: составлено автором.

Table 1

Push & Pull factors applicable to the research

«Push» factor	«Pull» factor
Lack of employment opportunities in the sending country	Attractive conditions for employment in the receiving country
Unattractive employment conditions in the sending country	Attractive social conditions in the receiving country
Absence of the desired income under the conditions of employment in the sending country	Possibility to recognize previously obtained qualifications and/or the ability to confirm qualifications or improve it

Source: prepared by the author.

В сходном исследовании, которое опирается на теорию изменений [Kim 1988], отмечено, что «стимулирующие» факторы (которые отнесены к категории А), с одной стороны, влияют на принятие решений, существуют в местной среде, и это заставляет профессионалов уезжать за границу. С другой стороны, «подталкивающие» факторы (категория Б) находятся в принимающей стране, которая привлекает талантливых людей.

В контексте предложенной теоретической базы интересным для исследования кейсом является миграция высококвалифицированных специалистов с медицинским образованием в США.

Согласно данным аналитического портала Института миграционной политики (Migration Policy Institute), в США в 2017 г. 66 % от общего числа мигрантов задействованы на рынке труда, данные относительно граждан страны, которые активно вовлечены в рынок труда, — 62 %. Уровень безработицы среди мигрантов трудоспособного возраста составляет 5,4 %, среди немиграционного населения — также 5,4 %. Из более чем 26 000 мигрантов (данные 2017 г.) 19,4 % задействованы в сфере образования и здравоохранения, что составляет самую крупную группу. Затем идут менеджеры — 13 %, сфера услуг — 11 %¹.

¹ Migration Policy Institute. URL: <https://www.migrationpolicy.org/data/state-profiles/state/workforce/US>; <https://www.migrationpolicy.org/data/state-profiles/state/income/US> (accessed: 25.05.2019).

Также вызывает интерес структура доходов в США относительно миграционного и немиграционного населения. Средний годовой доход мигранта в США определен в сумму 19 521 долл. США, при сравнении со средним годовым доходом американцев 91 392 долл. США. При этом существуют специальности, где мигранты могут зарабатывать больше. 4,1 % мигрантов зарабатывает менее 14 000 долл. США в год, 17,9 % — от 15 000 до 24 000 долл. США в год, 18 % — от 25 000 до 34 000 долл. США в год, 18,2 % — от 35 000 до 49 000 долл. США, 17,1 % — 50 000—74 000 долл. США и 23 % — более 74 000 долл. США в год. Получается, что суммарно более 58 % мигрантов получают доход выше 35 000 долл. США в год. В данную группу также входят медицинские специальности.

Очевидно, что подобный доход значительно выше доходов по аналогичным специальностям, к примеру, в Российской Федерации, странах постсоветского пространства или даже Восточной Европы. Средняя заработная плата врача в Российской Федерации — 73 290 рублей в месяц, что составляет примерно 13 648 долл. США в год².

² Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за январь — март 2018 года // РОССТАТ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/itog-monitor03-18.html (дата обращения: 01.05.2019).

Данные сопоставимы с рядом стран Восточной Европы (Венгрия — средний годовой заработок врачей составляет 13 874 долл. США; в Польше ситуация лучше — 22 200 долл. США в год)³.

По уровню жизни (согласно индексу Quality of life Index), США занимают 13-ю позицию с показателем 179,20. К примеру, Россия находится на 59-м месте с индексом 104,94; Казахстан — на 69-м месте (87,17). Здесь можно сделать вывод о привлекательности Америки с точки зрения миграции, особенно если учесть тот факт, что работники в сфере образования зачастую переезжают вместе с семьями, следовательно, уровень доступности социальных объектов (школ, детских садов и т. д.) также положительно влияет на принятие решения.

Качество национальной медицины, особенно в определенных узких областях, заслужило всемирное признание, а специальность врача в Соединенных Штатах также позволяет рассчитывать на стабильный доход выше среднего, что делает медицину привлекательной областью не только для национального населения, но и для внешних специалистов.

Прежде всего, необходимо рассмотреть особенности национальной системы подготовки медицинских кадров ввиду того, что многим иностранным медицинским работникам необходимо либо подтвердить квалификацию, либо переучиваться, прежде чем они получают лицензию, позволяющую работать в данной сфере.

Начать следует с поступления в медицинскую школу, что в принципе не требует предварительных навыков или наличия специального образования. Однако сложившаяся практика показывает, что поступающие обычно сначала оканчивают трехлетние курсы на уровне университета.

После поступления путь обучающегося можно разделить на два равных блока: доклиническое обучение (состоящее из дидактических курсов по основным предметам) и клиническое обучение (состоящее из ротаций через разные палаты учебной больницы). Общая нормативная продолжительность составляет 4 года, затем присуждается степень «доктор медицины» или (что реже) «доктор остеопатической медицины». Надо отметить, что обе степени позволяют владельцу практиковать медицину после прохождения аккредитован-

ной программы резидентуры. Резидентура является своеобразным аналогом программы аспирантуры, программы различаются по конкурентоспособности и наличию вакантных мест. Все позиции, кроме нескольких, предоставляются с помощью «национального компьютерного матча», который сочетает предпочтения заявителя с предпочтениями программ для заявителей. Электронная система соотносит данные по квалификации работника (оценки за квалификационные экзамены), данные по предпочтениям кандидата и данные по имеющимся вакантным местам [Хальфин, Таджиев 2012].

Национальная система образования сложилась таким образом, что последипломное медицинское образование классически начиналось с самостоятельной стажировки длительностью в один год. Во многих штатах именно прохождение подобной стажировки является важным минимальным требованием для получения общей лицензии на медицинскую практику. Однако в связи с постоянным удлинением сроков образования данная стажировка является одной из первых, но не последней, что связано с высокой конкуренцией в сфере медицины на рынке труда. Также можно выделить такой вид стажировки, как «традиционная ротационная», то есть стажировка переходного года.

Длительность образовательных программ варьируется от 3 до 7 лет в зависимости от специальности и практики, которая требуется для той или иной специальности (к примеру, для педиатрии это будет 3 года, для общей хирургии — до 5 и для нейрохирургии — максимально 7).

Мигрантам с медицинской квалификацией необходимо подтвердить ее для того, чтобы получить разрешение на ведение врачебной практики. Следовательно, здесь стоит выбор: либо «уход из сферы» (менее приоритетный с учетом того, сколько сил и времени было затрачено на образование в своей стране), либо продолжение учебы, начиная со ступени резидентуры до прохождения по конкурсу и получения постоянного места работы. Следует отметить, что национальная миграционная система фиксирует данные по подаче документов мигрантами на трудоустройство в различных сферах (табл. 2). В среднем на отрасль медицины приходится порядка 9 % учреждений, получающих заявки от мигрантов ежегодно.

³ Average Salary Survey. URL: <https://www.average-salarysurvey.com/> (accessed: 08.05.2019).

Таблица 2 / Table 2

**Подача документов мигрантами на трудоустройство в различные компании в США /
Employment applications to the US companies by migrants**

Год / Year	Всего (количество компаний, в которые подавались документы) / Total number of companies that received applications	Количество медицинских учреждений из общего количества компаний / Total number of companies in the field of medicine	%
2019 (январь — апрель) / 2019 (January — April)	22 501	1 418	6,3
2018	55 666	4 657	8,3
2017	49 786	4 840	9,7
2016	53 129	4 886	9,1
2015	48 544	4 459	9,1
2014	56 595	5 369	9,4
2013	56 079	5 569	9,9
2012	56 222	5 279	9,3
2011	62 874	6 773	10,77
2010	55 429	6 011	10,8
2009	65 535	6 747	10,29

Источник / Source: рассчитано автором по данным Национальной миграционной службы США. URL: <https://www.uscis.gov/h-1b-data-hub> (accessed: 15.05.2019).

Таблица 3 / Table 3

**Принятые и отклоненные заявления на первичное трудоустройство по визе Н-1В /
Employment applications to the US companies by migrants (H1-B visa holders)**

Год / Year	Одобрено первичных заявлений / Initial approvals		Отклонено первичных заявлений / Initial Denials	
	По количеству организаций / By the number of institutions	По количеству заявок / By the number of applications	По количеству организаций / By the number of institutions	По количеству заявок / By the number of applications
2019 (январь — апрель) / 2019 (January — April)	669	1 009	111	123
2018	2 180	5 026	303	433
2017	2 286	5 205	186	248

Источник / Source: рассчитано автором по данным Национальной миграционной службы США. URL: <https://www.uscis.gov/h-1b-data-hub> (accessed: 15.05.2019).

Значительное число врачей и тех, кто в данный момент проходит обучение или повышение квалификации по медицинским специальностям в США, являются мигрантами с типом визы Н-1В (неиммиграционная рабочая виза)⁴. В случае подачи на нее приглашением занимается принимающая сторона (работодатель).

Рабочая виза Н-1В выдается иностранному работнику на срок до трех лет с возможностью продления на 3 года [Рубинская 2015]. Таким

образом, максимальный срок пребывания в США по визе Н-1В — 6 лет. Переход на «вид на жительство» возможен с помощью подачи петиции на иммиграционную визу типов EB-2 или EB-3. Количество петиций, подаваемых на рабочую визу Н-1В, ежегодно котируется Конгрессом Соединенных Штатов Америки, при этом сами заявки принимаются только за 6 месяцев до начала действия визы. Обычно визы открываются 1 октября текущего года, а заявки, соответственно, принимаются в апреле. Рабочая виза Н-1В выдается тем работникам, которые докажут наличие необходимого уровня квалификации и профес-

⁴ H-1B Employer Data Hub. URL: <https://www.uscis.gov/h-1b-data-hub> (accessed: 15.05.2019).

сиональных навыков, обязательных для работы на предложенной должности.

Право на получение рабочей визы H-1B имеют те работники, чья профессия требует наличия специальных навыков, в частности врачи. Для сравнения: менеджеры не могут претендовать в США на получение визы данной категории, так как их профессия не подразумевает наличия узкоспециализированных знаний и умений.

При этом для того, чтобы получить рабочую визу H-1B, работнику не нужно проходить процедуру трудовой сертификации в Министерстве труда США, в случае смены места работы специалист имеет право сохранить за собой визу H-1B, подав на обновление регистрации.

Также особенностью сферы медицины является достаточно высокий порог трудоустройства среди выпускников программ из числа мигрантов. Данные табл. 3 показывают количество мигрантов, принятых на трудоустройство в медицинские учреждения.

Согласно отчету об основном «матче-резиденции» за 2018 г. (The National Resident Matching Program)⁵, на участие в резидентуре было зарегистрировано меньше иностранных медицинских выпускников, не являющихся гражданами США, чем в 2005 г. В отчете добавлено, что число активных кандидатов (7067) было самым низким с 2012 г. Например, в 2016 г. это число было ближе к 7500. Отчет содержит данные по поданным заявлениям на трудоустройство по медицинским специальностям как мигрантов, так и американских граждан.

В мае 2019 г. по результатам прошедших промежуточных экзаменов и поданных заявлений были опубликованы результаты отчета матча-резиденции за январь — апрель 2019 г. Следует отметить, что по сравнению с данными 2018 г. количество мигрантов, подавших заявку и прошедших конкурс, повысилось всего на 66 человек, что незначительно по сравнению со спадом после 2015 г. Всего было подано 38 376 заявок на 35 187 мест, по итогам результатов 94,9 % было занято, что говорит о высоком уровне подготовки к данному финальному экзамену. Если сравнить данные с показателями по одобренным заявлениям на визу типа H-1B, то из 1418 организаций

669 приняли положительное решение по кандидатам (более 47 %), отказы были лишь в 111 медицинских учреждениях (чуть более 7 %).

Согласно данным за 2018 г., доля отказов составила 9,5 % от общего числа — чуть более 6 %. Столь высокие показатели в данной сфере, в том числе среди миграционного населения, отчетливо дают понять, что вероятность трудоустройства при должных условиях велика, а в сумме с ежегодными показателями по доходам в сфере делает ее одной из наиболее привлекательных.

Иммигранты, работающие в медицинской сфере, составляют значительную часть рабочей силы среди других профессий, где трудоустраиваются нерезиденты страны. Хотя здравоохранение как сектор составляет лишь 8 % от общей занятости в США⁶, эти профессии являются одними из самых быстрорастущих, отчасти из-за старения населения США⁷.

В рамках процессов глобализации и развития технологий появляются новые профессии или модификации существующих, которые на первых порах испытывают нехватку квалифицированной рабочей силы. Анализ, проведенный ранее в этом году Комитетом по экономическому развитию США, показал, что медицинские профессии будут иметь самый высокий риск нехватки рабочей силы. В частности, три вида профессий — помощники по трудотерапии и физиотерапии, врачи и хирурги, а также зарегистрированные медсестры — по прогнозам, будут испытывать наибольший дефицит в течение следующего десятилетия⁸.

Ряд факторов затрудняют удовлетворение растущего спроса в секторе здравоохранения. Одним из них является изменение демографических показателей, таких как старение населения США и выход на пенсию тех, кто предоставляет

⁶ Migration Policy Institute. URL: <https://www.migrationpolicy.org/data/state-profiles/state/workforce/US>; <https://www.migrationpolicy.org/data/state-profiles/state/income/US> (accessed: 25.05.2019).

⁷ 2017 DESA World Population Aging Report. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/ageing/WPA2017_Report.pdf (accessed: 30.05.2019).

⁸ The Human Development Report 2016 // The United Nations. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf (accessed: 27.03.2019).

⁵ 2018 Annual Report // The National Resident Matching Program. URL: <http://annualreport.nrmp.org/> (accessed: 12.03.2019).

услуги или обучает работников здравоохранения. Другие факторы отражают характер медицинских услуг: для большинства рабочих мест требуются услуги, предоставляемые лично, в определенном месте, что ограничивает возможности автоматизации и удаленной работы. Кроме того, многие медицинские работники должны пройти длительный период обучения и получить лицензии для практики, что затрудняет переход от одной сферы медицины к другой в ответ на новые вакансии. Набор работников здравоохранения, родившихся за границей, часто считается одним из решений проблемы нехватки рабочей силы в сфере здравоохранения, особенно в неблагополучных регионах.

Доля иммигрантов в рабочей силе здравоохранения примерно в два раза превышает национальный уровень в трех штатах: Нью-Йорке (37 %), Калифорнии (33 %) и Нью-Джерси (32 %), а также округе Колумбия (37 %). Следовательно, данные места являются наиболее привлекательными с точки зрения «стимулирующих» факторов, приведенных в табл. 1. Другими штатами с высокими показателями были Флорида (28 %), Мэриленд (24 %) и Массачусетс (21 %), согласно отчетам распределения мест в табл. 2 и 3.

Медицинские работники, родившиеся за границей, в целом также чаще, чем их сверстники, родившиеся в США, работают медсестрами, психиатрами или помощниками по уходу на дому: из мигрантов к этой профессиональной группе принадлежит 28 % женщин и 12 % мужчин, по сравнению с 17 и 9 % женщин [Liversage 2009] и мужчин, родившихся в США, соответственно. Данная категория специализаций наименее популярна среди национально населения, что повышает спрос среди мигрантов.

Медицинские работники, родившиеся за границей, принимаются в США по различным категориям временных и постоянных виз. Временные категории виз включают H-1B (специализированные занятия), H-2B (несельскохозяйственные рабочие), H-3 (стажеры), TN (мексиканские и канадские специалисты в рамках Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА)), J-1 (обмен/посетители) и O-1 (лица с «экстраординарными способностями или достижениями»). Как и в случае с другими иммигран-

тами, лица, работающие в секторе здравоохранения, могут быть приняты по постоянным иммиграционным каналам (то есть получая грин-карту) на основе семейных или трудовых связей или по маршрутам гуманитарной защиты.

Ограничение исследования состоит как раз в наличии возможностей для иностранных специалистов в сфере медицины приехать в США не только в рамках виз категории H-1B. По большей части данные о визах не разбиты по профессиям, медицинские работники объединены в общую категорию без специализаций, статистические данные по заработной плате в части случаев объединяют их с иностранными работниками сферы образования.

Внимание к системе медицинского образования уделено в данной статье постольку, поскольку для большинства профессий в сфере здравоохранения требуется профессиональная лицензия. Вместе с тем относительно немногие мигранты удовлетворяют этому требованию, если только они не получают степень в США и не проходят необходимую последипломную подготовку. Некоторые врачи с иностранными степенями могут подать заявление на получение визы J-1, чтобы получить вид на жительство в Соединенных Штатах. Следовательно, единственный канал поиска работы для высококвалифицированного специалиста в области медицины проходит через получение визы типа H-1B, с точки зрения пропорции всех работников в исследуемой сфере она занимает первое место.

В итоге очевидно, что изменения, которые произошли в количественных показателях приема на работу и участия в отборе на квалификационных экзаменах среди медицинских работников с медицинским образованием, с одной стороны, во многом связаны с политикой, проводимой нынешним президентом Д. Трампом. В целом она направлена на ужесточение миграционных требований к кандидатам. С другой стороны, именно сфера медицины наглядно показывает, что определенные специализации традиционно, на протяжении многих лет были востребованы исключительно или в большей мере среди представителей первого или других поколений мигрантов.

Соотнося приток мигрантов с теориями, выдвинутыми К. Левином и далее расширенными

и дополненными его последователями, можно констатировать, что высокая заработная плата, которая гарантируется лицам, подтвердившим квалификацию врача, является привлекательным стимулом для иностранной рабочей силы и продолжит быть таковым.

Другим важным аспектом является сложность получения и подтверждения навыков в сфере медицины, что требует от любого кандидата высоких интеллектуальных способностей. Общий уровень образованности представителей

ряда азиатских и европейских стран⁹ свидетельствует о богатом потенциале, поэтому с учетом глобальной конкуренции за лучшие места работы и одновременно политики привлечения лучших специалистов Соединенные Штаты Америки останутся привлекательным сегментом для зарубежных специалистов в сфере здравоохранения.

⁹ The Human Development Report 2016 // The United Nations. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf (accessed: 27.03.2019).

Поступила в редакцию / Received: 11.06.2019
Принята к публикации / Accepted: 24.08.2019

Библиографический список

- Вартанян А.А. Международная образовательная миграция: региональный аспект // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 2. С. 113—121.
- Рубинская Э.Д. Развитие международной миграции рабочей силы в динамике глобализационных процессов // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. 2015. Т. 6. № 1. С. 83—90. DOI: 10.17835/2078-5429.2015.6.1.083-090
- Хальфин Р.А., Таджиев И.Я. Организация здравоохранения в США. Часть 2 // *Менеджер здравоохранения*. 2012. № 10. С. 47—57.
- Ajzen I. The Theory of Planned Behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. Vol. 50. No. 2. P. 179—211.
- Ajzen I., Fishbein M. Attitude-Behavior Relations: A Theoretical Analysis and Review of Empirical Research // *Psychological Bulletin*. 1977. Vol. 84. No. 5. P. 888.
- Barney J.B. Firm Resources and Sustained Competitive Advantage // *Journal of Management*. 1991. No. 17. P. 99—120.
- Enderwick P., Nagar S. The Competitive Challenge of Emerging Markets: The Case of Medical Tourism // *International Journal of Emerging Markets*. 2011. Vol. 6. No. 4. P. 329—350. DOI: <https://doi.org/10.1108/17468801111170347>
- Kim Y.Y. *Becoming Intercultural: An Integrative Theory of Communication and Cross-Cultural Adaptation*. Sage, 2001.
- Kim Y.Y. *Communication and Cross-Cultural Adaptation: An Integrative Theory*. Multilingual Matters Ltd., 1988.
- Lewin K. Frontiers in Group Dynamics: Concept, Method and Reality in Social Science. Social Equilibria and Social Change // *Human Relations*. 1947. Vol. 1. No. 1. P. 5—41.
- Liversage A. Vital Conjunctions, Shifting Horizons: High-Skilled Female Immigrants Looking for Work // *Work, Employment and Society*. 2009. Vol. 23. No. 1. P. 120—141.
- Porter M.E. *Competitive Advantage of Nations: Creating and Sustaining Superior Performance*. Simon and Schuster, 2011.
- Vietor R.H.K. *How Countries Compete: Strategy, Structure, and Government in the Global Economy*. Harvard Business Press, 2007.

References

- Ajzen, I. (1991). The Theory of Planned Behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 50 (2), 179—211.
- Ajzen, I. & Fishbein, M. (1977). Attitude-Behavior Relations: A Theoretical Analysis and Review of Empirical Research. *Psychological Bulletin*, 84 (5), 888.
- Barney, J.B. (1991) Firm Resources and Sustained Competitive Advantage. *Journal of Management*, 17, 99—120.
- Enderwick, P., & Nagar, S. (2011). The Competitive Challenge of Emerging Markets: The Case of Medical Tourism. *International Journal of Emerging Markets*, 6 (4), 329—350. DOI: <https://doi.org/10.1108/17468801111170347>
- Khalfin, R.A., & Tadjiev, I.Y. (2012). Health Care Organization in USA. Part 2. Health Manager. (10). (In Russian).
- Kim, Y.Y. (1988). *Communication and Cross-Cultural Adaptation: An Integrative Theory*. Multilingual Matters.
- Kim, Y.Y. (2001). *Becoming Intercultural: An Integrative Theory of Communication and Cross-Cultural Adaptation*. Sage.
- Lewin, K. (1947). Frontiers in Group Dynamics: Concept, Method and Reality in Social Science; Social Equilibria and Social Change. *Human Relations*, 1 (1), 5—41.

- Liversage, A. (2009). Vital Conjunctures, Shifting Horizons: High-Skilled Female Immigrants Looking for Work. *Work, Employment and Society*, 23 (1), 120—141.
- Porter, M.E. (2011). *Competitive Advantage of Nations: Creating and Sustaining Superior Performance*. Simon and Schuster.
- Rubinskaya, E.D. (2015). The Development of International Labor Migration in the Dynamics of Globalization Processes. *Journal of Economic Regulation*, 6 (1), 8. (In Russian).
- Vartanyan, A.A. (2016). International Educational Migration: A Regional Aspect. *World Economy and International Relations*, 60 (2), 113—121. (In Russian).
- Vietor, R.H. (2007). *How Countries Compete: Strategy, Structure, and Government in the Global Economy*. Harvard Business Press.

Сведения об авторе: *Апанович Мария Юрьевна* — кандидат политических наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: m.apanovich@my.mgimo.ru).

About the author: *Apanovich Maria Yurievna* — PhD in Political Science, Lecturer, Department of Demographic and Migration Politics, Moscow State Institute of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (University) (e-mail: m.apanovich@my.mgimo.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-499-508

Научная статья

Международная академическая мобильность студентов в контексте интернационализации высшего образования (опыт РУДН)

Н.Б. Иманкулова, Г.А. Мошляк

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Research article

Students' International Academic Mobility in the Context of Internationalization of Higher Education (RUDN University Case)

N.B. Imankulova, G.A. Moshlyak

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Актуальность темы исследования обусловлена ролью студенческой мобильности как одной из форм интернационализации высшего образования в России. В последнее время высшее образование становится все более массовым, что напрямую связано с развитием и распространением экспорта образовательных услуг и трансформацией мирового рынка образовательных услуг, где усиление таких факторов конкурентоспособности образования, как его «массовизация» и особая роль в РФ, играет немаловажную роль и становится актуальным предметом для исследований в области международного образовательного сотрудничества.

В статье сделан акцент на академическую мобильность в сфере высшего образования на основе опыта Российского университета дружбы народов (РУДН).

Цель исследования заключается в выявлении обеспечения эффективного участия России в глобальном процессе образования на примере международной академической мобильности студентов посредством сравнительного анализа трудов российских и зарубежных исследователей.

Задачами исследования являются изучение передового опыта и внедрения наилучших разработок в российскую практику, а также анализ формирования инфраструктуры и институциональных условий мобильности студентов, исследователей на всех уровнях.

Академическая мобильность представляет собой часть интеграционных процессов в сфере образования и отвечает за перемещение студентов и преподавателей высших учебных заведений на определенный период времени в другое образовательное или научное заведение в пределах или за пределами своей страны с целью обучения или преподавания.

В статье представлен опыт реализации академической мобильности на примере РУДН на основе сравнительного анализа статистических данных.

Организация и реализация академической мобильности, по сути, и выполняет функции одного из инструментов механизма интернационализации высшего образования.

Обсуждается проблема конкурентоспособности российского высшего образования в контексте интернационализации.

Ключевые слова: РУДН, академическая мобильность студентов, интернационализация, Европейское пространство высшего образования (ЕПВО), программа Erasmus+, сетевые университеты, СНГ

Для цитирования: Иманкулова Н.Б., Мошляк Г.А. Международная академическая мобильность студентов в контексте интернационализации высшего образования (опыт РУДН) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 499—508. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-499-508

© Иманкулова Н.Б., Мошляк Г.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract. The relevance of the research topic is due to the growing role of student mobility as a form of internationalization of higher education in Russia.

In recent years higher education has become more widespread and available, influenced by the development and distribution of educational services export and its transformation into a global educational market. In the context of “mass” higher education the special role of Russian education is of special interest for practitioners and researchers in the field of international educational cooperation.

The article focuses on academic mobility in the field of higher education based on the experience of RUDN University. The aim of the study is to identify the effective participation of Russia in the global process of education on the example of international academic mobility of students on the basis of a comparative analysis of the works of Russian and foreign researchers. The objectives of the research are to study the best practices and implement the best developments in Russian conditions; to form the infrastructure and institutional basis for the mobility of students and researchers at all levels.

Obviously, mobility is an integrative and determinative part of integration processes in the educational field. The article describes the experience of implementing academic mobility on the example of RUDN University using the comparative analysis of statistical data.

All-inclusive academic mobility strategy serves as a tool for internationalization of higher education.

The problem of competitiveness of Russian higher education in the dimension of internationalization is thoroughly discussed.

Key words: RUDN University, academic mobility of students, integration processes of higher education, European higher education area (EHEA), Erasmus+ program, internationalization, CIS

For citations: Imankulova, N.B. & Moshlyak, G.A. (2019). Students' International Academic Mobility in the Context of Internationalization of Higher Education (RUDN University Case). *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 499—508. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-499-508

Приоритетные направления сотрудничества России и европейских стран в сфере высшего образования в 1999—2009 гг. Социальное измерение и академическая мобильность

Благодаря образованию люди получают шанс к построению лучшей жизни для них и их будущих семей [Чистохвалов, Мошляк 2010: 78].

В современных условиях, когда элементы политики «мягкой силы» приобретают все большее значение в формировании имиджа государства, Российской Федерации важно демонстрировать свои передовые достижения в сфере науки и образования, расширять международное культурное сотрудничество. РУДН занимается постоянным совершенствованием системы преподавания в процессе подготовки квалифицированных кадров для многих стран мира [Борзова, Медина Гонзалес 2018: 217—218].

Для РУДН расширение и углубление процессов интернационализации в самых различных сферах деятельности является не только необходимостью, обусловленной интеграцией российской системы высшего образования в европейскую и мировую образовательную систему, но и обязательным условием развития в условиях постоянного усиления конкуренции на рынке образовательных услуг.

В настоящее время интернационализация высшего образования не просто общемировая тенденция; она повсеместно декларируется в ка-

честве стратегического направления развития университетов [Ткач, Филиппов 2014: 207].

За организацию академической мобильности студентов в РУДН отвечает Служба проректора по международной деятельности РУДН. Нормативная документация в РУДН существует в виде положений, соглашений о сотрудничестве вузов и т. д. В РУДН существуют самые популярные стипендиальные фонды отдельных стран, то есть наиболее востребованные программы академической мобильности: национальная программа «Глобальное образование» (аналог казахстанской «Болашак»), Сетевой университет (СУ) СНГ, СУ УШОС, СУ БРИКС, программа ЕС Erasmus+, американская программа Фулбрайт, немецкая служба по обмену студентами (DAAD), английская национальная программа Chevening.

Например, разница между академической мобильностью студентов в рамках СУ СНГ и Erasmus+ состоит в том, что первая реализуется в странах — партнерах сетевых университетов, а вторая — исключительно в странах — членах ЕС.

Erasmus+ — программа Европейского союза, направленная на поддержку сотрудничества в области образования, профессиональной подготовки, молодежи и спорта на период с 2014 по 2020 г. Название программы происходит от имени голландского философа Эразма Роттердамского, известного оппонента догматизма, который жил и работал во многих странах Европы, чтобы расширить свой кругозор и приобрести новые знания [Маслова 2018].

С 1987 по 2013 г. в программе Erasmus+ участвовало порядка 3 млн студентов, причем только в 2012—2013 гг. — около 270 тыс. студентов. Полученные результаты исследования позволяют программе высоко оценить возможности будущей занятости, инклюзивности и содействия интернационализации вузов¹.

Исследование 2014 г. о влиянии программы обмена студентами Erasmus+ показывает, что выпускники, получившие в процессе обучения международный опыт, трудоустраиваются на глобальном рынке труда намного лучше. У них вдвое меньше шансов на длительную безработицу по сравнению с теми, кто не осуществлял академическую мобильность в период обучения, и через пять лет после окончания университета их уровень безработицы на 23 % ниже².

Какие же задачи призвана решать академическая мобильность в РУДН? Прежде всего, это:

- повышение качества принимаемых иностранных абитуриентов;
- развитие и совершенствование системы академической мобильности обучающихся, в том числе и через реализацию образовательных программ в сетевой форме;
- расширение сотрудничества с выпускниками/работодателями;
- снижение безработицы среди молодежи при помощи получения зарубежного опыта при участии в академической мобильности.

Известно, что основными критериями, которыми руководствуются абитуриенты при выборе университета, являются авторитет государства, язык обучения, порядок признания дипломов, репутация учебного заведения, условия жизни и быта. По многим показателям российские вузы пока отстают от своих зарубежных конкурентов [Адилханулы 2014: 202]. Некоторые сотрудники подразделений вуза, ведущие набор и прием иностранных граждан, недостаточно информируют их о действующих в России положениях (например, о добровольной медицинской страховке)

на основе действующего законодательства о приеме и сопровождении абитуриентов для обучения в вузах России, что затрудняет финансовое положение студента, прибывшего на обучение.

В настоящее время на повестке дня стоит вопрос гармонизации систем образования Запада и Востока, сопряжения образовательных пространств Евразии. На совещаниях министров образования, проводимых в рамках Форума «Азия — Европа» (ASEM), обсуждается вопрос формирования евразийского пространства академической мобильности, взаимного признания квалификаций между европейским и азиатско-тихоокеанским образовательными пространствами [Филиппов, Сунь 2015].

Проблематичность конкурентоспособности высшего образования современной России определяется некоторыми показателями в сравнении с зарубежными вузами:

- недостаточным финансированием высших учебных заведений;
- несовершенством процедур взаимного признания дипломов;
- непродуманной политикой в отношении мотивации наиболее талантливых выпускников для работы на российском рынке труда.

Процедура взаимного признания дипломов является инструментом конкурентной борьбы вузов. Что касается РУДН, то выпускникам вуза гарантировано международное признание среди мирового академического сообщества, поскольку многие из них прошли обучение по программам академической мобильности в европейских странах.

Основной миссией сетевых «консорциумов» в отношении политики международной академической мобильности студентов является удержание студентов.

Для повышения востребованности дипломированных выпускников на международном рынке труда в РУДН впервые в России была создана ассоциация «Международный клуб работодателей»³.

¹ The Plus of Erasmus+ // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/node_en (accessed: 17.01.2019).

² The Erasmus Impact Study // European Commission. 2014. URL: http://ec.europa.eu/dgs/education_culture/repository/education/library/study/2014/erasmus-impact_en.pdf (accessed: 03.03.2019).

³ См.: В РУДН создан первый в России «Международный клуб работодателей» // Официальный веб-сайт РУДН. 03.12.2018. URL: <http://www.rudn.ru/media/news/karera/v-rudn-sozdan-pervyy-v-rossii-mejdunarodnyy-klub-rabotodateley> (дата обращения: 15.04.2019).

Таблица 1 / Table 1

Глобальный поток международных мобильных студентов образовательных организаций в 2016—2018 гг. /
Global flow of international mobile students of educational organizations, 2016—2018

Входящая мобильность студентов / Incoming mobility of students			Исходящая мобильность студентов / Outgoing mobility of students			
№	Страна / Country	2016	Страна / Country	2016	2017	2018
1	Казахстан / Kazakhstan	69,895	Германия / Germany	9,620		
2	Украина / Ukraine	22,440	Республика Чехия / Czech Republic	5,979		
3	Узбекистан / Uzbekistan	19,893	Соединенные Штаты Америки / USA	5,156		
4	Туркменистан / Turkmenistan	16,521	Великобритания / Great Britain	3,974		
5	Беларусь / Belarus	15,488	Франция / France	3,555		
6	Таджикистан / Tajikistan	15,126	Финляндия / Finland	2,799		
7	Азербайджан / Azerbaijan	14,121	Италия / Italy	2,210		
8	Китай / China	10,693	Канада / Canada	1,704		
9	Республика Молдова / Republic of Moldova	5,749	Беларусь / Belarus		1,647	
10	Кыргызстан / Kyrgyzstan	5,700	Австрия / Austria		1,390	
11	Индия / India	5,250	Армения / Armenia		1,357	
12	Армения / Armenia	5,043	Турция / Turkey	1,275		
13	Малайзия / Malaysia	2,038	Казахстан / Kazakhstan			1,234

Источник / Source: составлено авторами по данным Института статистики ЮНЕСКО. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (accessed: 16.04.2019).

Изучение статистических данных непосредственно по позиции России в отношении интернационализации и участия в глобальном направлении международной академической мобильности студентов отражено в табл. 1.

Наиболее талантливые студенты из таких стран постсоветского пространства, как Республика Казахстан, Украина, Республика Узбекистан, на сегодняшний день занимают в РУДН первую тройку по входящей мобильности.

Отличаются показатели, собранные по исходящей мобильности студентов. Германия (1-е место), Соединенные Штаты, Великобритания — это страны, которые пользуются большим спросом у российских студентов.

В 2011 г. была принята обновленная Азиатско-Тихоокеанская региональная конвенция о признании квалификаций (Токийская конвенция), открыта процедура ее ратификации. В практической плоскости интеграционные мероприятия в сфере образования с участием России осуществляются на уровне таких объединений, как СНГ⁴, ШОС⁵,

⁴ Решение Совета Глав Правительств СНГ о Концепции формирования единого (общего) образовательного

БРИКС, в том числе в рамках формата сетевых университетов [Филиппов, Краснова, Сьюлькова 2012: 7—11; Филиппов 2015: 204].

В СУ СНГ отмечается положительная динамика развития: крепнет межвузовское взаимодействие, открываются новые программы обучения, есть большое желание других вузов различных регионов России присоединиться к проекту. Отдельно необходимо отметить, что успешно развивающийся сетевой университет привлек внимание коллег из Европейского союза, которые, в свою очередь, предоставили возможность представителям СУ СНГ провести презентацию своей работы в Женеве [Коваленко, Смолик 2014: 212].

Иные примеры — это попытки образовательной интеграции в рамках СНГ и ЕАЭС; усилия по облегчению академической мобильности в Ази-

пространства СНГ. Москва, 17 января 1997 г. URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_524/doc524a264x886.htm (дата обращения: 07.04.2019).

⁵ Соглашение между правительствами государств — членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области образования от 15 июня 2006 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902029746> (дата обращения: 07.04.2019).

атско-Тихоокеанском регионе, а также весь комплекс мероприятий Болонского процесса — имеют своей целью содействие мобильности в европейском регионе и привлечение в Европу большего количества учащихся из других регионов мира [Ткач, Филиппов 2014: 38].

Особое внимание страны Содружества уделяют сотрудничеству в сфере образования, в значительной степени способствующему углублению интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Проблема развития и совершенствования сотрудничества в образовании постоянно присутствует в повестке дня саммитов СНГ. Сохранение единого образовательного пространства в формате двусторонних и многосторонних связей является залогом повышения конкурентоспособности стран Содружества на мировой арене. Работа многочисленных международных конференций, «круглых столов», симпозиумов, межгосударственных выставок и т. д. нацелена на развитие взаимодействия в образовательной сфере, сохранение и преумножение тех конкурентных преимуществ, которые были заложены в системах образования бывших советских республик.

С началом работы Сетевого университета можно с уверенностью говорить о том, что основы системы академической мобильности закладываются нормативными и правовыми актами государств — участников СНГ. Для многих студентов из стран Содружества создана возможность пройти обучение как в своем вузе, так и в другом вузе — участнике проекта и получить соответствующие дипломы о высшем образовании [Курылев, Савичева 2012: 66—72].

Навыки, умения и знания, полученные по сетевым программам, позволяют выпускникам таких программ рассматривать в дальнейшем свое трудоустройство не только на региональном, но и на глобальном рынке труда.

Расширение рамок мобильности

Очевидно, что на сегодняшний день развития такого направления, как академическая мобильность, уже недостаточно, потому что «интернационализация является растущим явлением с глобальным измерением, перерастающим рамки сотрудничества и мобильности». В настоящее время возникает проблема, когда многие европей-

ские вузы и страны уже имеют стратегии по интернационализации высшего образования, но они слишком заняты студенческой мобильностью, фрагментированы и не «связаны с институциональной или национальной стратегией»⁶.

Рекомендацией Европейской комиссии как для государств, так и для вузов в ответ на подобную ситуацию является разработка «комплексной стратегии интернационализации», которая заключается в дополнении мобильности за пределами Европы комплексной интернационализацией, которая включает сотрудничество и партнерство, а также «интернационализацию и совершенствование учебных программ и цифрового обучения»⁷. Данная идея была поддержана европейским экс-комиссаром по вопросам образования, культуры, мультилингвизма и делам молодежи Андруллоу Василиу, которая отметила, что «европейцам нужен... сдвиг в институциональном мышлении. Уже недостаточно просто поощрять студентов к учебе за границей». Она продолжила: «Университеты должны разработать комплексные стратегии, выходящие за рамки мобильности и охватывающие многие другие виды академического сотрудничества, такие как совместные степени, поддержка профессионального развития исследовательских проектов и программ дистанционного обучения. Им также нужно подготовиться к „интернационализации дома“ для тех 80—90 % студентов, которые не стремятся к мобильности»⁸.

Ранее в рамках Европейского пространства высшего образования (ЕПВО) был разработан «Позиционный документ» по «виртуальному обмену», согласно которому показатель международной академической мобильности составлял 4,5 % (по данным 2014 г.). В документе также отмечается, что даже если к 2020 г. показатель

⁶ European higher education in the world. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, COM (2013) 499 final, Brussels // European Commission. 2013. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2013:0499:FIN:en:PDF> (accessed: 17.01.2019).

⁷ Ibid.

⁸ Why European universities need to think global. Speech by Androulla Vassiliou to the European Higher Education in the World conference, Vilnius // European Commission. September 5, 2013. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-13-678_en.htm (accessed: 17.01.2019).

академической мобильности составит 20 %, то 80 % студентов все равно останутся «без международного, межкультурного опыта»⁹. Этот аргумент был приведен для того, чтобы начать разрабатывать целостную стратегию виртуального обмена с целью консолидации ресурсов вузов и стран.

Если рассмотреть стратегию «Европейской комиссии 2020», то академическая мобильность и цифровые инициативы сформулированы в ней отдельно и представлены в виде документов «Молодежь в движении» и «Цифровая повестка дня для Европы» [Lawton 2015: 77—83].

Очевидно, что важность интернационализации для современной политики и руководства высшего образования нельзя недооценивать. Кроме того, можно было бы добавить, что мы не должны забывать уделять пристальное внимание влиянию интернационализации на традиционные роли преподавателей, роль университета в обществе и, самое главное, на качество обучения студентов [Knight 2007: 207].

Интернационализация обуславливает вышеперечисленные изменения в университетах, в частности, решает проблемы трудоустройства студентов, не участвующих в программах академической мобильности. Сегодня российские университеты, равно как университеты многих других стран, волнует вопрос поиска баланса между борьбой за достойное место в международном пространстве и решением национальных задач, чтобы стать университетом мирового класса — игроком глобального академического поля, который проводит научные исследования, привлекает международных студентов, включаясь в международные научные и образовательные коллаборации и, значит, глубоко погружаясь в глобальную повестку, ориентируясь в том числе на английский язык как язык преподавания и исследований, и при этом не только сохраняет связь с национальной культурой, но и является активным участником решения национальных социально-экономических задач, драйвером регионального развития [Альтбах 2018: 9—10].

⁹ Position paper: Virtual exchange in the European Higher Education Area // UNICollabration. 2014. URL: http://www2.usc.es/export9/sites/www2/gcompostela/en/descargas/COIL_Position_paper.pdf (accessed: 17.01.2019).

Разработка внутривузовской системы оценки мобильных студентов остается одной из ключевых задач при приеме и направлении студентов в то или иное высшее учебное заведение [Мошляк 2014: 220]. В связи с этим в настоящее время в учебный процесс активно вводится такое понятие, как «окна мобильности», которые обязывают обучающегося проходить обучение в вузе-партнере от одного образовательного модуля и более с последующим завершением обучения в направляющем вузе.

Академическая мобильность обучающихся РУДН в 2017—2019 учебных годах

Общее число студентов и аспирантов, участвующих в академических обменах в 2017 г., составило 881 человек (табл. 2).

Обучение в рамках программ академической мобильности сроком не менее месяца на базе РУДН прошли 569 иностранных студента, 174 из которых являются представителями стран дальнего зарубежья. Краткосрочное обучение в РУДН наиболее популярно среди студентов из вузов стран СНГ; долгосрочные программы востребованы среди студентов (преимущественно магистрантов) из европейских стран (ФРГ, Италия, Франция) и Китая.

Количество обучающихся, принявших участие в программах академической мобильности в 2018 г., по данным мониторинга, составило 1326 человека, из которых исходящая мобильность — 691 студент, входящая — 635 студентов. По количеству приехавших на обучение в РУДН студентов в 2018 г. лидировали студенты из Китая.

В 2018 г. в рамках Программы «5—100» были учтены 800 обучающихся, из которых 635 студентов по входящей мобильности и 165 студентов по программам исходящей академической мобильности.

В рамках входящей академической мобильности в РУДН прошли включенное обучение студенты из Байротского университета, Даляньского университета иностранных языков, Российско-Армянского университета, Северо-восточного педагогического университета, Сианьского университета иностранных языков, Страсбургского университета, Казахского национального универ-

**Академическая мобильность студентов по учебным годам /
Academic mobility of students per academic years**

Учебные годы / Academic years	2017	2018	2019
Количество обучающихся / Number of students	881	1 326	596*

*Количество обучающихся на программах академической мобильности в первом полугодии /
The number of students of academic mobility programs in the first half of the year.

Источник / Source: составлено авторами по данным РУДН по состоянию на 26.09.2019 г.

ситета им. аль-Фараби, Таджикского национального университета, Университета Болоньи, Университета г. Фес, Университета г. Потсдама, Университета Жан Жорес, Университета Комплутенсе, Университета Ниццы — Софии Антиполис, Университета Палермо, Университета Сиены, Университета Сорбонны, Университета Ханкука, Университета Хасана II, Университета Сиди Мохаммеда бен Абдаллаха, Уханьского университета, Хайнаньского университета экономики и права, Хайнаньского университета, Хэнаньского университета и Шаньдунского университета.

Исходящая академическая мобильность студентов РУДН осуществлялась в следующие европейские вузы: Свободный университет Брюсселя, Университет Гренобль Альпы, Университет Рима «Тор Вергата», Университет Лиссабона, Университет Страны Басков, Институт политических исследований Университета Бордо, Университет Комплутенсе, Масариков университет, Университет Пизы, Университет Потсдама, Университет Порту, Университет Палермо, Университет Тампере, Университет Бордо Монтень, Эдинбургский университет, а также вузы Азии (Пекинский университет, Северо-восточный педагогический университет, Уханьский университет, Хэнаньский университет, Шаньдунский университет, Сеульский национальный университет, Университет Сока) и Ближнего Востока (Иорданский университет, Университет Мухаммеда V, Университет Хасана II).

Целесообразно отметить положительную динамику развития академической мобильности обучающихся факультета гуманитарных и социальных наук, инженерной академии, Медицинского института, экономического факультета и Аграрно-технологического института.

В первом полугодии 2019 г. 596 студентов приняли участие в программах академической мобильности, из которых:

— 401 студент приехал на обучение в РУДН из университетов Бельгии, Болгарии, Венгрии, Германии, Греции, Испании, Италии, Колумбии, Кореи, Китая, Латвии, Польши, Туниса, Франции, Шри-Ланки, Японии и стран СНГ (см. табл. 2);

— 195 студентов РУДН прошли обучение в таких странах, как Македония, Италия, Нидерланды, Япония, Греция, Польша, Турция, Португалия, Перу, Франция, Великобритания, Кипр, Словакия, Испания, Австрия, Венгрия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Азербайджан, Канада, Эквадор, США, Чехия, Германия, Литва, Марокко, Ливан и Болгария.

План по академической мобильности обучающихся на конец 2019 г. составляет 900 человек, из которых 675 должны пройти обучение в РУДН сроком более месяца.

В августе 2019 г. подано 103 заявки из ведущих зарубежных университетов на обучение по образовательным программам включенного обучения, реализуемым в сетевой форме. Также 30 студентов придут на обучение в рамках совместных образовательных программ двойных дипломов. Таким образом, в первом семестре 2019/2020 учебного года планируется принять на обучение граждан пятнадцати стран (Армении, Германии, Ирана, Испании, Италии, Казахстана, Китая, Кореи, Латвии, Мексики, Марокко, Турции, Франции и Японии) из 36 университетов.

В 2019/2020 учебном году в рамках СУ СНГ выделено 129 квот и в рамках УШОС — 220 квот на обучение в РУДН. В настоящее время в соответствии с межправительственными соглашениями в течение периода от 6 до 10 месяцев по на-

правлениям Министерства науки и высшего образования РФ в РУДН проходят стажировку порядка 80 студентов.

В рамках СУ БРИКС в 2018 г. были подписаны соглашения о реализации совместных образовательных программ двойных дипломов “International Marketing” с Федеральным университетом Флуминенсе и “International Marketing and Business” с Федеральным университетом Минас Жерайс. На данные программы поданы на обучение две заявки из бразильских вузов.

Стипендиальные программы РУДН Top Student Mobility и RUDN International Scholarship

Для поддержки входящей академической мобильности студентов из зарубежных университетов в 2017 г. была создана конкурсная стипендиальная программа Top Student Mobility. В 2017 г. поддержку по ней получили более 70 студентов из 8 стран мира (Японии, Италии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, Таджикистана, Китая, Франции).

В 2018 г. была продолжена стипендиальная программа Top Student Mobility, предусматривающая 48 стипендий в размере 41 500 руб. для студентов из ведущих вузов, прибывающих на обучение в РУДН. По итогам конкурсного отбора, участие в котором приняли 96 студентов, в первом полугодии 2018 г. было назначено 20 стипендий победителям конкурса. Во втором полугодии 2018 г. выплачено еще 28 стипендий победителям, отобраным из 53 поданных заявок.

В 2019 г. запланирована также выплата 48 стипендий в размере 41 500 руб. В первом полугодии стипендию уже получили 20 студентов. Во втором полугодии планируется провести конкурс и выплатить 28 стипендий для студентов — победителей из вузов-партнеров.

В июне 2018 г. решением Ученого Совета РУДН была учреждена стипендиальная программа RUDN International Scholarship, нацеленная на поддержку студентов РУДН, участвующих в программах исходящей академической мобильности с ведущими университетами на срок не менее месяца. В рамках данной программы стипендию в размере 41 500 руб. получили 32 студента с факультета физико-математических и ес-

тественных наук, Инженерной академии, факультета гуманитарных и социальных наук, экономического факультета, Института мировой экономики и бизнеса, филологического факультета и Юридического института, обучавшиеся в ведущих вузах-партнерах из Великобритании, Германии, Испании, Италии, Китая, Латвии, Португалии и Франции.

В 2019 г. в качестве финансовой поддержки выплачено 45 стипендий в размере 41 500 руб. студентам РУДН из Аграрно-технологического института, Института мировой экономики и бизнеса, Юридического института, Инженерной академии, экономического факультета, экологического факультета, факультета гуманитарных и социальных наук и филологического факультета.

Сотрудничество РУДН с вузами ТОП-500

В 2017 г. количество действующих программ сотрудничества с вузами ТОП-500 составило 54 единицы, в числе которых подписанные в 2017 г. с Университетом Палермо по линии экологического факультета и с Казахским национальным университетом им. аль-Фараби по линии факультета физико-математических и естественных наук. Данный показатель был достигнут путем проведения ряда мероприятий, таких как реализация совместных образовательных программ, совместных научных исследований, а также участие в конференциях, осуществление академической мобильности и др.

В 2018 г. в РУДН реализовывались уже 60 действующих программ сотрудничества с вузами ТОП-500, из которых были открыты программы с Университетом Барселоны (Испания), Еврейским университетом в Иерусалиме (Израиль), Университетом Пизы (Италия).

В августе 2019 г. в РУДН насчитывалось 66 действующих программ сотрудничества с вузами ТОП-500, из которых осуществляется академическая мобильность студентов и НПП с Университетом Киото (Япония), Университетом Гранады (Испания), Сеульским национальным университетом (Южная Корея), Свободным университетом Брюсселя (Бельгия) и др.¹⁰

¹⁰ Данные РУДН по состоянию на 26.09.2019 г.

Проведенный сравнительный анализ выявил, что участие студентов РУДН в программах академической мобильности значительно возросло, но при этом сохранился дисбаланс потока международных мобильных студентов.

РУДН проводит большую работу с целью привлечения, удержания и стимулирования к учебе международных студентов. Для облегчения их адаптации в новых условиях учебной деятельности выделяются существенные финансовые ресурсы (стипендиальные программы Top Student Mobility и RUDN International Scholarship)¹¹. Эти меры направлены на ин-

¹¹ Поздравляем победителей стипендии «TOP STUDENT MOBILITY»! // Официальный веб-сайт РУДН.

тернационализацию университета и превращение его в научно-исследовательский университет.

В связи с тем что РУДН является одним из самых интернациональных вузов Российской Федерации, его опыт в реализации международной деятельности, в частности академической мобильности, может быть полезен в качестве ориентира для создания и развития данного аспекта интернационализации в российских вузах.

29.04.2019. URL: <http://www.rudn.ru/media/news/international-cooperation/pozdravlyаем-pobediteley-stipendii-top-student-mobility> (дата обращения: 04.06.2019).

Поступила в редакцию / Received: 12.07.2019
Принята к публикации / Accepted: 17.09.2019

Библиографический список

- Адилханулы Н.А.* Конкуренция ведущих зарубежных школ за будущее Казахстана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 201—206.
- Альтбах Ф.Дж.* Глобальные перспективы высшего образования / под науч. ред. А. Рябова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.
- Борзова А.Ю., Медина Гонзалес Винисио Ксавиер.* РУДН и Латино-Карибская Америка: новые направления взаимодействия в образовательной сфере // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. № 1. С. 208—220. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-208-220
- Коваленко С.А., Смолик Н.Г.* Участие РУДН в деятельности Сетевого университета СНГ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 207—213.
- Курьлев К.П., Савичева Е.М.* Фактор культуры в модернизации и прогнозировании будущего Содружества Независимых Государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2012. № 1. С. 61—72.
- Маслова О.В.* Международная неделя обмена опытом по программе Erasmus+ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. № 3. С. 364—367. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-3-364-367
- Мошляк Г.А.* Организация сотрудничества в сфере образования и науки со странами Латинской Америки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 218—221.
- Ткач Г.Ф., Филиппов В.М.* Организационно-правовые и практические механизмы обеспечения академической мобильности и расширения экспорта образовательных услуг. М.: РУДН, 2014.
- Филиппов В.М.* Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С. 203—211.
- Филиппов В.М., Краснова Г.А., Сьюлькова Н.В.* О состоянии и перспективах международного сетевого взаимодействия российских вузов в реализации образовательных программ в различных регионах мира (Европа, СНГ, ШОС, АТЭС) // Университетское управление. 2012. № 2. С. 7—11.
- Филиппов В.М., Сунь Ю.* Роль Университета Шанхайской организации сотрудничества в сопряжении образовательных пространств Евразии // Государственная служба. 2015. № 6 (98). С. 15—17.
- Чистохвалов В.Н., Мошляк Г.А.* Интегративные тенденции в реализации приоритетных направлений сотрудничества высших школ России и европейских стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2010. № 4. С. 77—83.
- Knight J.* Internationalization: Concepts, Complexities and Challenges // International Handbook of Higher Education. Springer Dordrecht, 2007. P. 207—227.
- Lawton W.* Digital Learning, Mobility and Internationalisation in European Higher Education // Internationalisation of Higher Education / Ed. by H. de Wit, F. Hunter, L. Howard & E. Egron-Polak. Brussels: European Parliament, 2015. P. 77—81.

References

- Adilhanuly, N.A. (2014). The Competition between the Leading Foreign Schools for the Future of Kazakhstan. *Vestnik RUDN. International Relations*, 4, 201—206. (In Russian).
- Altbach, Ph.G. (2018). *Global Perspectives on Higher Education*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian).
- Borzova, A.Yu. & Medina González, Vinicio Xavier. (2018). RUDN University and Latin-Caribbean America: New Directions of Interaction in the Educational Sphere. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (1), 208—220. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-208-220. (In Russian).
- Chistohvalov, V.N. & Moshlyak, G.A. (2010). Integrative Tendencies in Realization of Priority Dimensions of Cooperation among Higher Schools in Russia and the European Countries. *Vestnik RUDN. International Relations*, 4, 77—83. (In Russian).
- Filippov, V.M. (2015). Internationalization of Higher Education: Major Trends, Challenges and Prospects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 15 (3), 203—211. (In Russian).
- Filippov, V.M., Krasnova, G.A. & Syulkova, N.V. (2012). On the State and Prospects of International Networking of Russian Universities in the Implementation of Educational Programs in Various Regions of the World (Europe, CIS, SCO, APEC). *University Management*, 2, 7—11. (In Russian).
- Filippov, V.M., Sun', Yu. (2015). The Role of the University of the Shanghai Cooperation Organization in Conjugation of the Educational Spaces of Eurasia. *Public Administration*, 6 (98), 15—17. (In Russian).
- Knight, J. (2007). Internationalization: Concepts, Complexities and Challenges. In: *International Handbook of Higher Education*. Springer Dordrecht. P. 207—227.
- Kovalenko, S.A. & Smolik, N.G. (2014). Participation of Peoples' Friendship University of Russia (PFUR) in the Activities of CIS Network University. *Vestnik RUDN. International Relations*, 4, 207—213. (In Russian).
- Kurylev, K.P. & Savicheva, E.M. (2012). The Factor of Culture in Modernization and Predicting the Commonwealth of Independent States Future. *Vestnik RUDN. International Relations*, 1, 61—72. (In Russian).
- Lawton, W. (2015). Digital Learning, Mobility and Internationalisation in European Higher Education. In: De Wit, H., Hunter, F., Howard, L. & Egron-Polak, E. (Eds.). *Internationalisation of Higher Education*. Brussels: European Parliament. P. 77—81.
- Maslova, O.V. (2018). Erasmus+ International Staff Exchange Week in Vilnius. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15 (3), 364—367. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-3-364-367. (In Russian).
- Moshlyak, G.A. (2014). Organization of Cooperation in Education and Science with Latin American Countries. *Vestnik RUDN. International Relations*, 4, 218—221. (In Russian).
- Tkach, G.F. & Filippov, V.M. (2014). *Organizational, Legal and Practical Mechanisms to Ensure Academic Mobility and Expand the Export of Educational Services*. Moscow: RUDN publ. (In Russian).

Сведения об авторах: Иманкулова Назым Бакытжановна — аспирант кафедры сравнительной образовательной политики Российского университета дружбы народов (e-mail: nazym_0507@mail.ru).

Мошляк Габриэль Алексеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры сравнительной образовательной политики, начальник отдела развития межвузовского сотрудничества Российского университета дружбы народов (e-mail: moshlyak-ga@rudn.ru).

About the authors: Imankulova Nazym Bakytzhanovna — Postgraduate Student, Comparative Educational Policy Department, RUDN University (e-mail: nazym_0507@mail.ru).

Moshlyak Gabriel Alekseevna — PhD in History, Associate Professor, Comparative Educational Policy Department, Head of the Interuniversity cooperation office, RUDN University (e-mail: moshlyak-ga@rudn.ru).

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-509-511

Рецензия

Жизнин С.З., Дакалов М.В. Возобновляемые источники энергии в мире и в России: учебное пособие. — М.: МГИМО-Университет, 2019. — 209 с.

Ю.А. Ильичева

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, Москва, Российская Федерация

Book review

Zhiznin, S.Z. & Dakalov, M.V. (2019). Renewable Energy Sources in the World and in Russia. Moscow: MGIMO-University publ., 209 p. (In Russian)

Y.A. Ilicheva

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Для цитирования: Ильичева Ю.А. Рецензия: Жизнин С.З., Дакалов М.В. Возобновляемые источники энергии в мире и в России: учебное пособие. — М.: МГИМО-Университет, 2019. — 209 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 509—511. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-509-511

For citation: Ilicheva, Y.A. (2019). Book review: Zhiznin, S.Z. & Dakalov, M.V. (2019). Renewable Energy Sources in the World and in Russia. Moscow: MGIMO-University publ., 209 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 509—511. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-509-511

Заслуженный специалист в области энергетической дипломатии и безопасности С.З. Жизнин является автором свыше 300 статей, 12 монографий и учебных пособий [Жизнин 2017; Жизнин, Тимохов 2016; Жизнин, Тимохов 2017]. Между тем рецензируемая работа, подготовленная в соавторстве с молодым российским ученым М.В. Дакаловым, отличается от предыдущих, поскольку автор отходит от классических вопросов

энергетической дипломатии, уделяя внимание новой и не менее актуальной тематике возобновляемой энергетики.

В настоящее время наблюдается активный интерес к использованию и развитию возобновляемых источников энергетики на фоне истощения запасов наиболее популярных видов углеводородного топлива (нефти и газа). Данное учебное пособие отражает современные тенденции

© Ильичева Ю.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

мировой экономики и энергетики. Работа С.З. Жизнина и М.В. Дакалова в определенной степени уникальна, поскольку позволяет получить наиболее полную и детальную информацию относительно основных видов возобновляемых источников энергии, их экономических показателей, правовых основ и механизмов регулирования применения новых видов энергии, проблематики и рисков использования возобновляемых источников энергии, а также перспективы и тенденций развития этой области энергетики в мире, и в частности в России.

Авторы отмечают, что рост использования возобновляемой энергетики обусловлен не только сокращением запасов полезных ископаемых, но и экологическим фактором, так как «основной ущерб окружающей среде наносит добыча, переработка и сжигание ископаемых видов топлива (угля, нефти и газа), приводя к глобальным изменениям климата» [Жизнин, Дакалов 2019: 5]. При этом преимуществами возобновляемых источников энергии являются их широкая распространенность и отсутствие влияния на энергетический баланс Земли. Данные энергоресурсы «могут заменить ископаемые виды топлива, сократить зависимость от импортируемого топлива, создать дополнительные возможности для некоторых отраслей промышленности и сельского хозяйства, уменьшать выбросы парниковых газов и других веществ, а также обеспечивают безопасность поставок» [Жизнин, Дакалов 2019: 14].

Среди проблем сферы возобновляемой энергетики российские ученые отмечают их более высокую стоимость по сравнению с традиционными видами углеводородов, необходимость совершенствования технологий производства и применения данного типа энергии, особенно в широком промышленном плане, с учетом возникающих и еще комплексно не исследованных экологических проблем, а также снижения цен на нефть, что обесценивает использование альтернативных ис-

точников энергии. При этом авторы утверждают, что «по мере истощения геологических запасов основных видов топливных ресурсов (нефть и газ) стоимость углеводородных видов топлива и ядерной энергетики имеет тенденцию к росту, а себестоимость многих возобновляемых источников энергии снижается» [Жизнин, Дакалов 2019: 6].

По мнению С.З. Жизнина и М.В. Дакалова, «потенциал возобновляемых источников энергии огромен, но его применение и развитие очень разнохарактерны в зависимости от страны или региона» [Жизнин, Дакалов 2019: 97]. В частности, данная сфера энергетики наиболее развита в ЕС, поскольку европейские государства «обделены» запасами углеводородов. В России наблюдается обратная ситуация: «возобновляемые источники энергии применяются фрагментарно» ввиду значительных запасов традиционных видов углеводородного топлива [Жизнин, Дакалов 2019: 166].

При этом необходимо отметить достоинство данного учебного пособия — крайне информативные дидактические материалы. Список литературы охватывает значительную часть работ российских и зарубежных ученых, специализирующихся на исследовании проблематики возобновляемых источников энергии. Стиль пособия является научным, вместе с тем доступным для понимания не только специалистам, но и широкому кругу читателей, всем, кто интересуется как современными тенденциями развития мировой энергетики в целом, так и вопросами возобновляемой энергетики в частности.

С практической точки зрения рецензируемое издание вносит значительный вклад в углубленное понимание проблематики и рисков использования возобновляемых источников энергии, что крайне важно для студентов, изучающих курсы «Энергетическая дипломатия» и «Международная энергетическая безопасность».

Поступила в редакцию / Received: 20.08.2019
Принята к публикации / Accepted: 04.09.2019

Библиографический список

- Жизнин С.З. Основы энергетической дипломатии: учебное пособие. 2-е изд., доп. М.: МГИМО-Университет, 2017.
Жизнин С.З., Дакалов М.В. Возобновляемые источники энергии в мире и в России: учебное пособие. М.: МГИМО-Университет, 2019.

Жизнин С.З., Тимохов В.М. Международное сотрудничество в сфере энергетических технологий: учебное пособие. М.: МГИМО-Университет, 2016.

Жизнин С.З., Тимохов В.М. Ядерные аспекты энергетической дипломатии: монография. М.: МГИМО-Университет, 2017.

References

Zhiznin, S.Z. & Dakalov, M.V. (2019). *Renewable Energy Sources in the World and in Russia*. Moscow: MGIMO-University publ. (In Russian)

Zhiznin, S.Z. & Timokhov, V.M. (2016). *International Cooperation in the Field of Energy Technology*. Moscow: MGIMO-University publ. (In Russian)

Zhiznin, S.Z. & Timokhov, V.M. (2017). *Nuclear Aspects of Energy Diplomacy*. Moscow: MGIMO-University publ. (In Russian)

Zhiznin, S.Z. (2017). *Fundamentals of Energy Diplomacy*. 2nd ed. Moscow: MGIMO-University publ. (In Russian)

Сведения об авторе: Ильичева Юлия Александровна — соискатель кафедры мировой экономики Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (e-mail: juliai575@gmail.com).

About the author: Ilicheva Yulia Aleksandrovna — postgraduate student, the Department of World Economy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (e-mail: juliai575@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-512-514

Рецензия

**Черненко Е.Ф. Энергетическая дипломатия:
учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. —
М.: Издательство «Юрайт», 2018. — 139 с.**

И.Ф. Шириязданова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Book review

**Chernenko, E.F. (2018). Energy Diplomacy.
Moscow: Urait publ., 139 p. (In Russian)**

I.F. Shiriiazdanova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Для цитирования: Шириязданова И.Ф. Рецензия: Черненко Е.Ф. Энергетическая дипломатия: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. — М.: Издательство «Юрайт», 2018. — 139 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 512—514. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-512-514

For citations: Shiriiazdanova, I.F. (2018). Book review: Chernenko, E.F. (2018). Energy Diplomacy. Moscow: Urait publ., 139 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 512—514. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-512-514

В настоящее время, в условиях развития процесса глобализации и как следствие переплетения интересов участников международных отношений в различных регионах мира, весомая роль в проблеме понимания системы национальной и международной безопасности отводится ее энергетической составляющей. Однако многие страны не способны обеспечить собственную энергобезопасность без поддержки международного сообщества. Поэтому все больше стран вынуждено прибегать к использованию энергодипломатии как наиболее эффективного инструмента для обеспечения национальных интересов страны.

В этом ключе пособие для бакалавриата и магистратуры Е.Ф. Черненко — специалиста в области международных экономических отношений, энергетической политики, социально-экономиче-

ских проблем развивающихся стран — представляется своевременным и востребованным.

Работа Е.Ф. Черненко позволяет получить детальную информацию относительно энергетической дипломатии в условиях технологического прогресса, адаптации энергетической сферы к новым условиям глобализации. В своей работе автор делает обзор трудов крупных исследователей в сфере геоэкономики и энергетики, российской и зарубежной научной мысли.

Понятие «энергетическая дипломатия» — комплексное и сложное. В данном пособии внимание сосредоточено на внешнеполитических и внешнеэкономических аспектах обеспечения энергобезопасности государств. Так, автор отмечает, что «в настоящее время все более значимым становится энергетическое направление геоэко-

© Шириязданова И.Ф., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

номической дипломатии. Повышенное внимание к энергетической сфере в глобальном масштабе подтверждает общую тенденцию — экономизацию современной политики» [Черненко 2018: 28].

В связи с истощением традиционных источников энергии, таких как нефть, газ и каменный уголь, а также отсутствием к ним физического доступа у ряда стран растет интерес к развитию альтернативных источников энергии, таких как этанол, биотопливо, целлюлоза, приливно-отливные станции, солнечные батареи, ветровые установки, газогидраты, атомная и водородная энергетика. Успешной практикой производства и использования в автомобильной промышленности биоэтанола обладает Бразилия. Также заинтересованы в производстве биотоплива Германия, Литва, Казахстан, Украина. Россия готова войти в их число, особенно учитывая огромные территории страны, но пока неактивно вкладывается в рынок биологического топлива [Черненко 2018: 115]. И все же на сегодняшний день затраты на производство биотоплива зачастую превышают его энергетическое содержание. Еще одним аргументом против биотоплива является «загрязнение атмосферы в результате промышленного производства этанола» [Черненко 2018: 113].

Также озабоченность экологов и стран, обладающих разведанными запасами, «вызывают вредные последствия для окружающей среды от применения существующих методов добычи» сланцевой нефти и сланцевого газа [Черненко 2018: 121].

Автор рассматривает позицию России на мировом нефтегазовом рынке, ее энергетическую безопасность, которая непосредственным образом связана с национальной и военной безопасностью. Несмотря на то что Россия обладает богатейшей ресурсной базой, страна может войти в число государств, которые «не участвуют в мировом воспроизводственном процессе в должной мере, а лишь создают необходимые условия для других акторов международных экономических

отношений, обеспечивая им стратегический эффект от внешнеэкономической деятельности, примыкая к чужим интеграционным воспроизводственным ядрам» [Черненко 2018: 26]. Поэтому в среднесрочной перспективе России «необходим переход от снабженческо-сбытовой на производственно-инвестиционную модель внешнеэкономических связей» [Черненко 2018: 64].

Однако у России благодаря выгодному географическому расположению есть возможность стать «ядром целого ряда производственно-коммерческих агломераций в энергетическом секторе глобальной экономики» [Черненко 2018: 65], «крупнейшим игроком на поле международных отношений в качестве их стабилизирующего фактора» [Черненко 2018: 45]. Все это позволило бы реально встать на путь развития инновационного и конкурентоспособного хозяйственного устройства страны.

В целом для дальнейшего устойчивого развития всей системы мировой экономики необходима новая концепция глобальной энергетической безопасности при активном привлечении инструментов энергетической дипломатии. Она предусматривает взаимовыгодное сотрудничество импортеров и экспортеров энергоресурсов, многоканальное развитие и совместные гарантии, когда все участники мирового энергетического рынка вынуждены учитывать потребности и возможности других акторов — как производителей, так и потребителей энергосырья.

Несомненным достоинством данного учебного пособия являются глубоко проработанные дидактические разделы. Задания для самостоятельной работы нацелены на развитие у студентов навыков системного анализа и формирования критического мышления. Эти навыки исключительно важны для профессионального становления будущих международных работников, регионоведов и экономистов, которые и являются целевой аудиторией данного пособия.

Поступила в редакцию / Received: 11.08.2019
Принята к публикации / Accepted: 18.09.2019

Библиографический список

Черненко Е.Ф. Энергетическая дипломатия: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство «Юрайт», 2018.

References

Chernenko, E.F. (2018). *Energy Diplomacy*. Moscow: Urait publ. (In Russian)

Сведения об авторе: *Шириязданова Ирина Фанилевна* — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: irina.shiriiazdanova@gmail.com).

About the author: *Shiriiazdanova Irina Fanilevna* — PhD in History, Senior Lecturer, the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: irina.shiriiazdanova@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-515-517

Book review

**Amer, K., Adeel, Z., Böer, B. & Saleh, W. (Eds.). (2017).
The Water, Energy, and Food Security Nexus in the Arab Region.
Springer International Publishing AG, 239 p.**

A.A. Kornilov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN),
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Рецензия

**The Water, Energy, and Food Security Nexus in the Arab Region /
Ed. by K. Amer, Z. Adeel, B. Böer, W. Saleh.
Springer International Publishing AG, 2017. 239 p.**

А.А. Корнилов

Нижегородский национальный исследовательский университет имени Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация

For citation: Kornilov, A.A. (2019). Book review: Amer, K., Adeel, Z., Böer, B. & Saleh, W. (Eds.). (2017). The Water, Energy, and Food Security Nexus in the Arab Region. Springer International Publishing AG, 239 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 515—517. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-515-517

Для цитирования: Корнилов А.А. Рецензия: The Water, Energy, and Food Security Nexus in the Arab Region / Ed. by K. Amer, Z. Adeel, B. Böer, W. Saleh. Springer International Publishing AG, 2017. 239 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 515—517. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-515-517

Water and energy of the 21st century remain to be essential and in many cases indispensable sources of security and sustainable development of state, economy and society. Along with that they are not static and experience constant and rapid changes so that from time to time decision-makers face with unpredictable events and consequences. Region of the Middle East demonstrates a remarkable case here. Some regional rich powers have access to huge spaces of oil and financial resources. And, at the same time they have to search for ways to buy water they need in and build various expensive installations. States, having no access to financial well-

being, may use water resources but do that without well-thought clear strategy and technical programs. Slow pace of reforms in water consumption is followed by or connected with rising Arab population, emerging conflicts among the Middle Eastern states and mobile terrorist threats.

The challenges and opportunities presented by climate change and water scarcity in the Middle East conflict zones require to be jointly addressed. 45 million people are threatened in the Nile Delta within the next twenty years by the rise in water levels of the Mediterranean. Recently, Iran warned that by continuing to exploit 97 % of Iran's surface

© Kornilov A.A., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

water, approximately 55 million people, 70 % of Iranians, will have no choice but to leave the country.

All these dramatic factors lead to new forms of instability and chaos in the area that we already witnessed during the so-called Arab Spring. Experts in water issues sound the true alarm. Many conferences sponsored by UNESCO and UN University stress the necessity to pay more attention to the issue of water consumption and its just distribution.

The authors of the book under review — “The water, energy, and food security nexus in the Arab Region” — focus on this highly challenging topic. Contributors to this science-based multidisciplinary book represent well-known experts from Middle Eastern universities and think tanks and from the ones beyond the area. Their different professional background is quite enriching as they are key specialists on agriculture, climate change, environment, national security, water resources, and biology.

The authors highlight two extremely important facts which define the situation in the field.

1. Some places in the Arab Region, which are poor by natural resources, but rich by per capita income, have developed rapidly from places of low human population densities with the best environmental footprints globally to places of the fastest increase in human population and the highest rate of per capita water and food and energy consumption and wastage, even though the water and food are naturally not available, and energy availability has technical, geographical, and volume limitations. This wastage of water, energy, and food is unacceptable from many approaches — environmental, societal and religious.

2. Good water governance urgently requires incentives for all, for everybody, to contribute to good water management. The authors actually do not suggest or recommend what needs to be done in the sphere. They just urgently call for incentives. Energy management practices should one way or another be rewarded by the governments and authorities, because they do the right thing in the best interest of the entire human community [Amer, Adeel, Böer, Saleh 2017].

This strong alarm of the expert community is strengthened by history and tradition. The traditional Arabs, wherever they had water, they used it wisely, and they most certainly avoided any wastage. This is no longer the case. Wastage nowadays is real and

needs to be readdressed. Wastage has become both key term in the analysis and in policy recommendations the peer-reviews book contains. The wastage must no longer go on as usual. This urgent call is addressed at decision-makers and this circumstance makes the book highly important in terms of strengthening international cooperation. Obviously, solution to the water wastage problem could be found on the basis of mutual action and regional cooperation.

Paul Sullivan in Chapter 8 shares with Thoughts and Policy Options on Water-Energy-Food Security Nexus in the Arab Region. One of his most important statements is that energy, water, and food availability show not only stress today, but potentially much greater stresses in the future. He urges the need to integrate policies across energy, food, and water. Education, outreach, training, investment, and other programs need to be truly developed to help lead people and their leaders to a better future, and to avoid resource, economic, and political disasters. And *To integrate* means to act together, means to share information, knowledge and technologies [Amer, Adeel, Böer, Saleh 2017: 156].

Paul Sullivan from the U.S. National Defense University warns about extreme resource stresses in the future beyond what has been observed to date in the region. These, in turn, could cause increased energy insecurity, increased terrorism, and increased migration. 52 points of policy recommendations are summarized and presented in order to assure the improvement.

The authors argue that the water-food security of the Arab world is constrained by several internal and external stresses. Key among them are high population and economic growth (socio-economic), arid and semi-arid climate, dependency on external water resources and food supply, climate change, and political unrest [Amer, Adeel, Böer, Saleh 2017: 167].

In Chapter 10, Rabi H. Mohtar, Amjad T. Assi and Bassel T. Daher state that innovative thinking is needed to understand the potential of available and under tapped resources, and to better utilize them at the local scale, in order to better contribute to bridging the water-food supply-demand gap. The experts do not exclude the role of food imports, rain water harvesting systems, or existing hydraulic structures contributing to bridging the gap. They propose to localize the farming system. Localizing, once adopted as a strategy moving forward, would increase the

overall resilience of the water-food systems. Such a strategy should be inclusive and must account for the natural, social, economic, and technical environments after which local solutions are prescribed and geared toward optimizing, rather than maximizing, the use of water, soil, plant and atmosphere. The proposed approach is a socio-techno-environmental approach as opposed to a solely technical one. This recommendation over and over shows that interdisciplinary expertise and multi-dimensional approach with collective decisions by concert of sovereign states could pave the optimal way to the solution of the resources problem in the Middle East [Amer, Adeel, Böer, Saleh 2017: 196].

Obvious fact is highlighted in the book: the Arab Region is under considerable water stress, and the situation will continue to get worse in tandem with a number of global changes — most notably to climate and the related regional water distribution. Secondly, viable solutions are available in the region and can be implemented through innovative policies, judicious use of new technologies, and energizing

public opinion. Key instrument would be promoting joint efforts, regional cooperation and pooling together of resources. Experts are convinced that the available data and information are sufficient to formulate broad policy and strategic visions at the regional level. A number of regional forums can be utilized to form a common vision, allocate resources, empower through enabling policies, and provide incentives for success.

The book creates the feeling of the extreme importance of the issues, but it also proposes a fresh view on the agenda and has urged decision-makers — influential and not so much — to hear the experts in order to work out strategies and use instruments required to prevent regional catastrophe. The mission is to transform the nexus of risky challenge to the nexus of sustainable development. However, the path of transformation is difficult as ever. Contradictions and conflicts, national ambitious and external factors, economic competition and arms race, migration processes and others do complicate the matter that essentially is one of survival.

Поступила в редакцию / Received: 04.08.2019

Принята к публикации / Accepted: 30.08.2019

References / Библиографический список

Amer K., Adeel Z., Böer B. & Saleh W. (Eds.). (2017). *The Water, Energy, and Food Security Nexus in the Arab Region*. Springer International Publishing AG.

About the author: Kornilov Alexander Alekseevich — PhD, Dr. of Science (History), Professor, Head of the Department of Foreign Regional Studies and Local History of the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN) (e-mail: region@imomi.unn.ru).

Сведения об авторе: Корнилов Александр Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.Н. Лобачевского (e-mail: region@imomi.unn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-518-519

Рецензия

**Bo Kong. Modernization through Globalization.
Why China Finances Foreign Energy Projects Worldwide.
L.: Palgrave Macmillan, 2019. 103 p.**

В.В. Ежов

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Book review

**Bo Kong. (2019). Modernization through Globalization.
Why China Finances Foreign Energy Projects Worldwide.
L.: Palgrave Macmillan, 103 p.**

V.V. Ezhov

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Для цитирования: Ежов В.В. Рецензия: Bo Kong. Modernization through Globalization. Why China Finances Foreign Energy Projects Worldwide. L.: Palgrave Macmillan, 2019. 103 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 518—519. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-518-519

For citation: Ezhov, V.V. (2019). Book review: Bo Kong. (2019). Modernization through Globalization. Why China Finances Foreign Energy Projects Worldwide. L.: Palgrave Macmillan, 103 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 518—519. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-518-519

Растущее экономическое влияние Китая в мире, его внешняя политика и деятельность в области энергетики привлекают внимание многих российских и зарубежных исследователей. Свой вклад в разработку этих тем внес и исследователь из Университета Оклахомы Бо Конг в своей монографии [Bo Kong 2019].

В рецензируемой работе поставлена задача понять причины, по которым Китай стал крупнейшим инвестором в энергетику, а также исследовать механизмы, благодаря которым это реализуется. Кроме того, автор стремится восполнить пробелы в исследовательской литературе за счет анализа роли финансового сектора, в особенности Китайского банка развития (СДВ) и Китайского экспортно-импортного банка (СНХИМ) в гло-

бальной экспансии китайских энергетических концернов посредством анализа статистических данных, национальных документов стратегического планирования и отчетов о деятельности упомянутых банков.

Бо Конг констатирует, что в 2009 г. КНР обогнала США по объему международной помощи. Автор строит собственный анализ на достаточно репрезентативном массиве данных о зарубежных проектах в области развития, получивших поддержку КНР в 2000—2017 гг. За 18 лет Китай потратил на указанные проекты в области энергетики более 225 млрд долл. США, причем по географическому признаку они были распределены весьма равномерно: по 28—29 % на страны Латинской Америки, Европы / СНГ и Азии и 15 % —

© Ежов В.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

на Африку. Что касается сферы приложения инвестиций, то более 70 % всех средств в рассматриваемый период были вложены в углеводороды.

Автор полагает, что такая глобальная активность проистекает из стремления Китая решить задачу модернизации страны, которую можно назвать разделяемой всеми национальной идеей на протяжении почти ста лет [Bo Kong 2019: 26]. Сейчас тема модернизации приобрела форму двух «целей столетия», которых необходимо достичь к 2021 и 2049 гг.

В качестве четырех зон риска, или «мягких подбрюший», китайской модернизации идентифицированы зависимость от зарубежных ресурсов, доступ к иностранным рынкам сбыта (в целях загрузки избыточных производственных мощностей Китая), передовым технологиям (для обеспечения лидерства в области инноваций), а также растущие валютные риски для Китая как крупнейшего держателя резервов в иностранной валюте (особенно в долларах США) [Bo Kong 2019: 31].

Исходя из этого, посредством финансирования зарубежных проектов КНР будет стремиться получить доступ к ресурсам, рынкам сбыта и технологиям, а также повышать международный статус юаня.

Особое внимание Бо Конг уделяет механизмам государственного контроля за двумя ключевыми банками, выделяя стратегический (нормативно-правовое регулирование, назначение руководителей на ключевые позиции) и оперативный уровни (представительство Министерства финансов, Банка Китая, Госсовета по развитию и реформам и др. в советах директоров). Отдельно

отмечен вклад государства в мобилизацию финансовых ресурсов для банков посредством присвоения им высоких кредитных рейтингов (на уровне надежности государственных облигаций) [Bo Kong 2019: 72] и прямых денежных вливаний. Такая система позволяет трансформировать де-факто краткосрочные инструменты заимствования в кредиты для зарубежных партнеров на реализацию средне- и долгосрочных проектов.

Несмотря на объективный подход к проведению исследования, ряд факторов, на наш взгляд, снижают практическую значимость монографии. Так, использованный массив данных по проектам не включает в себя финансирование, идущее в иностранные государства по линии китайских энергетических концернов, в том числе в качестве прямых иностранных инвестиций, что может свидетельствовать о неполной достоверности результатов применительно к географическому и секторальному распределению китайских вложений в зарубежные энергетические проекты и как следствие — подрывать достоверность сделанных теоретических и практических выводов.

В целом можно признать, что монография Бо Конга — серьезное и достаточно комплексное исследование, дополняющее имеющуюся литературу по проблематике внешней политики Китая и позиционированию страны на международной арене. Хотя некоторые подходы к исследованию и сделанные с их помощью выводы не отражают всю полноту картины, монография, несомненно, будет полезна Китаистам и исследователям проблем развития, а также широкому кругу аналитиков.

Поступила в редакцию / Received: 09.09.2019

Принята к публикации / Accepted: 25.09.2019

Библиографический список / References

Bo Kong. (2019). *Modernization through Globalization. Why China Finances Foreign Energy Projects Worldwide*. L.: Palgrave Macmillan.

Сведения об авторе: *Ежов Вадим Владимирович* — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: wading@rambler.ru).

About the author: *Ezhov Vadim Vladimirovich* — postgraduate student, the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: wading@rambler.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-520-523

Рецензия

Yanran Xu. China's Strategic Partnerships in Latin America. Case Studies of China's Oil Diplomacy in Argentina, Brazil, Mexico, and Venezuela, 1991—2015. Lexington Books, 2017. 157 p.

А.Ю. Борзова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Book review

Yanran Xu. (2017). China's Strategic Partnerships in Latin America. Case Studies of China's Oil Diplomacy in Argentina, Brazil, Mexico, and Venezuela, 1991—2015. Lexington Books, 157 p.

А.Ю. Борзова

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Для цитирования: Борзова А.Ю. Рецензия: Yanran Xu. China's Strategic Partnerships in Latin America. Case Studies of China's Oil Diplomacy in Argentina, Brazil, Mexico, and Venezuela, 1991—2015. Lexington Books, 2017. 157 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 520—523. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-520-523

For citation: Borzova, A.Yu. (2019). Book review: Yanran Xu. (2017). China's Strategic Partnerships in Latin America. Case Studies of China's Oil Diplomacy in Argentina, Brazil, Mexico, and Venezuela, 1991—2015. Lexington Books, 157 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (3), 520—523. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-520-523

Рост влияния Китая и его вовлеченности в политические дела на международной арене вызывает растущий интерес к китайской дипломатии стратегического партнерства как части «стратегии мирного возвышения», которая предполагает расширение взаимодействия с партнерами как на глобальном, региональном, так и на двустороннем уровнях. Китай, в отличие от западных стран, не рассматривает стратегическое партнерство как военный альянс, предполагающий широкое сотрудничество в области безопасности, а делает упор на две составляющие — двустороннее торгово-экономическое сотрудничество и способность совместно реагировать на глобальные вызовы [Yanran Xu 2017: 3].

К 2015 г. Китай установил отношения стратегического партнерства с более чем 50 странами и организациями по всему миру, но при этом такой характер отношений со странами Латинской Америки вызывает серьезную дискуссию. Этой теме посвятила исследование Яньрань Сюй, преподаватель Школы международных исследований при Китайском университете Жэньминь в Пекине.

Если некоторые оптимистически настроенные исследователи приветствуют сотрудничество обеих сторон на взаимовыгодной основе («win-win») и изображают Китай как успешную модель для развивающихся стран, то скептически настроенные авторы позиционируют Китай в качестве растущей имперской державы, которая борется

© Борзова А.Ю., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

за природные ресурсы развивающихся стран и представляет угрозу для Латинской Америки. Китай имеет отношения стратегического партнерства с 8 странами Латинской Америки: Бразилией (1993), Венесуэлой (2001), Мексикой (2003), Аргентиной (2004), Перу (2008), Чили (2012), Коста-Рикой (2012), Эквадором (2015).

Автор ставит в исследовании задачу: выяснить, существует ли расхождение в понимании стратегического партнерства в заявлениях и на практике и насколько справедливо распределяются преимущества от этого партнерства между Китаем и отдельными странами Латинской Америки, которые значительно различаются между собой. Выбрав четыре латиноамериканские страны, являющиеся крупнейшими производителями нефти или обладающие значительными разведанными запасами нефти и газа (Бразилию, Аргентину, Мексику и Венесуэлу), автор проводит сравнительный анализ нефтяной дипломатии Китая на основе таких критериев, как: 1) производство энергоресурсов; 2) геополитическая близость к США; 3) экономическая взаимозависимость с Китаем; 4) степень диверсификации экономики; 5) идеологический фактор. Именно такое сравнение позволяет автору показать, насколько сбалансированным является соглашение конкретной страны с Китаем в сфере энергетики.

Аргентина и Бразилия стратегически более важны для США, чем Венесуэла. Экономика Бразилии и Мексики более диверсифицирована, Аргентина сильно зависит от экспорта сельскохозяйственной продукции, а слабая экономика Венесуэлы основана на экспорте нефти. Товарооборот между Китаем и этими странами многократно вырос за последние годы, и доля углеводородов в торговле увеличивается. Китайские нефтяные корпорации (Sinopet, CNOOC, CNPC) проникли на латиноамериканский рынок нефтедобычи, что укрепило сотрудничество КНР со странами региона в торговле нефтью, предоставлении инвестиций, приобретении технического оборудования.

В 1993 г. Бразилия стала первой страной в мире, которую Китай признал стратегическим партнером, а в 2012 г. отношения были повышены до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства. Взаимодействие Китая с Бразилией в сфере торговли занимает первое место по своим

объемам. Кроме того, Бразилия является основным реципиентом китайских инвестиций в Латинской Америке. Сотрудничество распространилось на различные области, включая разведку нефти и технологические исследования, торговлю нефтехимическим оборудованием и продуктами в дополнение к быстро растущей торговле нефтью.

В Венесуэле Китай стремится обеспечить доступ к нефти и расширить продажу китайской продукции таких китайских брендов, как Haier, Huawei и ZTE. В рамках стратегического партнерства был подписан ряд соглашений и инвестиций по схеме «кредит в обмен на нефть». В 2003 г. Китай установил стратегическое партнерство с Мексикой и стал вторым торговым партнером Мексики после США. Интерес для Китая представляет доступ Мексики к рынкам США и ее членство в Тихоокеанском альянсе. Китайские компании вышли на нефтедобывающий рынок Мексики и рассматривают финансирование, техническое обслуживание и торговлю оборудованием, а также участие в энергетической инфраструктуре этой страны в качестве приоритетов сотрудничества. Мексика экспортирует сырую нефть в Китай с 2009 г., однако в целом торгово-экономическая динамика между двумя странами не совпадает ни с их политическим весом, ни с реальным и эффективным партнерством. Аргентина стала вторым по значимости стратегическим партнером Китая в Южной Америке и привлекает китайские инвестиции в развитие месторождений сланцевой нефти и газа. Примечательно, что в период между 2004 и 2010 гг. Аргентина (вместе с Бразилией и Венесуэлой) входила в тройку крупнейших латиноамериканских поставщиков нефти в Китай.

Однако при сравнении стратегического партнерства в рамках нефтяной дипломатии Китая с этими странами были обнаружены значительные различия: прежде всего, растет значение Латинской Америки для Китая, что проявляется в структуре торговли. Китай стал крупнейшим торговым партнером Бразилии, вторым торговым партнером Мексики, Венесуэлы и Аргентины. 86 % всех китайских ПИИ в Латинскую Америку направлялись в сырьевой и энергетический сектор. В торговле с Китаем Бразилия и Венесуэла имеют положительное сальдо, а Мексика и Аргентина — дефицит в торговом обороте. Дву-

сторонние торговые потоки остаются несбалансированными, так как страны экспортируют в Китай сырье и импортируют промышленные товары. В торговле энергоресурсами эти страны больше зависят от Китая, чем наоборот, поскольку Китай входит в тройку крупнейших покупателей венесуэльской и бразильской нефти, но на эти страны приходится лишь небольшая доля импорта Китая. Экспорт природных ресурсов в Китай и импорт промышленных товаров мало что дают для модернизации промышленности, необходимой для экономики стран Латинской Америки, что приводит к торговым трениям [Yanran Xu 2017: 111—116].

В монографии подчеркивается, что четыре страны крайне неоднородны и сложны с точки зрения развития торговли и инвестиций, поэтому характер их стратегического партнерства с Китаем имеет существенные различия. В каждой стране возросла зависимость от экспорта нефти и других видов сырья, снизилась роль производственной базы, и повторяется уже имевшая место в регионе схема зависимого развития. Китай лишает латиноамериканские страны контроля над собственными стратегическими активами, а сложившиеся торговые отношения препятствуют развитию конкурентоспособности национальных отраслей, что углубляет сырьевую ориентацию экспорта. Китай в определенной степени углубил зависимость Венесуэлы от экспорта нефти, а Аргентины — от экспорта сельскохозяйственных товаров. Излишне говорить, что содержание такого взаимодействия все чаще ставится под сомнение как устойчивая основа для роста [Yanran Xu 2017: 114].

В итоге стратегическое партнерство между Китаем и wybranными странами асимметрично, и выгоды распределяются неравномерно, но не следует воспринимать его как игру с абсолютной нулевой суммой, учитывая, что страны в разной степени выигрывают от двусторонней торговли. Китайские инвестиции и закупки товаров привели к притоку иностранного капитала, что способствовало развитию национальной экономики региона.

По мнению автора, в двусторонних отношениях Китай начинает занимать более гибкую позицию. Если раньше Китай был озабочен развитием экономического сотрудничества и торговли со странами региона независимо от прав человека, социальной морали или воздействия на окружа-

ющую среду в соответствии с давно установившейся китайской стратегией невмешательства во внутренние дела других государств, то в настоящее время Китай начал открываться для других видов торговых отношений с большей справедливостью, поддержанием равного торгового баланса, развитием сотрудничества в области возобновляемых источников, содействием диверсификации экспорта стран региона. Бросая вызов политическому и экономическому доминированию США, Китай может создать пространство для ведения бизнеса и выстраивания равноправных отношений.

Еще один вопрос, который ставит автор, — смогут ли латиноамериканцы превратить стратегическое партнерство с Китаем в инструмент для создания более выгодных и равноправных отношений? Вместо того чтобы обвинять Китай, Латинская Америка может опираться на некоторые из своих недавних успехов, и пришло время разработать активную, а не реактивную политику. Правительствам этих стран необходимо стимулировать инновации, расширять инвестиции в инфраструктуру, что увеличит сравнительные преимущества экспорта и будет способствовать более глубокой региональной торговле и интеграции бизнеса, финансировать и поддерживать образовательные и исследовательские учреждения, изучающие потребности и требования рынков.

Диверсификация экономики также является важной проблемой для региона, что требует макроэкономической политики, направленной на нивелирование последствий узкой сырьевой специализации и развитие наукоемкого производства для удорожания экспорта. Таким образом, конкуренция и связанные с этим дилеммы развития исходят не столько от Китая, сколько из особой формы встраивания Латинской Америки в глобальные производственные структуры, и поэтому сосредоточение внимания на Китае упускает ключевой момент относительно конкретного места стран региона в мировой экономике. Новая парадигма несет угрозы и риски, но вместе с тем возникает много возможностей для будущего развития Латинской Америки [Yanran Xu 2017: 121—126].

Таким образом, для устойчивости стратегического партнерства необходимо расширять зна-

ния друг о друге. Стратегическое партнерство с Бразилией играет ведущую роль в политике КНР в регионе, поскольку именно эта латиноамериканская страна имеет наибольшие перспективы для удовлетворения потребностей Пекина в продовольствии и энергии. Вместе с Бразилией Китай должен уделять больше внимания взаимодействию в таких сферах, как защита окружающей среды, противодействие изменению климата, глобальная энергетическая и продовольственная безопасность, повестка дня в области международного развития и глобальной торговой системы.

В монографии представлен количественный анализ статистических данных, приведены серьезные экономические выкладки, что делает ее полезной для широкого круга исследователей. В заключение автор подчеркивает, что Китай ищет пути для налаживания симметричного стратегического партнерства с Латинской Америкой, и эти отношения будут значительно укреплены, несмотря на неопределенность в мировой экономике. Подобные прогнозы получают подтверждение в последующих исследованиях других авторов [Борзова, Торкунова, Агаев 2018; Яковлев 2019], как и процесс развития стратегии партнерских отношений КНР [Грачиков 2019].

Поступила в редакцию / Received: 21.07.2019

Принята к публикации / Accepted: 13.08.2019

Библиографический список

- Борзова А.Ю., Торкунова Ю.А., Агаев Ю.И. Китай — СЕЛАК: новые тенденции в экономическом сотрудничестве // Латинская Америка. 2018. № 7. С. 32—46. DOI: 10.31857/S0044748X0000022-3
- Грачиков Е.Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993—2018) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 3. С. 83—93. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93
- Яковлев П.П. США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 47—58. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58>
- Yanran Xu. China's Strategic Partnerships in Latin America. Case Studies of China's Oil Diplomacy in Argentina, Brazil, Mexico, and Venezuela, 1991—2015. Lexington Books, 2017. 157 p.

References

- Borzova, A.Yu., Torkunova, Yu.A. & Agayev, Yu.I. (2018). China — SELAK: New Trends in Economic Cooperation. *Latin America*, 7, 32—46. DOI: 10.31857/S0044748X0000022-3 (In Russian).
- Grachikov, E.N. (2019). Chinese Partnership Strategy: Practice and its Conceptualisation (1993—2018). *World Economy and International Relations*, 2018, 63 (3), 83—93. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93 (In Russian).
- Yakovlev, P.P. (2019). USA and China in Latin America: Contours of Competition. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 47—58. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58> (In Russian).
- Yanran Xu. (2017). China's Strategic Partnerships in Latin America. Case Studies of China's Oil Diplomacy in Argentina, Brazil, Mexico, and Venezuela, 1991—2015. Lexington Books.

Сведения об авторе: Борзова Алла Юрьевна — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: borzova-ayu@rudn.ru).

About the author: Borzova Alla Yurievna — PhD in History, Dr. of Science (History), Professor, the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: borzova-ayu@rudn.ru).

КАФЕДРА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РУДН

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР НА ТЕМУ «НЕЗАПАДНЫЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ МО В СТРАНАХ АЗИИ, АФРИКИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ»

2-й год — Индия, Ближний и Средний Восток, Африка

Координатор семинара — к.и.н., ст. преп. кафедры теории и истории международных отношений РУДН О.С. Чикризова

Предыстория: В 2018/2019 учебном году успешно прошел первый год научного семинара. Рассматривалось евразийство как основа российской ТМО (30.10.2018); японские, корейские и монгольские концепции мироустройства (23.11.2018); китайские ТМО (01.03.2019) и концепции международных отношений стран Юго-Восточной Азии (26.04.2019). В мероприятии приняли участие ведущие международники и регионоведы РФ, зарубежных стран, в том числе в формате телемостов.

Проблематика: обсуждаются национальные школы международных отношений и основные концепции и теории мировосприятия в странах «Глобального Юга». В 2019/2020 учебном году акцент будет сделан на странах Ближнего и Среднего Востока (арабские страны, Турция, Иран), Африки, а также Индии. В конце 2020 года будет рассматриваться Латинская Америка.

Участники: представители ведущих вузов РФ (РУДН, МГИМО, МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ), институтов РАН (Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН, Институт Африки РАН), региональных вузов, ученые из стран «Глобального Юга» и ведущие западные исследователи (в формате телемостов).

Итог работы: коллективная научная монография на русском языке (издательство «Аспект Пресс»).

Темы семинаров на 2020 г.:

Февраль 2020 — Международные отношения в арабских странах

Март 2020 — Иранская школа международных отношений

Апрель 2020 — Исследования международных отношений в странах Африки

Координаты:

Чикризова Ольга Сергеевна: chikrizova-os@rudn.ru

Кафедра ТИМО РУДН: humanities.ir@rudn.ru

В 2020 г. в издательстве «Аспект Пресс» выходит коллективная монография «Незападные ТМО. Азиатские, африканские и латиноамериканские концепции мироустройства». Это итог многолетней совместной работы коллектива кафедры ТИМО РУДН с представителями ведущих российских и зарубежных вузов, а также исследователями Российской академии наук.